

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2025 Том 22 № 4

К 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА РУДН ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Приглашенный редактор — *Игорь Владимирович Крупко*

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикеева Улданай Максутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российской Федерации

E-mail: bahktikireeva-um@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канагараджу Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аминева Венера Рудалеяна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российской Федерации

Андрющенко Елена Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Отделом литературы народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российской Федерации

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр РАН, Республика Татарстан, Российской Федерации; профессор, институт русского языка, Российской Федерации

E-mail: arzamazov.a@rudn.ru

Ахмедова Нигора Рахимовна — доктор искусствоведения, профессор, академик, Академия художеств Узбекистана, главный научный сотрудник, Института искусствознания Академии наук Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкоизнания РАН, Москва, Российской Федерации

Бородкова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии; профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия, Абакан, Российской Федерации

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Российской Федерации

Валуйцева Ирина Иванова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российской Федерации

Джусупов Махандет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российской Федерации

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российской Федерации

Кучукова Зуhra Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российской Федерации

Ламажас Чимиза Күдер-оғоловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российской Федерации

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российской Федерации

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошинин Зор Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российской Федерации

Сальникова Екатерина Дмитриевна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, заведующая сектором художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Москва, Российской Федерации

Сулейменова Елеонора Диссеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Султанова Раиза Рифкатовна — доктор искусствоведения, профессор, заведующая центром искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Республика Татарстан, Казань, Российской Федерации

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, заместитель академика-секретаря отделения историко-филологических наук, научный руководитель Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российской Федерации

Хильханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкоизнания РАН, Москва, Российской Федерации

Хугаев Иргиз Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российской Федерации

Хулини Георгий Таймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российской Федерации

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет; Российской Федерации дружбы народов, Москва, Российской Федерации

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Сайт журнала: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (открытый доступ)

4 выпуск в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в pragmatischem аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкоznания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и pragmatischem аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов У.М. Бахтикеева, В.П. Синячкин

Компьютерная верстка Н.В. Маркеловой

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2025. Выход в свет 30.12.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 22,40. Тираж 500 экз. Заказ № 1664. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Volume 22 No. 4 (2025)

ON THE 90th ANNIVERSARY OF RUDN UNIVERSITY
HONORARY DOCTOR OLZHAS SULEIMENOV

Guest Editor — *Igor V. Krupko*

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. Valikova, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: valikova-o@rudn.ru

HONORARY EDITORS

Steven J. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San Antonio, United States of America

Suresh Canagarajah, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Applied Linguistics of English; Director of the Center for Migration Studies, University of Pennsylvania, United States of America

EXECUTIVE SECRETARY

Ulyana V. Ovcharenko, Candidate of Philology, Teacher of Continuing Education, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: ovcharenko-u@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Elena A. Andrushchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Alexey A. Arzamazov, Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Russian Language Institute, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Nigora Akhmedova, Academy of Arts of Uzbekistan; Institute of Art History of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Aisa N. Bitkeeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Tamara G. Borgoyakova, Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology; Khakass State University named after N.F. Katanov, Republic of Khakassia, Abakan, Russian Federation

Prof. Gulchira T. Garipova, Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Ekaterina D. Salnikova, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstan Association of Teachers of Russian Language and Literature; Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Rauza R. Sultanova, Art History Center, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Prof. Valery A. Tishkov, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University; RUDN University, Moscow, Russian Federation

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Journal homepage: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (Open Access)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor I.L. Pankratova

English Text Editors Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin

Computer design N.V. Markelova

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА РУДН ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

- Suleimenov O.O., Bakhtikireeva U.M. (Interviewer).** Olzhas Suleimenov: “I know!...”. Interview for the Special Issue of the Journal ‘Polylinguality and Transcultural Practices’ (Олжас Сулейменов: «Я знаю!...». Интервью для специального номера журнала «Полилингвиальность и транскультурные практики») 733

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ: ЗНАК ИНТЕГРАЛА

- Kairbekov B.** I Seek the Heart of Every Word: for the Presentation of O. Suleimenov’s Book “I Know!...” (Я ищу сердце каждого слова: к презентации книги О. Сулейменова «Я знаю!...») 745

- Krupko I.V.** The Intellectual History of Olzhas Suleimenov’s “AZ i IA” (Интеллектуальная история книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я») 752

- Маничкин Н.А.** Историософский диалог Азии и Африки в мифопоэтике Олжаса Сулейменова 769

- Nurdubaeva A.R.** The Archetypal Invariant of Cyclical: Syntax, Myth and Clan as Topological Models of Continuity Based on the Example of Proto-Turkic Contacts and the Cult of Osiris (Архетипический инвариант цикличности: синтаксис, миф и род как топологические модели непрерывности на примере прототюркских контактов и культа Осириса) 786

- Джусупов М.** О.О. Сулейменов: ÖSIRIS — имя древнеегипетского бога и казахское слово ӨСИРИС (ÖSIRIS) — *возвращение*: слово в пространстве времен и территорий 802

- Zagidullin I.K., Zagidullina D.F.** Tatar Humanitarian Thought and “AZ i IA” by Olzhas Suleimenov (Татарская гуманитарная мысль и «Аз и Я» Олжаса Сулейменова) 822

- Amineva V.R., Ibragimov M.I., Minnullin K.M.** The Significance of O. Suleimenov’s Book “AZ i IA” for Modern Comparative Studies (Значение книги О. Сулейменова «Аз и Я» для современной компартиативистики) 840

- Bakhtikireeva U.M.** My Olzhas in “Numbers...” (Мой Олжас в «Цифрах...») 853

- Валикова О.А.** «Век прозренья»: молодая поэзия Олжаса Сулейменова 860

- Темиргазина З.К., Асельдерова Р.О.** Тюркизмы как лексические маркеры транскультурности в поэме О. Сулейменова «Глиняная книга» 869

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

- Khilkhanova E.V.** Nation-building and Writing System: *Mongol Bichig* in Linguistic Landscape of Ulaanbaatar (Нацестроительство и письменность: *Монгол бичиг* в языковом ландшафте Улан-Батора) 882

- Ламажаа Ч.К.** Терминологические ловушки для российских ученых-билингвов 901

Кобылко Я. Принципы декомпозиции языковой системы, определение оппозиции её элементов и их интеграция в построении лингвистических и вычислительных концепций	927
--	-----

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Косенко В.С. Театральный байопик: поэт Машраб в спектакле «Полеты Машраба» Марка Вайля	942
Кешфидинов Ш.Р. Ханский дворец в Бахчисарае — культурный артефакт и архитектурный экфрасис на материале текстов Пушкина, Бунина, Параджанова	957

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Находкина А.А. Гипонимические трансформации в переводе якутского эпоса олонхо на английский язык	972
---	-----

CONTENTS

ON THE 90th ANNIVERSARY OF RUDN UNIVERSITY HONORARY DOCTOR OLZHAS SULEIMENOV

- Suleimenov O.O., Bakhtikireeva U.M. (Interviewer).** Olzhas Suleimenov: “I know!...”. Interview for the Special Issue of the Journal ‘Polylinguality and Transcultural Practices’ 733

OLZHAS SULEIMENOV: INTEGRAL SIGN

- Kairbekov B.** I seek the Heart of Every Word: for the Presentation of O. Suleimenov’s Book “I Know!...” 745
- Krupko I.V.** The Intellectual History of Olzhas Suleimenov’s “AZ i IA” 752
- Manichkin N.A.** The Historiosophical Dialogue between Asia and Africa in the Mythopoetics of Olzhas Suleimenov 769
- Nurdubaeva A.R.** The Archetypal Invariant of Cyclicity: Syntax, Myth and Clan as Topological Models of Continuity Based on the Example of Proto-Turkic Contacts and the Cult of Osiris 786
- Dzhusupov M.** O.O. Suleimenov: ÖSIRIS — the Name of Ancient Egyptian God and the Kazakh Word ÖCIPIC (ÖSIRIS) — *Growth*: the Word in the Space of Time and Territory 802
- Zagidullin I.K., Zagidullina D.F.** Tatar Humanitarian Thought and “AZ i IA” by Olzhas Suleimenov 822
- Amineva V.R., Ibragimov M.I., Minnullin K.M.** The Significance of O. Suleimenov’s Book “AZ i IA” for Modern Comparative Studies 840
- Bakhtikireeva U.M.** My Olzhas in “Numbers...” 853
- Valikova O.A.** “The Age of Insight”: Young Poetry by Olzhas Suleimenov 860
- Temirgazina Z.K., Aselderova R.O.** The Turkisms as Lexical Indicators of Transculturality in Olzhas Suleimenov’s Poem “The Clay Book” 869

LANGUAGE IN SYSTEM

- Khilkhanova E.V.** Nation-building and Writing System: *Mongol Bichig* in Linguistic Landscape of Ulaanbaatar 882
- Lamazhaa Ch.K.** Terminological Traps for Russian Bilingual Scientists 901
- Kobylko Ya.** Principles of Decomposition of the Language System, Definition of the Opposition of its Elements and their Integration in the Construction of Linguistic and Computational Concepts 927

LITERARY DIMENSION

- Kosenko V.S.** The Poet Mashrab in the Play “Flights of Mashrab” by Mark Weil 942
Keshfidinov Sh.R. The Khan’s Palace in Bakhchisarai — a Cultural Artifact and Architectural Ekphrasis Based on the Texts of Pushkin, Bunin, Parajanov 957

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

- Nakhodkina A.A.** Hyponymic Transformations in the Translation of the Yakut Epic Olonkho into English 972

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-733-744

EDN: EPCM-TV

Редакторская статья / Editorial article

**Olzhas Suleimenov: 'I know!..'.
Interview for the Special Issue of the Journal
'Polylinguality and Transcultural Practices'**

Uldanai M. Bakhtikireeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 bakhtikireeva-um@rudn.ru

For citation: Suleimenov, O.O. "Olzhas Suleimenov: 'I know!..'. Interview for the Special Issue of the Journal 'Polylinguality and Transcultural Practices'." Interview by Uldanai M. Bakhtikireeva. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 733–744. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-733-744>

**Олжас Сулейменов: «Я знаю!..».
Интервью для специального номера журнала
«Полилингвиальность и транскультурные практики»**

У.М. Бахтикеева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 bakhtikireeva-um@rudn.ru

Для цитирования: Олжас Сулейменов: «Я знаю!..». Интервью для специального номера журнала «Полилингвиальность и транскультурные практики» / О.О. Сулейменов; У.М. Бахтикеева, интервьюер // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 733–744. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-733-744>

‘...I have the right to be wrong and to admit it, and to look for new solutions.

I have the opportunity to express my opinions on taboo issues...

*For the path to the essence lies through judgment,
through the tribunal that sits continuously within you of thought.’*

O. Suleimenov

Introducing this interview with an outstanding contemporary figure, I would like to emphasise the indisputable fact that it is impossible to fully comprehend the immensity embodied in the name Olzhas Omarovich Suleimenov. For the current issue of our journal, it seems relevant to note O.O. Suleimenov’s multilingual understanding of unresolved issues in linguistics, literary studies, and interethnocultural communication. His pioneering contribution to the problematic field of linguistics alone — the deciphering of ‘dark places’ in the Old Russian monument ‘The Tale of Igor’s Campaign’ at the beginning of the last quarter of the 20th century — is comparable to the deciphering of ancient Persian cuneiform at the beginning of the 19th century. O.O. Suleimenov enriched literary studies, in particular those investigating the phenomenon of translingual literature, which has now become a highly topical subject of scientific research, with concepts such as ‘borderline layer’, ‘sign of integration between environments’, ‘conductor of the process of cultural interaction’, and others. Without these definitions, it is impossible to conceive of the theory and methodology of a translingual text created by a translingual artist of the word. In one of his greetings at international conferences held at RUDN, Honorary Doctor of this university Olzhas Suleimenov particularly noted the historical significance of the university, which preserves the combination of ‘peoples’ friendship’ in its name. In his work ‘Make Yourself a Friend’ (1996), he writes: ‘Ethnic groups get to know each other through encounters between individuals. Friendship between peoples is an abstract and imprecise concept without the friendship and mutual respect of specific people. <...> The fragmentary information about the past that has been preserved in textbooks is steeped in resentment and war. But the true history is a chronicle of peace, cooperation, and interdependence among peoples since ancient times. It is this chronicle that should be restored!’ And he did restore it, as Chairman of the Russian-speaking group of the UNESCO General Conference, and continues to restore it, heading the International Center for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, calling on peoples and countries ‘through a period of independence’ to move ‘towards an era of conscious interdependence’. Followers of Olzhas’ ideas should continue Olzhasology, studying and verifying the ideas and hypotheses of his brilliant mind, and thus preserve Olzhas Suleimenov as the High One.

Uldanai Bakhtikireeva: *Olzhas Omarovich, the thematic section of our journal features new articles by scholars researching various aspects of your work, your discoveries, and your actions. This year, we celebrated the 50th anniversary*

of the book ‘Az i Ya’. RUDN University took an active part in this. And I believe that in subsequent issues, new research devoted to your scientific and creative activities will be published.

Olzhas Suleimenov: I am grateful to RUDN University and to you.

Not many people have had the opportunity to see their ideas embodied in the structure of this world. But for us, people of words, the main result of creativity is a person who reads you and transforms with you.

In the 20th century, literature was a profession. Perhaps we did not manage to create great literature and write books that will live for centuries throughout humanity, but we did have a great reader at that time.

Of course, these are still difficult times for books. Thirty years ago, independence in social phenomena spread to literature, giving rise to independence from books in society. And in the 21st century, a non-reading generation emerged, raised by the Harlem (not Harvard) education system borrowed from America, raised not to think, but to guess the right answer. Only decisive action by the state to save books will help us survive as a reading nation. Books are the root cause of civilization. Electronics, the internet, artificial intelligence — these are just consequences. A culture that did not give birth to Shakespeare will not produce Newton either.

Will the coming decades be a time of conscious interdependence between books and the nation? They must be, before it is too late.

It is time to return to the best practices of the 20th century. To revive the system of social and state commissions, politics, and culture that once created a country of ‘great readers’.

May the efforts of your university and journal be directed toward this as well, helping our peoples to remain reading nations.

— *Thank you, Olzhas Omarovich. Let me congratulate you on the publication of your new book, ‘I Know!’ Tell me, why is it called that?*

— Because this book describes discoveries that only I know about so far.

We don’t know much about human history. At the beginning of the 19th century, Napoleon opened Egypt to the world, scientists studied the ruins of this country and calculated its approximate age — the 3rd millennium BC. The history of humanity then went back another couple of millennia.

Several millennia ago (I know), humanity was already writing using sign writing.

I entered this topic 65 years ago. And only now have I reached the hidden depths of history. In restoring this knowledge, we had to learn all the available truth about the history of our language, which was once interrupted. We studied the pictorial language of Ancient Egyptian hieroglyphics from the third millennium BC, which most accurately reflected the meaning of the words depicted.

In these drawings, we see the pharaoh, deified as the god of plants and agriculture, **O'siris**, lying on his back. Straight plant shoots sprout through his body.

This Law of Osiris was preserved and passed down through the centuries by the ancient Greeks, who pronounced it with the stress on Osiris. But what did this law mean? For two hundred years, Egyptologists have been unable to decipher this word, which we have only now been able to read, based on the Kazakh language:

ÖSIRÍS — ‘GROWTH’ (Kaz.)

The name of the god of plants turned out to be a formula for active agriculture, recorded as a Law to be spread and preserved for millennia. Only in the Kazakh language have all the components of this concept been preserved:

ÖS’ — ΘC — ‘grow!’ (Kaz.)

ÖSÍR (ΘCÍP) — ‘cultivate!’ (Kaz.)

ÖSIRÍS (ΘCIPÍC) — ‘cultivation’ (Kaz.)

The new book presents the first documented evidence of the history of (proto)Kazakh representatives in Ancient Egypt in the third millennium BC, not as random visitors, but as possible creators of the culture of agriculture.

...Millennia passed, and the people known by the ethnonym ‘Kazakhs’ began to use seasonal steppe plants as fodder for their livestock during their endless migrations. And so they have come down to our times, having lost that great movement of matter and culture that first manifested itself in Ancient Egypt.

I am sure that many scientists around the world will now begin to actively study the Turkic languages. And they will learn that in ancient times, two Turkic peoples distinguished themselves particularly. The Oghuz Turks (4th millennium BC), whose stone steles with inscriptions have survived to this day. And the ancient Kazakhs, whose written monuments of pictorial writing from the 3rd millennium BC are only now being revealed to us.

With the assimilation of this knowledge, a new era of Turkology will begin and an amazing chapter in the written history of humanity will unfold.

— This linguistic phenomenon you have discovered deserves to be included in the list of humanity’s cultural heritage. The discovery of such depths of the Kazakh language, which had been actualized throughout the 20th century, now resonates in the hearts of thousands of Kazakhs who are ready to learn about and believe in their history. To believe in the truth of your lines from times of your youth — ‘the language of our fathers, the language of millennia...’

— To believe and to verify. For millennia, peoples and cultures have come together and drifted apart, preserving evidence of their history in their languages. This is evidenced by the amazing preservation of Kazakh words in Sumerian, ancient Egyptian, Latin, and Old Russian, which we find today.

Can a word survive for so many millennia? It turns out it can. It reflects the first scientific knowledge and great metaphors of antiquity. An era of struggle and interdependence. Their people carried them through the centuries. From combinations of the first signs and knowledge, they created a world. And lived in it. They fought and loved. Everything comes from these concepts. They allow us to live and not die. To be aware and find ourselves. This is perhaps the greatest gift given to man.

— *Olzhas Omarovich, your works often appear at the most important moments for humanity. Now the world is divided again. What will help us continue on our path to the future?*

— This is a question that has been on our minds for several decades.

Once upon a time, we proposed a formula for humanity's path to the future.

...In the fall of 1978, the Union of Writers of the USSR organised another Conference of Writers of Asia and Africa in sunny Tashkent.

I was one of the leaders of the Committee for Relations with Writers of Asian and African Countries. I visited almost sixty countries on these continents over two decades. And that is probably why the leadership of the Union of Writers of the USSR entrusted me with preparing the main report and presenting it at the beginning of the conference. Many leaders of liberation movements from decolonized countries flew in to participate in the discussion of the main issues of the time.

I devoted most of my speech to describing my impressions of visiting some countries that were still colonies at the time. Well-tended, lush plantations. The local population working. Problems, of course, existed, but they were not obvious. Then, a few years after decolonization, I visited again. And I saw a different picture. Tribes were fighting for power. Burned houses, devastated plantations, a hungry, impoverished population. And nearby, similar countries, embittered by independence.

The last colonial empires were collapsing, and the next tasks of cultural construction were coming to the fore. The independence gained by most of the peoples of Asia and Africa did not solve all problems, but it created new ones. In those countries where the tasks of the national liberation movement did not coincide with the tasks of the social liberation struggle, national independence did not free them from economic and cultural dependence. Getting rid of the yoke of the colonizers naturally strengthened the class of 'their own' exploiters. And we witnessed a political paradox: the struggle for national liberation united the people of the colonies, but victory divided them, exposing class and social contradictions.

Such stories had a depressing effect on the audience. The leadership of our Union exchanged glances. I announced the conclusion:

'I want to point out the main mistake of national liberation movements. The main and ultimate goal of decolonization was seen as independence alone. The fighters were not interested in what would happen after the goal was achieved, and this had a devastating effect on the liberation program.'

At the end of the report, I proposed a formula for the way forward, naming another strategic goal for liberation movements:

‘From centuries of dependence,
through a period of independence
to an era of conscious interdependence.’
(Conscious, not imposed interdependence.)

This is not the guesswork of isolated intellectuals. History has led nations to this formula for the future.

We have come to understand that racism and complexes of racial and national inferiority are based on a common foundation: ignorance. Complexes of superiority can only be overcome by conquering complexes of inferiority within ourselves. Independence is only the first step on the path to equality, the beginning of reflection on our own destiny, which is now inseparable from the destiny of the whole world.

Trying for years to understand the complex semantics of the term ‘interdependence’, I find myself looking at the map more and more often.

Kazakhstan is surrounded by neighbouring states of varying sizes. To the west and north, the republic borders on the great Russia, with a common border of more than 7,000 km. Thousands of mountainous kilometers border on the great China. To the south are the active republics of Central Asia. Such surroundings do not promise long independence. Only accelerated interdependence with neighbours is suggested by such geography.

It is time for the world to believe the poets: East and West are two hemispheres of the same brain, and they are interdependent. This model of consciousness is suggested by nature.

It is necessary to support organisations that truly affirm this formula in people's minds. To call on other republics to participate in this. And then we will be able to influence world processes. To affirm peace in people's minds. The emerging corners of the regions will be united by an era of conscious interdependence.

History is made when thousands of rich biographies of peoples are combined into one great biography of humanity. We know that this shared destiny can be cut short in an instant. Gathered over millennia, this destiny can be ended in a matter of seconds. We must do everything possible to delay this moment and, if we are lucky, spare humanity from it, which is the goal of our joint efforts.

— Olzhas Omarovich, in 1987, at the celebration of Mukhtar Auezov's 90th birthday, you said:

‘Over the years, the name of a true artist is freed from titles, and in the East, even from surnames. We simply say: Abai, Khayyam, Mukhtar — without complex figurative constructions that support the name at the proper height. Lamps still need supports. The luminary already does without them. But before rising and establishing

itself in the sky of national culture, a diamond-like fragile source of light must also demonstrate diamond-like hardness, for on its way it collides with the anthracite darkness of our consciousness. And, enlightening, it perishes, or, illuminating, it ascends to immortality.'

Next year, the world will celebrate your 90th birthday. You have long deserved the Nobel Prize. We hope that our states will support this process. But the highest award and recognition you have received is from the people. Over the past decades, Olzhas' name has become one of the most popular in the Kazakh community.

We will not guess how many there are — hundreds or thousands. But we hope that those who have achieved fame will continue the work of the first Olzhas Suleimenov. And this should be reflected in their deeds and actions.

Thank you for the interview.

RU

...Имею право ошибаться и признавать, и искать новые решения.

Имею возможность высказывать свои суждения по табуированным проблемам... Ибо путь к сути лежит через суд, через непрерывно заседающий в тебе трибунал мысли.

O. Сулейменов

Предваряя интервью с выдающимся человеком современности, подчеркну непреложный факт отсутствия возможности обнять необъятное, заключенное в имя собственное Олжас Омарович Сулейменов. Для данного номера нашего журнала актуальным представляется отметить полилингвиальное осмысление О.О. Сулейменовым неразрешенных по сию пору вопросов лингвистики, литературоведения, межэтнокультурной коммуникации. Только один его пионерский вклад в проблемное поле науки о языке — расшифровка «темных мест» в древнерусском памятнике «Слово о Полку Игореве» в начале последней четверти XX в. сравним с дешифровкой древнеперсидской клинописи в начале XIX в. Литературоведческую науку, в частности исследующую явление транслингвальной литературы, ныне ставшей актуальнейшим объектом научных исследований, О.О. Сулейменов обогатил понятиями «пограничный пласт», «знак интеграла между средами», «проводник процесса взаимодействия культур» и др. Без этих определений уже не мыслится теория и методология транслингвального текста, созданного транслингвальным художником слова. В одном из приветствий международных конференций, проводимых в РУДН, Почетный доктор этого вуза — Олжас Сулейменов особо отметил историческую значимость университета, сохраняющего в своем названии сочетание «дружба народов». В произведении «Сотвори себе друга» (1996) он пишет: «Этносы узнают друг друга благодаря встречам отдельных лично-

стей. Дружба народов — понятие абстрактное и неточное без дружбы и взаимоуважения конкретных людей. <...> Отложившиеся в учебниках отрывочные сведения о прошлом настоящи на обидах и войнах. Но подлинная история — это летопись мира, сотрудничества, взаимозависимости народов издревле. Вот эту бы летопись восстановить!». И восстанавливал, и в качестве Председателя русскофонной группы Генеральной Конференции ЮНЕСКО, и продолжает восстанавливать, возглавляя Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, призывая народы и страны «через период независимости» следовать «к эпохе осознанной взаимозависимости». Последователям олжасовских идей следует продолжать Олжасологию, изучать и верифицировать идеи и гипотезы гениального ума, а значит, сохранить Олжаса Сулейменова Высоким.

Улданай Бахтиреева: *Олжас Омарович, в тематической части нашего журнала опубликованы новые статьи ученых, исследующих различные аспекты Вашего творчества, Ваших открытий и поступков. В этом году мы отметили 50-летие книги «Аз и Я». И Российской университет дружбы народов принял в этом активное участие. И полагаю, что в последующих номерах увидят свет новые исследования, посвященные Вашей научно-творческой деятельности.*

Олжас Сулейменов: Я благодарен Российскому университету дружбы народов и Вам.

Немногим довелось увидеть воплощение своих идей в устройстве этого мира. Но для нас, людей слова, главный результат творчества — человек, который читает тебя и преображается вместе с тобой.

В XX веке литература была профессией. Может быть, мы не успели создать великую литературу и написать книги, которые будут жить века во всем человечестве, но великий читатель у нас тогда появился.

Конечно, для книги сейчас продолжается непраздничное время. Тридцать лет назад независимость в социальных явлениях распространилась и на литературу, породив в обществе независимость от книги. И в XXI веке появилось нечитающее поколение, воспитанное заимствованной у Америки «гарлемской» (а не гарвардской) системой образования, воспитанное не думать, а угадывать правильный ответ. Только решительные действия государства по спасению книги помогут нам сохраниться как читающей нации. Книга — первопричина цивилизации. Электроника, интернет, искусственный интеллект — лишь последствие. Культура, не породившая Шекспира, не произведет и Ньютона.

Смогут ли следующие десятилетия стать временем осознанной взаимозависимости книги и нации? Должны, пока еще не совсем поздно.

Время вернуться к лучшему опыту XX столетия. К возрождению системы социального и государственного заказа, политики и культуры, создавших когда-то страну «великого читателя».

Пусть усилия Вашего университета и журнала будут направлены и на это, помогая нашим народам сохраниться как читающим нациям.

— *Спасибо, Олжас Омарович. Позвольте поздравить Вас с выходом в свет новой книги «Я знаю!..». Скажите, почему она так называется?*

— Потому что в этой книге изложены открытия, которые пока знаю только я.

Мы плохо знаем историю человечества. В начале XIX века Наполеон открыл миру Египет, ученые занялись развалинами этой страны и подсчитали ее приблизительный возраст — 3-е тысячелетие до н.э. История человечества тогда углубилась еще на пару тысячелетий.

Несколько тысячелетий назад (я знаю) человечество уже писало, пользуясь знаковым письмом.

Я вошел в эту тему 65 лет назад. И только сейчас добрался до сокровенных глубин истории. Восстанавливая эти знания, нам приходилось узнавать всю доступную правду об истории нашего языка, которая когда-то прервалась. Изучая изобразительный язык рисуночного письма Древнего Египта 3-го тыс. до н.э., который наиболее точно отражал смысл изображаемого слова.

Мы видим на этих рисунках фараона, обожествленного как бога растений и земледелия **O'siris**, лежащего на спине. Через тело его прорастают прямые ростки растений.

Этот Закон Осириса через века сохранили и передали древние греки, произнося ударение — Оси́рис. Но что значил этот закон? За двести лет египтологи так и не расшифровали это слово, прочесть которое нам оказалось возможным только сейчас — опираясь на казахский язык:

ÖSIRÍS — «ВЗРАЩИВАНИЕ» (каз.)

Имя бога растений оказалось формулой активного земледелия, записанной как Закон, чтобы распространяться и сохраняться в тысячелетиях. Только в казахском языке сохранились все составляющие этого понятия:

ÖS' — ΘС — «расти!» (каз.)

ÖSÍR (ΘCÍP) — «возвращай!» (каз.)

ÖSIRÍS (ΘCIPÍC) — «возвращивание» (каз.)

В новой книге приведены эти первые документально датируемые доказательства истории (proto)казахских представителей в Древнем Египте 3-го тысячелетия до н.э. не как случайных гостей, но как возможных создателей культуры земледелия.

...Проходили тысячелетия, народ, именующийся этнонимом «казахи», в бесконечных перекочевках, стал использовать посезонно выраставшие степные растения как подножный корм для скота. И так дошли до наших времен,

утратив то великое движение материи и культуры, которое впервые проявили в Древнем Египте.

Уверен, что теперь многие ученые мира начнут активно изучать тюркские языки. И узнают, что в древности два тюркских народа проявили себя особенно заметно. Тюрки-огузы (IV тыс. до н.э.), чьи каменные стелы с надписями сохранились до наших дней. И древние казахи, чьи письменные памятники изобразительного письма 3-го тыс. до н.э. открываются нам только сейчас.

С усвоения этих знаний начнется новая тюркология и откроется удивительная глава письменной истории человечества.

— *Этот, обнаруженный Вами лингвистический феномен достоин войти в список культурного наследия человечества. «Открытие таких глубин казахского языка, не актуализированных на протяжении XX века», теперь отзывается в сердцах тысяч казахов, готовых узнать и поверить в свою историю. Поверить в истину Ваших юношеских строк — «язык отцов, язык тысячелетий...».*

— Поверить и проверить. Тысячелетиями народы и культуры сближались и расходились, сохраняя в языках свидетельства своей истории. Об этом говорят примеры удивительной сохранности казахских слов в шумерском, древнеегипетском, латинском и древнерусском, которые мы находим сейчас.

Может ли слово сохраняться столько тысячелетий? Оказывается, может. В нем отразились первые научные знания и великие метафоры древности. Эпохи борьбы и взаимозависимости. Их люди пронесли сквозь века. Из сочетаний первых знаков и знаний они создавали мир. И жили в нем. Боролись и любили. Из этих понятий происходит всё. Они позволяют жить и не умирать. Осознавать и обретать себя. Это, может быть, главный дар, данный человеку.

— *Олжас Омарович, Ваши произведения часто появляются в самые важные для человечества моменты. Сейчас мир снова расколот. Что поможет нам продолжить путь в будущее?*

— Это вопрос, который волнует нас уже несколько десятилетий.

Когда-то мы предложили Формулу пути человечества в будущее.

...Осенью 1978 г. в солнечном Ташкенте собралась очередная Конференция писателей стран Азии и Африки, организованная Союзом писателей СССР.

Я был одним из руководителей Комитета по связям с писателями стран Азии и Африки. Посетил почти шестьдесят стран этих континентов за два десятка лет. И, наверное, поэтому руководство Союза писателей СССР поручило мне подготовить основной доклад и выступить с ним в начале конференции. Участвовать в обсуждении основных вопросов времени прилетели многие руководители освободительных движений деколонизированных стран.

Большую часть текста я посвятил изложению впечатлений, полученных от посещения некоторых стран, еще бывших колониями. Ухоженные, тучные

плантации. Работающее местное население. Проблемы, которые, конечно, были, но не бросались в глаза. Потом, через несколько лет после деколонизации, я снова туда приезжал. И видел уже другие картины. Племена боролись за власть. Сожженные дома, опустошенные плантации, голодное, нищее население. А рядом такие же страны, озлобленные независимостью.

Рушились последние колониальные империи и выдвигались на передний план следующие задачи культурного строительства. Независимость, добытая большинством народов Азии и Африки, не разрешила всех проблем, но породила новые. В тех странах, где задачи национально-освободительного движения не совмещались с задачами социально-освободительной борьбы, национальная независимость не освобождала от зависимости экономической и культурной. Избавление от гнета колонизаторов закономерно усилило класс «своих» эксплуататоров. И мы оказались свидетелями политического парадокса — борьба за национальное освобождение сплачивала народ колоний, победа — разъединила, обнажив классовые, социальные противоречия.

Такие рассказы угнетающе действовали на зал. Руководство нашего Союза переглядывалось. Огласил вывод:

«Хочу назвать главную ошибку национально-освободительных движений. Основной и конечной целью деколонизации виделась только Независимость. А что будет после достижения цели, борцов не интересовало, и это губительно сказалось на программе освобождения».

В конце доклада предложил Формулу Пути в будущее, назвав другую стратегическую цель освободительных движений:

**«От веков зависимости,
через период независимости
к эпохе осознанной взаимозависимости».**
(Осознанной, а не навязанной взаимозависимости.)

Это не догадка одиноких интеллектуалов. К такой формуле пути народы привела история.

Мы поняли: расизм и комплекс расовой и национальной неполноценности зиждется на общей основе — на невежестве. Сокрушить комплексы Превосходства можно, лишь победив в себе комплексы Неполноценности. Независимость лишь первый шаг на пути к равенству, начало размышлений о своей судьбе, которая уже неотрывна от судьбы всего мира.

Пытаясь годами понять сложную семантику термина «взаимозависимость», я всё чаще гляжу на карту.

Казахстан окружен разновеликими государствами-соседями. С запада и севера республика соседствует с великой Россией, более 7 тыс. км общая граница. Тысячи горных километров соседства с великим Китаем. На юге — активные республики Средней Азии. Такое окружение не обещает долгой

независимости. Только ускоренная взаимозависимость с соседями подсказываетя такой географией.

Пора миру поверить поэтам: Восток и Запад — это два полушария одного мозга, и они взаимозависимы. Эта модель сознания подсказана природой.

Необходимо поддерживать организации, которые по-настоящему утверждают в сознаниях эту формулу. Призывать другие республики участвовать в этом. И тогда мы сможем влиять на мировые процессы. Утверждать мир в сознании людей. Возникающие углы регионов объединяются эпохой осознанной взаимозависимости.

История совершается, когда сочетаются тысячи насыщенных биографий народов в одну большую биографию человечества. Мы знаем, что эту единую судьбу можно мгновенно сократить. Собранную всем временем в тысячелетиях, эту судьбу за несколько секунд можно прекратить вообще. Необходимо сделать все возможное, чтобы отдалить этот миг, а если повезет, избавить от этого мига человечество, на что и направлены наши общие усилия.

— Олжас Омарович, в 1987 году на праздновании 90-летия Мухтара Ауэзова Вы сказали: «С годами имя истинного художника вообще избавляется от титулатуры, а на Востоке даже от фамилий. Мы говорим просто: Абай, Хайям, Мухтар — без сложныхfigуральных конструкций, поддерживающих имя на должной высоте. Светильники еще нуждаются в подпорках. Светило уже обходится без них. Но прежде чем взойти и утвердиться на небосклоне национальной культуры, алмазно-хрупкий источник света должен проявлять и алмазную твердость, ибо он на своем пути входит в столкновение с антицифровой темнотой наших сознаний. И, просвещая, гибнет или, просветляя, восходит в бессмертие».

В следующем году мир отметит Ваше 90-летие. Давно заслужена и Нобелевская премия. Мы надеемся, что наши государства поддержат этот процесс. Но самая высокая награда и признание получены Вами от народа. За последние десятилетия имя Олжаса стало одним из самых популярных в казахской среде.

Мы не будем гадать сколько их — сотни или тысячи. Но надеемся, что те, кто добивался известности, продолжают дело первого Олжаса Сулейменова. И это должно отражаться в их делах и поступках.

Спасибо Вам за интервью.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ: ЗНАК ИНТЕГРАЛА

OLZHAS SULEIMENOV: INTEGRAL SIGN

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-745-751

EDN: EQLAKS

Essay / Эссе

I Seek the Heart of Every Word: for the Presentation of O. Suleimenov's Book 'I Know'

Bakhyt Kairbekov

Independent Researcher, Almaty, Republic of Kazakhstan
✉ bahit1953@mail.ru

Article history: received 05.09.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kairbekov, B. 2025. "I Seek the Heart of Every Word: for the Presentation of O. Suleimenov's Book 'I Know'." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 745–751. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-745-751>

Я ищу сердце каждого слова: к презентации книги О. Сулейменова «Я знаю»

Бахыт Каирбеков

независимый исследователь, Алматы, Республика Казахстан
✉ bahit1953@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию 05.09.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Каирбеков Б. Я ищу сердце каждого слова: к презентации книги О. Сулейменова «Я знаю» // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 745–751. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-745-751>

*The Romans said:
'ex oriente lux' — 'light is from the East' ...¹*

This expression, of course, refers to the Sun rising in the East, but it also reminds us of the fundamental role of Eastern civilisations in world history.

¹ Paraphrase of the Gospel account of Jesus' birth.

And just recently, two years ago, while preparing for a film about the Sumerians and rereading ‘AZ i IA’, I was surprised to find that I had overlooked the second part of the book ‘Sumer Name’, even though I had read it as a continuation of ‘The Clay Book’. It turned out that the first scandalous part had obscured the second, equally promising part from me.

But even then, the author had already outlined his future research, discovering that

| *Language and hieroglyphic writing were created simultaneously!*

And he finds fertile ground for linguistic constructions in ancient rituals.

Describing the tradition of burial with a metal bowl and beads, which began in Sumer and continued in Central Asia (Issyk, 5th century BC) and Altai, he practically reveals the ancient, forgotten purpose of the Kazakh ritual of ‘shashu’, namely the belief in rebirth. I quote:

| ‘Only the Turks and Mongols continue to carry through the swords of new militant religions the first naive dream of infant humanity, the holy belief in bodily resurrection’.

As is well known, the wedding ritual, like others that mark a person’s transition from one status to another, included the symbolic death of the bride and groom — the loss of their current status in order to gain a new one, namely, to be reborn in a new capacity — as wife and husband. In the same vein, the stages of a baby’s transition from lying down to walking, then in the saddle, and further... on the throne. And further still — participation in military campaigns, inevitable death in battle, and... a funeral ceremony to send them on their long journey. I quote:

| ‘They dressed the deceased in shiny clothes, and, handing him a metal vessel, filled the crypt with round pebbles (stars), erected a mound, placed a statue of the goddess of resurrection on it and placed an exact copy of that vessel in her hands, poured kumis on the fresh earth and prayed:

‘Glorious one! If you are reborn, be reborn on our land.’

I know of only one literary monument that describes the form of the Tengrian rite, which involves a bowl of fiery wine (‘blue wine’), the dome of the night (‘black papoloma’) and stars (‘large pearls’). This is ‘The Tale of Igor’s Campaign’.

Not yet aware of his brother Igor’s defeat, the Grand Prince of Kiev, Svyatoslav Vsevolodovich, has a ‘muddled dream’ in which pearls are poured onto his chest, he is covered with papoloma (cover), and fiery wine is poured for him.

And here is another interpretation of what is practically a funeral rite in the pictorial writing of Ancient Egypt, symbolising not death, but the future rebirth of Osiris, the god of plants and agriculture.

The poet's bold insight, inherent to him, is astonishing, as is his striking ability to move rapidly through time, as if it were so close — the Sumerians, Egypt and the Kazakhs, the Steppe. This is the highest inspiration to penetrate the theme far and wide, from the height of an eagle, from the height of a horseman and a mouse in a burrow.

As was once said, ‘with a mind like a tree’, i.e., a squirrel, vertically from the lower world to the upper, he travels like a Kazakh baksy (shaman).

Studying the pictorial language **of** Ancient Egyptian **hieroglyphics** from the 3rd millennium BC, he penetrates the meaning of the depicted word, namely the sprouting of straight plant shoots through the body of the pharaoh lying on his back, deified as the god of rebirth.

While studying the traditions and rituals of Turkic-speaking peoples, I once attended a Nowruz celebration in Turkey. And I argued with a Turkish expert: which came first — greeting the first rays of the sun, climbing a hill in the steppe, spending the night in vigil by boiling cauldrons with sacrificial food, or how they, the Turks, copying all the actions of nomads in the bosom of nature, practically repeat all the actions, but artificially — in an urban environment.

Two weeks before Nauryz, they plant seeds so that they have time to sprout and decorate the table with green shoots. They add painted eggs to them, then light bonfires, jump over them, and strike iron with a hammer. What does this mean? The bonfire is the Sun warming the snow-covered earth, the hammer blows imitate the rumblings of spring thunder, and jumping over the fire is a purification from the old in order to be renewed along with the earth, which has been revived.

The bright signs of rebirth, Green Grass and Blue Sky, are the ancestors of the Turkic people. It is surprising, but perhaps natural, that blue sky and green grass are called by the same word in all Turkic languages: **kök**.

This word denoted not only colour, but mainly sacred essence: **kök kymbez** (sacred dome) or chosenness: **kökmoinaq** (a special breed of horses); it expressed a high degree of admiration: **kökke koterildi** (he rose!), **kökke құлаш ұрды** (strive for the sublime).

And the sacred animals of the Turks — *the Wolf* and *the Bull* — **kök bori**, **kök øgiz** — are translated as heavenly, divine. The word **kök** expressed *the very beauty, usefulness, value* of something: **kök balausa** — grass in its prime, **kök moyyn** — beautiful neck, **kök möldir** — transparent, clear (spring), **kök naiza** — strong spear, **kök sengir** — high peak.

And how down-to-earth and at the same time sublime the shepherd's dream sounds:

Maldyng auyzy shopke, zhannynq auyzy kokke zhetse — arman-ay!

*'Oh, if only the sheep and horses could taste the first grass,
may my soul taste the high sky!'*

Olzhas is a seer, all-seeing what is in the air, but cannot be grounded in our minds.

There has been much talk about amazing coincidences, for example, the calendar of our ancestors with the 60-year calendar of the Egyptians, the cult of Poplar-Baiterek — a symbol of the ideal vertical — the axis of the three worlds, but it is Olzhas who discovers the law that does not originate in Europe and ancient culture, in the wake of which humanity grew, in an atmosphere of glorification of European culture, but in Egypt, remote not only physically, but also seemingly beyond our conception of the ruined heritage of the great Turks.

We all still live with the awareness that the epicentre of culture originated in Greece and Rome, and we study history according to Plutarch and Tacitus, and philosophy according to Aristotle, Plato and ... any scientific work necessarily begins with an overview of the basics of European culture, with recognised authorities, with quotations from their works.

Let us imagine that we, like our European-educated counterparts, are not surprised that algebra is *al-jabr*, developed by the mathematician al-Khwarizmi... that the first university, the oldest in the world, was the Muslim Al-Karouine in Morocco...

There are plenty of examples of enlightened Asia, or rather the East...

Olzhas Suleimenov reveals to many Russian speaking people that a significant part of Russian words come from the Turkic language, and even coined the term “Turkisms.”

All this has long become common knowledge, but nevertheless, Europe is still the centre of the world, and its ignorant part looks down on Asians with colonial contempt, as if they were barbarians.

I recently read an interesting book about how, from ancient times until almost the 20th century, the Chinese considered everyone who lived beyond the Great Wall of China to be barbarians, even other Chinese people who lived beyond it.

For official China, barbarians are those whom they cannot tax, because they are not citizens of the Celestial Empire. They are elusive in the steppes, like the Kazakh nomads, and most importantly, they cannot be conscripted into the army or forced to serve. How reminiscent this is of our own time, when young people who have evaded military service are considered outsiders, i.e. those same notorious barbarians.

In the 1970s, under Soviet rule, a young poet wonders why the oldest chronicle in the Slavic world contains words that are understandable to Kazakhs but not to all Russian transcribers of this poem, who inevitably become false translators, false patriots of the ancient Russian language, impossible without the heritage passed down to them from close, often warlike relations — as dictated by the era and geopolitics, which still dominate today's disputes over who is the true owner of the land and, therefore, of its riches — energy resources.

Fifty years have passed since then, during which many states have changed their names and political weight and acquired new names and borders. There were no such peoples as the English, French or Germans before, just as there were no Kazakhs. All of these are collective peoples, a fusion of tribes, and Olzhas's appeal to the language that alone has remained true to its roots and represents Ariadne's thread (you see how deeply Eurocentrism is ingrained in us, that we always have to rely on the terms and canons of European culture when making any assertions).

Well, here I am, raised on Eurocentrism, drawing your attention to comparisons and images known from ancient Greek mythology, although, of course, I could find analogies in Sufism, Zen and the Vedas, but that's how we were raised. And I express the meaning of Olzhas' discovery in the words of Shakespeare from Hamlet:

*The thread that binds the days has broken.
How shall I join the fragments?*

Olzhas' Asia takes on new meaning, for it has earned the right to be called the ancient and modern Hippocrene, a source of inspiration for the revival of the ancient cradle of culture on the globe.

Olzhas's appeal to Sumerian culture, to the spiritual roots of ancient Mesopotamia, is a statement of a fact of global significance — the fact of beginning the history of culture as it should be studied. Yes, there were textbooks and seminars on the ancient East, but they were treated as backwaters of the ancient world, as footnotes, acknowledging that yes, there were cultural centres in the East, but '*all roads lead to Rome*'.

This is what still remains in our minds, and we still move contrary to the Sun, not from dawn to dusk, but from west to east. I am reminded of something symbolic: the dreams of Russians since the time of Peter, who opened a window to Europe, to become true Europeans, renouncing Asianism in every way. Hence the failures in studying "The Tale of Igor's Campaign" and everything that constitutes true knowledge of the native language and folklore.

At one time, I was surprised that the famous collector of Russian fairy tales, Afanasyev, did not know how to classify Balda, who easily dealt with devils, into the pantheon of gods headed by Thor, not recognising in his name the instrument — a hammer, an axe. This was because he did not know any Turkic languages.

No Asianism, no Eurocentrism — that is what I saw in Olzhas' joyful epiphany, which revealed direct confirmation of the wisdom that has survived from the ancient times of the Egyptian Empire to the modern Kazakh language.

It is such a great bridge, built by the Kazakh poet over centuries of reverence for Europe (the greatness of which should in no way be diminished), revealing to us the values of the East buried under the sands of time. Olzhas lifts us above all this centuries-old heritage, pointing out that, yes, all this is wonderful, but the light

of culture — our true heritage — begins in Great Asia, at the other pole, where it is high time to shift the centre of gravity and attraction.

Young, blossoming Europe wrinkled its nose as it looked out of the train window at lame, stooped old Asia. It was difficult for a young, selfish person to believe that the wrinkled Baba Yaga was once an energetic, daring beauty. And the heavy jewels she had brought to the train to sell once adorned her supple neck and sparkled on her high chest. Ancient Greece and the elders of Egypt listened to her melodious speech.

Chekhov once said: ‘When Tolstoy is in literature, it is easy and pleasant to be a writer; even knowing that you have done nothing and are doing nothing is not so scary, because Tolstoy does it for everyone’.

I would apply these words today to Olzhas, to the fact that we have him. And that is important.

According to his method of etymology — searching for the heart of each word — let us pay attention to his first and last names and remember:

Oljas — he is young.

Suleiman — Solomon — knows the language of birds.

His poetry is always young and wise. He is true to his principles:

*I will not harm an owl, a crow, or a swan...
To exalt the steppe without humiliating the mountains...
There is no East and no West,
There is only one great word — Earth!*

Olzhas is still young, for he remains true to his talent for marvelling at the invisible and surprising us with his bold insight.

*Poets do not need protection,
God has given them a pen-spear,
The files of their destinies are bound for eternity,
And their craft is shrouded in mystery.
The invisible deck is shuffled,
How the cards will fall is unknown to them, alas,
But gazing into the eyes of the sky,
They trustingly take up the reins
And rule with speech, admiring and loving,
Bathing in the womb of great Memory...
A poet is always a newborn child,
Yes, defenceless —
Conquering the whole world with his smile.²*

² “Poets do not need protection” is a poem by Bakhyt Kairbekov. Editorial note.

Olzhas does not need protection in the form of laudatory articles and superlative epithets. He should be read more often, like a spell, a prayer, a talisman. This is the best glory for a man who works hard so that his labours awaken us not to be lazy and to work together with him!

He constantly calls on us to revive our spirit!

So we must be reborn, grow, nurture others, and thus revive in ourselves the tradition of cultivation, growth — the ascent to the sky of Tengri.

He calls on behalf of the ancient Egyptian god — *os, osir, osiris* болсын! — in his native Kazakh language!

Fifty years ago, he turned me towards our history.

Today, he turned me towards my native language.

Bakhyt Kairbekov

24.08.2025

Almaty

Bio note:

Bakhyt G. Kairbekov is a Poet, Film Director, Screenwriter, Independent Researcher. E-mail: bahit1953@mail.ru

Сведения об авторе:

Каирбеков Баһыт Гафурович — поэт, сценарист, независимый исследователь. E-mail: bahit1953@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-752-768

EDN: EVVCZS

Research article / Научная статья

The Intellectual History of Olzhas Suleimenov's "AZ i IA"

Igor V. Krupko^{ID}

The International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO,

Almaty, Republic of Kazakhstan

✉ tengri95hismatulin@mail.ru

Abstract. This study examines the intellectual history of Olzhas Suleimenov's book "AZ i IA" in 1975–1976. The ideological debate surrounding this book became one of the most resonant in the 20th century, while its historiosophical framework shaped, for decades to come, the formation of historical narratives in Kazakhstan aimed at overcoming the cultural trauma of "ahistoricity" and at acquiring historical subjectivity for the post-nomadic culture of the Kazakhs. It influenced not only public consciousness, but also the axiology of the academic narrative. The study seeks to explore the sociocultural nature and ideological contradictions of the debate provoked by the book "AZ i IA", drawing upon archival and narrative sources, as well as the memoirs of the author and his contemporaries. Taking into account the accusations leveled against Olzhas Suleimenov — of pan-Turkism, Zionism, and skepticism — and analyzing them through such documents as the "Memorandum to the State Committee for Publishing" (*Goskomizdat*), letters of the Soviet party leadership, materials from the discussions of the book at the Academy of Sciences of the USSR, critical reviews, and the course of the debate itself, we arrive at the following conclusions. First, "AZ i IA" exposed the sociocultural nature of ideological consciousness in Soviet society. Second, it vividly demonstrated the ideological contradictions between two overlapping periods in Soviet history: post-Stalinism and the Thaw. On the one hand, the country's ideological leadership stimulated the growth of ethnological consciousness; on the other hand, it curtailed manifestations of subjectivity that exceeded the permitted boundaries of the prescribed status of the "younger brother" and suppressed attempts to rethink the dramatic pages of such kinship. The materials of these ideological debates thus allow us to investigate how the Soviet cultural hierarchy — in the Kazakhstani case — contributed to the formation of a subjectivity that sought to overcome the traumas of post-nomadism while engaging in dialogue with world culture.

Key words: Africa, Asia, Kazakhstan, Olzhas Suleimenov, literature, mythopoetics, poetry, historiosophy, global history, cultural exchange

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. This article was prepared within the framework of the grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN: AP23488969, "The Attainment of Historical Subjectivity and the Overcoming of Cultural Traumas in the Historical Narratives of the Creative Intelligentsia of Kazakhstan (1951–1991)."

For citation: Krupko, I.V. 2025. "The Intellectual History of Olzhas Suleimenov's 'AZ i IA'." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 752–768. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-752-768>

Интеллектуальная история книги Олжаса Сuleйменова «Аз и Я»

И.В. Крупко[✉]

Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы, Республика Казахстан
✉ nes.pilawa@gmail.com

Аннотация. Исследована история книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я» в 1975–1976 гг. Идеологическая дискуссия вокруг этой книги оказалась одной из самых резонансных в XX в., а ее историософия определила на десятилетия вперед формирование в Казахстане исторических нарративов преодоления культурной травмы «внеисторичности» и обретения исторической субъектности посткочевой культуры казахов, повлияв не только на общественное сознание, но и на аксиологию академического нарратива. Цель и задачи исследования — изучение социокультурной природы и идеологических противоречий дискуссии, вызванной книгой «Аз и Я» на материалах архивных и нарративных источников, а также мемуаров автора и его современников. Исходя из обвинений, предъявленных Олжасу Сулейменову (в пантюркизме, сионизме и скептицизме), и анализируя их в таких документах, как «Записка в Госкомиздат», письма высшего партийного руководства СССР, материалы обсуждения книги в Академии наук СССР, критические рецензии и сам ход дискуссии, мы пришли к выводу о том, что «Аз и Я», во-первых, обнажила социокультурную природу идеологического сознания советского общества, а во-вторых, наглядно продемонстрировала идеологические противоречия между двумя длящимися периодами в истории СССР: постсталинизма и оттепели. Идеологическое руководство страны, с одной стороны, стимулировало рост этнонационального самосознания, а с другой — блокировало проявления субъектности, выходящей за дозволенные пределы предписанного статуса «младшего брата», и пресекало попытки осмыслиения драматических страниц истории такого рода. Материалы таких идеологических дискуссий позволяют исследовать, как советская иерархия культур в казахстанском случае сформировала субъектность преодолевающую травмы постномадизма в диалоге с мировой культурой.

Ключевые слова: История Казахстана, советские идеологические дискуссии, Аз и Я, Олжас Сулейменов, историческая субъектность, историография, нарративы, номадизм, седентаризм

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP23488969 «Обретение исторической субъектности и преодоление культурных травм в исторических нарративах творческой интеллигенции Казахстана (1951–1991 гг.)».

Для цитирования: Krupko I.V. The Intellectual History of Olzhas Suleimenov's "AZ i IA" // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 752–768. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-752-768>

Introduction

“...We consider it necessary to inform the Central Committee of the CPSU about the serious ideological errors contained in O. Suleimenov's book “AZ i IA”. *The Book of the Well-Intentioned Reader*. It was published in 1975 by the publishing house “Zhazushy” of the Writers' Union of the Kazakh SSR (print run:

60,000 copies). The author of the book is a well-known poet, who has published several collections of verse both in Kazakhstan and in Moscow, a secretary of the Board of the Writers' Union of the Republic, and a laureate of the Lenin Komsomol Prize and the State Prize of the Kazakh SSR..."¹.

Thus, begins file No. 420, preserved in the Russian State Archive of Contemporary History, containing declassified documents of the Propaganda Department of the CPSU Central Committee. These materials bear witness to the unexpected attention of the Soviet ideological leadership to the new book by the Kazakh poet — a work that, 11 years later, the American journal "Problems of Communism" would list among the five works that had prepared Soviet citizens' consciousness for Perestroika (alongside "The GULAG Archipelago" by A. Solzhenitsyn)².

The result of this attention was a powerful wave of ideological condemnation and debate that swept across the Soviet Union in 1976 in response to the book "*AZ i IA*" — echoes of which can still be distinctly heard today, half a century later. To disentangle the ideological and sociocultural reasons for such extraordinary interest, in "the most reading country in the world", in a work of this genre — a "linguistic-historiosophical detective" whose main protagonists are peoples, cultures, and ideologies — newly available archival documents, as well as narrative sources, prove indispensable. The present article is devoted to their analysis.

In the 20th century, the USSR witnessed several major ideological debates that deeply stirred the consciousness of the intellectual stratum of this "nation of great readers". The discussion of "*AZ i IA*" — a book that transcended many scientific prohibitions canonized during the ideological disputes of the 1920s–1950s, and that for decades to come would shape the narratives of historical subjectivity for the national intelligentsia of the post-Soviet world — has entered the intellectual history of the 20th century. Beyond its factual and philological arguments, through its style of exposition and, at times, in explicit terms, a rare and alluring sense of epistemological doubt. It was precisely this doubt that became the principal target of accusations leveled against the author by the ideological guardians of the time.

Thus, through the language of philological irony and novel etymology, the Kazakh poet initiated a debate on the nature of historical knowledge — knowledge subjected to the "violence of the patriotic approach" — and on the role of ideology in scholarship. He raised questions about the "obscure passages" of "*The Tale of Igor's Campaign*" and the traumatic historical memory of the peoples of the USSR, as well as about the overcoming of the cultural trauma of "ahistoricity" among post-nomadic societies and the interconnected history of the world.

"*AZ i IA*" encompasses a wide range of themes and narratives (the deciphering of the "obscure passages" of "*The Tale of Igor's Campaign*" through Turkic

¹ Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), fond 5, opis' 68, delo 420, list 11.

² Snegirev, V.N. 2020. *Olzhas Suleimenov*. Moscow: Molodaya gvardiya / ZhZL: Biografiya prodolzaetsya...: biogr. ser.; Issue 42. P. 176.

lexemes “invisible” to the monolingual reader; the exposure of paradoxes in imperial literary scholarship; the semiotics of cultural origins in ancient civilizations; explorations of Tengrianism, Sumer, religious symbols, etc.). A detailed analysis of these issues, however, lies beyond the scope of this article. We will focus on those questions that help us better understand the causes and trajectory of the ideological debate surrounding the only Kazakhstani book in history to have touched the consciousness of such a wide audience — from Soviet dissidents to the General Secretary of the CPSU Central Committee, from leading academics and writers to the leadership of the KGB and Western Sovietologists.

Materials and Methods

This article investigates the ideological history of how the Kazakh intelligentsia sought to attain historical subjectivity through the linguistic and poetic works of Olzhas Suleimenov, and in particular through his book “*AZ i IA*”. It is a story of how, following the rupture of its indigenous socio-economic and cultural foundations, the historical subjectivity of Kazakhstani society gradually took shape throughout the 20th century, emerging as one of the trajectories of world cultural development within the “dead knot” of sedentary historiosophy and the cultural hierarchy of “nomadic vs. sedentary”, canonized in the ideological debates of the 1920s–1950s [1. P. 266; 2. P. 125].

The rethinking and overcoming of the cultural trauma of the Kazakhs’ “ahistoricity” as a nomadic people was initiated by segments of the scientific and creative intelligentsia of Kazakhstan in the second half of the 20th century, in their search for a new historical subjectivity. This search was conducted both in alignment with the ideological priorities of the Soviet state (for example, through the construction of the archaeological contours of the cultural heritage of the national republics) and in the form of veiled intellectual protests against these priorities. The pursuit of subjectivity through an internal dialogue with world culture brought together Soviet ethnocultural engineering and the production of symbolic resources of historical legitimacy in the works of the Kazakh intelligentsia of the 20th century — despite the fact that much of this intelligentsia (as in Russia and other Soviet republics) rarely rose, in their reflections, to a level that allowed them to see beyond the immediate contexts of tribal and intra-ethnic conflicts.³

These factors continue to shape the corridor of possibilities and the horizon of expectations of post-Soviet societies to this day.

A decolonial methodological lens is applied to the materials of this article Madina Tlostanova, a scholar of postcolonial and decolonial studies, in analyzing “*AZ i IA*”, describes it as perhaps the first decolonial manifesto of Kazakh culture

³ Suleimenov, O.O. 2023. *Tak bylo...* Almaty: Service press. P. 180.

within the framework of Soviet national policy, articulated through the poetic and etymological dismantling of cultural hierarchies [3. P. 416].

In our own research, we have likewise highlighted the main factor behind the emergence of such intellectual aspirations in Kazakhstani historical science (to a lesser extent) and in the arts (to a greater extent) during the second half of the 20th century. The cultural trauma produced by the long process through which the Kazakh national intelligentsia internalized the Soviet sedentary narrative — and its traumatizing thesis of the “regressiveness” of nomadic culture — was reflected in its works. From the mid-20th century onward, a part of the national intelligentsia of which Olzhas Suleimenov was, and remains, the most prominent representative — engaged in an active process of openly overcoming these hierarchies and ideological priorities through dialogue, creative experimentation, and the re-invention of images of historical subjectivity [2. P. 126].

In his 1977 article “*Nomads and Culture: The Kazakh Experiment*”, published in UNESCO’s journal *Culture* just a year after the ideological campaign against “AZ i IA” and the withdrawal of much of its circulation, Olzhas Suleimenov continued his attack on the sedentary ideology of historical narratives: “Who is the nomad? For a mind shaped by historical scholarship, nomads are wandering hordes who have no concept of borders or land ownership. Cities that were unfortunate enough to stand in their path disappeared from the face of the earth, and everywhere they passed, there left behind a desert. They were unfamiliar with morality or law. And, naturally, they had no knowledge of such lofty categories as faith, honor, conscience, or love...”

I speak as a condemned nomad who demands the right to a final word after the sentence pronounced by historians”⁴.

In “AZ i IA”, the author demanded precisely this right to speak, by tracing within the entanglements of world history the cultural trajectory of nomadism — a trajectory that, at different historical stages, influenced not only military and political developments but also the cultural history of the world. The poet explored an alternative history of human thought — counterposed to the ideological directives of official narratives — embodied, no less than in other traditions, in the signs of the unobjectified culture of nomads. Of course, many genuine scholars who had long engaged with the problems of Turkic nomadism had, since the late 19th century, been overcoming sedentary and Eurocentric prejudices towards their object of study.⁵ Yet in the narratives of historical memory, among the wider reading public, in the sphere of public consciousness, such a hierarchy of cultures, modes of subsistence, and historical “superiority” continued to dominate almost entirely.

⁴ Suleimenov, O. 1990. “Nomads and Culture: The Kazakh Experiment.” *Essay, journalism. Poems, epics. AZ i IA*. Alma-Ata: Zhalyn. P. 38.

⁵ Potanin, G.N. 1893. *Eastern Motifs in Western European Medieval Epic*. Moscow; Radlov, V.V. 1989. *From Siberia. Pages of a Diary*. Moscow: Nauka. 752 p.

In our research we relied on several groups of sources, divided into the following categories:

- 1) *academic (scholarly) works* — ranging from external descriptions of the historical subjectivity of the Kazakhs to the writings of internal producers of historical knowledge and cultural paradigms;
- 2) *texts constituting the public narrative of memory* — publications of the intelligentsia, literary works attempting to comprehend the central problems of Kazakhstan's historical memory, memoirs of representatives of the intelligentsia, and ego-documents;
- 3) *texts of the official narrative (the language of power)* — including certain state programs and national projects that reflected and directed the emphases of historical policy.

All three categories are also represented in archival materials preserved in the holdings of the Central State Archive of Film, Photo, Phonographic Documents and Sound Recordings of the Republic of Kazakhstan (TsGA KFDZ RK) and the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI).

Discussion

Over the past half-century, numerous works have sought to engage with “*The Book of the Well-Intentioned Reader*”, attempting to grasp the heuristic and existential potential of scholarly and creative freedom embedded in the paradoxes of Olzhas Suleimenov’s most candid work.

It is striking how a single book generated a kaleidoscope of polar ideological interpretations — among the “civilian literary critics” of the anti-Suleimenov campaign of 1975–1976, as well as in the writings of later sympathetic scholars. Whereas in the years of ideological persecution the author was simultaneously accused of pan-Turkism, Zionism, and skepticism, in the later historiographic multiverse “*AZ i IA*” has been studied as a linguistic-philosophical treatise on the national self-consciousness of Turkic peoples, the spiritual autobiography of a thinker at the boundary of cultures, the intellectual debut of Central Asia’s decolonial turn, and even a manifesto of Eurasianism. Each interpretation reflects the intellectual disposition of its author, just as the negative reviews once mirrored the fears and “-isms” of Soviet society. In “*AZ i IA*”, as in a mirror of art, the reader sees themselves: in the historical “Az” — the contemporary “Ya”.

In several studies, the arguments of the book are interpreted by researchers as a continuation of the intellectual history of Eurasianism [4]. However, in their article ““*AZ i IA*” by Olzhas Suleimenov in the Context of Eurasian Discourse”, I.V. Likhomanov and V.A. Boiko question the correlation between the author’s cultural-historical conception and the Eurasian ideology of the 1920s–1930s [5]. While acknowledging a number of factual parallels, they nevertheless conclude that there are fundamental ideological differences between the two intellectual traditions:

whereas the roots of early 20th-century Eurasianism are traced by scholars to the post-imperial political revanchism of a segment of the Russian elite, Suleimenov's Eurasianism represents an overcoming of post-imperial hierarchies and the search by the Kazakh intelligentsia for historical subjectivity within the labyrinth of Eurasia's interdependent history, along the pathways leading towards a universal human future.

According to the scholar L.G. Frizman, the book was subjected to ostracism for its highly appealing experiment in free thought, which rejected ideological supervision and internal censorship: “its suppression became an organic part of the total struggle against any manifestations of dissent”.⁶ This dissent is revealed in the book with utmost candor, at times inaccessible even to contemporary historians. By expressing skepticism towards the “patriotic” interpretation of the content of *The Tale* canonized by the academic community, the Kazakhstani poet deconstructed one of the most sacred texts of the canon of historical memory⁷.

This provides an answer to the question posed by Afanasy Mamedov in the discussion of “AZ i IA”: “Why did a book that says nothing about dissidents, Stalin’s camps, psychiatric prisons — a poet’s book about *The Tale* — enter the famous group of five books that prepared the transformation of the Soviet person’s consciousness during perestroika?” [3. P. 416]. The book embodied an authorial poetics of deconstruction and reconstruction of historical foundations, which in the 1970s chose as the object of its etymological analysis the very basis of Russian written culture’s self-consciousness [6].

Scholars suggest that by uncovering the history of cultural interdependence between the Slavic and Turkic worlds — between settled agrarian and nomadic civilizations — Olzhas Suleimenov was “expanding the cultural-historical foundations of the unity of the Soviet people” [5. P. 141], while simultaneously intruding upon ancient Slavic unity with a reinvented Turkic nomadologos. Makhanbet Dzhusupov draws attention to the “bilingual approach of interpreting the essence of the content of ‘The Tale of Igor’s Campaign’”, which thereby reveals previously hidden possibilities for mutual hermeneutics between languages and epochs [7].

In his study of strategies for the search for subjectivity embodied in Kazakhstani literature of the second half of the 20th century, Dmitry Melnikov characterizes Suleimenov’s strategy of acquiring a voice in the ideological debates over historical problems as “a manifesto of a special type of thinking — a multilingual imagination that enhances the reflexive and intuitive meta-level of the literary text” (Melnikov, 2023). Here, seemingly different linguistic and semiotic

⁶ Frizman, L. 2000. “The Troublemaker. O. Suleimenov’s Book “AZ i IA” under Ideological Criticism.” *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no. 55. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/friz.html>

⁷ Suleimenov, O.O. 1975. *AZ i IA*. Alma-Ata: Zhazushy. 304 p. P. 16.

systems, “encountering one another within a single text, create its additional complex dimensions... The languages, as it were, translate each other and generate a supra-language...” [8. P.120].

However, the Soviet ideological language of the hierarchy of ethnocultural subjectivities rejected the very possibility of such intercultural dialogue and of any influence upon the ethnocentric hegemon from the side of the “younger brothers” of the past — particularly within the sacral chronotope of events central to historical memory.

Naomi Caffee, a literary scholar and specialist in Slavic languages and literatures, professor at Reed College (USA), in her article “*Between the First, Second, and Third Worlds: Olzhas Suleimenov and Soviet Postcolonialism*” refers to him as an architect of postcolonial Kazakh identity. Examining his shift in the 1970s from cosmic themes to the linguo-historical focus of “*AZ i IA*”, she notes how the poet “assembled a vast corpus of information on ancient Turkic-centered culture and linguistics, linking the Kazakh steppes and their inhabitants to cultures such as ancient Mesopotamia” [9. P. 91–118]. The author is correct in stressing that all these phenomena cannot be considered outside the ideological context of the “*shestidesiatniki*” movement, the “*thaw*”, and the broader sociocultural processes of the postcolonial world, in which Olzhas Suleimenov actively participated during the 1960–1970s in his capacity as Deputy Chairman of the Soviet Committee for Solidarity with the Countries of Asia and Africa.

According to researchers, the subsequent reaction to the book on the part of the country’s leadership also reflects the contradictions between the late-Stalinist ideological canon (ethnocentrism, imperial orientation, the “reprimanding of nationalities”) and the “left renaissance” of the short-lived thaw, symbolized by the 20th Congress of the CPSU (1956), the support of liberation movements in Asian and African countries, the World Youth Festival in Moscow (1957), and Yuri Gagarin’s flight into space (1961), celebrated in the poem “*Earth, Bow to Man!*” The process of fleeting moments of creative emancipation and cultural rapprochement was a global phenomenon, yet “its Soviet variant possessed specific distinctions determined by the enduring nature of the political regime” [5. P. 141; 10. P. 8].

In 1976, at the height of the ideological campaign condemning “*AZ i IA*” — in the Academy of Sciences of the USSR, at a meeting of the Bureau of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan, and in both printed and unprinted interventions — the journal “*Prostor*” removed an article by Murat Auezov entitled “*Inspired by the Breath of Eternity*”, devoted to the analysis of “*The Book of the Well-Intentioned Reader*”. In this piece, the young candidate of philological sciences, son of the classic Kazakh writer and an emerging public figure, identified the central axiological nerve of the principal monument of Old Russian literature as revealed through the intercultural reading of “*AZ i IA*”: “Stripped of accretions, *The*

Tale appears as a monolithic work of high dramatic resonance. Its universal human significance, as Suleimenov convincingly demonstrates, lies in a central moral problem: “one’s own injustice” (!). This is an exceedingly rare case in world medieval literature of transcending ethnic partialities — an achievement possible only for a truly great artist who loves his people as a part of humankind as a whole”⁸. It should be noted here that the problem of “one’s own injustice” is indeed inconceivable within the group-centered framework of agrarian-traditional consciousness [10. P. 208].

Shortly after the removal of Auezov’s article from print, in a similar manner and within the framework of the anti-Suleimenov campaign, a print run of three thousandth copies of the scholarly volume “Aesthetics of Nomadism”, edited by Murat Auezov and published by the Institute of Philosophy of the Kazakh SSR, was likewise withdrawn — apparently out of excessive precaution — and destroyed on the printing press known as the “Guillotine”.

Equally telling and precise is the characterization of the book offered by Afanasy Mamedov — one that, we are convinced, would be endorsed by all of its reflective readers: “I return to it whenever my ‘self’ treacherously slips away from me” [3. P. 416].

Results

Olzhas Suleimenov deconstructs post-imperial hierarchies of ideologically constructed knowledge about nomadic culture simultaneously on a factually concrete (denotative) and historiosophical (connotative) levels. This is evident even in his reconstruction of a phrase from *The Tale* describing how, after his defeat by the Polovtsians, Prince Igor was forced to move “from the golden saddle to the slave’s saddle”⁹ and to wander with the Polovtsians. The poet’s interest in this example emerged after studying a debate between the Imperial Academy scholars Korsh and Melioransky, which was devoted to clarifying the origin of the term *koshchiy* in *The Tale*. The general conclusion of the scholars was that *koshchiy*, in their view, derived from the word *koshchi* — “slave”, which had been introduced into Old Rus’ through one of the Turkic dialects.

The poet refined the translation of the ancient phrase by proposing an etymology of the word “*koshchiy*” from the archaic Turkic “*köşši*” — “nomad”. Such a rendering — “he moved from the golden saddle to the nomad’s saddle” — was, of course, far more logical, given that *Konchak*, into whose saddle Igor was forced to move, was both a khan and the prince’s father-in-law. This, in turn,

⁸ Auezov, M. 2006. “Inspired by the Breath of Eternity-the Tale.” *Central Asia Monitor: The Book “AZ i IA” of Olzhas as a Forerunner of Kazakhstan’s Sovereignty*, no. 19, p. 8

⁹ Suleimenov, O.O. 2025. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Almaty: Service Press. P. 15.

became the proto-form of the Old Rus' designation for a representative of the “Wild Steppe”, a figure that, in the era of the “three-hundred-year yoke” acquired a fabulous figurativeness. In this way, conceptions of the indestructible nomad were embodied in the folkloric image of *Koshchei the Deathless*, superimposed upon older archetypes.

The rejection of the definition “slave”, even at the level of mistranslations of the ancient text, becomes one of the ways in which post-nomadic culture acquires historical subjectivity.

One of the problems of this semiosis, still insufficiently recognized, was the so-called Sogdian theory of the genesis of Turkic script — refuted in “*AZ i IA*” and in the author’s later works. This theory, formulated in the first half of the 20th century, reflected the same sedentary perspective on the nomadic Turkic peoples. Old Oghuz or Old Turkic, as it was termed by scholars before the First Turkological Congress (Baku, 1926), was considered to have been borrowed in the 5th century CE from Sogdian merchants, whose caravans from Central Asia reached the Mongolian steppes (despite the fact that the Sogdian and Old Turkic alphabets shared only one common letter — М (h)). Within the sedentary worldview, however, the nomadic Turkic peoples were deemed “incapable” of inventing their own writing system.¹⁰ Some contemporary researchers reinforce this skepticism by drawing attention to the numerous descriptive-pictorial and associative-mnemonic signs that could have served as the basis for the earliest logograms, as well as to the fact that Turkic script incorporated certain autochthonous symbols containing genealogical, magical, and cosmogonic semantics [11. P. 5].

The materials of such ideological debates make it possible to examine how the Soviet hierarchy of cultures, aimed at the “instruction of ethnicity,” shaped a traumatized subjectivity of overcoming the “dead-end historical role” imposed by sedentarist historiography.

These examples make it possible to explore the dialectics of the internal boundaries of such historical subjectivity, which balanced within the sedentarist trap between notions of a primordial inability for historical creation (the Sogdian theory of the invention of writing, the stigmatization of nomads as primordial barbarians, etc.) and the appropriation of the cultural heritage of the cities of Central Asia that came to be located within the territory of the Kazakh SSR.

In the ideological foundations of the post-imperial architecture of the first state of universal brotherhood, a hierarchy of destructive inequality was embedded, with a chronometer set for decades of creative unfreedom.

In the most candid chapter of the proscribed book “*AZ i IA*” entitled “*The Right to Error*”, Olzhas Suleimenov returns to the definition of “slave” (a passage readily legible through the lens of subaltern studies), offering an utterly honest delineation

¹⁰ Suleimenov, O.O. 2002. *Turkic peoples in prehistory: On the origins of ancient Turkic languages and scripts*. Almaty: Atamura. P. 5.

of the role of the creator under conditions of ideocracy: "...Here I depend on no one; *here it is interesting to be a slave...*"¹¹

The sensitivity with which the ideological system reacted to such revelations is evidenced by the powerful campaign that unfolded in 1975–1976. In addition to severe reprimands, two public condemnations (the first at Academy of Sciences of the USSR, the second at the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan), and numerous critical publications in journals and newspapers, the author and the book's publishers were spared more serious consequences thanks to the active stance of D.A. Kunaev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Kazakh SSR. Having secured Brezhnev's support in his confrontation with M. Suslov, Secretary of the Central Committee for Ideology, Kunaev preserved not only the disgraced author and the team that published the book, but also himself as the head of the most international of republics – dubbed the "laboratory of the friendship of peoples".¹²

On February 4, 1976, a congress of the Communist Party of Kazakhstan was held in Alma-Ata, at which Olzhas Suleimenov was elected a candidate member of the Central Committee. Immediately after this election, the CPSU Central Committee could no longer apply harsh repressive measures (so as to avoid a "violation of party ethics"). Suslov was forced to shift the condemnation to the level of the Academy of Sciences of the USSR. By that time, however, the wave of discussions had already swept across the "country of the great reader", reaching even its highest leadership and representatives of diverse professional spheres.

In a memorandum preserved in the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR V. Semenov wrote to M.V.Zimyanin, Secretary the CPSU Central Committee: "In fact, this is a genuine sortie of a nationalist, pan-Turkic character, directed against the CPSU line on the further consolidation of the friendship of peoples and Soviet patriotism. O. Suleimenov writes that he has "followers" among the writers of Kazakhstan. This may be aimed at rallying nationalist dissidents."¹³

In a memorandum to the Propaganda Department of the CPSU Central Committee, the Chairman of the USSR State Committee for Publishing, B.I. Stukalin, set out in detail all the ideological "errors" of O. Suleimenov (dated November 26, 1975, No. 354/18). What outraged the ideologists was that the author had questioned the interpretation of the monument as an ancient patriotic epic and "attempts to assert that patriotism is incompatible with objective scientific research", referring also to "the violence of the patriotic approach" and to "the swamp of patriotic scientific works". The Chairman of the State Committee for

¹¹ Suleimenov, O.O. 2025. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Almaty: Service Press. P. 196.

¹² Kunaev, D.A. 1992. *About my time: Memoirs*. Alma-Ata: Dauri, MP "Yntymak", 1992. 312 p.

¹³ Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), fond 5, opis' 68, delo 420, list 11.

Publishing expressed concern that the book might attract the attention of “various anti-Soviet centers abroad”¹⁴, which could use it to critically highlight Soviet nationalities policy. The vigilant Stukalin further listed by name all those “responsible” for the positive assessment of the published book — academic reviewers and journalists: R. Zueva, S. Shteingrud, V. Zlobin, Dzhukebaev and Vladimirov¹⁵.

According to the Chairman of the State Committee for Publishing, a particular insult was inflicted by Olzhas Suleimenov upon Karl Marx, who had once written that “the essence of the poem lies in the calls of the Russian princes for unity in the face of the Mongol invasion”.¹⁶ The poet compared this assertion to a “universal skeleton key” that generations of scholars had employed since their youth to unlock whichever doors they required.

What aroused the indignation of the author of this memorandum was Olzhas Suleimenov’s assessment of historians and Turkologists, whom he regarded as “unable to keep their trousers on without the suspenders of devoted discipleship, endlessly and blindly repeating the offensive truths of their respectable teachers.”¹⁷

It was precisely these individuals who, in close ranks, came on February 13, 1976 to the building of the Department of Social Sciences of the Academy on Volkhonka Street to condemn the author’s scholarly and ideological errors — 47 full members, corresponding members, and doctors of science. The author was accompanied by Sanzhar Zhandosov, head of the Science Department of the Central Committee, and Gennady Tolmachev, deputy editor-in-chief of the publishing house “Zhazushy.”¹⁸

In total, according to the memorandum, 17 speakers took the floor. Notably, D. Likhachev — the leading specialist on *The Tale* — was absent from the discussion. It is possible that, understanding the nature of the forthcoming event, he chose not to participate, mindful of his own experience of censure, but instead submitted a rather restrained written review.¹⁹

The discussion lasted from 9 a.m. to 6 p.m. When, at the end, the author was granted the right to a “final word”, he replied that he agreed with some of his opponents’ remarks, but not with all of them. He categorically rejected the assessment offered by Academician Rybakov: “My entire book is a confession of love for *The Tale*, for Russian culture, to which I myself belong largely through my

¹⁴ Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), fond 5, opis’ 68, delo 420, list 11.

¹⁵ RGANI, fond 5, opis’ 68, delo 420, list 11; Zueva R., and S. Shteingrud. 1975. “Kipchak Words Have Grown into the Slavic Verse.” On the New Book by Olzhas Suleimenov “AZ i IA.” *Leninskaya smena*, vol. 133, July 9.

¹⁶ RGANI, fond 5, opis’ 68, delo 420, list 11.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Suleimenov, O.O. *Tak bylo...* 2023. Almaty: Service press. P. 56.

¹⁹ Likhachev, D.S. 1976. “Hypotheses or Fantasies in the Interpretation of Obscure Passages of ‘The Tale of Igor’s Campaign’.” *Zvezda*, no. 6, pp. 203–210.

upbringing and education. I regret that you did not see this in the book, dear Boris Aleksandrovich. Some people are accustomed to thinking that declarations of love must be made on one's knees".²⁰

Of particular interest is Lev Gumilev's review of "*AZ i IA*" (unknown to most researchers who have written about the book, including the author himself). In it, Gumilev writes not so much about the book itself as he does in an ironic vein about the scandal that erupted within the academic community, while briefly turning to his theory of ethnogenesis and criticizing the critical reviews of "*AZ i IA*".²¹

Probably among the most odious reviews of the book is an article by Yu. Seleznev, one of the "spiritual leaders" of the soil-bound writers, who concluded his piece with a weighty "revelation": "It is difficult to say whether O. Suleimenov will find within himself sufficient strength and talent, sufficient spiritual maturity, to understand the causes and consequences of his "myth-making", to recognize where it leads and to whom it is of benefits."²²

The writer, translator, and chairman of the Union of Russian-language Writers of Israel, David Markish, wrote about the ideological condemnation of "*AZ i IA*" and its author as follows: "Had Olzhas been a Russian, an 'insider', such a scandal would not have erupted: he would merely have been scolded as a 'brash fellow' and his mistakes pointed out... But here it was a Polovtsian, the ancient steppe adversary, who dared to lay hands on the sacred."²³

In the memorandum summarizing the discussion of "*AZ i IA*" at the joint meeting of the Bureau of the Department of Literature and Language and the Bureau of the Department of History of the USSR Academy of Sciences, particular attention was devoted to the criticism of "a phraseology and symbolism alien to us, as internationalists, in relation to the 'historical mission' of the Jewish people". This critique was based on several of Olzhas Suleimenov's historical-linguistic comments concerning certain late Semitic signs of Ancient Near East and the history of the Khazar Khaganate, and led to accusations of the author's "Zionism."²⁴

In the document dated 22 July 1976, submitted to the CPSU Central Committee and signed by Deputy Head of the Propaganda Department G. Smirnov, Head of

²⁰ Suleimenov, O.O. *Tak bylo...* 2023. Almaty: Service press. 16 p.

²¹ Gumilev, L.N. 1975. "Debate with a Poet on the Article by A. Kuzmin 'The Point in a Circle from Which a Burdock Grows'" [*Journal "Molodaya gvardiya"*, no. 12. Available at: <http://www.kulichki.net/~gumilev/articles/Article02.htm>]

²² Seleznev, Yu. 1976. *Myths and Truths*. Moscow, pp. 201–208; Ogryzko, V. 2013. "And the Eternal Struggle: Yuri Seleznev." *Literaturnaya Rossiya*, no. 23. June 7, 2013. Available at: <http://www.litrossia.ru/archive/item/6495-oldarchive>

²³ Markish, D. 2016. "The Steppe Wind of Legend." In *Olzhas i Ya*. Moscow: Khudozhestvennaya literature publ., pp. 199–203.

²⁴ Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN) fond 457. opis' 1. delo 674. list 133; Dmitriev, L., and O. Tvorogov. 1976. "The Tale of Igor's Campaign" in the Interpretation of O. Suleimenov." *Russkaya literature*, pp. 251–258; Kuzmin, A. 1975. *The Point in a Circle from Which a Burdock Grows*. Molodaya gvardiya, no. 12, pp. 270–280.

the Department of Science and Educational Institutions S. Trapeznikov, and Head of the Department of Culture V. Shauro, Suleimenov was accused, among other things, of treating “the history of relations between Turkic tribes and other peoples in a one-sided manner, from extremely objectivist positions”²⁵ It is possible that what was intended here were the poet’s “subjectivist” positions, yet even in this wording — an accidental slip of the socialist realist clerk’s pen — the accusation appears highly characteristic.

The condemnation of the book continued not only in scholarly and ideological writings, but also in works of fiction — for instance, in the novel “*Everything Lies Ahead*”²⁶ by the soil-bound writer Vasily Belov.

At the same time, despite such a powerful ideological campaign, some critics nonetheless acknowledged the author’s right to be correct. Even in the memorandum submitted to the State Committee for Publishing, it was noted that certain of the author’s arguments appeared justified — specifically, his observations concerning “the insufficient scholarly study of the cultural history of Turkic-speaking peoples, the Turkic-Tengrians, the Kipchaks, and the Khazars”, as well as their role “in resisting the aggression of the Arabs, and later the Tatar-Mongols, in the regions of Eastern Europe”.²⁷ The author’s assessment of the nature of “the feudal strife in Rus’ during the 11th–13th centuries — when the position of a particular prince, as well as that of the Polovtsy who participated in these conflicts, was determined not by the opposition of Rus’ to the “steppe”, but by the criteria of internecine struggle”²⁸ — was likewise recognized as valid.

In the course of the discussion (held behind closed doors), leaders of the KGB also took part. According to the recollections of Olzhas Omarovich, after the conclusion of a writers’ plenum in 1976, a man in civilian clothing approached him and asked him come “to see Filipp Denisovich”. This was how Olzhas Suleimenov first met the head of the Fifth “Ideological” Directorate and later Deputy Chairman of the KGB, Filipp Bobkov, who remarked in conversation that he and his colleagues had “carefully studied the book and found nothing objectionable in it. Perhaps it contains certain debatable or mistaken judgments, but those fall outside our jurisdiction. This is a matter for scholarship.”²⁹

The book was not republished until 1990. With the royalties received from the second edition of “AZ i IA”, which had a print run of 200,000 copies, Olzhas Suleimenov purchased and donated eight one-room apartments to students who had participated in the December 1986 events and were returning from prison [4. P. 118].³⁰

²⁵ Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), fond 5. opis’ 68. delo 420. list 27.

²⁶ Belov, V. 1993. *Vsyo vpered*. Roman [*Everything Lies Ahead. A Novel*]. Moscow: Sovremennyi pisatel’ publ. 222 p.

²⁷ RGANI fond 5. opis’ 48. delo 420. list 2.

²⁸ Ibid, list 3.

²⁹ Snegirev, V.N. 2020. *Olzhas Suleimenov*. Moscow: Molodaya gvardiya, issue 42, p. 179.

³⁰ Suleimenov, O.O. 2023. *Tak bylo...* Almaty: Service press, p. 118.

Over time, certain propositions of the book gradually entered the academic narrative, enriching not only “*Slavic studies*” but also other disciplines in the humanities, while “prudently forgetting their origins”. The author’s ideas likewise began to be engaged with by the most forward-thinking scholars [13].

Conclusion

Thus, the debate and condemnation surrounding the book “*AZ i IA*” gave rise to one of the most vivid and significant ideological discussions on historical knowledge. In the course of this debate, not only scholarly issues were at stake, but also human destinies and the potential trajectory of the ideological climate in the Kazakh Soviet Socialist Republic.

The book itself became a multilayered deciphering: first of the “obscure passages” in *The Tale of Igor’s Campaign*, then of the origins of the word and sign as a multicultural logos, and finally — at the stage of public controversy — of the ideological contradictions of the era.

Despite the apparent absurdity of the accusations leveled against the author in 1975–1976, as analyzed in the article, such a reaction of the ideological system was highly characteristic and served as a mirror reflection of the radical epistemological rupture effected in the book. The author’s strategy — an exit from binary oppositions and predetermined ideological trajectories in favor of producing new, alternative forms of knowledge — may be regarded as one of the few successful attempts to reclaim historical subjectivity and to transcend cultural hierarchies, without collapsing into the extremes of glorification or victimization.

The importance of engaging with the intellectual legacy of that tradition — embodied in the works of several prominent figures, the most significant of whom was and remains Olzhas Suleimenov — lies in the fact that contemporary attempts to appropriate and develop decolonial and postcolonial agendas within Kazakhstani humanities, which have intensified over the past decade, appear largely unproductive. This is because they are adopted through external reception, as a form of intellectual fashion, superimposed upon cultural traumas and inherited archetypes of mass consciousness, rather than grounded in the study and assimilation of the intellectual experience of past decades and the ideological debates whose arguments, logic, and paradoxes continue to recur among new post-Soviet generations of a future that has yet to arrive.

References

1. Abylkhozhin, Zh.B., and I.V. Krupko, 2024. “Ideological debates and the search for historical subjectivity in Kazakhstani society in the 20th century.” *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 265–278. (In Russ.) <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15> EDN: IUVNNU Print.
2. Krupko, I.V. 2023. “Reinventing the historical subjectivity of the Kazakhs in the works of Olzhas Suleimenov of the 1960s.” *Ural Historical Journal*, vol. 78, no. 1, pp. 123–132. (In Russ.) [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132) EDN: KYFNAO Print.

3. Tlostanova, M. 2018. "His main target was Eurocentrism." *Olzhas i Ya. Book Two*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 415–436. Print. (In Russ.)
4. Dolzhikov, V.A. 2019. "Eurasian Integral Turkic-Slavism of O. Suleimenov." *Proceedings of the First International Altaic Forum "Turkic-Mongolian World of Greater Altai: Historical and Cultural Heritage and Modernity."* Barnaul-Gorno-Altaysk, September 12–14, 2019. Barnaul: Altai University Press. 396 p. P. 70. EABRFU Print. (In Russ.) EDN: EABRFU
5. Likhomanov, I.V., and V.A. Boiko. 2019. "AZ i IA" by Olzhas Suleimenov in the Context of Eurasian Discourse." *Tomsk State University Journal*, no. 454, pp. 137–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/454/16> EDN: GADFTD Print.
6. Ram H. 2001. "Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Suleimenov's AZ i IA." *Slavic Review*, vol. 60, no. 2, pp. 289–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.2307/2697272> EDN: HACQYP Print.
7. Dzhusupov, M. 2020. "Olzhas Suleimenov's AZ i IA (the gene of disobedience and the gene of justice)." *Foreign Languages in Uzbekistan*, vol. 30, no. 1, pp. 219–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.36078/1586145534> EDN: ZLDBWH Print.
8. Melnikov, D. 2023. "Towards post- / decolonial imagination: Artistic reflection of space and language in post-Soviet Russian-language literature of Kazakhstan." Bissenova A.Zh., et al. *Qazaqstan. Kazakhstan: قازاқстан: Labyrinths of Contemporary Postcolonial Discourse*. Center for Contemporary Culture "Tselinny", Almaty. pp.120–122.
9. Caffee, N. 2020. "Between the First, Second, and Third Worlds: Olzhas Suleimenov and Soviet Postcolonialism, 1961–1973." *Russian Literature*, vol. 111, pp. 91–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.03.004> EDN: FQMIHG Print.
10. Abylkhozhin, Zh.B. 2020. *The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: A series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)*. Almaty: KBTU. 468 p.
11. Manichkin, N.A. 2025. "Interdependent formation: Poetic reinterpretation of symbols and images of historical memory in Kazakhstan." *Asian Journal "Steppe Panorama,"* vol. 2, no. 10, pp. 334–346. (In Russ.) https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346 Print.
12. Preobrazhensky, S.Yu. 2018. "On the imaginary philosophy of O.O. Suleimenov." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 15, no. 3, pp. 406–409. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409> EDN: YLXEZV Print.

Список литературы

1. Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В. Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 265–278. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15> EDN: IUVNNU
2. Крупко И.В. Переизобретение исторической субъектности казахов в творчестве Олжаса Сулейменова 1960-х гг. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 123–132. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132) EDN: KYFNAO
3. Глостанова М. Главной его мишенью был европоцентризм // Олжас и Я. Книга вторая. Москва : Художественная литература, 2018. С. 415–436.
4. Должиков В.А. Евразийский интегральный тюркославизм О. Сулейменова // Материалы Первого Международного алтайского форума «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». 2019. С. 70. EDN: EABRFU
5. Лихоманов И.В., Бойко В.А. «Аз и Я» Олжаса Сулейменова в контексте евразийского дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 137–144. <https://doi.org/10.17223/15617793/454/16> EDN: GADFTD
6. Ram H. Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Suleimenov's AZ i IA // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 2 (Summer). P. 289–311. URL: <http://www.jstor.org/stable/2697272> <https://doi.org/10.2307/2697272> EDN: HACQYP

7. Дұсупов М. «Аз и Я» Олжаса Сулейменова (ген неповиновения и ген справедливости) // Узбекистонда хорижий тиллар. 2020. № 1 (30). С. 219–236. <https://doi.org/10.36078/1586145534> EDN: ZLDBWH
8. Мельников Д. К пост- / деколониальному воображению: Художественная рефлексия пространства и языка в постсоветской русскоязычной литературе Казахстана // Qazaqstan. Казахстан, قازاقستان: лабиринты современного постколониального дискурса / А.Ж. Бисенова и др. Центр современной культуры «Целинный». Алматы, 2023. С.120–122
9. Caffee N. Between First, Second, and Third Worlds: Olzhas Suleimenov and Soviet Postcolonialism, 1961–1973 // Russian Literature. 2020. Vol. 111. P. 91–118. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.03.004> EDN: FQMIHG
10. Абылхажин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обретенных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы : КБТУ, 2020.
11. Маничкин Н. Взаимозависимое становление: поэтическая реинтерпретация символов и образов исторической памяти в Казахстане // Asian Journal “Steppe Panorama”. Вып. 10. № 2. С. 334–346. https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346
12. Преображенский С.Ю. О воображаемой филологии О.О. Сулейменова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 406–409. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409> EDN: YLXEZV

Сведения об авторе:

Крупко Игорь Владимирович — доктор философии в области истории, заместитель директора Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Кунаева, д. 120. ORCID: 0000-0002-5349-0256. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

Bio note:

Igor V. Krupko is a PhD in History, Deputy Director of the International Centre for the Rapprochement of Cultures, Republic of Kazakhstan, 050010, Almaty, 120 Kunaev St. ORCID: 0000-0002-5349-0256. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-769-785

EDN: EWWSMA

Научная статья / Research article

Историософский диалог Азии и Африки в мифопоэтике Олжаса Сuleйменова

Н.А. Маничкин[✉]

Французский институт исследований Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика
 nes.pilawa@gmail.ru

Аннотация. Исследование посвящено двум важнейшим историко-культурным сюжетно-тематическим линиям в литературном творчестве и публичной интеллектуальной активности известного писателя, исследователя и общественного деятеля Олжаса Сулейменова — Африке и Азии. Автором проведен анализ текстов О. Сулейменова и обнаружены основные характерные образы, связанные с Африкой как истоком и прародиной всей человеческой культуры и с Азией как с пространством транскультурных встреч и бурной исторической динамики. Главным вопросом является сущность и характерные методологические подходы историософии Сулейменова. Таковые оказываются укорененными в мифопоэтике, позволяющей писателю обращаться к глубинам созидающего культуру человеческого существа и глобальным процессам взаимозависимости. Автор вписывает идеи Сулейменова в этнографию и мифологию африканского и азиатского континентов и помещает их в широкий гуманитарно-философский контекст, что позволяет обнаружить, с одной стороны, историческую и социальную глубину в творчестве казахстанского мастера, а с другой — новые связи и свидетельства культурного обмена.

Ключевые слова: Африка, Азия, Казахстан, Олжас Сулейменов, литература, мифопоэтика, поэзия, историософия, глобальная история, культурный обмен

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP23488969 «Обретение исторической субъектности и преодоление культурных травм в исторических нарративах творческой интеллигенции Казахстана (1951–1991 гг.)».

Для цитирования: Маничкин Н.А. Историософский диалог Азии и Африки в мифопоэтике Олжаса Сулейменова // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 769–785. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-769-785>

The Historiosophical Dialogue Between Asia and Africa in the Mythopoetics of Olzhas Suleimenov

Nestor A. Manichkin^{ID}

French Institute for Central Asian Studies (IFEAC), Bishkek, Kyrgyz Republic
✉ nes.pilawa@gmail.ru

Abstract. This study examines two of the most significant historical and cultural thematic lines in the literary work and public intellectual activity of the Kazakh writer, scholar, and public figure Olzhas Suleimenov — Africa and Asia. Through an analysis of Suleimenov's texts, the author identifies key characteristic images: Africa as the origin and cradle of all human culture, and Asia as a space of transcultural encounters and turbulent historical dynamics. The central question of the research concerns the nature and methodological foundations of Suleimenov's historiosophy. His approach is shown to be rooted in mythopoetics, which allows the writer to engage both with the depths of the creative human being and with global processes of interdependence. The author situates Suleimenov's ideas within the ethnography and mythology of the African and Asian continents and places them in a broader humanistic and philosophical context. This approach reveals both the historical and social depth of Suleimenov's work and new connections and evidence of cultural exchange.

Key words: Africa, Asia, Kazakhstan, Olzhas Suleimenov, literature, mythopoetics, poetry, historiosophy, global history, cultural exchange

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. This article was prepared within the framework of the grant funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN: AP23488969, “Attaining Historical Subjectivity and Overcoming Cultural Traumas in the Historical Narratives of Kazakhstan’s Creative Intelligentsia (1951–1991).”

For citation: Manichkin, N.A. 2025. “The Historiosophical Dialogue between Asia and Africa in the Mythopoetics of Olzhas Suleimenov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 769–785. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-769-785>

Введение

Взаимозависимость и взаимосвязанность сущего, будь это политические процессы, история письменности или становление человека на фоне взаимодействия множества культур и сообществ, — это один из базовых посылов в творчестве Олжаса Сулейменова, известного казахского писателя, еще в XX в. причисленного к классикам современности, поэта, который в своей работе сочетает художественную литературу и публицистику, поэзию и прозу, общественный активизм и дипломатию. Олжас Сулейменов, кроме прочего, ведет исследования в области глобальной истории языков, символов и символических систем, и хотя его нельзя назвать академическим исследователем в строгом смысле слова, его открытия, выводы и подходы вот уже более полувека оказывают влияние как на ученых-гуманитариев, в особенности из литературоведческой, исторической и культурологической среды, так и непосредственно широкий круг читателей. Начиная с момента публикации труда Сулейменова

«Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» в 1975 г., где он предложил полилингвальный и транслингвальный подход к прочтению знаменитого памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в те времена подход для кабинетной славистики и тюркологии если не революционный, то подрывной, и вплоть до наших дней Сулейменов остается одним из наиболее читаемых в Центральной Азии и во всем русскоязычном пространстве бывшего СССР авторов, которые касаются социально чувствительных и исторически важных тем. Настоящая статья преследует своей целью выявить и проанализировать одну из основных тем и интенций в творчестве Олжаса Сулейменова, а именно — осознание глобальных связей, общности судеб людей и обществ, языков и культур, человечества и природы. Сделать это предполагается на примере двух определяющих его творчество линий — главной линии, связанной с историей и культурами Азии, и весьма значимой линии Африки. При этом непосредственно тексты Сулейменова должны быть вписаны в широкую трансдисциплинарную перспективу с параллелями из независимых и новых источников, что позволит сохранить диалогичность и обнаружить новые связи.

Теме взаимообусловленности посвящено множество работ разного времени, из века в век она по-разному звучит в различных теориях, гипотезах и методологиях. Сулейменов подходит к этой теме как гуманист, но гуманист далеко за пределами антропоцентризма и антропоморфизма. Человек и язык, с его точки зрения, представляют собой единый бытийный феномен, неотрывно интегрированный в драму существования, которая раскрывает себя в соцветии культур и исторических достижений. При этом человек остается тайной, загадочным иероглифом, прочитывающим самое себя в каждую историческую эпоху с новым смыслом: «Мы всякий раз заблуждались, когда нам казалось, будто мы прочли его» [1. С. 205]. Примечательно, что такой взгляд на человека и историю можно обнаружить еще в донаучных концепциях, в толще мифа и мифопоэзии, а именно эти сферы обычно становятся главными исследовательскими объектами казахского писателя. Здесь уместно вспомнить существующую в культурах банту этнометафизическую и историософскую идею узла, или *zita*, описываемую литературоведом Донато Фунсу как перекресток (выбор пути), искусство переноса (метафоры) или диалог вещей, порождающий новые формы. Транскультурность или гибридность этих форм, а также сама их историческая динамика объясняется тем, что в процессе образования узла феномены смыкаются (на киконго: куканга) или размыкаются (на киконго: кукутула) друг с другом [2. С. 2]. Думается, эта оптика будет не только оптимальной для того, чтобы описать мифопоэтическую историософию Олжаса Сулейменова с методологической точки зрения, но также уместной в том смысле, что сам он постоянно указывает на глобальные исторические связи Азии и Африки, континентов, подаривших человечеству первые мифы и древнейшие символические системы.

Следует также отметить, что тема глобальных связей стала одной из центральных в гуманитарных исследованиях во второй половине прошлого века, когда после двух опустошающих мировых войн человечество, казалось, стало обращать свое внимание больше на то, что нас всех объединяет, а не на то, что разъединяет. Во второй половине XX в., в том числе благодаря развитию семиотики и кибернетики, человек-иероглиф отчетливо предстал в качестве информационного феномена, в виде элемента необъятной сети значений. На смену структуралистской дихотомии «природа — культура» пришли новые понятия, такие как экосистема, экосфера, экосемиосфера, а социум был описан в контексте коммуникации и информационных процессов. Сеть, где «все связано со всем» [3], стала важнейшей социологической метафорой. Позднее эти идеи получили развитие и оформились в акторно-сетевую теорию Бруно Латура, одну из наиболее влиятельных интеллектуальных школ, сосредоточенную на том, чтобы вернуть социальным наукам способность прослеживать связи в «жизни сообща» [4]. Анализируя экологические кризисы и коллективные травмы современности, Латур предложил отказаться от устаревшей модели «великого разделения» — жёсткой дихотомии между культурно-технологическим и природно-негуманным. Поскольку все элементы мира взаимосвязаны, ключевым становится признание этой взаимозависимости как условия для продуктивного и необходимого переосмысления прошлого и будущего. Его открытия подвергли критическому пересмотру особый статус науки, показав, что её функционирование ничем принципиально не отличается от других социальных процессов. На первый план выходит идея симметричного участия как человеческих, так и нечеловеческих акторов в производстве того, что мы традиционно обозначаем как природу, общество, структуру, истину, заблуждение или субъективность. В этом контексте животные, обладающие собственными сигнальными и знаковыми системами, и небесные тела, несущие свет и вдохновение, рассматриваются как полноправные агенты знания — активные участники культурных, коммуникативных и исторических процессов. Излишне говорить об остройшей актуальности такого подхода сейчас — в эпоху глобальных военно-политических и экологических кризисов. Именно этот подход, вне связи с Латуром и другими его теоретиками, лежит в основе историософии Олжаса Сuleйменова. Для того чтобы почертнуть из нее позитивные и полезные знания, мы должны ответить на вопрос о природе и структуре глобальных связей, как они видятся казахскому писателю.

Результаты и обсуждение

Формирование историко-философского мышления О. Сулейменова уходит корнями в поэтическое мироощущение. Он описывает ключевой момент своего интеллектуального прозрения, произошедший во время пребывания в составе советской делегации в Кении в 1971 г.: ранним утром, наблюдая

тонкий серп луны, лежащий «на спине», — так, как он виден в экваториальных широтах, — поэт осознал его первозданный символизм. «И я представил, какое впечатление такая луна могла производить на начальное человечество. С каким предметом или существом на земле можно было сравнить это явление? Только с рогами буйвола!» — вспоминал Сулейменов [1. С. 115]. Это об разное озарение стало для него основанием гипотезы о том, что именно луна, сопоставленная с рогами быка, а не солнце, была первым объектом обожествления у древнего человека в Африке; в то время как кульп солнца, изнурительно агрессивного в этих широтах, сформировался значительно позже.

Такое небесное откровение наводит на параллели с философской традицией, в частности с гераклитовским представлением о начале мышления как внезапном просветлении, подобном удару молнии, «управляющей всем сущим», которая в одночасье выявляет и темноту, и освещённость, раскрывая единство и соразмерность мироздания [5]. В этом же контексте вспоминаются и размышления М. Хайдеггера над стихами Фридриха Гёльдерлина, где звёзды трактуются как поэтические сверстники человека, а поэт — как посредник между древностью и современностью, носитель онтологического света, явленного впервые в мифе, а затем — в философии и языке. Именно язык, по мысли Хайдеггера, есть «дом бытия», хранителями которого выступают поэты [6]. Следовательно, если человек действительно «поэтически обитает на земле», как утверждал Гёльдерлин, то именно поэтам и философам — а не сугубо академическим специалистам — под силу выявлять и артикулировать универсальные смыслы, придающие глубину человеческому существованию. Эта мысль резонирует с оценкой постколониального теоретика М. Тлостановой, согласно которой поэтическая природа Сулейменова обеспечила ему «способность видеть и чувствовать больше, чем это доступно большинству учёных с их приземлённым позитивистским мышлением»¹.

Связь Луны и Солнца с древними космогоническими мифами Африки, участие этих светил в творении мира и человека прослеживается в дошедших до наших дней традиционных знаниях, обрядах и сакральном символизме. В качестве примера можно привести миф народа фон, сотворившего цивилизацию Дагомеи, а ныне преимущественно населяющего Республику Бенин. Этот миф, восходящий, вероятно, к древней мифологии йоруба [7], гласит о начале вселенской истории из творческого акта андрогинного демиурга Маву-Лиса, соотносящегося частями своего космического естества с Луной и Солнцем [8]. Все мы знаем из школьных учебников, что Африка является прародиной человека, и все же мировая история культуры и цивилизации все еще находится в плена европоцентричной парадигмы, отказывающей этому

¹ Тлостанова М. Главной его мишенью был европоцентризм // Московский книжный журнал. 2012. URL: <https://morebook.ru/tema/segodnja/item/1346433186554> (дата обращения: 16.07.2025).

континенту в наиболее существенных достижениях социального и культурного развития. В качестве исключения, обусловленного благоприятными природными возможностями, рассматривается только Древний Египет. Сулейменов «реабилитирует» субсахарскую Африку, обнаруживая в ней первые знаки, истоки букв и цифр. На сегодняшний день накопленный корпус научных данных позволяет уверенно говорить о том, что истоки ранних форм числовой записи и систем исчисления берут своё начало на африканском континенте, предшествуя ближневосточным разработкам как по хронологии, так и по признакам структурной организации. Речь идёт не только об изолированных артефактах, но и о существовании в Африке древнейших культурных центров, в которых развивались подобные практики [9]. Особое внимание исследователей привлекает так называемая кость Лебомбо — малоберцовая кость павиана с регулярными зарубками, обнаруженная в одноимённых горах на границе современной Южной Африки и Эсватини. Некоторые интерпретации допускают, что данный предмет служил инструментом учёта лунных циклов, вероятно, соотнесённых с женской менструацией. Если это предположение верно, то первые формы математической систематизации могли возникнуть в контексте женского телесного опыта, а следовательно, праматематиками выступали древние африканки [10].

Здесь интересна связь лунных культов и протоматематических знаний с концепцией Олжаса Сулейменова о первом иероглифе, появившемся в Африке из образа рогов быка, символически отражающих видимое в экваториальных широтах положение полумесяца. Очевидно, данная интуиция писателя в ее широком значении может получить подтверждение или развитие в ходе дальнейших исследований, хотя ее отдельные, выдержаные в духе климатического детерминизма выводы, такие как отсутствие древнего культа солнца в «горячей» Тропической Африке, представляются слишком категорическими и скоропалительными. Они не соответствуют практикам поклонения Олоруну у народа *йоруба*, Сегбо-Лисса *у фон*, Ликубе/Ливелено *у ньямвези* и т.д. Географический и климатический детерминизм в целом отвергнут современной исторической наукой и антропологией. При этом следует отметить, что лунное озарение Сулейменова соответствует мифологическому материалу народов Западной Африки в том смысле, что кульп Луны действительно связывается с более древними практиками и легендарной эпохой матриархата. Так, солярный Лисса, или Сегбо-Лисса, является *водуном* (божеством) Творения, отцом и предком всех остальных существ, но находится, тем не менее, на вторичной хронологической позиции после лунного божества Маву. Сегбо-Лисса, согласно некоторым версиям, пришел в культуру *фон* от *йоруба*, из очага древнего культа *оришией*, священного города Иле-Ифе, и вероятно, является инвариацией божества Обатала. Если Лисса олицетворяет Солнце, труд, социальный порядок и небесный свод, то Маву связана с доисторической

бездной, древностью, живыми витальными энергиями, свежестью и удовольствиями жизни. Интересно, что Сегбо-Лисса послал на помощь первым людям хамелеона, ставшего со временем одним из религиозных символов традиции вуду и изображаемого в современных храмах Бенина как ящерица с золотым шаром Солнца во рту — символ, который в духе сулейменовской эстетики связывает «иероглифическое» тело животного с речью и астрономией.

Современные африканские исследования, равно как и историософские подходы Олжаса Сулейменова, акцентируют участие нечеловеческих агентов, таких как природные среды и светила, в развитии человеческой истории и культуры. Эта линия является одной из самых актуальных в постструктураллистских изысканиях. Академическое письмо, даже наиболее литературное антропологическое письмо, не всегда справляется с такими целями, в то время как имеющая синтетическую силу поэзия — словно создана для них. В «Африканских ритмах» Сулейменова небесные сила, пространственная геометрия и эрос образуют тугой этнографический узел, где сакральное завязано и переплетено с бытовым:

*В этой деревне конусом хижины,
того на бедрах солнце расстелено,
вон крокодилы смотрят обиженно.
Слушай — поэты хохочут растерянно².*

В древнем вудуистском мифе звезды были детьми Луны и Солнца — Маву и Лисса. Они же, «поэтические сверстники» и собеседники сказителей, пропступают каплями пота на напряженном теле человека-иероглифа, ставшего макрокосмосом афроамериканца из Нового Света:

*Вышел из зала;
небо как негр,
звезды как пот на щеках барабанища,
градусов семьдесят по Фаренгейту,
парни, похожие на карманчиков,
пьяные,
с тусклыми лицами гениев,
в бары заносят плотные тени.
Бары в подвалах, как бомбоубежище³.*

Знак, будь это слово или цифра, генетически связанный с астрономией и мифологией, для Олжаса Сулейменова является одновременно методом, субстанцией и концепцией. Оспаривая принятые догмы мировой лингвистики,

² Сулейменов О. О. Избранное. Москва : Художественная литература, 1986. С. 134.

³ Там же.

и особенно тюркологии, он пересматривает бытующие или, лучше сказать, довлеющие исторические образы Африки и Азии. Он отрицает утверждение о том, что евразийские кочевники были не способны создать собственную систему письма и якобы переняли алфавит у согдийских купцов. Сулейменов обращает внимание на присутствие в тюркской рунической письменности знаков, происхождение которых невозможно отнести к V в. и тем более к согдийскому письму, берущему начало в арамейской традиции. По его мнению, некоторые иероглифические символы, воспроизводящие образы небесных тел, свидетельствуют о значительно более глубоком хронологическом корне тюркской письменности [1. С. 142–143]. Хотя гипотеза о заимствовании тюркской письменности остается в научном сообществе преобладающей, отдельные исследователи выражают сомнение в её абсолютности, обращая внимание на элементы описательно-изобразительного характера и знаки, обладающие ассоциативно-мнемоническими функциями, которые могли бы лежать в основу ранних логограмм [11]. По крайней мере, нельзя исключать возможность того, что наряду с согдийскими элементами в тюркской графике присутствуют также автохтонные символы, восходящие к доалфавитным, геометрическим и астрономическим формам, несущим не только звездную символику, но и родовую, геомантическую или магическую нагрузку.

Тем временем в тюркологии, особенно в области древних систем письма, сохраняется целый ряд нерешённых вопросов: многие находки до сих пор лишены единой интерпретации. Так, таинственная таласская руническая палочка продолжает оставаться предметом споров — исследователи выдвинули более десятка вариантов прочтения, однако ни один из них не получил общего признания. Подобная ситуация складывается и вокруг иссыкской надписи, выгравированной на серебряной чаше из знаменитого захоронения «Золотого человека». Следует отметить, что первую попытку её дешифровки предпринял сам Сулейменов [12]. Его критика в адрес современной тюркологической науки может вызывать разные отклики, однако трудно не согласиться с тем, что определённая инерция и застой в исследованиях нередко обусловлены излишней догматичностью и чрезмерной фрагментарностью научных подходов. Многие специалисты с трудом принимают междисциплинарные и гибридные методы, ограничивая потенциал развития исследований. Бессспорно, развитие научного знания определяется не только эмпирическими наблюдениями и рациональным анализом, но также культурными установками, преобладающими в разных исторических контекстах.

Если в «Аз и Я» Олжас Сулейменов противостоял шовинистическим и европоцентристским академическим нарративам через призму «животворящего космоса», то в последующих работах — в том числе в новой книге «Я знаю!..» — он ещё ярче и смелее реализует идею «кочующего самопознания», в котором встреча с Другим становится формой узнавания себя. Его

подход принципиально отличается от банальной идеализации национального прошлого или патриархальных истоков. В противовес как замкнутому, конфликтогенному национализму, так и политически ангажированному евразийству имперского извода, Сулейменов предлагает образ мышления, ориентированный на транснациональные и транскультурные связи, на широкое и глобальное культурное сознание. Между тем антиимперскость необязательно должна основываться на этническом национализме. Более того, антиимперские интеллектуалы, творившие национальные литературы позднего СССР, зачастую были если не космополитами, то интернационалистами. Важность открытости к глобальному подчеркивается в знаменитой поэме О. Сулейменова «Земля, поклонись человеку!», строки из которой прозвучали в фильме, посвященном V Конференции писателей стран Азии и Африки:

...*Mир,*
Земля,
Шар земной —
Сочетание слов,
Сочетанье народов.
Мечей
И судеб.
Сколько твёрдых копыт
Над тобой пронесло!
Все пустыни твои
Нас, безжалостных, судят [13. С. 213].

В этой поэме, как и в других своих произведениях, писатель не стесняется критиковать человека как исторического актора в целом и родных, прославляемых им тюрков-кочевников, в частности. Олжас Сулейменов далек от плоского морализаторства, он пишет объемно, рисует сложностную и противоречивую судьбу человеческого рода — «железных карликов», топчущих Землю. Он восхищается достижениями культуры и цивилизации, но в то же время озабочен экологическим запустением, которое эти достижения провоцируют. Техника, политика и власть в творчестве Сулейменова — притягательные, однако опасные и неоднозначные материи. Внутри них, как и внутри беспокойного человеческого существа, он видит экзистенциальную драму, философское содержание которой вновь отсылает нас к Мартину Хайдеггеру, разгляделвшему онтологические истоки ядерного оружия в Элладе и философии Парменида. У Сулейменова это историческое беспокойство, содержащее в себе как достоинство, так и риски человеческой истории, как ее великие достижения, так и ее кровавые деяния, красочно выражается через глобальную историю Великой Степи, смотревшей на мир «сквозь бойницы глаз».

Историософский диалог Африки и Азии и новые «рифмы мира» в мифопоэтике этих континентов продолжает образ древнего шамана Коркута, в

котором Олжас Сулейменов узнает египетского солярного бога Гора — Хорахте. В 1969 г. Олжас Сулейменов создал поэму «Глиняная книга». Она стала его ответом на официальный заказ властей — создать крупное поэтическое произведение к 100-летию со дня рождения Ленина. Вместо прямого прославления партийной линии поэт представил философское и многослойное произведение, которое впоследствии критики назовут «величайшей поэмой советской эпохи». Один из центральных образов — Коркут, выведенный под именем египетского божества Хор-ахте. В поэме он предстает как мудрый и древний судья, который, не раскрывая глаз, вершит справедливость и наполняет всё происходящее тревожным напряжением. Его молчаливое присутствие оказывает гипнотическое воздействие на участников сцены, вызывая у них глубокий страх:

*О, не встречайтесь с этим взглядом жутким,
сочившимся сквозь дебрь витых мориzin,
так ночью на оленя смотрят джунгли, —
все видящий, незримый миру джин⁴.*

Когда Хор-ахте пробудился, чтобы произнести приговор, он запел — и пел, покачиваясь, но никто не мог его понять: речь его звучала на древнеегипетском. В этом образе Сулейменов передаёт фигуру дремлющего (то есть ни живого, ни мёртвого) божества, уставшего от веков, которое остаётся молчаливым свидетелем истории. Это символ замкнутого движения времени, возращения к началу, где таятся ответы на извечные вопросы бытия, природы и человека. Его можно назвать тем самым иерогlyphическим «узлом», где связываются и развязываются, скрываются и открываются движения истории. Постижение этих связей требует обращения к мифологии и философии древности.

Согласно широко известной в Казахстане легенде, Коркут, оседлав верблюдицу, отправляется к четырём краям света. В каждом он находит людей, выкапывающих яму, и на его вопрос те отвечают: это могила для него. Возвратившись к Сырдарье, он расстилает ковёр по воде и, сев на него, беспрерывно играет на кобызее, отгоняя смерть мелодией. Но когда он, изнурённый, засыпает, смерть, приняв форму водяной змеи, жалит его. Олжас Сулейменов, анализируя эту историю, усматривает в ней черты древнеегипетского мифа о заходящем солнце и ощущение неизбежности, порождённое приближением старости [1. С. 181]. В этом переосмыслении прослеживается чёткая символическая параллель: заход солнца соотносится со старостью Коркута, его борьба с горизонтом — с попыткой отогнать смерть, а водяная змея, укусившая его, — это египетский Апоп. Единственным новым элементом в

⁴ Сулейменов О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. С. 170.

центральноазиатском варианте по сравнению с африканским мифом стал кобыз. Коркут почитается прародителем казахских *жырау* и шаманов *баксы* [14]; его нельзя отнести ни к живым, ни к мёртвым, ибо он — шаман, обитающий сразу в обоих мирах. Его странствия по четырём сторонам света символизируют поиск божественного начала, скрытого в человеке, обнаружение небес в земной форме, а потому философ Ауэзхан Кодар интерпретирует эту легенду как экзистенциальную аллегорию конечности человеческого существования [15. С. 121–131].

В интерпретации Сулейменова речь идёт не только оозвучиях имен или схожести сюжетов. Взаимодействие образов Коркыта и Гора раскрывает множество пластов — от космологических до символических — связывающих древние традиции Африки и Азии. Это соответствует ключевому понятию Сулейменова — идеи глобальной взаимосвязанности, узловой структуры мира, проявляющейся в различных мифологических системах. В этом контексте можно вспомнить и сопоставить два, казалось бы, далеких друг от друга символических языка: складываемые из цветного песка тибетские мандалы и письменность *нсибиidi*, которую использовало тайное общество Экпе (юг Нигерии, исторический район Калабар), вырезая на кусках расколотых пальмовых стволов.

В буддизме учение о взаимозависимом возникновении (*пратитъя-самутпада*) объясняет соотношение между сознанием и бытием, где внешний мир — не просто фон для жизни, а её неотъемлемая часть [16; 17]. Это осмысление воплощается в сакральных формах — мандалах, в которых вселенная организована по четырём сторонам света, с центральной точкой в виде мировой горы и сакрального дворца. Через вложенные вдруг в друга квадраты и круги в них передаётся идея единства времени и пространства, сознания и феноменологической реальности. Несмотря на споры востоковедов о происхождении тибетских мандал (индо-буддийское или автохтонное), ясно одно: они воплощают древний универсальный архетип — символический чертёж мироздания, вписывающий человека в систему координат бытия. Похожие структуры можно обнаружить и в Тропической Африке. Возможно, в основе *нсибиidi* и, безусловно, в основе знаковой системы *анафоруана*, используемой тайным афрокубинским братством Абакуа [18. С. 244–260], лежит все та же идея времени, представленного кругом, и пространства с его четырьмя направлениями. Пространственно-временной континуум явлен при этом сквозь «иероглиф-человека», или, иначе говоря, человек обнаруживает себя как присутствие бытия в сущем. Он и есть — узел истории, воплощенный логос или речь, выкатившаяся изо рта мифологического предка в образе божества, хранящего древний синтез зооморфного и космологического начал.

Олжас Сулейменов открывает формулу взаимозависимости в образах, начиная с древних петроглифов и заканчивая орнаментальными элементами

народного искусства, воспроизводящими знак круга и креста. Через эту символику он описывает время как сплетение линий, словно клубок параллелей и меридианов, намотанных на глобус [1. С. 110]. Это континуальность, круговое путешествие субъекта по внутренним и внешним орбитам, зашифрованное в едва ли переводимом обрядовом тюркском восклицании *айналайын* [19]. Мысль человека — в мифе, в знаке, в философии — это непрекращающийся диалог времен, в котором архаические символы вступают в контакт с современным мышлением, а эпохи и континенты обмениваются голосами. В шумерском «священном солнце», буддийских мандалах, письменности исибиди и казахском орнаменте скрываются экзистенциальные вопросы: что есть человек; каково его бытие перед лицом смерти; как он включён в ткань мира? Эти «вопросы-связки», прошивающие судьбы народов и эпох, позволяют вновь осмыслить мифы — как древние, так и современные — и обнаружить в них подчас неочевидные, но от этого не менее прочные связи.

Заключение

Олжас Сuleйменов работает с межсубъективными конструктами, возникающими на пересечении религиозного, культурного и языкового опыта, не занимая при этом позицию внешнего, нейтрального наблюдателя. Напротив, его научные и общественные инициативы — будь то публикации, лекции, интервью или исследовательские программы — несут в себе отчетливо выраженный идейный и гуманистический заряд. Показателен в этом отношении проект «Великие переселения народов», запущенный в 2008 г. и продолжающий свою деятельность в настоящее время. Проект акцентирует внимание на макроисторических миграциях человечества, стремясь подчеркнуть общность происхождения и единую природу человеческого рода. Эти цели соответствуют международной повестке ЮНЕСКО, в частности положениям Генеральной конференции об укреплении общей исторической памяти, расширении доступа к знаниям и поощрении диалога между культурами. Сuleйменов при этом критикует современное состояние академического мира, отмечая несоразмерность между ростом числа научных степеней и реальным приростом знания. Он утверждает, что приоритет в настоящее время отдается не гуманистичному мышлению, а технологиям, направленным на «оборону и нападение», что, по его мнению, приводит к цивилизационному тупику, за которым пока не просматриваются альтернативные пути развития.

Тюркология, история, литература, кинематограф — в его понимании это не изолированные области профессиональной деятельности, а взаимосвязанные модусы познания, которые невозможно отделить от актуальных вызовов безопасности, обозначившихся в XXI в. В этом контексте Сuleйменов инициировал проведение IV Глобальных консультаций по сближению культур, прошедших в 2021 г. под эгидой темы «Формирование общего этоса:

к эпохе осознанной взаимозависимости». Конференция была посвящена поиску ценностных ориентиров в условиях нарастающей глобальной нестабильности, насилия и культурной фрагментации. Как напоминание о долговременной этической перспективе, участники вновь обратились к посланию ташкентской Конференции писателей стран Азии и Африки 1978 г.: «От веков колониальной зависимости, через период независимости — к эпохе осознанной взаимозависимости». Тогда была предложена концепция нации как полноправного собеседника в диалоге цивилизаций, а не как уединенного «странника», разобщенного с остальным миром.

Дополнительное развитие эта идея получила в рамках II Международной конференции в поддержку культуры знаний «От богатства разнообразия к посланию мира: поэтика знаний и толерантности в религиях мира». Здесь Сулейменов подчеркивает, что подлинная миссия религии — не раскалывать человечество по линиям конфликта, а способствовать его консолидации. В эпоху, когда религиозные дискурсы подвержены политической инструментализации, он призывает интеллектуалов к активной позиции: способствовать позитивной деконструкции интерпретаций, организовывать межконфессиональный и межнаучный диалог, способный соединить духовные традиции с современным критическим знанием и общественным действием. Азия и Африка занимают особое место как внутри его поэзии, так и в публицистике и публичной риторике. В трансисторической мифопоэтике Олжаса Сулейменова Африка — это исток человечества, колыбель первых знаний, начало культурного импульса, а Азия — номадическое пространство, где человеческий субъект путешествует сквозь бескрайнюю открытость мира. Таковы главнейшие узлы его историософии. Человек-кочевник — это не только историческая фигура, это также конкретная личность, это и сам он — автор, поэт, мистагог, в котором неразрывное целое образуют современный интеллект, древняя тайна и исследовательское любопытство — равно как неразрывны и их маршруты:

Кочую по чёрно-белому свету.
Мне дом двухэтажный построить советуют,
а я, как удастся какая оказия,
мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.
В Нью-Йорке с дастанами выступаю,
в Алеппе арабам глаза открываю,
вернусь,
И в кармане опять — ни копья;
Копьё заведётся — опять на коня!⁵

⁵ Сулейменов О. Айналайын // Everything. URL: <https://everything.kz/article/3046222-olzhas-suleymanov-aynalayun> (дата обращения: 16.07.2025).

Эти строки отражают образ Африки как части большого культурного пространства, с которым поэт путешествует и взаимодействует: Африка упоминается как один из пунктов на жизненном и творческом пути, один из оборотов в духовном вращении *айналайын*. В её образе акцентирован исток, а в образе Азии — транскультурный опыт. Но оба континента, как, впрочем, и все континенты мира, есть части глобальной поэтики. И лишь поэтика может дать истории такой язык, который не просто безучастно или объективно повествует о ней, но оживляет и являет здесь и сейчас временное, обнаруживающее свою вечность, или частичное, понимаемое через тотальное. Это, разумеется, не что иное, как миф — древнейший, однако по-прежнему живой и необходимый язык человечества.

Этот мифопоэтический язык вовсе не оторван от актуальности, он не вынесен в эзотерические небеса, а, напротив, живёт и горит сквозь вызовы современности. Публицистка и общественные инициативы Олжаса Сулейменова — прямое продолжение его мифопоэтики и историсофии. Отсюда — всегда подчёркиваемое им политическое осмысление онтологической взаимозависимости, осознанное в том числе благодаря рефлексии о временах колониализма: «Нам всем надо разобраться в сегодняшних значениях терминов — зависимость и независимость. Опыт Африки, Азии и Латинской Америки показал, что независимость не может и не должна быть конечной целью национально-освободительных движений. Период независимости — лишь переходный этап к эпохе осознанной взаимозависимости⁶. Имперское мышление, равно как и порождаемые его натиском этнические национализмы, по глубокому убеждению Сулейменова, в равной степени являются нездоровыми и опасными формами коллективного эгоизма. Вместо них он предлагает глобальную, сложностную, транскультурную перспективу.

Интеллектуальный путь Олжаса Сулейменова характеризуется стремлением преодолеть агрессивные и навязанные нарративы, не разрушая при этом локальную субъектность, а, напротив, защищая её. В то же время его подход почти всегда основан на смешанных перспективах, гибридных формах знания и культурных пересечениях. Он воссоздаёт сложный, оспариваемый и, таким образом, динамичный континуум, существующий в постоянном политическом, философском, историческом, географическом, психологическом и социокультурном напряжении — это конголезский узел *zita* или центральноазиатская сфера *айналайын*, куда интегрируется прошлое, настоящее и будущее различных географий и космологий. Азия и Африка остаются для писателя важнейшими источниками — они предоставляют живую ткань историй,

⁶ Олжас Сулейменов: «Я хочу обратиться к своим коллегам в Ереване и Баку...» // Minval. URL: https://minval.az/news/123710997?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 16.07.2025).

образов и концептов, позволяющую мыслить вне рамок централизованных систем. Можно утверждать, что Сулейменов формирует альтернативный плюриверсум знания, отказываясь от универсалистских установок — как тех, что исходят от глобальных имперских центров, так и тех, что принимают форму локального фундаментализма, рождённого в ответ на это давление. Его геологическое образование не случайно проявляется и в его культурной философии: Сулейменов подчёркивает, что именно хрупкие монокристаллы наиболее уязвимы к разрушению, в то время как гранит, состоящий из множества разноугольных кристаллов, обладает высокой прочностью. Поликультурный, историософский диалог Азии и Африки в работах казахстанского мэтра — это и есть своего рода метафизическая геология, она же — литературная алхимия слова, она же — в высшей степени актуальная и прикладная политическая история, учащая людей плодотворному сосуществованию и культурному обмену, познавательной динамике вместо логики исключительности и самозацикленности, порождающей насилие и конфликты.

Список литературы

1. Сулейменов О. К эпохе осознанной взаимозависимости: «...мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом...» // Бильгамеш. 2022. № 8. С. 104–207.
2. Fhunsu D. The Kongo Rule: The Palo Monte Mayombe Wisdom Society. Chapel Hill : University of North Carolina at Chapel Hill Graduate School, 2017. <https://doi.org/10.17615/19j2-a212>
3. Commoner B. The Closing Circle. New York: Knopf, 1971. 326 p.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ
5. Хайдеггер М., Финк Е. Гераклит. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2010. 383 с.
6. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Москва : Гнозис, 1993. 464 с. ISBN: 5-7333-0485-5 EDN: XGMRQZ
7. Fatunmbi Fá'lokun. Obatala: Ifa and the Spirit of the Chief of the White Cloth. New York : Original Publications, 1993.
8. Verger P.F. Dieux d'Afrique: culte des Orishas et Vodouns à l'ancienne côte des esclaves en Afrique et à Bahia, la baie de tous les saints au Brésil. 3e éd. Paris : Arthaud, 1997.
9. Brooks A.S., Smith C.C. Ishango revisited: new age determinations and cultural interpretations // African Archaeological Review. 1987. Vol. 5. № 1. P. 65–78. <https://doi.org/10.1007/BF01117083> EDN: HFMCPC
10. Beaumont P.B., Bednarik R.G. Tracing the emergence of palaeoart in sub-Saharan Africa // Rock Art Research. 2013. Vol. 30. № 1. P. 33–54.
11. Аврутина А. С. Опыт реконструкции фонологии языка древнетюркских рунических памятников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2015.
12. Сулейменов О. Серебряные письмена Золотого воина // Техника — молодежи. 1971. № 7. С. 58–59.
13. Маничкин Н.А., Крупко И.В. Уроки V Конференции писателей стран Азии и Африки // Аудиовизуальные сюжеты социальной истории и культурной памяти казахстанского общества (конец XIX — начало XXI вв.) : коллективная монография / Т.Т. Далаева, Г.С. Султангалиева, Н.А. Маничкин и др. Алматы : Press Co, 2024. С. 201–239.
14. Турсынов Е.Д. Истоки тюркского фольклора. Қорқыт. Алматы : Дайк пресс, 2001. 167 с.

15. Кодар А. Степное знание : очерки по культурологии. Астана : Фолиант, 2002. 208 с.
16. Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии // Розенберг О.О. Труды по буддизму. Москва : Наука, 1991. С. 6–17, 44–254.
17. Payutto P.A. Dependent origination: the Buddhist law of conditionality. Bangkok : Buddhadhamma Foundation, 1994. 135 p.
18. Thompson, R.F. Flash of the Spirit: African & Afro-American Art & Philosophy. New York : Vintage, 1984. 336 p.
19. Маничкін Н. Айналайын: деконструкция сакрального жертвоприношения в кыргызской культуре // BILGAMESH: International Almanac of Cultural and Social Studies. 2019. No. 1. P. 85–93.

References

1. Suleimenov, O. 2022. “Toward the Era of Conscious Interdependence: ‘...We are nomads heading toward ourselves, recognizing ourselves in the other...?’” *Bilgamesh*, no. 8, pp. 104–207. (In Russ.)
2. Phunsu, D. 2017. *The Kongo Rule: The Palo Monte Mayombe Wisdom Society*. Chapel Hill: University of North Carolina at Chapel Hill Graduate School. <https://doi.org/10.17615/19j2-a212>
3. Commoner, B. 1971. *The Closing Circle*. New York: Knopf.
4. Latour, B. 2014. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 384 p. Publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ
5. Heidegger, M., and E. Fink. 2010. *Heraclitus*. St. Petersburg: Vladimir Dal. Publ. (In Russ.)
6. Heidegger, M. 1993. *Works and Reflections from Various Years*. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.) ISBN: 5-7333-0485-5 EDN: XGMRQZ
7. Fatunmbi, Fá’lokun. 1993. *Obatala: Ifa and the Spirit of the Chief of the White Cloth*. New York: Original Publications. Publ.
8. Verger, P.F. 1997. *Gods of Africa: Worship of the Orishas and Voduns on the Former Slave Coast in Africa and in Bahia, the Bay of All Saints in Brazil*. 3rd ed. Paris: Arthaud. Publ. (In Fr.)
9. Brooks, A.S., and C.C. Smith. 1987. “Ishango Revisited: New Age Determinations and Cultural Interpretations.” *African Archaeological Review*, vol. 5, no. 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.1007/BF01117083> EDN: HFMCP
10. Beaumont, P.B., and R.G. Bednarik. 2013. “Tracing the Emergence of Palaeoart in Sub-Saharan Africa.” *Rock Art Research*, vol. 30, no. 1, pp. 33–54.
11. Avrutina, A.S. 2015. *Reconstruction of the Phonology of the Language of Old Turkic Runic Inscriptions*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. Publ. (In Russ.)
12. Suleimenov, O. 1971. “Silver Script of the Golden Warrior.” *Tekhnika – Molodezhi*, no. 7, pp. 58–59. (In Russ.)
13. Manichkin, N.A., and I.V. Krupko. 2024. “Lessons of the 5th Conference of Writers of Asia and Africa.” In *Audiovisual Plots of Social History and Cultural Memory of Kazakhstani Society (Late 19th — Early 21st Centuries)*, edited by T.T. Dalaeva et al., pp. 201–239. Almaty: Press Co. Publ. (In Russ.)
14. Tursunov, E.D. 2001. *Origins of Turkic Folklore*. Korkyt. Almaty: Daik Press. 167 p. Publ. (In Russ.)
15. Kodar, A. 2002. *Steppe Knowledge: Essays on Culturology*. Astana: Foliant. 208 p. Publ. (In Russ.)
16. Rozenberg, O.O. 1991. “Problems of Buddhist Philosophy.” In *Works on Buddhism*, pp. 6–17, 44–254. Moscow: Nauka. Publ. (In Russ.)
17. Payutto, P.A. 1994. *Dependent Origination: The Buddhist Law of Conditionality*. Bangkok: Buddhadhamma Foundation. Publ.

18. Thompson, R.F. 1984. *Flash of the Spirit: African and Afro-American Art and Philosophy*. New York: Vintage. Publ.
19. Manichkin, N. 2019. “Ainalayin: Deconstruction of Sacrificial Ritual in Kyrgyz Culture.” *BILGAMESH: International Almanac of Cultural and Social Studies*, no. 1, pp. 85–93. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маничкин Нестор Александрович — кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь, Французский институт исследований Центральной Азии, Кыргызская Республика, 720001, г. Бишкек, ул. Н. Исанова, 24. SPIN-код: 5711-0453. Web of Science Researcher ID: V-1669-2019. ORCID: 0000-0001-9308-0094. E-mail: nes.pilawa@gmail.com

Bio note:

Nestor A. Manichkin is a Candidate of Historical Sciences, Associate Researcher, French Institute for Central Asian Studies (IFEAC), 24 N. Isanov St, Bishkek, 720001, Kyrgyz Republic. SPIN-code: 5711-0453. Web of Science Researcher ID: V-1669-2019. ORCID: 0000-0001-9308-0094. E-mail: nes.pilawa@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-786-801

EDN: EZSZVZ

Research article / Научная статья

The Archetypal Invariant of Cyclicity: Syntax, Myth and Gender as Topological Models of Continuity Based on the Example of Proto-Turkic Contacts and the Cult of Osiris

Assiya R. Nurdubaeva[✉]

Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Almaty, Republic of Kazakhstan

[✉ 01nurasya@gmail.com](mailto:01nurasya@gmail.com)

Abstract. This interdisciplinary study investigates the universal archetypal principle of cyclicity, which manifests synchronously in historically and geographically unrelated systems. The research is grounded in a historical review that confirms the probable presence of Proto-Turkic groups within the polyethnic nomadic confederations of the Scythian-Siberian world in the Near East (7th–4th centuries BCE). Consequently, a hypothesis is advanced about potential channels for the transmission of deep, structural-topological models, moving beyond mere superficial lexical patterns (cf. “Өcipic” in Kazakh — ‘cultivation’). The central focus of the analysis is the structural isomorphism of three distinct phenomena: the syntactic structure of the clitic “sw” in Late Egyptian, the mythological narrative of “death and rebirth” in the Osiris myth, and the social institution of the nomadic Turks (Kazakhs) — the clan system “Zheti Ata” (Seven Forefathers). The study analyzes these three systems as implementations of a single invariant — the principle of “reflexivity” and “closure.” This invariant is modeled using the topological figure of a torus (T^2), where the topological rupture, represented as “death,” functions not as a destructive force but as a constitutive element that ensures the system’s integrity and continuity. Thus, the subject’s position in the mythological narrative, syntax, and social organization of the clan emerges not merely as a linguistic phenomenon but as a fundamental code for organizing the spatiality of being, constructing a unified complex of “topological grammar.” The methodology of “cultural topology” enables the revelation of this deep kinship, demonstrating how culture encodes universal archetypes within its multi-level texts.

Key words: Proto-Turks, Scythian-Siberian world, syntax, Late Egyptian language, clitic, Osiris, Zheti Ata, archetype, cyclicity, topology, torus

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Nurdubayeva, A.R. 2025. “The Archetypal Invariant of Cyclicity: Syntax, Myth and Gender as Topological Models of Continuity Based on the Example of Proto-Turkic Contacts and the Cult of Osiris.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 786–801. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-786-801>

Архетипический инвариант цикличности: синтаксис, миф и род как топологические модели непрерывности на примере прототюркских контактов и культа Осириса

А.Р. Нурдубаева[✉]

Казахская национальная академия искусств им. Темирбека Жургенова, Алматы, Республика Казахстан
✉ 01nurasya@gmail.com

Аннотация. Настоящее междисциплинарное исследование обращено к универсальному архетипическому принципу цикличности, который проявляется синхронно в исторически и географически не связанных системах. Исследование основано на историческом обзоре, подтверждающем вероятное присутствие прототюркских групп в составе полиэтнических кочевых объединений скифо-сибирского мира на Ближнем Востоке (VII–IV вв. до н.э.). В этой связи выдвигается гипотеза о возможных каналах трансляции глубинных, структурно-топологических моделей, а не только поверхностных лексических паттернов ср. «Өсіріс» в каз. яз. — ‘возвращение’. Центральным объектом анализа становится структурный изоморфизм трех разноуровневых феноменов: синтаксической структуры клитика «sw» в позднеегипетском языке, мифологического нарратива «смерти и возрождения» в мифе об Осирисе и социального института кочевых тюрков (казахов) — родовой системы «Жетіата». Автором проанализированы эти три системы как реализации единого инварианта — принципа «возвратности» и «замыкания». Данный инвариант моделируется с помощью топологической фигуры тора (T^2), где топологический разрыв, представленный как «смерть», выступает не разрушительным, а конституирующими элементом, обеспечивающим целостность и непрерывность системы. Позиция субъекта в мифологическом нарративе, синтаксисе и социальной организации рода, таким образом, предстает не только как лингвистический феномен, но и как фундаментальный код организации пространственности бытия, выстраивающий «топологическую грамматику» в единый комплекс. Методология «топологии культуры» позволяет выявить это глубинное родство, демонстрируя, как культура кодирует универсальные архетипы в разноуровневых текстах.

Ключевые слова: прототюрки, скифо-сибирский мир, синтаксис, позднеегипетский язык, клитик, Осирис, Жеті Ата, родовая система, архетип, цикличность, топология, тор

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нурдубаева А.Р. Архетипический инвариант цикличности: синтаксис, миф и род как топологические модели непрерывности на примере прототюркских контактов и культа Осириса // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 786–801. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-786-801>

Introduction

Written sources record a large-scale invasion of nomads, referred to by the general term ‘Scythians,’ into Asia Minor. According to Herodotus, this campaign lasted 28 years (c. 653–625 BC), during which they reached the borders of Egypt, where they were stopped by Pharaoh Psamtik I; some of them may have settled in the Sharuchen region [1. P. 78–80]. Historical analysis indicates the probable

presence of Proto-Turkic groups within the multi-ethnic nomadic associations of the Scythian-Siberian world in the Middle East in the 7th–4th centuries BC [2. P. 45–47]. It should be noted that traditional historiography identifies the ‘Scythians’ with Iranian-speaking peoples, while a number of researchers, including Yu. Zuev, point to the polyethnic nature of the Scythian-Siberian world, admitting the participation of eastern, Proto-Turkic groups from the Central Asian region, such as the Pazyryk culture of Altai, in the campaigns [2. P. 45–47]. Indirect evidence confirms their presence: finds of characteristic three-bladed arrowheads of the Scythian type in Palestine (Megiddo), which have direct analogies in Altai monuments [3. P. 155]. Assyrian and Babylonian archives mention mercenaries called ‘Cimmerians’ (Gimirrai) and ‘Scythians’ (Iškuza), who were integrated into the military structures of the states in the region [4. P. 89–91]. The biblical narrative (Book of Jeremiah, 50–51), which names ‘Ashkenaz’ (associated with the Scythians) among the enemies of Babylon, also emphasises the significance of the Scythian threat.¹ These data create the historical prerequisites for the hypothesis of intensive cultural contacts, under which bilingualism and language interference could have arisen, including the potential influence of Proto-Turkic elements on the linguistic structures of local civilisations.

The key hypothesis is that the historical interaction between Proto-Turkic (with a dominant cyclical archetype) and ancient Egyptian (with a dominant linear archetype) cultural codes may have led to a structural shift that materialised simultaneously in language, myth and social structure. This interaction was not a borrowing of vocabulary, but rather an encounter and synthesis of two archetypal models of existence: cyclical (Proto-Turkic), where time and genealogy are understood as a closed loop of eternal return; and linear (late Egyptian).

The problem: developing this hypothesis in the context of fragmentary historical evidence appears to be a difficult task. The assumption of a structural, and not just lexical, influence of Proto-Turkic groups on the cultural systems of Ancient Egypt is consciously made in the absence of direct and unambiguous historical evidence, since there is a chronological gap between the formation of the core of the myth of Osiris in the 24th–22nd centuries BC, recorded in the most ancient texts [5. P. 23–25], and the period of presumed contacts in the 7th–4th centuries BC [2. P. 45–47], makes the hypothesis of direct borrowing of the mythological plot impossible to prove. Similarly, direct linguistic evidence of Proto-Turkic presence in the region remains limited and controversial [4. P. 50]. Therefore, under these circumstances, the proposed approach does not claim to establish a causal relationship in its classical, historical-genetic sense. Instead, the direction is positioned as one of the possible ways of analysis, shifting the focus from the

¹ “The Book of the Prophet Jeremiah.” 2015. The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Moscow: Russian Bible Society, pp. 854–918. Print. (In Russ.)

question ‘was there direct borrowing’ to the question ‘are there structural isomorphisms, that can be identified and modelled, and what is their epistemological potential’. The right to exist of this hypothesis is provided by the very nature of intercultural contacts in the Scythian-Siberian world, which, as historiography convincingly demonstrates, was fundamentally polyethnic and transcultural [2. P. 48–50; 4. P. 92–95]. In such ‘intercultural scenes,’ the transmission of ideas could take place not through texts, institutionalised education, and document genesis, but through practices, rituals, non-verbal codes, and structural patterns of thinking, which were materialised in language, social structure, and mythology synchronously, but did not always leave a clear trace of authorship in such borrowings. Therefore, this analysis treats its central hypothesis as a heuristic tool, proposing a topological model as a rigorous analytical apparatus for comparing heterogeneous systems — syntax, myth, and social institution. The value of this approach lies not in providing definitive proof of historical influence, but in demonstrating a deep structural kinship which, once revealed, opens up new perspectives for understanding the universal mechanisms of cultural code organisation and the archetypal foundations of human thought in the context of intercultural dialogue.

Method: ‘Cultural topology’ is an analytical method and is used as a rigorous analytical tool for identifying invariant structural relationships in heterogeneous cultural systems. Unlike classical structural analysis, which fixes static hierarchies, the topological approach focuses on the dynamics of meaning generation — the identification of internal connections, transitions, and points of condensation of meaning in the cultural field [6. P. 45]. The topological turn in the humanities was a response to the exhaustion of linear, hierarchical, and binary models of culture inherited from structuralism and classical anthropology. Space and social connections ceased to be understood as fixed ‘forms’ or stable ‘positions’; instead, attention focused on processes of connectivity, transitions and continuous deformations, and how meaning and form change while maintaining internal integrity.

The research methodology is implemented as a sequential procedure: 1. Identification of a structural archetype — identification of a recurring abstract pattern: ‘the principle of return and closure through rupture’ in multi-level cultural texts. 2. Construction of a formal model — description of the archetype by means of topology, where the topological properties of the figure — connectivity, continuity, dimension — become operational concepts [7. P. 12–15]. 3. Verification of the model — checking isomorphism on the material: the myth of Osiris, where there is a linear sequence → topological rupture (death) → closure in a loop (eternal kingdom) [8. P. 158]; and comparison of syntax as a ‘loop’ in inflected SVO and agglutinative SOV systems with the final form of the clitic ‘sw’ as a linear SVO construction when closed with a reflexive pronoun similar to the agglutinative nature of the Turkic system of pronoun affixes [9. P. 42]; also cited is the revival

as a social institution of the nomadic tribe ‘Zhetiata’² — a form of the social model of the Kazakhs that has survived to the present day, which functions as a linear genealogy → rupture (death of an individual) → cyclical revival through the memory of the nomadic tribe into a new cycle of the tribe [2. P. 67–70]. 4. Interpretation — the establishment of a single structural invariant that manifests itself at various levels of the cultural system. This approach allows us to view culture as a holistic semantic field [8. P. 33], where grammatical, mythological and social structures reveal a deep structural kinship expressed in the language of topological invariants.

Results and Discussion

The myth of Osiris is a fundamental theological construct of ancient Egyptian thought, integrating the concepts of power, world order (Maat) and eternal life. The reconstruction of the narrative is based on the corpus of the Pyramid Texts (24th–22nd centuries BC) [5. P. 15–20] prior to Plutarch's account [10. p. 230], which reflects a later tradition. A structural analysis of the myth reveals key elements: the dynamics of the sacred cycle: 1) establishment of order (Osiris) → 2) disruption (Seth) → 3) restoration (Horus).

The topology of the myth's transformation considers the dismemberment and subsequent reintegration of the god's body [8. P. 210]. As J. Assmann notes, the myth functions as a ‘cultural memory’ that encodes the principles of legitimising power through the cyclical model of ‘death-rebirth’ [8. P. 158]. Each ruling pharaoh is identified with Horus the ruler, while his predecessor actualises the archetype of Osiris — the departed ancestors, which correlates in the Kazakh system with the institution of ‘aruaqtar’ — Kazakh. ‘ancestors’, which exists in the social systems of the nomadic Turkic tribes to this day.

The mythological narrative is a complex semiotic system in which bodily integrity, cosmic order and social organisation are linked by isomorphic relationships. The cyclical structure of myth, in the words of M. Eliade, creates ‘sacred time of eternal return’ [11. P. 51], which explains its influence on subsequent Mediterranean mystery cults.

Intercultural context and methodological challenge. Intensive contacts between nomadic peoples and the civilisations of the Near East, recorded in the

² Zheti Ata is a traditional Kazakh clan system based on seven generations of genealogy. The term translates as “seven ancestors” and represents a social institution that regulates marital relations, mutual assistance, and clan identity.

Key features: Genealogical structure: Accounting for seven generations of ancestors on the male line.

Exogamy: Prohibition of marriages within the same zheti ata to preserve genetic diversity.

Social organisation: The system defines clan responsibilities, inheritance and collective responsibility.

1st millennium BC, created conditions for cultural exchange through various channels of interaction: A.I. Ivanchik notes that military mercenary service in the armies of Assyria and Babylon required functional bilingualism, while transcontinental trade also created the conditions for everyday language contact and cultural assimilation [4. P. 89–91; 3. P. 155]. Direct linguistic evidence of Proto-Turkic influence remains problematic, although etymological analysis of the onomastics of Scythian leaders sometimes reveals non-Iranian elements [4. P. 50], and O.O. Suleimenov's lexical hypotheses³ also require further analysis and rigorous verification.

The main methodological challenge is related to chronological inconsistency: the basic elements of the myth of Osiris are recorded in the Pyramid Texts of the 24th–22nd centuries BC. [5. P. 15–20], but the hypothesis of its origin under Proto-Turkic influence in the recording of official contacts in the absence of a large body of information is not convincing at this stage, but suggests increased attention to archaeological materials that could explain other time periods of contact. For now, we note the agglutinative mechanism in Egyptian syntax, which was used in the analysis. As J. Assmann demonstrates in his work “Death and Salvation in Ancient Egypt”, the sacred texts of Egypt were constantly reinterpreted in the process of ‘cultural memory’ [8. P. 158]. We assume that contact with the bearers of the cyclical archetype of culture could have intensified the process of semiotic ‘closure’ of the already existing paradigm of Time as an ‘arrow’. Cyclicity in Egyptian culture can be traced in the theological formalisation of the concept of eternal return, but as a grammaticalisation of the return movement of order in syntax, namely the appearance of a special grammatical form of the clitic ‘sw’ in Late Egyptian [9. P. 42]. The presence of the loop of ‘death and rebirth’ in mystery cults implies categories of continuity, which can be traced in the myth of Osiris, ensuring the transmission of sacred identity — name, title, ritual — as eternal return.

If we simultaneously refer to the system of the Kazakh nomadic tribe ‘Zhetiata’, the continuity of the tribe’s life is achieved through blood kinship and genealogical memory, where biological reproduction and social tradition become material carriers of the tribe’s immortality, where the tribe operates with the sacred numerical model ‘7’, — the most archaic type of time calculation, and where the institution of ancestors, titles and rituals are also involved [12. P. 45–47]. In ‘Zhetiata’, the carrier of subjectivity becomes the clan itself as a supra-individual organism, where the individual death of the forefather 1, 2, 3, 4, 5, 6 is compensated not by ritual, but by the biological and social fact of the birth of a new member of the clan, who is symbolically showered with ‘arpa’ grain in the cradle: ‘...a new member of the clan, who, when laid in the cradle, is traditionally sprinkled with arpa grain ...’ [13. P. 78], as well as the god Osiris [14. P. 128], is a ritual that

³ Suleimenov, O.O. 2025. *I know!* Almaty: Service Press. P. 9.

becomes a conduit for Growth in its mysteries. The collective will for self-preservation and the continuation of the human race replaces the divine omnipotence of mythical figures with objects in profane practices.

Syntactic transformation as a reflection of cultural shift. The initial state of Egyptian culture was characterised by a linear model, where the syntax of the inflectional SVO system correlated with the concept of direct inheritance of power and transitive action linking the heterogeneity of space and time. Death was perceived as a break in cosmological continuity, compensated for by a funeral cult, but not yet integrated into the cyclical structure [8. P. 158]. Possible contact with the Proto-Turkic groups, who held a cyclical worldview, could have created conditions for semiotic ‘closure.’ And as J. Assmann notes, Egyptian culture demonstrates an ability for structural transformations through ‘cultural memory’ [8. P. 45]. In our opinion, this is expressed in the grammaticalisation of the aforementioned reflexive clitic ‘sw’, which creates a syntactic loop for the inflectional system: SVO + ‘sw’ → S-V-[SELF]. The essence of this transformation is that the linear chain S (subject)→ V (action) → O (object) ‘closes’ into a ring S → V → [S], and the action, instead of being directed outward toward the object, returns to the subject itself. The linguistic mechanism described by J. Černi and S.I. Groll [9. P. 42] provides a transition from a linear construction (S→V→O) to a cyclical one (S→V→[S]), where the action returns to the subject or its trace, as a clitic. This syntactic transformation is isomorphic to changes in the theological and social spheres of Egyptian society. As M. Eliade shows, archetypal structures demonstrate remarkable stability in the transition from the sacred to the profane sphere [11. P. 210], and the institution of the clan, taken as a synchronous system in the system of the rebirth of the human race — “Zhetiata” represents a sociologised version of the myth of eternal return, where biological reproduction becomes the practical embodiment of the metaphysical concept of continuity. The clan system allows for ‘eternal life’ and exists in society as an embodied mechanism of cultural reproduction of the nomadic logic of the clan. This system demonstrates the fundamental ability of human consciousness to translate archetypal structures from the sacred to the social sphere: in the very mechanism of desacralisation, where myth is transformed into a code of conduct and organisation of society, and the nomadic way of life preserves this.

The linguistic dimension of the hypothesis: syntax as a worldview matrix. A key aspect of the study is the consideration of syntax as a cultural metaphor. In the Proto-Turkic SOV model, grammatical structure becomes not only a means of communication [15. P. 87], but also a way of organising the cosmological space described by language. The mobility of the subject’s position in the structure of the Turkic agglutinative group reflects a fundamentally different concept of subjectivity — not fixed, but distributed and restored through a system of affixes. Topological analysis of medieval Orkhon texts demonstrates a unique phenomenon:

grammatical constructions with the SOV/OVS order, with frequent omission of the sacred Subject-Creator, create the effect of the presence of a transcendent Observer of processes from outside. This approach correlates with the concept of the ‘non-own point’ in Merleau-Ponty’s phenomenology of perception [16. P. 245]. And as demonstrated by the analysis of Bilge-khan’s cosmogonic formula in runic inscriptions [15. P. 50], the syntactic organisation of the utterance creates a sacred vertical of the universe, where the grammatical order of the utterance reflects the cosmological principle of reversibility or ‘spherical’ organisation of space-time. This approach is developed in works on the topological anthropology of language [17. P. 48].

Syntactic transformation in Late Egyptian — from linearity to cyclicity draws attention to the fact that an additional quality of the system is introduced into Late Egyptian syntax, such as structural transformation, which differs from the classical linearly structured inflectional SVO system, since the possibility of syntax dynamics is added with the construction of the clitic ‘sw’, as (SVO + sw). According to J. Cherni, this clitic occupies a position after the verb and functionally marks the return of the action to the subject [9. P. 42]. This syntactic mechanism creates the effect of grammatical closure, transforming the linear structure into a cyclical one. Within the framework of the proposed analysis, the clitic ‘sw’ is interpreted as a topological operator that provides a transition from a linear configuration to a closed one. This transformation is of particular interest in a comparative analysis with the Turkic syntactic model SOV, where the return position of the subject is provided by a system of affixes [15. P. 87]. The syntactic shift under consideration may reflect a deeper cultural process — the transition from a linear concept of time to a cyclical one, which finds parallels in the evolution of the myth of Osiris. Both syntactic systems — Turkic SOV and Late Egyptian SVO + sw — implement a single archetypal invariant of cyclical closure, using different grammatical means: agglutinative morphology in the first case and cliticization in the second.

Syntax acts not only as a linguistic mechanism, but also as an archetypal invariant — a fundamental principle of the organisation of spatiality in the description of the sacred World. The key thesis of the study is that the mechanism of return is created by means of syntax, forming a ‘topological grammar’ that underlies various cultural texts [8. P. 158]. Therefore, there is a structural difference between the linear SVO model characteristic of inflectional languages and the cyclic SOV(S) model of agglutinative systems. Late Egyptian syntax demonstrates a unique transformation: the integration of the clitic ‘sw’ into the SVO + sw construction creates a mechanism for the subject to encounter itself, which is functionally analogous to reflexive affixes in Turkic languages [9. P. 42].

This syntactic isomorphism manifests itself at different levels of culture: in mythological narrative, as the miraculous gathering into wholeness of the primary

body and the resurrection of Osiris, which has the same mechanism in the social institution of the clan system ‘Zhetiata’, which gathers the clan body in 7 generations and in the seventh legitimises its clan, when the future determines the past of such a clan, which is reflected in the way this mechanism is described in the type of language comprehension: in the grammatical structure (SVO + sw / SOV + S).

The clitic ‘sw’ is a linguistic embodiment of reciprocity, which is confirmed by monuments of the Late Egyptian language, such as the papyrus (Petersburg 1115), where there is a construction with the verb *dd* demonstrating a complete cycle of utterance [18. P. 15]. And syntax becomes a code in which the archetypal principle of cyclicality is fixed. The morphosyntactic coding of reflexivity acting through the clitic ‘sw’ is not just a grammatical change, but the embodiment of a mechanism of semantic closure, creating a ‘topological grammar’ of continuity on the stage of events that have the coherence and integrity of their formulas of representation. For example, ‘sw’ — the clitic pronoun ‘this’ — as an object acts as a rigidly fixed state after the verb: ‘to his brother’ — complement, — this is the structure V (verb) + sw (clitic-object), thus representing the syntactic mechanism that later, in Coptic, agglutinates in the form of a verbal suffix — ‘f’ within the SOV structure [8. P. 42].

The technology of transition from myth to grammar in this analysis assumes that the mythological level, based on the resurrection of Osiris, transforms his subjectivity in the grammatical ritual of speech in all spheres of representation and reflection in the surrounding world, which gives Osiris the ‘function of continuity’, written down and pronounced in a special Formula. Example: ‘*dd.n.f sw*’ — ‘he said ‘this’’, which is a standard illustration of a grammatical phenomenon of the Late Egyptian language — the use of the clitic pronoun ‘sw’ in a postverbal position, thereby proving its functioning, which is described in detail in the grammar of J. Černi and S.I. Groll [9. P. 42]. The clitic ‘sw’ is a grammatical prototype of the same idea: the return of the subject to itself, and the evolution from Late Egyptian to Coptic is the fixation of the mechanism of closure in the structure of the language of the agglutinative type.

The etymology and semiotics of the theonym ‘Osiris’ according to O. Suleimenov’s hypothesis is a hypothesis of structural correspondence. The problem of the etymology of the theonym *Wsir* — Osiris remains controversial in Egyptology. As J. Černi notes, there is no generally accepted Afro-Asiatic etymology of the name [19. P. 51]. Therefore, this linguistic uncertainty allows us to consider alternative hypothetical reconstructions. It is necessary to note the special intuition of O.O. Suleimenov [12. P. 9], which served as the impetus for this reconstruction. The hypothesis suggests a possible connection with the Proto-Turkic lexical base: the combination of ‘*θc*’ (growth) and, possibly, the second part as ‘epic’ — Kazakh ‘fabric base’, which could have formed the sacred formula of the ritual itself. There are ritual complexes of Osiris’ ‘grain mummies’, which are

linen shells filled with barley, where the fabric itself symbolises the sacred body of the god, and the sprouting grain visualises the concept of rebirth [20. P. 78], which demonstrates a structural correspondence with the proposed etymology. Despite linguistic differences, there is a functional similarity: in both cultures, barley is a symbol of fertility, and its ritual use in life cycle ceremonies reproduces the connection with the concept of rebirth.

Archaeological finds from Dendera show the multi-layered structure of these artefacts, where grain layers alternate with fabric layers [21. P. 112], which further confirms the semantic connection between ‘fabric’ and ‘growth’ in the funeral ritual. Material analysis confirms the use of selected barley (*Hordeum vulgare*) and fine flax [22. P. 45], which created a symbolic field corresponding to the reconstructed formula of ‘growth-fabric’ and, with it, the ‘Law of Sprouting’ itself. This semantic reconstruction correlates with the function of Osiris as the ‘deity of continuity’ and cyclical rebirth. A structural analysis of the myth conducted by M. Eliade reveals a universal pattern of ‘rupture’ and ‘restoration,’ where the ritual dismemberment and subsequent reintegration of the god’s body create a semiotic closure of the cosmological cycle [11. P. 210].

This topological invariant can be observed as a direct correspondence in the Zhetiata clan system, where the death of an individual ancestor is overcome, since the gathering of ancestral memory into a metaphysical unified body of ‘seven generations’ occurs each time in a sacred ritual in all situations of blessing ‘bata’ in Kazakh culture.

The proposed interpretation allows us to consider the institution of Osiris’ resurrection not only as a chthonic deity, but also as the embodiment of the principle of spatial and temporal reversibility, as a structurally homologous organisation similar to the functioning system of nomadic clan topology. The social structure of Zhetiata as a model of distributed subjectivity is a cyclical system of maintaining tribal identity through the mechanism of collective subjectivity of the seven fathers. In contrast to the European model of a fixed subject, where, in the words of E. Benveniste, ‘the linguistic ‘I’ exists only as an act of speech’ [23. P. 254], in the of the Turkic tradition, subjectivity is realised as a network structure. The Zhetiata system implements a model of distributed subjectivity, which, following J.-L. Nancy, can be characterised as an ‘intermittent subject’ — that is, an intermittent, pulsating presence that arises not as a given, but as an effect of network relations [24. P. 15]. The ontological status of each of the seven ancestors of the ata is constituted not by itself, but exclusively through its position in the sevenfold holistic and closed numerical structure of the clan — the zheti. It is this configuration of seven generations that forms the collective ‘resurrected body’ of the clan. This transition from the individual ‘face’ to the clan structure finds theoretical confirmation in the concept of G. Deleuze and F. Guattari, who consider the ‘face’ of the subject not as an emblem of an autonomous subject, but as a

‘surface of coding power’ [7. P. 181], which is also reflected in the Turkic spatial orientation system [25. P. 81]. In the Turkic linguistic and social system, this manifests itself in a unique phenomenon: the sacred centre of subjectivity is not fixed to an immovable ‘I’, but is also distributed among affixes in the syntactic chain of the SOV+S order. This model demonstrates a fundamental difference from the paradigm of inflectional languages with their fixed syntactic position of the subject, offering instead of a linear hierarchy a cyclical organisation of distributed subjectivity, where identity is not given but is endlessly reproduced through a network of relationships and grammatical connections.

The topological model, which becomes the only form of proof, is characterised by the qualities of non-Euclidean anthropology of language and involves considering speech models as dynamic topological configurations of meaning formation. In this paradigm, subjectivity is realised not as a fixed position, but as a process of continuous movement along the syntactic chain of the central position, which in an agglutinative system can be occupied by almost all units: S→O→V→S. This approach finds deep parallels in M. Merleau-Ponty’s non-linear phenomenology, where bodily perception is organised not according to the laws of straight perspective, but as a ‘folded surface’ [16. P. 245], in which the near and the far, the centre and the periphery constantly change places. This casing of the system lays the foundation for understanding dynamic structures. And the formalised model of syntax clearly demonstrates the transition of the subject from the centre to the periphery, followed by closure in a ring structure, by means of the subject affix at the end as SOV+S. A looped organisation of time arises within the SOV syntax, which correlates with P.A. Florensky’s concept of ‘reverse perspective’ — in which space is understood not as an abstract capacity, but as a semantic field organised from the inside out, where the point of convergence is not ‘in the depths,’ but in the viewer himself [26. P. 45]. Just as in an icon or sacred image, the point of convergence creates the effect of meaning radiating from the inside out, so too in the Turkic syntactic model SOV, the semantic centre of gravity is shifted from the beginning of the utterance to its end. The subject, being named at the beginning, seems to ‘dissolve’ in the process of speech development, only to return to itself through a series of objects and actions, ending with a reflexive affix. This configuration directly correlates with Heidegger’s understanding of Dasein as being-in-the-world: the subject does not precede the world, but reveals itself only through involvement in it, through movement towards objects and back to itself [27. P. 112]. Thus, the topological model, combining SOV syntax, reverse perspective, and the phenomenology of being-in-the-world, reveals the non-Euclidean nature of linguistic consciousness, where identity is not given but is constantly reproduced through cyclical movement along a grammatical and semantic loop.

In agglutinative languages, there is also a zero position of the subject (\emptyset), which does not mean its absence, but its distribution in the grammatical structure,

which further characterises the gathering of the subject position in sacred texts — hymns and symbolic formulas of the Turks. As anthropologist Y.V. Chezlov, in traditional societies, ‘the individual is a function of the clan, not an autonomous source of action’ [15. P. 54], which implies the variability of subject positions in Turkic languages and reflects a clan perspective, where subjectivity is realised as a collective rather than an individual phenomenon.

The cognitive-topological paradigm in linguistics suggests a perspective in analysis for non-linear linguistics, where grammatical rules are understood as topological invariants. The fundamental contribution of G. Lakoff and M. Johnson [28. P. 45] demonstrates how linguistic metaphors shape conceptual systems of spatial understanding. In cultures with a dominant SOV order, the metaphor ‘time as a circular resource’ is stable, reflecting the cyclical movement of the subject, while in SVO languages, the linear metaphor ‘time as an arrow’ prevails [6. P. 158]. These differences not only mark cultural features of temporal perception, but also correlate with neurocognitive patterns of information processing.

The topological model of a torus (T^2) is used as a structural archetype, which is the result of the choice of connectivity configuration qualities and the choice of a basic model that would correspond to the qualities of its reproduction, which is determined by its unique topological properties corresponding to the structure of the archetype of ‘eternal return.’ As Yu.M. Lotman notes, stable cultural patterns can be interpreted through fundamental topological models [6. P. 158]. The torus as a figure is a two-dimensional surface formed by the rotation of a circle around a non-intersecting axis, which is visually similar to a bagel. The key properties of a torus are topological continuity and closedness, as well as the presence of a fundamental break — a ‘hole’ as a constituent element — and the duality of the surface of events, which preserves the dichotomy of life/death in a circular return. According to G. Deleuze, it is these properties that make the torus an ideal model for describing cyclical processes, where the discontinuity serves as a necessary condition for continuity [7. P. 45]. The torus model can be used to analyse the ancient Egyptian myth of Osiris and the genealogical structure of ‘Zhetiata,’ demonstrating the universality of the archetype of cyclical regeneration.

The topological model of the torus (T^2) has its own axiomatics and scope of application: it is a three-dimensional body, a model in three-dimensional space, characterised by the presence of a ‘hole’ as a different ontological zone, where rupture and closure represent two different but dialectically linked entities, ensuring continuity through succession in the cycle of ‘death-rebirth’. The rupture is overcome through ritual/myth. The torus model is based on three structural elements that find parallels in the works of Yu.M. Lotman on the semiosphere [6. P. 95] and G. Deleuze on folded spaces [7. P. 67], where there are

1. The axis of time/genealogy — a linear sequence that forms the framework of the process.

2. A closed loop — a cyclical path that transforms linearity into eternal return.
3. A topological gap — a structural element that ensures the closure of the system.

Such an application of the topological model to the myth of Osiris, as shown by M. Eliade's arguments, reveals the fundamental nature of the archetype of eternal return for mythological consciousness [11. P. 73]. In the myth of Osiris, a linear axis can be identified: 'Osiris → Death → Horus.' A hypothetical use could also be the Möbius strip (Osiris → Horus), which would eliminate the topological gap that exists as a likeness to the dismemberment of Osiris' body, since the Möbius strip is a two-dimensional surface in three-dimensional space with the key property of one-sidedness. The rejection of the Möbius strip in favour of the torus is not simply a replacement of a geometric figure, but a change in the analytical paradigm: a transition from a flat model of paradox to a three-dimensional model of complex continuity, where rupture (death) and existence in another capacity (Osiris in Duat) are not 'errors' of the system, but constitutive elements of its integrity and stability over time in a multidimensional state. Tor allows us to include in the analysis of the sacred/otherworldly dimension a separate but related sphere, which makes it an adequate tool for describing the myth of Osiris.

Three-dimensionality and division of ontological spheres: the outer circumference of the Torus as a large circle models the cycle in the world of the living: a linear sequence of rule (Osiris-king → Set-usurper → Horus-king); while the inner 'hole' of the Tor models the afterlife (Duat) – or another ontological sphere where Osiris ends up after severing ties (death). One can see movement along the axis of time/genealogy, which is not movement along a flat ribbon, but a turn along a three-dimensional spiral, passing through another realm of existence (Duat) and returning to the original plane, like the world of the living on a new turn — this demonstrates the inclusion of three-dimensionality in the analysis. But another parameter or dimension is needed, as a fourth dimension — it is time that acts as a closing parameter, since Thor visualises a 'loop of time' where the system is not simply cyclical, but spiral. Each new pharaoh, becoming Horus, does not copy the first Horus, but actualises the archetype in a new historical context. The past — Osiris continues to exist in a 'parallel' dimension — inside the torus, constantly influencing the present or the outer surface, thereby creating a model of temporal multidimensionality.

The topological model of "Zhetiata" as a torus is an apparatus for analysing generational continuity, since the genealogical structure of Zhetiata demonstrates structural isomorphism with the cycle of Osiris, which becomes particularly evident when applying the topological model of a closed torus configuration (T^2). This model offers a rigorous heuristic apparatus for analysing how a system based on the archetype of eternal return incorporates rupture (death) not as a negation, but as a constitutive element of its integrity.

Decomposition of the “Zhetiata” structure into elements of the torus. The linear axis as the axis of time/genealogy is an open straight line on which seven generations of ancestors are located: Ata-1 → Ata-2 → ... → Ata-7. This axis represents an objective chronological sequence that forms the framework of family history [29. P. 45–47]. The topological gap as the ‘death of an individual’ represents a systemic gap — a ‘hole’ in the fabric of continuity of the family line. The position of the seventh ancestor, Ata-7, or ‘bala’ — the son of the clan — is of particular significance, as it is the only status that is not followed by a new link in the previous linearity [29. P. 48], since what follows is a repetition of the entire scenario of the creation or revival of the previous structure. The loop closes with the birth of ‘Bala’ — the son of the clan and the father of a new clan. The birth of the eighth descendant after ‘Bala’ takes place, which represents a topological closure. The system completes a small circle of the torus, transforming ‘Bala’ into the starting point of a new sevenfold chain: Bala → Tup-ata-1 [29. P. 51].

The visualisation of the torus model for the “Zhetiata” clan system involves a large circle of the torus, which represents the cyclical movement of clan identity, embodying the principle of eternal renewal of the ‘seven ancestors’ in a spiral. The small circle of the torus is a turn passing through the ‘hole’, and the trajectory of transition from the end of the previous sevenfold chain (Ata-7) to the beginning of a new one (Ata-1 of a new clan) can only occur through the son of ‘Bala’. This turn passes through the zone of rupture ‘death/oblivion,’ similar to the internal space of the torus [7. P. 45]. Institutionally, the ‘hole’ of the torus is the ontological space of ‘death’ and oblivion, which the system does not deny, but uses for renewal: the individual dies, but the genus, passing through the spatially arranged ‘hole,’ is reborn in a new cycle [11. P. 73], and all structural elements confirm the isomorphism between the “Zhetiata” clan system and the topological model of the torus, demonstrating the universality of the archetype of eternal return.

The topological model of the torus demonstrates a mechanism of transformation in which the system functions through a rupture rather than in spite of it. Death in this configuration represents not an end point, but a necessary transition — a ‘dive inward’ that ensures cyclical rebirth. This pattern manifests itself both in the myth of Osiris — the transformation of a living ruler into the eternal lord of the underworld — and in the “Zhetiata” system, where the renewal of the clan occurs through the change of generations. The conditional line of genealogy, passing through a topological gap, closes into a complete loop, ensuring the continuity of the system.

Conclusions

1. Transmission of structural archetypes. Historical contacts between Proto-Turkic groups could serve as a channel for the transmission not so much of specific cultural elements as of deep structural archetypes of the organisation of existence.

Syntax, mythology and clan organisation appear as isomorphic realisations of a single code of ‘reversibility’ permeating different levels of the cultural cosmos.

2. The topology of the torus as a metamodel. The figure of the torus (T^2) demonstrates heuristic power as a universal model for analysing cyclical continuity. From the Egyptian myth of Osiris to the Kazakh system of ‘Zhetiata’ as a topological configuration and logic of the Tor model, which clearly reveals the mechanism of integrating ‘discontinuity’ into integrity, where language becomes a topological imprint of world understanding.

3. Four-dimensional identity. The proposed model of identity in four dimensions — grammatical, symbolic, ritual, and signal — allows us to view culture as a dynamic ecosystem of meanings, where meaning circulates continuously between levels of organisation.

4. Methodology of processuality. Shifting the focus from static structures to the transformation and movement of meaning in the mental structures of thinking through language opens up the possibility of modelling culture as a multi-dimensional space without rigid coordinates — an analogue of a nonlinear dynamic system.

5. Prospects for verification. The hypothesis of direct linguistic influence requires further verification; the main contribution of this work is the development of a methodological apparatus for identifying structural isomorphisms that offer a new language for dialogue between disciplines. The study opens up prospects for a topological approach in the humanities, where culture is understood as a multi-layered system with an immanent geometry of meaning.

References

1. Herodotus. 1972. *History*. Translated from ancient Greek by G.A. Stratianovsky. Moscow: Nauka. 600 p. Print. (In Russ.)
2. Zuev, Yu.A. 2002. *Early Turks: essays on history and ideology*. Almaty: Dyke-Press. Print. (In Russ.)
3. Olkhovsky, V.S., and G.L. Evdokimov. 1994. *Scythian sculptures of the 7th-3rd centuries BC*. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.) EDN: RURVXV
4. Ivantchik, A.I. 1993. *Cimmerians in the Middle East*. Moscow: University publications. 210 p. Print. (In Russ.)
5. *The Pyramid Texts*. 2019. Translated and commented by A.S. Chetverukhin. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 400 p. Print. (In Russ.)
6. Lotman, Yu.M. 1996. *Inside Thinking Worlds*. Moscow: Languages of Russian Culture. 464 p. Print. (In Russ.) ISBN: 5-7859-0006-8 EDN: YSTFSX
7. Deleuze, G., and F. Guattari. 1987. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 610 p. Print.
8. Assmann, J. 2005. *Death and Salvation in Ancient Egypt*. Moscow: Cornell University Press. 456 p. Print. (In Russ.)
9. Černý, J., and S.I. Groll. 1993. *A Late Egyptian Grammar*. 4th edition. Rome: Pontificio Istituto Biblico. 786 p. Print.
10. Plutarch. 2000. *On Isis and Osiris*. Translated and commented by N.N. Trukhina. Moscow: Aletheia. 320 p. Print. (In Russ.)

11. Eliade, M. 1959. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. New York: Harcourt Brace Jovanovich. 256 p. Print.
12. Alimbay, N. 2015. *Zheti Ata: the Clan-tribal System and the Social Structure of the Kazakhs*. Almaty: Kazakh University Press. 256 p. Print. (In Kaz.)
13. Kaliyev, A. 1995. *Kazakh Folk Customs and Rituals*. Almaty: Kazakhstan. 215 p. Print. (In Russ.)
14. Griffiths, J.G. 1980. *The Origins of Osiris and His Cult*. Leiden: E.J. Brill. 340 p. Print. <https://doi.org/10.1163/9789004378582>
15. Johanson, L. “The Structure of Turkic.” *The Turkic Languages*. Edited by L. Johanson & É.Á. Csató. London: Routledge, 1998, pp. 30–66. Print.
16. Merleau-Ponty, M. *Phenomenology of Perception*. Translated from French. St. Petersburg: Nauka, 1997. 528 p. Print. (In Russ.)
17. Nurdubayeva, A.R. 2025. “Syntax as topology: the spherical model of culture in the Turkic tradition.” In: *Visual Identity and Cultural Heritage: Preservation and Promotion : proceedings of the International Scientific Conference (Almaty, April 22, 2025)*. Edited .by A.R. Nurdubayeva; Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts. Almaty: KAZNAI Publishing House, pp. 19–49.
18. “Papyrus Petersburg 1115.” 1985. *Late Egyptian Texts*. Edited by S. Groll. Cairo: Egyptian Museum Press, pp. 12–18. Print.
19. Černý, J. 1976. *Coptic Etymological Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press. 388 p. Print.
20. Ikram, S. 2015. *Divine Creatures: Animal Mummies in Ancient Egypt*. Cairo: Cairo University Press. 210 p. Print.
21. Bonhême, M.-A. 2005. *Les “momies” de grain d’Osiris*. Paris: Éditions de la Sorbonne. 180 p. Print.
22. Sheikh, A.G. 2018. “Botanical Analysis of Osirian Relics.” *Journal of Archaeological Science*, vol. 45, pp. 40–48. Print.
23. Benveniste, E. *General Linguistics*. 1974. Moscow: Progress. 448 p. Print. (In Russ.)
24. Nancy, J.-L. 2000. *Being Singular Plural*. Stanford: Stanford University Press. 208 p. Print. <https://doi.org/10.1515/9781503619005>
25. Nurdubayeva A.R. 1998. *Kiiz uy: the structure of spatiality*: dissertation for the degree of Candidate of Architectural Sciences: 18.00.11. Moscow: MARCHI (Moscow Architectural Institute (Academy). 178 p. Print. (In Russ.)
26. Florensky P.A. 2000. *Reverse perspective*. Collected Works. Articles and studies on the history and philosophy of art and archeology, pp. 41–89. Moscow: Mysl. Print. (In Russ.)
27. Heidegger M. 2015. *Being and Time*. Translated from German by V.V. Bibikhina. Moscow: Academichesky Proekt. 460 p. Print. (In Russ.)
28. Lakoff, G., and M. Johnson. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. 276 p. Print.
29. Nurdubaeva A.R. 2022. “Spatiality of the seven-generation exogamous system “zheti ata” as the basis of the hypersphere in traditional ideas of the Kazakhs.” *Kazakh culture and philosophy in the Turkic world: collection of articles dedicated to the 75th anniversary of prof. Gabitov T.Kh*, pp. 45–52. Almaty: Kazakh University. Print. (In Russ.)

Bio note:

Assiya R. Nurdubaeva is a Candidate of Architectural Sciences, Kazakh National Academy of Arts named after Temirbek Zhurgenov, 127 Panfilova St, 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. SPIN-code: 1209-4776. ORCID: 0000-0002-4036-6838. E-mail: 01nurasya@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-802-821

EDN: FBKWRQ

Научная статья / Research article

О.О. Сулейменов: ÖSIRIS — имя древнеегипетского бога и казахское слово ӨСИРИС (ÖSIRIS) — возвращение: слово в пространстве времен и территорий

М. Джусупов^{ID}

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан
✉ mah.dzhusupov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема происхождения слова ÖSIRIS (имя бога растениеводства, плодородия, садоводства, земледелия в Древнем Египте) от казахского (древнеказахского) слова ӨСИРИС, предложенная О.О. Сулейменовым в гипотетической научной концепции с названием «Закон Осириса» или «Теория Осириса». О.О. Сулейменов обосновывает свою научную позицию демонстрацией казахских слов, образованных от корня ӨС (ÖS) — *расты* и производных от него — ӨСИР (ÖSIR) — *возвращай*, ӨСИРИС (ÖSIRIS) — *возвращение*, что не согласуется с устоявшейся традиционной научной позицией египтологов, согласно которой ÖSIRIS — это греческое, а не египетское WSIR, что может быть прочитано как USIR. Предложенная научная концепция может быть косвенно поддержана такими ее аспектами, как: 1) акустическое единство этих слов; 2) одинаковое (агглютинативное) словообразование в казахском и древнеегипетском языках с отсутствием префиксального (за редким исключением); 3) близость эпох (3-е и 4-е тыс. до н.э. совпадают со временем ÖSIRIS-а и шумеротюркского языка, функционировавшего в это время с сингармоническим звучанием). Корень древнеегипетского слова состоял из одного, двух, трёх согласных, т.е. он был консонантный. Вокализация консонантного сочетания в корне слова, по всей видимости, была факультативной. Корень казахского слова состоит из сочетания звуков с обязательным участием гласного. В слове ӨСИРИС (ÖSIRIS) корень слова ӨС (гласный + согласный). Это не соответствует строению корня древнеегипетского слова, в котором, как отмечают египтологи, в 90 % случаев корень состоит из трёхчленного консонантного сочетания. Акустическое единство звучания слова ӨСИРИС (ÖSIRIS) — случайное совпадение или за этим кроется какая-то научная проблема, которую надо исследовать, описать? О.О. Сулейменов предложил рассматривать объект и предмет научного исследования в новом видении, которое порождает несогласие у представителей традиционной (официальной) научной концепции, но в то же время порождает гипотетический интерес к ведению изысканий у другой части исследователей с целью определения этимона слова. В ходе ведения научного поиска были использованы методы межъязыкового сравнения; внутриязыкового сравнения; противопоставления минимальных пар; индуктивный и дедуктивный, что способствовало определению теоретической и практической значимости исследуемой научной проблемы.

© Джусупов М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: древнеегипетский бог, казахский, древнеказахский, традиционная научная позиция, предлагаемая научная позиция, звуковое строение корня, консонантный корень слова, этимон, словообразование

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Джусупов М. О.О. Сулейменов: ÖSIRIS — имя древнеегипетского бога и казахское слово ØCIPIC (ÖSIRIS) — *возвращение*: слово в пространстве времен и территорий // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 802–821. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-802-821>

O.O. Suleimenov: ÖSIRIS — the Name of Ancient Egyptian God and the Kazakh Word ØCIPIC (ÖSIRIS) — Growth: the Word in the Space of Time and Territory

Mahanbet Dzhusupov^{ID}

The Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

✉ mah.dzhusupov@mail.ru

Abstract. The study deals with the origin of the word OSIRIS (the name of the God of agriculture, fertility, horticulture, and farming in Ancient Egypt) from the Kazakh (ancient Kazakh) word ØCIPIC, proposed by O.O. Suleimenov in a hypothetical scientific concept called the Law of Osiris or the Theory of Osiris. O.O. Suleimenov substantiates his scientific position by demonstrating Kazakh words formed from the root ØC (ÖS) — to grow, and its derivatives — ØCIP (ÖSIR) — to cultivate, ØCIPIC (ÖSIRIS) — cultivation, which does not agree with the established traditional scientific position of Egyptologists, according to which OSIRIS is Greek, and in Egyptian WSIR, which can be read as USIR. The proposed scientific concept can be indirectly supported by such aspects as: 1) the acoustic (pronunciation) uniformity of these words; 2) the same (agglutinative) word formation in Kazakh and ancient Egyptian languages with the absence of prefixes (with rare exceptions); 3) the proximity of eras (the 3rd and 4th millennia coincide with the time of ÖSIRIS and the Sumerian-Turkic languages, which functioned at that time with synharmonic sound. This could hypothetically allow for their interaction) and others. The root of the ancient Egyptian word consisted of one, two, or three consonants, i.e., it was consonantal, with no vowels in its spelling. The vocalization of the consonantal combination in the root of the word was apparently optional. The root of the Kazakh word consists of a combination of sounds with the obligatory participation of a vowel. In the word ØCIPIC (ÖSIRIS), the root of the word is ØC (vowel + consonant), which does not fully correspond to the acoustic structure of the root of the ancient Egyptian word, in which, as Egyptologists note, in 90% of cases the root consists of a three-member consonant combination. Is the acoustic uniformity of the word ØCIPIC (ÖSIRIS) in Kazakh and Egyptian a coincidence, or is there pattern behind it that needs to be researched, described and discovered? O.O. Suleimenov proposed to consider the object and subject of scientific research in a new light, which causes disagreement among representatives of the traditional (official) scientific concept, but at the same time generates hypothetical interest in conducting investigation among another group of researchers with the aim of determining the etymon (original source) of a linguistic unit. In the course of scientific research, methods of interlingual comparison, intralingual comparison, contrast of minimal pairs, inductive and deductive methods were used, which contributed to the determination of the theoretical and practical significance of the scientific problem under study.

Key words: ancient Egyptian God, Kazakh, ancient Kazakh, traditional scientific position, proposed scientific position, sound structure of a root, consonantal root of a word, etymon, word formation

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Dzhusupov, M. 2025. “O.O. Suleimenov: ÖSIRIS — the Name of Ancient Egyptian God and the Kazakh Word ӨСИРИС (ÖSIRIS) — *Growth: the Word in the Space of Time and Territory.*” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 802–821. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-802-821>

Введение

Осирис (ÖSIRIS) — имя бога, растений, земледелия, плодородия в Древнем Египте. Обращаясь к этой проблеме, Дж. Гриффитс, М.Ю. Лаврентьева и другие специалисты отмечают разные научные точки зрения относительно происхождении этого слова и его значения [см.: 1; 2]. Так, М.Ю. Лаврентьева выделяет 9 точек зрения специалистов:

- 1) слово иностранного происхождения, т.е. заимствованное от вавилонского варианта имени бога Мардука — Асар или Асари;
- 2) слово означает «Резиденция солнца», т.е. OKA wdit;
- 3) слово иностранное. Осирис от имени ассирийского бога Ашшура;
- 4) слово означает «Могущество Ока»;
- 5) слово означает «тот, кто сидит на троне»;
- 6) имя Осирис происходит от берберского корня wrs в значении «старый»;
- 7) имя бога Осирис египетского происхождения. Перевод «радость (свет) очей»;
- 8) Осирис — это «та» или «то», что обладает суверенной властью и творит;
- 9) Осирис как имя wsir («место творения») (см. [2]).

Таким образом, точки зрения специалистов о происхождении имени *Osiiris* разные: от собственного египетского происхождения (большинство специалистов) до иностранного происхождения (меньшинство специалистов). При этом в определении значения слова *Osiiris* также наблюдаются разные толкования, предположения: царь; царь, сидящий на троне; око всего — всевидящий; творец; место, где происходит творение; обладатель властью и творец; резиденция солнца (светящийся солнцем, всевидящий, всерасполагающий, т.е. сидящий (находящийся), где солнце, на месте солнца; царь подземного мира, поэтому прорастают растения, растут деревья и сады; реальный человек — красивый, деятельный, учивший египтян растениеводству, садоводству, который, по всей видимости, был обожествлён народной молвой на уровне бога, царя (при жизни или после ухода в мир иной) и стал достоянием народа Древнего Египта, заняв высокое место в его мифологии.

К этим определениям о понимании имени *Osiiris* добавляются *фараон*, *жрец*, *фараон* и *жрец* и др.

Самым распространённым пониманием значения имени *Ociris* является понимание как бога растениеводства, садоводства, плодородия, земледелия. Именно в таком значении *Ociris* представлен в большинстве собственно научных источников и в научно-популярной литературе.

История развития языков, типов и видов письма тесно взаимосвязана как по типологии языков, так и по разновидностям письма, что является величайшим достижением в истории развития человечества, построившим мост между звуковым типом речи и графическим (рисуночным, иерогlyphическим, звукобуквенным) [3–6].

Все типы и виды письма носили и носят общечеловеческий и национально-культурный характер, так как в каждом национальном письме передаётся (отражается) ментальность народа, а следовательно — и аспекты общечеловеческой ментальности в прошлом, настоящем и будущем [7].

Определенная часть языков и типов письма стали достоянием истории (латинский, древнетюркский, древнеегипетский, шумерский и др.). Но в истории есть и явление, когда язык стал мертвым и вышел из употребления, так как нет носителей этого языка, но его письмо до сих пор фрагментарно существует в каменных памятниках, на стенах древних храмов и т.д. (например, египетское (древнеегипетское) письмо).

Египетский (древнеегипетский язык) был открыт французским языковедом Жан Франсуа Шампольоном 14 сентября 1822 г. благодаря проведенной им дешифровке, опирающейся на текст Розеттского камня [8]. Это научное событие (открытие) стало рождением египтологии. К проблеме египетского языка, его письма обращались многие историки в целом и историки языка в частности [6; 9; 10–14], которые в своих исследованиях рассматривают разные аспекты египетского языка и письма (фонетику, словообразование, морфологию, синтаксис, графику, значение).

Древнеегипетский язык и письмо, которые стали достоянием истории, поддаются прочтению и научному анализу во фрагментах, а не в целом. Происхождение слова ŒSIRIS, его этимологическое описание, определение его первоисточника (этимона) до настоящего времени египтологами полноценено не осуществлено. Поэтому могут быть предложены разные версии происхождения этого слова, так как путь к научной истине может быть (и бывает) разным. В мире много примеров, когда одну и ту же научную истину открывали разными подходами, путями.

К проблеме египетского языка обращается и О.О. Сулейменов — поэт, ученый, автор широко известной лингвоистической работы «Аз и Я» [15], а также таких работ, как «Код слова» [16], «Язык письма» [17], «Тюрки в доистории» [18] и др. О.О. Сулейменов пишет: «...за 200 лет египтологи так и не расшифровали это слово, происхождение которого нам не удалось обнаружить ни в одном языке мира. Прочесть его... оказалось возможным только

сейчас — опираясь на казахский язык» [19. С. 3]¹. Далее О.О. Сулейменов пишет: «...в казахском языке сохранились все составляющие этого понятия: „ÖS“ — ΘС — „расти!“ (каз.), ÖSIR (ΘCIP) — „возвращай!“ (каз.), ÖSIRIS (ΘCIPIC) — «возвращение» (каз.)» [19. С. 3].

И звуковое, и графическое, и семантическое совпадения слов в языках могут быть объяснены с разных позиций: как родственность языков; как взаимодействие и взаимовлияние языков (заимствование); как случайное совпадение; как невозможность объяснения обоснования доказательства этих совпадений (сходств) на современном этапе развития лингвистики и истории.

Рассмотрим предлагаемую О.О. Сулейменовым гипотетическую концепцию с этих положений, потому что слово — времен связующая нить — функционирующее в эпохальных и территориальных пространствах языка и речи как в национальных (монокультурных), так и в межэтнических, би- и поликультурных условиях.

Слово в кочевьях языкоречи

Слово находится в состоянии динамики: кочует внутри языка и заимствуется другими языками [см. 20; 21]. При этом основную лексико-семантическую нагрузку несёт корень слова, от которого образуются новые слова как в языке-доноре, так и в языке-реципиенте. Например: казахское (турецкое) слово ата (дедушка) заимствовано русским и украинским языками. В этих языках-реципиентах образованы от этого корня новые слова — атаман (ата+ман), атаманщина (ата+ман+щин+а). Касаясь этой проблемы (прежде всего понятия *корень слова*), Г.Д. Гачев пишет: «корни слов в особенности содержат ключи и основополагающим идеям, и в них надо вслушиваться острым слухом, испытывать и допытываться» [7. С. 7]. Точка зрения Г.Д. Гачева в определённой степени согласуется с предложенной О.О. Сулейменовым концепцией о происхождении слова Осирис (ÖSIRIS) от казахского (древнеказахского, древнетюркского) слова ΘС (*расти, ты рости*), ΘCIP (ÖSIR) — *возвращать, ты возвращай*, ΘCIPIC (ÖSIRIS) — *возвращение*. Корень слова ΘС (ÖS).

В этот лексико-семантический ряд для его полноты предлагаем включить и другие производные слова от корня ΘС, такие как ΘСУ (*растить*), ΘCIPU

¹ Международная конференция, проведённая Международным центром сближения культур под эгидой ЮНЕСКО (категории 2) в Алматы в партнёрстве с Российской университетом дружбы народов им. Патриса Лумумбы и Евразийским фондом культуры, посвященная этой проблеме, называется «Закон Осириса: древнеказахский язык и культурное наследие человечества». Использование понятия и соответствующего выражения «древнеказахский язык» — это авторское (сулейменовское). Каждый исследователь вправе давать своё понимание и определение. Это не смущает, а способствует рождению желания осуществлять научные изыскания в этом направлении. Ни один язык на пустом месте не появляется, поэтому у каждого языка, группы родственных языков и т.д. есть древняя основа, древний вариант или древняя вариация.

(*возвращивать*): аффикс *-у* в казахском языке — показатель неопределенной формы глагола, т.е. инфинитива. В этой совокупности слова с корнем *ӨС* будут представлены в полном виде, так как для глагола как части речи, обозначающей в целом действие, неопределенная форма является важной, вбирающей в себя варианты и вариации действий, заложенных в лексико-семантическом поле слова.

В этот ряд следует включить и слово *ӨСІРІСҮ* (*возвращивать*). В лексике казахского языка в настоящее время такого слова нет, но грамматика, семантика казахского языка позволяет образование такого слова с аффиксом *-у*, обозначающим значение *возвращивать*, т.е. неопределенную форму глагола. На наш взгляд, введение этого слова в ряд слов, образованных от корня *ӨС*, не является нарушением семантических, грамматических, словообразовательных и словоизменительных норм казахского языка.

Итак, этот ряд слов, образованный от слова *ӨС* (корня слова), согласно положениям грамматики, семантики словообразования, формообразования казахского языка, будет выглядеть в следующем порядке:

ӨС (растi), ты растi (форма *-өс-* корень слова), выражает 2-е лицо ед. ч. глагола: сен *өс (ты растi)*;

ӨСҮ: ӨС+У (растить, неопределенная форма глагола (инфinitiv);

ӨСІР: (өс+ір) (ты растi, ты возвращай), форма повелительного наклонения (2-е лицо).

*Өсіру: өс+ір+у (неопределенная форма глагола, *растить, взрастить*);*

ӨСІРІС: ӨС+ІР+ІС (возвращание), отлагольное существительное;

Өсірісу: өс+ір+іс+у (возвращивать совместно), неопределенная форма глагола (инфinitiv).

Итак, для полноты представленного понятия *растi, растить, взрастить, возвращать, возвращение* в казахском языке желательно исходить из представленных выше 6 слов, образованных от корня *ӨС*, так как, если рассматривать слово Осирис (ÖSIRIS) и соответствующее понятие и предложенную О.О. Сулейменовым концепцию как происходящую от казахского корневого слова *ӨС*, то и корнем слова ÖSIRIS (Осирис), т.е. его первоисточником, этимоном, должен быть корень *ӨС*.

Но при этом возникает вопрос, связанный с тем, что казахский язык сингармонический (*ал-әл, бол-бөл, көл-қол, сый-сіз, тұр-тұр, ...*) [22–25]: имеет ли сингармоническое казахское слово *ӨС* свою сингармоническую пару? Не имеет: в казахском языке слово *ӨС* активно функционирует, но его сингартвердой пары в казахском языке нет. И это необязательно. Главное, что каждое слово сингармоническое: произносится только сингартвердо, и уже это слово сингармонягко не произносится (и — наоборот) (закон сингармонизма для всех тюркских языков одинаково универсальный: *сол* (тот) — сингартвердое произношение, *сөл* (сок) — сингармонягкое произношение).

Из сказанного выше рождается другой вопрос: в древнегреческом, древнеегипетском языках был тотальный (универсальный) сингармонизм или не был?

Рождается еще вопрос: если этимоном (первоисточником) слова *Osciris* является казахское (древнетюркское) корневое слово ΘС, а оно сингармолингвомягкое и производное от него ΘCIPIC, то как оно должно было произноситься в древнеегипетском или древнегреческом — как сингармомягкое или как сингармотвердое? (*ÖSIRIS* или *OSYRYS*)? Синтагматика фонем (фонотактика), т.е. характеры звуковых цепей играют огромную роль в исследовании происхождения слова как в каждом языке в отдельности, в типе языков, так и в истории развития языков, в которых происходили (или не происходили) большие эволюционные и даже революционные изменения, связанные с особенностями внутреннего развития языка и особенностями влияния контактирующих языков.

Закон сингармонизма тюркских языков — цемент слова, каким бы многосложным оно ни было. Сингармонизм является основой древнетюркского языка (произношение и письмо), а также для шумерского языка, т.е. древность тюркских языков не порождает сомнений, так как по одной из версий и шумерский язык и письмо были сингармоническими, как и современные тюркские орфоэпии и орфографии. Следовательно, орфоэпия и орфография шумерского, древнетюркского языков основаны на одном и том же законе — законе сингармонизма. Об этом свидетельствуют результаты научных исследований как в бывшем СССР, так и в настоящем СНГ и в странах Дальнего Зарубежья [15]. Таким образом, сингармолингвотвердое и сингармолингвомягкое произношение шумерских и тюркских слов имеет многотысячелетнюю историю и в полной мере присутствует, функционирует в современных тюркских языках: сингармолингвотвердый, сингармолингвомягкий, сингармолингволабиотвердый, сингармолингволабиомягкий, гортанный (или фрикативный). Это позволяет нам ввести понятия и термины — шумеро-турецкий язык, шумеро-туркское письмо, шумеро-туркская история и т.д. Для современного казахского языка универсальным являются две главные разновидности сингармонизма, функционирующие в составе всего слова (сингармолингвотвердый, сингармолингвомягкий).

В киргизском, а также в северных тюркских языках универсально функционируют ещё лабиальный и гортанный (фрикативный) сингармонизм. Они не разделяются по словам, а функционируют вместе с лингвальным сингармонизмом (язычный, языковой) — главной доминантой сингармонизма в составе одного слова [4; 22; 23; 25].

В настоящее время в результате многовекового контактирования узбекского языка с фарси (конкретно с таджикским) на уровне повседневной устной речи и официального письменного фарси, а также арабского языка в нём нарушен закон сингармонизма: а) двусложное и многосложное слово произно-

сится и пишется не сингармонически; б) один и тот же сингаромоягкий аффикс образует новые слова или новые формы слова, присоединяясь как к сингармотвердому корню слова, так и к сингаромоягкому: бола+лар [болә+ләр] (дети), кўча+лар [көчә+ләр] (улицы) и т.д. Таким образом, современный узбекский литературный язык — единственный тюркский язык с серьёзным нарушением сингармонизма, то есть в нём сингармонизм полноценно не функционирует, а следовательно, в нём нет сингармонизма как универсального закона орфоэпии и орфографии тюркских языков. Сингармонизм присутствует в односложных словах тюркского происхождения, а также в словах и в словоформах, образованных от слов с сингаромоягким корнем или присоединении к нему сингаромоягких аффиксов. В многосложных словах с сингаромотвёрдым корнем сингармонизм отсутствует, не функционирует [22; 23; 24; 26]. В целом современный узбекский литературный язык в настоящее время несингармонический.

Рождается еще один вопрос: Если этимон слова ÖSIRIS восходит к казахскому слову ΘС, а это форма 2-го лица повелительного наклонения, то как это было воспринято в древнегреческом, древнеегипетском языках? В них существовало в то время такое значение глагола и такая грамматическая форма, в таком оформлении? Если да,, если нет,

Слово ΘCIPIC состоит из: ΘС (корень), -IP (суффикс, обозначающий 2-е лицо, повелительное наклонение), -IC (суффикс, обозначающий в целом взращивание, т.е. в целом, обобщенно). Эти аффиксы казахского языка также восприняты в то время в древнеегипетском, древнегреческом языках (корень + аффикс + суффикс, в тех же значениях), или это случайное звуковое совпадение, что встречается не часто, но всегда наглядно и оченьозвучно?

Итак, эти и другие вопросы, рождающиеся в процессе рассмотрения предложенной О.О. Сулейменовым научной проблемы, имеют не только лингвонаучную, но и межкультурную, философскую и т.д. значимости.

Обращаясь к данной лингвоисторической проблеме на материале шумерского и тюркских языков, О.О. Сулейменов пишет: «Сейчас, сравнивая шумерские тексты тюркского письма и тюркский памятник VIII в., найденные в Монголии, становится очевидным, что они практически не изменены. Всё это подсказывает, что тюркология должна начать исследования в этом направлении с IV тысячелетия до нашей эры» [19. С. 3]. Такая научная позиция автора предложенной концепции сближает временные пространства между шумерами и тюрками (т.е. шумеро-турками), древними египтянами с рисуочным письмом бога ÖSIRIS-а и, на наш взгляд, является косвенным, гипотетическим полусогласием на гипотезу о происхождении слова ÖSIRIS от казахского (древнеказахского, древнетюркского) ÖS (ΘС), ÖSIR (ΘCIP), ÖSIRIS (ΘCIPIC).

В данной работе мы не будем категорично реагировать на научную концепцию О.О. Сулейменова, на научные позиции специалистов, работающих

в этой области истории и истории языка, демонстрирующих свое видение и свое научное заключение, потому что к одной истине можно прийти с разных научных позиций, подходов. В научной жизни общества есть и зацементированные научные определения, решения, которые не поддаются даже и вирусному заражению другой мыслью, другим научным решением. Они аксиомы — всегда правильные на то время, когда созданы, а нередко и на века. Обсуждаемый вопрос новый, а следовательно, неожиданный и неудобный, идущий не по пути с устоявшимися большими властными течениями в научной жизни. Поэтому мы не пишем и не произносим резко опрокидывающих рече выражений. Кто в аксиоме, тот стоит на своём «закементированном» решении вопроса. У них свое видение и решение, которые сформированы в их сознании как истинные, как правильные. Они к этому шли всю научную жизнь. И мы в той или иной степени такие же. И О.О. Сулейменов в той или иной степени такой. Но мы и О.О. Сулейменов подходим к проблеме с других научных позиций, допускающих альтернативные подходы и решения. Спиноза сказал: «Всякое определение — это ограничение». Но ограничение допускает другое видение проблемы, за рамками поля этого ограничения. Мы позволим себе дополнить данное умозаключение Спинозы: «Всякое определение — это ограничение, но не запрет». Поэтому ещё раз хотим отметить, что предлагаемая О.О. Сулейменовым научная концепция о происхождении слова ŌSIRIS, восходящая, как автор утверждает, к древнеказахскому языку, может подлежать научному исследованию, научному обсуждению на уровне международной конференции в кругу специалистов и любителей истории в целом и истории языка в частности. Рассматриваемый вопрос чрезвычайно сложный, требующий больших научных поисков, больших доказательств, как лингвистических, так и исторических, культурологических и т.д. Но самое главное, на наш взгляд, предлагаемая научная проблема гипотетически обсуждаемая.

Выход в поиске этимона слова и понятия ŌSIRIS на платформу казахского языка (по О.О. Сулейменову), видимо, следует рассматривать и в широком диапазоне, с обращением и к другим тюркским языкам, в которых слово и формы слова, предлагаемые О.О. Сулейменовым, находят своё место.

Так, в узбекском, каракалпакском, киргизском и других тюркских языках слово ŌС и производные от него слова присутствуют с такими же значениями. В узбекском языке произношение такое же, как в казахском:

ўс (*расти*);
ўстир (*ты расти, ты выращивай*);
ўсиш (*расти*);
ўстириш (*растить*);
ўстирмок (*растить в целом, охватывая и будущее время*).

Аффиксы другие. Но значения такие же, как в казахском языке.

Такое же мы наблюдаем и в каракалпакском, и в киргизском, и в других тюркских языках с некоторой разницей в аффиксах, но не в значении корня слова (ΘС) и производных слов от него.

Таким образом, предложенная О.О. Сулейменовым концепция происхождения слова и термина ΘCIPIC (ÖSIRIS) от казахского слова (корня слова) ΘС при расширенном рассмотрении с выходом и на другие тюркские языки свидетельствует о том, что такое слово и понятие характерно и для них, что косвенно работает на позиционную поддержку научной платформы О.О. Сулейменова.

Созвучие слова ÖSIRIS с современным казахским *словом* (и другими тюркскими) ΘС, ΘСУ, ΘСР, ΘСРУ, ΘСИПИС, ΘСИПИСУ — это случайное совпадение, как, например, русское *тон* (тон голоса) и казахское, узбекское *тон* (шуба) или казахское, каракалпакское, киргизское *он* (десять) и русское *он* (местоимение 3-го лица ед. числа), или оно свидетельствует о взаимодействии языков и культур в древности (казахского, тюркских, т.е. шумеротюркского, египетского и греческого). Если второе, то настоящая проблема должна быть рассмотрена полиаспектно как в диахроническом (прежде всего), так и в синхроническом планах.

О.О. Сулейменов пишет: «...именно благодаря рисуочному письму были обнаружены и опубликованы первые документальные доказательства истории казахов в Древнем Египте III тысячелетия до н.э. не как случайных гостей, но как возможных создателей культуры земледелия. Проходили тысячелетия, казахи в бесконечных перекочевках стали использовать по сезонно выраставшие степные растения как подножный корм для скота...» [19. С. 4]. Возникает несколько вопросов:

1. Как древние казахи оказались в Египте — или они в то время там были коренными жителями?

2. Какими миграционными путями древние казахи оказались в Египте?

Эти вопросы не отрицают научную концепцию О.О. Сулейменова, но научно обоснованные ответы на них, на наш взгляд, могут работать на определение положительного в содержании предложенной им научной концепции.

Корень казахского (тюркского) слова всегда имеет значение. Корень слова состоит как минимум из одного слога и более (*сен* — ты, *ол* — он, *бес* — пять, *нан* — хлеб; *адам* — человек, *бала* — ребёнок, *балапан* — птенец).

Корень тюркского слова не состоит из одного согласного или сочетаний согласных, как, например, в русском языке: *зрение*, *зри* (форма 2-го лица, ед. ч.). Корень — сочетание двух согласных *зр-*, который в этой форме не имеет лексического значения. Морфологические чередования в русском языке — синтагматика фонем — приводят к рождению такого корня слова. Если в казахском (или в другом тюркском языке) корень слова не имеет лексического значения в сознании тюркофона, то это, скорее всего, заимствованное слово, при

этом — новозаимствованное, так как ранее заимствованные слова и их корни в казахском языке (и во многих других тюркских языках) обязательно имеют (имели, приобрели), лексические значения, которые известны всем и стали как родные.

Казахи (и в целом тюрки) такие слова считают тюркскими, генетически родными, не подозревая, что они заимствованные. Например: каз., узб., кирг., каракалп.: *гул* — цветок (из фарси). Поэтому если даже в языке-доноре корень слова состоит только из согласных, носителем казахского языка воспринимается и реализуется в виде слова (слова) с гласным звуком.

В предложенных О.О. Сулейменовым словах корень слова *ӨС* (*ÖS*) имеет значение *расты*, отсюда и производные слова (см. выше), в которых семантическим центром значения является понятие рости (*расты, растить, растите, взращивать, взращивание*).

Корень казахского слова всегда семантичен и всегда строится с обязательным участием гласной фонемы, всегда сингармоничен. Если даже корень слова состоит из одного гласного звука, он все равно имеет лексическое значение. Например, казахское слово, обозначающее значение *яд*: *у* — это слово и корень слова (*у — яд*) (см. [22]).

Такое положение дел полностью сохраняется в предложенном О.О. Сулейменовым ряде слов с корнем *ӨС* (*ÖS*) применительно к его научной концепции о происхождении слова *ÖSIRIS* (ОСИРИС) из древнеказахского языка, в котором, по его мнению, функционировали слова *ӨС*, *ӨCIP*, *ӨCIPIC*, как и в современном казахском языке.

Этот аспект исследуемой проблемы (неизменяемость корня слова и его значение в казахском языке) также косвенно работает на позиционную поддержку гипотетической мысли О.О. Сулейменова о происхождении слова и понятия *ÖSIRIS* из древнеказахского языка. Да, косвенно, а не прямо, так как гипотетически существует вариант случайного звукового совпадения. Мы в данной работе и первое, и второе не отрицаем, потому что они нуждаются в проведении серьёзных изысканий, чтобы прийти к научной истине.

С позиции акустической наблюдается одинаковая звуковая реализация, что и является одной из основ для такого этимологического умозаключения О.О. Сулейменовым. Следующим фактором, подтолкнувшим О.О. Сулейменова к такой, на наш взгляд, научной констатации является соответствие значения казахских слов *ӨС*, *ӨCIP*, *ӨCIPIC* значению слова *ÖSIRIS*. В этих словах семантическим центром является значение *расты* и производных от него *прорастать, взращивать, взращивание*, т.е. деятельность растения как живого организма, развивающегося и дающего свои плоды для человека. Семантика слова, обозначающего древнеегипетского бога растений, плодородия, земледелия (*ÖSIRIS*) и его деятельность, и семантическое поле казахского слова *ӨCIPIC* совпадают (одинаковые), так как оба слова вбирают в себя

значения *расти, выращивать, взращивать, взращивание*: в первом случае – деятельность с божественных позиций, веление и распоряжение с небес от одного (единственного) небесного повелителя и бога плодородия и земледелия; во втором случае деятельность, исходящая от земных, жизненных потребностей людей в необходимости для их существования плодов растениеводства, плодоводства, в целом земледелия. И первое, и второе тесно взаимосвязано, так как в третьем, четвёртом и т.д. тысячелетии до нашей эры человек полностью верил в небесный космос. Поэтому результаты своей деятельности считал результатом небесного (божьего) веления, которое он (человек) выполнил.

Если казахское слово *əcīrīc* и древнеегипетское ŌSIRIS одно и то же как по звучанию, так и по значению (взращивание), то происхождение названия древнеегипетского бога должно быть таким же казахским (корень + суффикс + суффикс):

Каз. Өс (<i>расти</i>); древнеегип. или древнегреч.: ŌS;	Каз. Өcīp: (өс+ip) (<i>ты рости, взращивай</i>); древнеегип. или древнегреч: ŌS+IR;	Каз. Өс+ip+ic (<i>взращивание</i>); древнеегип. или древнегреч: ŌS+IR+IS.

Возникают вопросы: в древнеегипетском языке была такая модель словообразования? Или казахское (древнеказахское) слово воспринято без изменений как по звучанию, так и по значению, и по словообразовательной модели? Такие вопросы возникают в связи с тем, что в данном случае имеет место полное совпадение этих слов по трем параметрам (звукание, значение, словообразовательная модель). В казахском языке агглютинативное словообразование, когда к корню присоединяются аффиксы один за другим: (қам+сыз+дан+ды+рыл+ма+ған+дық+тар+ыңыз+дан). В этом казахском слове к корню слова қам присоединяются 10 суффиксов (значение: *от того, что вы заранее не подготовились, не запаслись*).

В древнеегипетском языке словообразование происходило в основном за счёт присоединения суффиксов и очень редко приставок к корню слова, а также встречаются случаи, когда два корня объединялись и создавалось одно слово, а также случай редупликации (полное или частичное повторение слова или его части).

Образование слов посредством суффиксов в древнеегипетском языке соответствует образованию слова в казахском и в целом тюркских языках. Однаковыми являются и способы образования слов за счёт объединения корней, а также редупликации (каз. *Aқтас* (белый камень), *Aқтаяу* (белая гора), *қап-қара* (очень чёрный), *көне-көне* (очень старый, древний)).

Если в древнеегипетском языке редко, но встречались случаи образования слов за счёт префиксации, то такое же положение дел в современном

казахском, узбекском языках: есть несколько слов, образованных за счет заимствованных приставок из фарси: *маза* (беймаза, бей+маза) (довольство — недовольство); *разы* (наразы, на+разы) удовлетворительно, неудовлетворительно); *мәлім* (беймәлім, бей+мәлім) (известный, неизвестный); *тарап* (бейтарап, бей+тарап) (сторона, без определённой стороны, куда попало).

Итак, для обоих языков приставочное словообразование не является системным: встречаются некоторые случаи, т.е. исключения. Система – суффиксальное словообразование.

Эти четыре аспекта словаобразования в древнеегипетском и в казахском языках совпадают: суффиксальное словообразование, образование слов сложением корней слов, редупликация, отсутствие системы префиксального словаобразования, за исключением очень редких случаев. Эти стороны особенностей древнеегипетского; казахского и других тюркских языков также косвенно работают на выдвинутую О.О. Сулейменовым гипотезу о происхождении древнеегипетского слова ÖSIRIS от казахского слова ӨСІРІС.

Корень слова в древнеегипетском языке строится на основе корневых согласных. Корни слов могли состоять из трех-, двух- или одного согласного, но более 90 % слов имели корень, состоящий из трёх согласных (трехсогласный корень) [27]. Чтение древнеегипетских слов затрудняется тем, что вокализация (огласовка) между согласными корня факультативная проблема, так как каждая научная школа прочтение может осуществлять с некоторой разницей в произношении гласного призыва, потому что это было консонантное письмо, поэтому по настоящее время количество гласных в этом языке не определено, так же как их акустические и артикуляционные характеристики.

Согласных 23 звука, каждый из которых обозначается специальным знаком (так называемым алфавитным знаком). «Из-за отсутствия гласных в письме, для произношения египетских слов принято „условное чтение“, которое однако не отражает того, как эти слова на самом деле произносили носители языка» [27].

В связи с тем что система вокализма в понятиях конкретных звуков-смыслоразличителей (фонем, количество, артикуляция, ...) в древнеегипетском языке до настоящего времени неизвестна, а корень слова, как правило, состоит из сочетания согласных, то при чтении египетского слова (как было выше сказано) могла быть разная вокализация (на наш взгляд, это зависело от того, носителем какого наречия, диалекта, говора является читающий). Поэтому одно слово с консонантным корнем могло произноситься с несколькими разными вокалическими призвуками, тем более что египетскую надпись могли прочитать (озвучивать) представители элиты (люди знатного происхождения), тогда как народ в целом не был читающим.

Современное арабское письмо также консонантное, поэтому гласные призвуки представители разных языков произносят так, как это должно быть

в его родном языке. Например, когда до 1927 г. для тюркских народов Российской империи родной графикой была арабская графика, то одно и то же тюркское слово, написанное арабской вязью, казах озвучивал со своей гласной огласовкой, узбек со своей и т.д.

Арабское консонантное письмо [28] вокализовали в 1912, 1914 гг. А. Байтурсынов осуществил его реформу, основываясь на сингармонической тюркской звучащей речи (на материале казахского языка) [29–31]. Эта реформа арабской графики (сингармонизация) была принята фактически всеми тюркскими народами как при переходе на латиницу, так и при переходе на кириллицу. В этом виде (сингармофонологическом арабском) это письмо используется как официальная орфография в системе образования казахского народа в современном Китае.

Итак, корень древнеегипетского слова состоит из согласных (одного, двух, трёх). Например: «корень „kmt“ (предположительно обозначающий „черный“ мог использоваться для образования слова “Remet”, что означало „черная земля“ (название Древнего Египта)» [27].

Перед корнем очень редко находится (присоединяется) префикс, то есть это нехарактерно для древнеегипетского языка, поэтому все корни находятся в инициале слов и представляют собой, как правило, сочетания согласных. Такая звуковая инициальная позиция слова совершенно не свойственна казахскому и другим тюркским языкам: в инициале казахских слов и в целом тюркских слов консонантные сочетания невозможны [22]. Но с другой стороны, корень слова в тюркских языках всегда в инициальной позиции слова, т.е. так же, как и в древнеегипетском языке, что косвенно работает в сторону предложенной О.О. Сулейменовым концепции.

В казахском ӨCIPIC (ÖSIRIS) корень слова ӨС (ÖS) состоит из сочетания гласного и согласного, что, по данным исследователей, невозможно, не свойственно древнеегипетскому языку. Такое контрастивное, неэквивалентное, прямо противоположное строение корня слова в казахском и египетском языках не работает на возможность происхождения древнеегипетского OSIRIS от казахского ӨCIPIC. Если же произношение и написание слова ÖSIRIS в таком виде возникли в результате исследований египтологов, то тогда такое можно допустить: принято написание и произношение не по-древнеегипетски, а так, как это удобно египтологам. Поэтому, как отмечают историки-египтологи, занимающиеся этой проблемой, отмечают в греческом ÖSIRIS, а в египетском WSIR, что может читаться как [USIR]. WSIR — древнее название Египта (или Черная Земля), в казахском языке произносится и пишется Мысыр. Инициальный звук слова, передающийся на письме буквой W (WSIR) губно-губной, несмычный, открытый (щелевой). В казахском произношении этот инициальный губно-губной несмычный (щелевой открытый) звук заменяется губно-губным /m/, который смычный, сонорный (более звучный), т.е. они одинаковые

по месту образования, близки по силе звучания, в обоих звуках-смыслоразличителях присутствует лабиальность; отличие — в способе образования. Некоторые пожилые люди по-казахски произносят и как [мысыр], и как [үсір]. Второе соответствует по звучанию древнеегипетскому произношению слова (т.е. /USIR/). Такое положение дел косвенно свидетельствует о возможном взаимодействии в далеком прошлом древнеегипетского и шумеро-тюркского языков, в составе которого находится и казахский язык. Поле поиска этимона исследуемого слова, на наш взгляд, следует расширить с выходом на древнетюркский язык (языки) (см. работы, посвященные древнетюркскому языку: [32; 33; 34]) и на шумерский, в которых функционировал сингармонизм [15]. Шумерско-тюркская эпоха, древнеегипетская эпоха близки по пространству, времени, поэтому можно предположить их взаимодействие и взаимовлияние в языке и культуре. Подобное контактирование, если оно было, допускает возможность заимствования слова со звуковой структурой, несвойственной языку-реципиенту (т.е. принятие древнеегипетским языком слова без консонантного сочетания в инициале корня). Данный процесс заимствования слов с несвойственной звуковой структурой для языка-реципиента активно демонстрируется и в настоящее время. Например, тюркские языки в Евразии заимствовали слова с английского, русского и других языков, в которых встречаются сочетания согласных в инициале слова (стол, смартфон, стадион), что нехарактерно для тюркских языков. Этот реципиентско-донорский лингвоконтрастивный процесс имеет двустороннюю основу и может осуществляться в пространстве эпох и территорий при контактировании языков и культур.

Таким образом, путь к истине происхождения слова ŒSIRIS от казахского (древнеказахского) слова ӨСИРІС (по гипотезе О.О. Сулейменова) долгий и полиаспектный, требующий проведения серьезных научных изысканий как лингвистического, так и исторического, транскультурного характера, без громких или молчаливых отрицаний сторонниками устоявшихся научных традиций, имеющих, как правило, на все правильные ответы и без преждевременных шумных восхищений сторонников научной гипотезы О.О. Сулейменова.

Слово кочует в кочевьях языкоречи в разных национально-культурных и общечеловеческих (универсальных) условиях антропоцентризма. Поэтому результаты научного поиска могут быть разными: «Да, прав О.О. Сулейменов»; «Нет, не прав О.О. Сулейменов». Второй ответ у части специалистов уже готов, хотя первоисточник (этимон) слова они еще не определили.

Противоречащих гипотетической концепции О.О. Сулейменова научных точек зрения в целом и лингвистических в частности немало. Это следующие вопросы:

Как древние казахи оказались в Древнем Египте?

Или они в то время там были коренными жителями?

Если они не были коренными жителями Древнего Египта, то какими миграционными путями туда пришли?

Сочетание согласных в инициале древнеегипетского слова, что нехарактерно для казахского и других тюркских языков и др. Это, с одной стороны.

С другой стороны, есть косвенные, полусогласные и прямые аргументы, которые могут быть рассмотрены как положения, работающие на платформу научной гипотезы О.О. Сулейменова. Это одинаковое звучание рассматриваемых древнеегипетского и казахского слов (ÖSIRIS — ΘCIPIC). Это случайное совпадение или неслучайное?

Совпадение значения этих слов в двух языках (случайное или неслучайное)?

Суффиксальный способ словообразования как система в этих двух языках и очень редкое префиксальное словообразование; словообразование способом сложения корней, редупликация.

Корень слова всегда стоит в инициальной позиции слова в этих двух языках.

Научная позиция О.О. Сулейменова согласуется с научной позицией определённой части египтологов, придерживающихся точки зрения об иноязычном происхождении слова ÖSIRIS.

Заключение

Слово — основная лексико-семантическая единица языка, вбирающая в себя звуковой (фонемный), понятийный (семантический, смысловой), символический (знаковый)... аспекты вербализации процесса внутринационального и межнационального общения. Слово — сочетание звуков-смыслоразличителей, создающих звуковые цепи, несущих в себе значение, смысл. Сочетаемость фонем и их позиционных разновидностей в структуре слова при передаче на письмо может быть представлена на основе разных принципов построения алфавита, орфографии, начиная от рисуночного письма и завершая звукобуквенным. Многотысячелетний процесс развития письменной речи, с одной стороны, наглядно демонстрирует значение слова, его произношение, происхождение, а с другой стороны скрывает это за толщей тысячелетий, которые способствовали и породили изменения, ставшие затемнёнными в результате мононационального и полинационального развития языка, типов и видов письма, которые внедрялись друг в друга как по вертикали, так и по горизонтали, что привело, во-первых, к развитию одних языков, письменных культур, и, во-вторых, исчезновению других.

Второе непосредственно касается древнеегипетского языка и письма, которые стали достоянием истории и поддаются прочтению и научному анализу в фрагментах, а не в целом. Происхождение слова ÖSIRIS (в египетском

WSIR), его этимологическое описание, определение его первоисточника (этимона) до настоящего времени египтологами не осуществлено. Вопрос остается открытым. Поэтому могут быть предложены разные версии происхождения этого слова, так как путь к научной истине может быть (и бывает) разным. Предлагаемая О.О. Сулейменовым научная концепция о происхождении слова ÖSIRIS от казахского (древнеказахского, древнетюркского) слова ӨСИРИС (возвращение), состоящего из корня өс (ÖS) — рости и производных слов от него суффиксальным способом: ӨС+IP (ӨСИР) — (ÖSIR) — *возвращай*, ӨСИРИС: ӨС+IP+IC (ÖSIRIS) — *возвращание* имеет право на существование как одна из научных точек зрения. Идея кажется притянутой, неудобно-неожиданной, а для определённой части историков и языковедов видится как полёт фантазии. Мы с таким рассмотрением концепции О.О. Сулейменова в чём-то согласны, в чём-то не согласны, т.е. в целом представляется, что она как одна из гипотез в истории исследования данной проблемы может быть объектом и предметом научного поиска.

В истории развития науки немало примеров, когда фантазия народная или фантазия конкретного ученого способствовали открытию научной истины и на основе этого — созданию технических изобретений, гуманитарных, социальных нововведений, работающих на благо человека.

Список литературы

1. Griffits J.G. The origins of Osiris and his cult // Studies in the history of religions (supplement to NUMEN). XL / ed. by M. Heerma van Voss, E.J. Sharpe, R.J.Z. Werblowsky. Leiden, E.J. Brill, 1980. <https://doi.org/10.1163/9789004378582>
2. Лаврентьева М.Ю. О происхождении и значении имени бога Осириса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: истоки науки. Москва, 2018. Т. 31. № 3. С. 75–85. EDN: YNPXID
3. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. Москва : Наука, 1965. EDN: ZTYEQB
4. Джусупов М. Казахская графика: вчера, сегодня, завтра (кириллица или латиница...). Москва : РУДН, 2013. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-24.013> EDN: JWFMBY
5. Джусупов М. Антропоцентрические и символико-артикуляционные основы корейского письма: три первоначала мироздания — небо, земля, человек // Филологические науки. НДВШ. 2024. № 4. С. 13–19.
6. Петровский Н.С. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1958.
7. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва : Альма-Матер, 2024.
8. Lacouture J. Champollion — Une vie de lumières. Paris : Editions Grasset et Fasquelle, 1988.
9. Петровский Н.С. Звуковые знаки египетского письма как система. Москва : Наука, 1978.
10. Коростовцев М.А. Египетский язык. Москва : Изд-во Восточной литературы, 1961.
11. Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию. Москва : Издательство Восточной литературы, 1963.
12. Дьяконов И.М. Египетское письмо // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва : Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 147–148.
13. Четверухин А.С. Древнеегипетский язык // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва : Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 141–142.

14. Ботаников И.В., Ботаников Д.В. Основы древнеегипетского языка : учеб. пособие. Москва : ФЛИНТА, 2016.
15. Сулейменов О.О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы : Жазушы, 1975.
16. Сулейменов О.О. Код слова. Введение в универсальный этимологический словарь «1001 слово». Алматы : Изд. дом «Библиотека Олжаса», 2014.
17. Сулейменов О.О. Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. Алматы : Рим, 1998.
18. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории. Алматы, 2002
19. Сулейменов О.О. Закон Осириса. Алматы, 2025.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Москва : Астрель: АСТ, 2007.
21. Джусупов М. Макс Фасмер, Олжас Сулейменов: в поисках этимиона // Филологические науки. НДВШ. 2020. № 4. С. 36–47. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-20.036> EDN: XLIUQF
22. Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент : Фан, 1991.
23. Джусупов М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. Ташкент : Узбекистан, 1995.
24. Джусупов М. Ахмет Байтұрсынұлы және қазіргі қазақ тілі фонологиясы. Алматы : Ғылым, 1998.
25. Джунисбеков А. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1988.
26. Джусупова У.Т. Сингармонизм и словесное ударение — просодические доминанты слова (на материале русского, узбекского и казахского языков) : автореф. дис. ... д-ра PhD. Ташкент, 2023
27. Египетский язык. Корень слова и его строение. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Египетский_язык (дата обращения: 09.08.2025).
28. Белова А.Г. Арабское письмо // Большой энциклопедический словарь. Языкоzнание. Москва : Издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 41–42.
29. Байтурсынов А. Оку құралы. Усул сотие жолымен тәртіп етілген. Қазақша алифба. I-нші кітап. Орынбор, 1912 (1992).
30. Байтурсынов А. Тіл-құрал (казақ тілі сарфы). Бірінші жылдық. Орынбор, 1914 (1992).
31. Байтурсынов А. Тіл тағылымы (Қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектері). Алматы: Ана тілі, 1992.
32. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1951. EDN: YTPQLO
33. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1959. EDN: YUOLHW
34. Тенишев Э.Р. Древнетюркские языки // Большой энциклопедический словарь. Языкоzнание. Москва : Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1975. С. 143–144.

References

1. Griffiths, J.G. 1980. “The Origins of Osiris and His Cult.” *Studies in the History of Religions (supplement to NUMEN)*. Vol. XL, edited by M. Heerma van Voss, E.J. Sharpe, R.J.Z. Werblowsky. Leiden: E.J. Brill. Print. <https://doi.org/10.1163/9789004378582>
2. Lavrentieva, M.Yu. 2018. “On the Origin and Meaning of the Name of the God Osiris.” *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Origins of Science*, no. 3 (31), pp. 75–85. Print. (In Russ.) EDN: YNPXID
3. Istrin, V.A. 1965. *The Origin and Development of Writing*. Academy of Sciences of the USSR. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.) EDN: ZTYEQB

4. Dzhusupov, M. 2013. *Kazakh Graphics: Yesterday, Today, Tomorrow (Cyrillic or Latin...)*. Moscow: RUDN University. Print. (In Russ.)
5. Dzhusupov, M. 2024. “Anthropocentric and Symbolic-Articulatory Foundations of Korean Writing: Three Primordial Elements of the Universe — Heaven, Earth, Human.” *Philological Sciences. Higher School Academic Bulletin*, no. 4, pp. 13–19. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.20339/PhS.4-24.013> EDN: JWFMBY
6. Petrovsky, N.S. 1958. *Egyptian Language. Introduction to Hieroglyphics, Vocabulary and Grammar Outline of the Middle Egyptian Language*. Leningrad: Leningrad University Press. Print. (In Russ.)
7. Gachev, G.D. 2024. *Mentalities of the Peoples of the World*. Moscow: Alma-Mater. Print. (In Russ.)
8. Lacouture, J. Champollion — Une vie de lumières. Paris: Editions Grasset et Fasquelle, 1988.
9. Petrovsky, N.S. 1978. *Sound Signs of Egyptian Writing as a System*. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
10. Korostovtsev, M.A. 1961. *Egyptian Language*. Moscow: Oriental Literature Publishing House. Print. (In Russ.)
11. Korostovtsev, M.A. 1963. *Introduction to Egyptian Philology*. Moscow: Oriental Literature Publishing House. Print. (In Russ.)
12. Dyakonov, I.M. 2000. “Egyptian Writing.” *The Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics*. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publishing House, pp. 147–148. Print. (In Russ.)
13. Chetverukhin, A.S. 2000. “Ancient Egyptian Language.” *The Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics*. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publishing House, pp. 141–142. Print. (In Russ.)
14. Botantsov, I.V., and D.V. Botantsov. 2016. *Fundamentals of Ancient Egyptian Language: A Study Guide*. Moscow: FLINTA. Print. (In Russ.)
15. Suleymenov, O.O. 1975. *Az and Ya. Book of a Well-Intended Reader*. Almaty: Zhazushy. Print. (In Russ.)
16. Suleymenov, O.O. 2014. *Word Code. Introduction to the Universal Etymological Dictionary “1001 Words.”* Almaty: Olzhas Library Publishing House. Print. (In Russ.)
17. Suleymenov, O.O. 1998. *Language of Writing. A Look into Prehistory — On the Origin of Writing and Language of Small Humanity*. Almaty — Rome. Print. (In Russ.)
18. Suleymenov, O.O. 2002. *Turks in Prehistory*. Almaty. Print. (In Russ.)
19. Suleymenov, O.O. 2025. *The Law of Osiris*. Almaty. Print. (In Russ.)
20. Fasmer, M. 2007. *Etymological Dictionary of the Russian Language*. In 4 vols. Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev. 4th ed. Moscow: Astrel: AST. Print. (In Russ.)
21. Dzhusupov, M. 2020. “Max Vasmer, Olzhas Suleymenov: In Search of Etymology.” *Philological Sciences. Higher School Academic Bulletin*, no. 4, pp. 36–47. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.20339/PhS.4-20.036> EDN: XJIUQF
22. Dzhusupov, M. 1991. *Sound Systems of Russian and Kazakh Languages. Syllable. Interference. Teaching Pronunciation*. Tashkent: Fan. Print. (In Russ.)
23. Dzhusupov, M. 1995. *A. Baitursynov's Phonemography and Phonology of Vowel Harmony*. Tashkent: Uzbekistan. Print. (In Russ.)
24. Dzhusupov, M. 1998. *Akhmet Baitursynuly and Modern Kazakh Language Phonology*. Almaty: Gylym. Print. (In Kazakh)
25. Dzhunisbekov, A. 1988. *Problems of Turkic Verbal Prosody and Vowel Harmony of the Kazakh Language*. Abstract of doctoral dissertation in philology. Alma-Ata. Print. (In Russ.)
26. Dzhusupova, U.T. 2023. *Vowel Harmony and Word Stress — Prosodic Dominants of the Word (Based on Russian, Uzbek and Kazakh Languages)*. Abstract of PhD dissertation. Tashkent. Print. (In Russ.)
27. “Egyptian Language. Word Root and Its Structure.” *Wikipedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Египетский_язык (accessed: 09.08.2025). (In Russ.)

28. Belova, A.G. 2000. *Arabic Writing*. The Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publishing House, pp. 41–42. Print. (In Russ.)
29. Baitursynov, A. 1912 (1992). *Learning Tool. Arranged by the Usul Sotie Method. Kazakh Alphabet. Book I*. Orenburg. Print. (In Kazakh)
30. Baitursynov, A. 1914 (1992). *Language-Tool (Kazakh Language Morphology). First Year*. Orenburg. Print. (In Kazakh)
31. Baitursynov, A. 1992. *Language Teaching (Works Related to the Kazakh Language and Education)*. Almaty: Ana tili. Print. (In Kazakh)
32. Malov, S.E. 1951. *Monuments of Ancient Turkic Writing: Texts and Studies*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. Print. (In Russ.) EDN: YTPQLO
33. Malov, S.E. 1959. *Monuments of Ancient Turkic Writing of Mongolia and Kyrgyzstan*. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, Leningrad Branch. Print. (In Russ.) EDN: YUOLHW
34. Tenishev, E.R. 1975. “*Ancient Turkic Languages*.” The Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publishing House, pp. 143–144. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, 100170, г. Ташкент, ул. Кичик халка йули, д. Г9а, 21А. ORCID: 0000-0002-2934-2333; SPIN-код: 4302-8351; Scopus AuthorID: 57208146546. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Bio note:

Mahanbet Dzhusupov is a Dr.Sc. In Philology (Advanced Doctorate), Professor, Professor of the Department of the Modern Russian Language, Uzbek State University of World Languages, 21a, G9a, Kichik halka yuli St, Tashkent, 100138, Republic of Uzbekistan. ORCID: 0000-0002-2934-2333; SPIN-code: 4302-8351; Scopus AuthorID: 57208146546. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-822-839

EDN: FCMGQF

Research article / Научная статья

Tatar Humanitarian Thought and “AZ i IA” by Olzhas Suleimenov

Ildus K. Zagidullin¹, Dania F. Zagidullina²

¹ Center for Islamic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

² G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

zagik63@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the historiography of the ancient history and culture of the Turkic peoples in the context of the 50th anniversary of the publication of Olzhas Suleimenov's book "AZ i IA". The Book of a Well-Intentioned Reader." The purpose of the research is to study and evaluate the works of Tatar humanities scholars on this topic from the perspective of modern science achievements, and to introduce new materials into scientific circulation. Special attention is given to reconstructing the stages of the development of scientific thought and understanding the contribution of individual researchers from the pre-Soviet and Soviet periods to this field of knowledge. At the turn of the 19th and 20th centuries, interest in the ancient layers of the culture of the Turkic peoples emerged in Tatar historical studies, largely influenced by the founder of Tatar historical thought, Sh. Mardzhani, and the educator K. Nasyri. A comparative analysis of the works of I. Khalfin, Kh.-G. Gabyashi, A.-Z. Validi, and others conducted in this article demonstrates their deep knowledge and broad perspective on the history and culture of the Turkic peoples of Russia. The authors point out that the key element of the high culture of the ancient Turks was the presence of writing, and they express their opinions about the time of its appearance, the existence of cities, crafts, trade, and agricultural production in the steppes. The style, structure, and nature of the presentation of the material are largely influenced by the fact that these publications were intended for students of madrasas, as well as for the mudarris and mugallim who taught there. These works played a key role in the introduction of the new subject "History of the Turks" in new-method Tatar schools in the 1910s, and in teaching the younger generation about their ancestors' involvement in the ancient history of the Turkic peoples of Eurasia. In the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, the history and culture of the Old Turkic period were mainly presented in G. Gubaidullin's book "Tatar Tarihy" ("History of the Tatars," 1922), written in the early years of Soviet rule, and in the first volume of G. Gubaidullin and G. Rakhim's collaborative work "History of Tatar Literature" (1923). Scholars consider the Old Turkic period and the late 18th century to be part of the ancient era in the history of Tatar literature. In the following decades of Soviet rule, the study of the Old Turkic period became the prerogative of the capital's academic research centers. However, the autochthonous concept, which recommended studying the history of the ethnic group within the borders of the national republic until the late 1980s, prevented the inclusion of the Old Turkic period in the comprehensive works "History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic." This

© Zagidullin I.K., Zagidullina D.F., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

interrupted the tradition of considering the history of the Tatars as part of the history of the nomadic Turkic world. O. Suleimenov's book "AZ i IA," published in 1975, resonated with the sentiments of Tatar scholars, who, due to the suppression of research on ancient Turkic history in Tatar historiography, perceived it as a kind of breakthrough in the official ideology and its scientific institutions, which hindered the comprehensive study of the language, history, literature, and culture of the ancient Turks. This explains the relevance of this study. In the post-Soviet era, the inclusion of the ancient Turkic period in the history of the Tatars was preceded by the beginning of research on the history of the Golden Horde in the early 1990s, which revealed the Eurasian scale of the history of the Tatar people. A significant event in this process was the publication in 2002 in Kazan of the first volume of the seven-volume "History of the Tatars from Ancient Times," the book "The Peoples of Steppe Eurasia in Antiquity."

Key words: Ancient History and Culture of the Turkic Peoples, O. Suleimenov, G. Gubaidullin, I. Khalfin, H.-G. Gabashi, A.-Z. Validi

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors' contribution: Zagidullin I.K. — the concept of studying the history and culture of Tatars in the prerevolutionary and Soviet periods; Zagidullina D.F. — the concept of research; References; sources analyzing.

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Zagidullin, I.K., and D.F. Zagidullina. 2025. "Tatar Humanitarian Thought and 'AZ i IA' by Olzhas Suleimenov." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 822–839. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-822-839>

Татарская гуманитарная мысль и «Аз и Я» Олжаса Сулейменова

И.К. Загидуллин^{1✉}, Д.Ф. Загидуллина²

¹ Центр исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация

² Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова,
Академия наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация
✉ zagik63@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено историографии вопросов древней истории и культуры тюрksких народов в контексте 50-летия публикации книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Книга благонамеренного читателя». Цель — изучение и оценка трудов татарских гуманитариев по этой теме с точки зрения достижений современной науки; введение новых материалов в научный оборот. Особое внимание уделено реконструкции этапов развития научной мысли, осмыслинию вклада отдельных исследователей досоветского и советского периодов в данную область знаний. В татарской исторической науке интерес к древним пластам культуры тюрksких народов проявился на рубеже XIX–XX вв., во многом под влиянием основоположника татарской исторической мысли Ш. Марджани и просветителя К. Насыри. Выполненный в статье *сравнительный анализ* трудов И. Хальфина, Х.-Г. Габяши, А.-З. Валиди и др. свидетельствует о глубоких знаниях и широте их взглядов по истории и культуре тюрksких народов России. В качестве ключевого элемента высокой культуры древних тюрков авторы указывают наличие письменности, высказывая с акцентом на удревление свои версии о времени его появления, существование в степи городов, ремесел, торговли и земледельческого

производства. Во многом адресованностью этих изданий учащимся медресе, а также преподававшим в них мударрисам и мугаллимам объясняются стиль, структура и характер изложения материала. Эти труды сыграли ключевую роль в появлении с 10-х гг. XX в. в новометодных татарских школах новой учебной дисциплины «История тюрков» и формировании у подрастающего поколения причастности своих предков к древней истории тюркских народов Евразии. В Татарской АССР история и культура древнетюркского периода была представлена, главным образом, в написанных в первые годы советской власти книгой Г. Губайдуллина «Татар тарихы» («История татар», 1922) и в I томе совместного фундаментального труда Г. Губайдуллина и Г. Рахима «История татарской литературы» (1923). К древнему периоду в истории татарской литературы ученые относят эпохи, начиная от древнетюркской и заканчивая концом XVIII в. В следующие десятилетия советской власти изучение древнетюркского периода стало прерогативой столичных академических научных центров. Вместе с тем автохтонная концепция, рекомендующая изучать историю этноса в рамках границ национальной республики вплоть до конца 1980-х гг., не позволяла включать древнетюркский период в обобщающие труды «История Татарской АССР». Так была прервана традиция рассмотрения истории татар как части истории кочевого тюркского мира. Увидевшая свет в 1975 г. книга О. Сулейменова «Аз и Я» оказаласьозвучной настроениям татарских ученых, которые по причине выдавливания исследований древнетюркской истории из татарской историографии воспринимали ее как своего рода прорыв возвышавшейся официальной идеологией и подвластных ей научных институций преграды на пути всестороннего изучения языка, истории, литературы и культуры древних тюрков. Этим объясняется актуальность данного исследования. В постсоветское время включению древнетюркского периода в историю татар предшествовало начало изысканий по истории Золотой Орды в начале 1990-х гг., показавшее евразийский масштаб истории татарского народа. Знаковым событием в этом процессе явилось издание в 2002 г. в Казани первого тома семитомной «Истории татар с древнейших времен» — книги «Народы степной Евразии в древности».

Ключевые слова: древняя история и культура тюркских народов, О. Сулейменов, Г. Губайдуллин, И. Хальфин, Х.-Г. Габяши, А.-З. Валиди

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Загидуллин И.К. — концепция изучения истории и культуры татар в дореволюционный и советские периоды в контексте социально-политической ситуации; Загидуллина Д.Ф. — концепция исследования, список литературы, анализ источников.

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Загидуллин И.К., Загидуллина Д.Ф. Татарская гуманитарная мысль и «Аз и Я» Олжаса Сулейменова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 822–839. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-822-839>

Introduction

Olzhas Suleimenov's book "AZ i IA." The Book of the Well-Intentioned Reader" is one of the phenomena that 'awakened' the scientific thought of all Turkic peoples, including the historical and philological thought of the Tatar people of the Soviet period, which made a vivid statement throughout the Turkic-speaking world in the late 19th and early 20th centuries.

In Tatar historical science, interest in the ancient layers of the culture of the Turkic peoples arose largely under the influence of the founder of Tatar historical thought, Sh. Marjani¹, and the enlightener K. Nasiri². Their works substantiated the Bulgarian origin of the Tatars and, at the same time, defended the ethnonym ‘Tatars’, while the Tatar-Muslim intellectual elite mainly advocated for the preservation of the confessional name ‘Muslims’, which had prevailed among the Tatars (used as a marker of ethnic identity), or for the use of the ethnonym ‘Turks’, which emphasised the Tatar nation’s belonging to the Turkic world.

In Tatar historiography of the late 19th and early 20th centuries, works appeared in which the history of the Tatars was considered in the context of the history of the Turkic peoples. Their first scientific analysis is associated with the name of the famous Tatar historian Gaziz Gubaidullin,³ who on the second day of work (27 February 1926) of the First All-Union Turkological Congress, which Azerbaijani researcher Tamilla Kerimova called a congress that ‘united the Turkic world’ and ‘the most significant event in the history of Turkology of the new era, a bright page in the cultural life of the Turkic peoples’ [1. P. 20], delivered a report entitled “The Development of Historical Literature among the Turkic-Tatar Peoples.”

Gubaidullin begins his speech with a caveat: ‘I will only touch upon those works on the history of the Turkic-Tatars that were written by Turks of the Soviet Union and those that were written under some influence of Western European historical science’ [2. P. 100].

He names Ibrahim Khalfin⁴ as the first historian of this calibre and mentions his book ‘The Life of Genghis Khan and Aksak Timur...’ (1822), paying particular attention to its preface. Indeed, in it, the compiler, after briefly explaining the structure of the publication, formulated for the first time the goals of such scientific activity: ‘But in publishing these excerpts, as perhaps the only historical remains of the Kazan Tatars, the intention was to preserve as much as possible from distortion, so that by this means the attention of fellow scholars (as I explained at length in the preface) might be drawn to the search for and study of monuments to the history of

¹ **Шигабутдин Маржани** (1818–1889) was a Tatar Muslim theologian, educator, ethnographer, archaeographer, orientalist, and teacher. In 1885, he published the first volume of the book “Мөстәфадәл-әхбәр фи әхвали Казан һә Болгар” (Sources on the History of Kazan and Bulgar, 1885), in which he focused mainly on the history of the Volga Bulgars and Kazan Tatars, and also reported on the Khazars, Kipchaks, and Burtas, noting their common origins.

² **Каяум Насири** (Nasir Gabdelkayum Gabdenasirovich) (1825–1902) was a Tatar ethnographer, writer and educator in the second half of the 19th century.

³ **Губайдуллин Газиз Салихович** (1887–1937) was a Russian and Soviet historian, orientalist, Turkologist, literary scholar, teacher, writer, and specialist in the history and culture of the Turkic peoples of Eurasia. He was a victim of Stalin’s repressions.

⁴ **Иbrahim Iskhakovich Khalfin** (1778–1829) — the first Tatar educator, gymnasium teacher, and the most prominent and talented member of the Khalfin family. In 1812, he was appointed lecturer in the Tatar language at Kazan University, and in 1823 he was elected adjunct professor of Oriental literature.

the Tatar tribes, which they have hitherto completely neglected' [3. P. 3–4]. The significance of this collection is undoubtedly determined by its purpose: as a textbook for students of Kazan Imperial University, it awakens interest in the history of the Tatar people among several generations of intellectuals.

Considering the very important role of another person, 'who lived and wrote among the Russian Turks in the 1840s' — the Azerbaijani historian Bakikhanov⁵ — Gubaidullin notes: 'Bakikhanov was fluent not only in Eastern languages, but also in Russian. He was familiar with Russian historians such as Karamzin and some ancient authors who, in one way or another, touched upon the past of this country in their works. Compared to other Turkic historians, such as the Tatar Marjani, the author of "Gulistan-i Iram" is quite European, and his way of thinking also reminds us of European and Russian historians'. [2. P. 113]. Already in our time, the prominent Azerbaijani historian and academician of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, Z.M. Buniatov, who prepared the edition for publication, wrote: 'An outstanding historian, philologist, poet, philosopher and encyclopaedic scholar of the first half of the 19th century. Abbas Kuli-agha Bakikhanov is the founder of Azerbaijani scientific historiography, and his work "Gulistan-i Iram" is the first monographic study of an academic nature' [4. P. 4].

Explaining his mission to the reader, Bakikhanov somewhat poetically states: 'To live in the present without knowing the past is like entering a desert without a path and wandering aimlessly. Danger is inevitable; if every person benefits from the experiences of their short life, then to what extent should we expect the same from history, which is based on the experiences of the whole of humanity? The study of history is especially important for the people whose past life it describes. It familiarises them with the qualities of their native land, with the character of the tribes that inhabit it, and draws conclusions from all the mutual relations between peoples, pointing out the harm and the benefit' [5. P. 8].

According to G. Gubaidullin, in the second half of the 19th century, the research paradigm of the Turkic peoples of Russia underwent a rethinking of their history and culture in the context of Eastern and Western (Russian and European) scientific traditions. He attributes an important role in this to the Tatar enlighteners Sh. Marjani and K. Nasiri. Their works substantiated the Bulgarian origin of the Tatars and, at the same time, defended the ethnonym 'Tatars', while the Tatar-Muslim intellectual elite mainly advocated for the preservation of the confessional name 'Muslims,' which had prevailed among the Tatars, or for the use of the ethnonym 'Turks,' which emphasised the Tatar nation's belonging to the Turkic world. G. Gubaidullin pays particular attention to Marjani's scientific works, which,

⁵ **Abbas Kuli-agha Bakikhanov** (1794–1847) was an Azerbaijani scholar, educator, poet and writer who wrote in Azerbaijani, Persian and Arabic. His book *Gulistan-i Iram* (History of the Eastern Caucasus) was the first attempt to provide a general overview of the history of Azerbaijan from ancient times to 1813. The book was written in 1841 in Persian. In 1844, Bakikhanov translated it into Russian under the title *History of the Eastern Part of the Caucasus*.

in his opinion, were written taking into account not only Eastern but also Russian historiography. The speaker notes: ‘Marjani was the first Turkic-Tatar historian in Russia to enter the European arena. At the VI Archaeological Congress of 1874⁶ in Kazan, he gave a presentation in the Turkic-Tatar language on the history of the Bulgars and Tatars, in which he attempted to clarify the previously unknown names of the Bulgar khans. This report by Marjani, which was later included in the “Proceedings of the Congress,” is the first attempt at a systematic presentation of the history of the Volga Turks [2. P. 114].

Having analysed K. Nasiri’s work in detail, Gubaidullin identifies the collection and systematisation of historical and cultural materials as an important part of his work: ‘Nasiri’s main contribution to the history of the Volga Tatars lies not in his systematic presentation of the history of his people, nor in his individual monographs, but in his collection of facts and historical documents’ [2. P. 116]. Along with him, the speaker mentions the names of I. Gasprinsky, G. Akhmarov, Yu. Akchura and R. Fakhriddin, who dealt with individual issues of this vast subject.

Among the first Tatar historians to present the history and culture of the Turks, Gubaidullin names Hasan-Gatu Gabyshi, Akhmet-Zaki Validi, and Gabdelbari Battala. In his opinion, their work contributed to the introduction of this subject into the curriculum of maktabas and madrasas, thereby leading to the popularisation of this branch of science. However, he did not focus on Gabashi’s first textbooks, published at the end of the 19th century.

From the high rostrum of the congress, the speaker presented a brief overview of the situation with the study of the history of the Turkic peoples after 1917 in the republics. He testified that the historian knew his colleagues and their scientific interests well. In particular, G. Gubaidullin mentions with great respect Rashid Izmailov’s History of Azerbaijan (1923), the work of Mammad-Hasan Baharli, the activities of the novice historian Rza Shabanov and many others. As an example, he points out that ‘Azerbaijani Turks are not only interested in the history of their own literature, but also pay great attention to the study of the literary works of other Turkic tribes’ [2. P. 128]. In this regard, the scholar holds up their activities as an example to historians of other Turkic peoples.

He highly appreciates the work of ‘Professor Choban-Zade on the Kumyk language and literature, which provides us with important information on both the history and the literary history of the Kumyk people, which has been so little studied in Russian and European science’ [2. P. 128].

Regarding the history of the Uzbek people, Gubaidullin pays special attention to the collection of materials by Gazi-Alim Yunusov — folk dastans⁷, names of clans and their tamgas; the literary works of Aini and Vadud. He mentions B. Saliev’s ‘History of Bukhara’, translations of Vambery’s ‘History of Bukhara’

⁶ Here, G. Gubaidullin is mistaken by several years: the congress took place in 1877.

⁷ i.e., an ornate form of oral history from Central Asia, Iran, Turkey, and Azerbaijan.

and Academician V.V. Bartold's 'Turkestan in the Era of the Mongol Conquest', among others. He writes: 'The Uzbek intelligentsia, wise from the experience of other Turkic tribes, is in no hurry to hastily write the history of their people, limiting themselves for now to collecting historical material' [2. P. 129].

Among the Kazakhs, he mentions Chokan Valikhanov, Bukeikhanov, Khidayberdin, Divaev, Tynyshpaev, and among the Crimeans, the works of Osman Akchokrakly, Ahmed Ozenbashly, 'The Crimean Tragedy in the Tsarist Period or Tatar Resettlements', etc. Gubaidullin traces the works of Bashkir and Chuvash historians, pointing out the strengths and weaknesses of their works.

Unfortunately, during the Soviet period, historiography in this field remained outside the field of vision of researchers. Only at the turn of the 20th and 21st centuries did the study of individual works begin.

Discussion

In Tatar historiography of the late 19th and early 20th centuries, works appeared in which the history of the Tatars was considered in the context of the history of the Turkic peoples. The first to use this approach to national history was H.-G. Gabashi⁸, author of such historical works as "Төрк ыруглары" (Turkic Clans, 1897), "Мохтасар тарих кауме төрк" (A Brief History of the Turkic People, 1899) and "Мөфассал тарих кауме төрк" (A Detailed History of the Turkic People, 1909), which outline the history of the Turks and indicate their place and role in world history.

In our opinion, these works, prepared as textbooks for madrasas, were prompted by important events in this field of science: the discovery in 1889 by N.M. Yadrintsev in Central Mongolia, on the banks of the Orkhon River, of ancient Turkic monuments in honour of Bilge Khan (735) and his brother, the commander Kyul-Tegin (732), as well as the discovery in 1891 of another (Ongin) monument of runic writing; the deciphering of the texts of the Orkhon runic monuments by Professor V. Thomsen; the publication in 1892 and 1893 by Russian Turkologist V.V. Radlov of the 'Works of the Orkhon Expedition' [6. 54–63].

On the title page of his textbook "Төрк ыруглары" (Turkic Clans, 1897), the author informs the reader that the book 'briefly tells about all the clans and peoples of the Turks and Tatars, about the peculiarities of their life'. This publication is the first serious study of this topic: to a certain extent, it contributed to the teaching of Turkic history and culture in Tatar maktabs at the turn of the 19th and 20th centuries.

⁸ **Gabashi Hasan-Gata Mukhammedovich** (1863–1936) was a Tatar religious and public figure, Muslim theologian, historian, and Turkologist. He was the author of studies on philosophy, pedagogy, and history. In January 1932, he was arrested, convicted and sent to a labour camp in the Arkhangelsk region. In early 1936, he was released on health grounds.

Along with this explanation, the book contains two more prefaces (addressed to adults and children), in which the author indicates that the material is intended for primary school and explains his goals and objectives. Given the novelty of the topic among the Turkic peoples, the author notes that ‘the first task in writing these stories is to provide knowledge about their history to most Turkic peoples’ [7. P. 2]. In his opinion, this is important in order to know the history of one’s people, one’s country, and one’s family. In the second preface, the author develops this idea further, continuing: ‘Know your homeland and serve it — love it!’ [7. P. 4].

Two years later, Gabashi published an expanded edition of his work under the title ‘Мохтасар тарих кауме төрк’ (A Brief History of the Turkic People, 1899). Here he considers it necessary to note that he collected material on ‘national history’ over a period of 16 years [8. P. 2]. It can be stated that Gabashi’s interest in the ancient Turkic period arose even before the great scientific discoveries of the late 1880s and 1890s, under the influence of his communication with Sh. Marjani and his publications.

Gabashi’s research experience allowed him to be the first Tatar historian to develop a general periodisation of Turkic history, identifying three stages: the Ancient Era, the Middle Ages, and the Modern Era. He begins the ancient era of Tatar history with the Xiongnu and the Huns and ends with the defeat of Volga Bulgaria by the Mongol armies in 1236. The Middle Ages cover the period from 1236 to 1552 [9].

In characterising the ancient era, the author adheres to the Biblical-Koranic version of the origin of peoples. According to his version, the Turkic peoples are descended from the son of Japheth, Turk, whom his father left behind as ruler and commanded his other sons to obey [9. P. 306]. Turk and the tribes settled in Central Asia near Lake Issyk-Kul and along the Altai Mountains [9. P. 38]. Referring to Friedrich Müller, H.-G. Gabashi identifies 17 Turkic peoples belonging to the Turanian group, which consists of 52 ethnic groups.

H.-G. Gabashi uses the term ‘Turks’ in two senses: to refer to the clans descended from the son of Japheth and belonging to the Turanian group, and to refer to the Turkic peoples themselves. Taking into account the similarity of material culture and nomadic lifestyle, he includes the Scythians, Massagetae, and Sarmatians among the Turks. The scholar pays special attention to the existence of cities, crafts, and agricultural production among nomadic peoples in ancient times. According to his information, the most ancient mention of the Turks is recorded in a Chinese source dating back to 2819 BC. It contains information about the way of life of the Turkic tribes living in northern and north-western China [9. P. 195].

H.-G. Gabashi reports on the deciphering of Turkic runic inscriptions by Professor Wilhelm Thomsen of the University of Helsinki and their publication by V.V. Radlov (with a translation into Russian) [9. P. 206]. The Tatar historian provides information on the geographical distribution of the identified Orkhon-

Yenisei written monuments [9. P. 205] and expresses the controversial idea that ‘runic writing is older than its Egyptian and Scandinavian counterparts’ [9. P. 204].

One of H.-G. Gabashi’s statements deserves attention: ‘To our great regret, the direct heirs of the great Turkic culture, the modern Turks, were deprived of the opportunity to recognise this heritage and did not engage in its study. The reasons for this sad phenomenon are, first, the illiteracy of one part of the population, second, the unwillingness of another part to accept help from outside, and third, the fact that researchers have paid more attention to two or three disciplines, without attaching sufficient importance to the study of history and its sources. Insha’Allah, interest in this science has recently begun to grow. We hope that in the future there will be worthy scholars among the Turks who will study the heritage of their fathers and grandfathers’ [9. P. 206]. These words are largely in line with O. Suleimenov’s feelings about contemporary Turkology.

In the early 1910s, discussions began on the topic of Tatar national identity (the Tatar press launched a debate entitled “Who are we?”, in which two opposing positions emerged: the ‘Tatars’, who advocated for the ethnonym ‘Tatars’, and the ‘Turks’, who defended the self-designation ‘Turks’).

It was during this period of lively debate that A.-Z. Validi’s⁹ book “Төрек вә татар тарихы” (History of the Turkic Tatars, 1912) was published. Like Gabashi’s works, Validi’s book was written as a textbook for Tatar madrasas. It is noteworthy that his book was originally titled “History of the Turks”, but one of the leaders of ‘Tatarism’, writer and scholar Galimjan Ibragimov, and publisher Muhammad Idris suggested a different title: “History of the Tatars”. In the end, the author and publishers reached a compromise: the book was published under the title History of the Turkic Tatars [10. P. 184].

Three years later, in 1915, A.-Z. Validi published another work, “Кыскача рәсемле төрек-татар тарихы” (A Brief Illustrated History of the Turkic Tatars)¹⁰.

The titles of the chapters in the scholar’s book testify to his views on the stages of development of the history of the Turkic-Tatars. Thus, the chapter “The Turkic People in Antiquity” covers the historical period from the Xiongnu to the Turkic Khaganate inclusive [11. P. 181].

In it, the author briefly introduces the reader to the Xiongnu and Gungnir Khaganates and focuses on the Turkic Khaganate, which in the 7th century split into Western and Eastern parts. Validi lists the peoples who were under the rule of the great khagan (Oghuz, Uyghurs, Kyrgyz, Mirkyts, Karluk), and gives the names of famous khagans. The author cites internal unrest and external enemies as the

⁹ Akhmet-Zaki Validi (1890–1970) was a statesman, politician, military leader, and leader of the Bashkir national movement (1917–1920) who went into exile. He was a publicist, historian, orientalist-Turkologist, Doctor of Philosophy (1935), professor, and honorary doctor of the University of Manchester (1967).

¹⁰ In 1917, the second edition of this book was published, aimed at secondary school students.

reasons for the decline of the Western and Eastern Turkic Khaganates in the early 8th century [11. P. 21–22].

A.-Z. Validi pays great attention to the culture of the ancient Turks. The scholar emphasises that, along with nomadic animal husbandry, agriculture developed in the Turkic Khaganate, cities and fortresses were built, trade relations existed within the state and with neighbouring countries, and the khaganate maintained trade and diplomatic relations with Byzantium, China and Iran. The author cites the monuments to Kul Tegin and Bilge Khan as evidence of the existence of a national writing system, a national state and rulers, and as testimony to the high culture of the Turks [11. P. 22–23].

In 1913, Tatar historian and literary theorist G. Battalov¹¹ completed work on the textbook “Төрки-татар тарихы” (History of the Turkic Tatars). The first section of his work is devoted to the ancient Turkic period. The author provides brief information about the regions where Turkic tribes settled, describes the family and everyday life of nomads, their diet, and notes that even with a nomadic way of life, when conditions allowed, they engaged in agriculture and could begin to lead a sedentary lifestyle.

Battal admires the high morality, openness, loyalty, spiritual freedom, and diligence of the Turks, emphasising their hospitality and cordiality, as well as their military valour. He considers the Turks to be one of the most ancient peoples in the world. He does not rule out the possibility that the most ancient examples of writing among the Turks could have been made with the tips of spears on boards during the conclusion of treaties between themselves. In the section “Culture of the Ancient Turks”, the historian’s attention is mainly focused on the Orkhon-Yenisei monuments [12. P. 129]. Emphasising the perfection of the Turkic language and the presence of a unique style of presentation, he puts forward the version that writing appeared very early among the Turks [12. P. 125].

In summary, we note that the books by Gabashi, Validi and Battala do not have the scientific apparatus accepted for scientific publications, and they do not always indicate the names of the historical sources and scientific literature used, which, however, can be explained by the fact that they are addressed to students of Tatar madrasas, as well as to the mudaris and mugallims who taught there. These publications indicate that, starting in 1910, the subject “History of the Turks” appeared in Tatar schools using new methods. The dynamics of introducing a new subject into the curriculum depended primarily on the personality and professional training of the teacher and the availability of teaching aids.

At the same time, the first attempts were made to compile textbooks on the history of the Bashkirs from ancient times to the middle of the 18th century. For

¹¹ **Battalov Gabdelbaray Gabdullovich** (1880–1969) – Tatar educator, journalist, historian. After the revolution, he left for Turkey, where he was known under the pseudonym ‘Battal-Taimas’.

example, in 1912, the Tatar mullah Munir Khad¹² published “The History of the Bashkirs” (‘Башкорт тарихы’) in Kazan at the Umid printing house. Parts of it were published in the journal Shura.

In the early years of Soviet power, the previous practice of presenting the history of the ancient Turkic period continued. In 1922, G. Gubaidullin published the book “Tatar History” [13. P. 65–195], the first two sections of which described the way of life and economic structure of nomads and examined the culture and written traditions of the ancient Turks.

G. Gubaidullin’s name is associated with the publication of a fundamental work on the history of Turkic-Tatar literature. In collaboration with his cousin, the renowned literary scholar and textual critic Gali Rakhim,¹³ he published “History of Tatar Literature”, which collected and systematised materials on the history of literature from ancient times to the first half of the 19th century. The first book (1924) examines common Turkic monuments of runic, Uyghur and Arabic writing, Sufism and its influence on Eastern literature, and provides information on Uyghur, Chagatai, Seljuk and Ottoman literature. The second book (1923) deals with the formation and development of the Tatar literary language, studies the “Codex Kumanicus”, tombstones, and labels, and analyses the works of Nasreddin Rabguz, “Кыйссас ал-анбия”, Suleiman Bakyrgani’s “Субат ал-тажизин”, “Кисекбаш китабы”, “Сайфульмулюк”, and others. The third book (1922) is devoted to the study of the works of poets and writers of the 17th, 18th, and first half of the 19th centuries, oral folk art, travel literature, etc.

The rich factual material and the presence of a theoretically sound conceptual basis indicate the authors’ scientific preparedness: a good knowledge of the history of Mongolia, China, Altai, Central Asia, and Europe; an understanding of all the subtleties of the history of religion and culture allows them to recreate the history of Turkic-Tatar literature against the backdrop of the history of Eurasia. Familiarity with translations of Chinese sources, original texts by European travellers, fundamental works by V. Radlov, V. Bartold, A. Samoilovich, V. Tomson, S. Malov, F. Korsch, and others, research by Eastern Muslim and Tatar scholars and educators (in particular, Sh. Marjani, R. Fakhrutdin, Validi), the ability to read ancient texts, and an understanding of Turkic languages provided a broad historiographical and fundamental evidence base for their work. G. Rakhim, in particular, specifically

¹² **Muhammedmunir Muhammadkhadievich Khusainov** (1876–1913) – historian, writer, religious figure. He taught at the Mukhammadia madrasah, then at the Chelyabinsk madrasah. In 1912, he published The History of the Bashkirs (Bashkort tarihy). Using a wide range of sources, including folk legends, he described the customs and way of life of the Bashkirs, outlined their history from ancient times to the mid-18th century, and provided information about the Bashkir uprisings of 1735–1740 and 1755–1756.

¹³ **Gabdakhimov Gali Mukhammetsakirovich** (1892–1943) was one of the leaders of the national revival in the early 20th century, a writer and literary scholar. In 1931–1934 and 1938–1940, he was unjustifiably repressed.

studied the writing of the ancient Turks, the Orkhon monuments, the literature of the Uyghurs and Uzbeks, and many other issues for this project.

To understand the significance of this project, it is necessary to mention that during this period, the history of Tatar literature as a science had not yet been developed. The development of the concept of the evolution of national literature in the context of common Turkic culture (in terms of the general and the specific) during the early stages of Tatar literature should be recognised as a major achievement of the scholars [14. P. 12–14].

The authors figuratively liken the literature of the Turkic peoples of the Middle Ages to a mighty tree that ‘spread’ its branches and flowers in all directions: in every region, among every people, works were created that were linked by common themes and motifs, such as the story of Yusuf and Zuleikha, which is widespread in Turkic literature. And although the Golden Horde era saw the beginning of geographical and linguistic differentiation among Turkic literatures, they did not lose their connections and continued to develop within a single literary community.

Scholars consider the ancient period in the history of Tatar literature to be the era from the ancient Turkic period to the end of the 18th century, when new phenomena appeared in literature: the transition from a medieval type of artistic consciousness to the enlightenment literary paradigm that prevailed from the second half of the 19th century.

The work of G. Rakhim and G. Gubaidullin is notable for its broad coverage of the cultural and historical context, which allows us to identify the historical, ethnic, and cultural factors that determined the formation and development of Tatar literature in the 8th–19th centuries.

Thus, as the authors note in the introduction to the publication, this work is not simply a history of Tatar literature, but a history of the culture (language, world-view, etc.) of the Volga Turks [15. P. 18].

The authors pay considerable attention to monuments of ancient Turkic writing. After reviewing existing scientific works on the origin of the ancient Turkic alphabet, they write: ‘According to Chinese sources, the most ancient Turkic people in history, known as the Xiongnu, had their own writing system. However, due to the fact that no written documents have survived from the Xiongnu, we cannot know for certain what this writing system was like, whether the Turks had their own alphabet at that time, or whether they used Chinese or some other alphabet’ [15. P. 52]. After analysing various points of view regarding the origin of the runic-like ancient Turkic scripts, Tatar scholars settled on two hypotheses: V.V. Radlov, who leaned towards the idea that the Turks received their alphabet from the Goths; and the hypothesis that the ancient Turks’ writing system was based on their clan symbols, or tamgas [15. P. 58—59]. In this regard, we note O. Suleimenov’s critical attitude towards the view that the Turks borrowed their writing system from the Iranians: ‘The Turkic writing system was hastily declared to have been borrowed

from the Iranians without rigorous analysis and comparison. They declared it and dismissed it. This hypothesis fit perfectly into the system of views on nomadic Asia, and therefore there was no need for any additional research to establish the true genesis of this writing system'.¹⁴

Regarding the time of the emergence of writing, Tatar scholars claim that it was much earlier than the appearance of the Orkhon tombstones [15. P. 60], noting that the samples found (at that time) date back to the 6th century. O. Suleimenov also draws attention to this problem, asking a largely rhetorical question: 'Does he question the fact that the Talas stones were written in the 5th–6th centuries AD? Is it possible, based on the tentative assumptions of Donner, Kallauer and Geikel, which were not made on the basis of extensive etymological research and without taking into account data from world alphabetic systems, to draw a clear line under the 5th–6th centuries today, declaring this date to be the beginning of the history of the Turks?'¹⁵

Thus, the views of Tatar scholars and Kazakh thinker O. Suleimenov on the emergence of writing among the Turks resonate: 'One thing is indisputable', emphasise G. Rakhim and G. Gubaidullin, 'the Turks had their own writing system in ancient times' [15. P. 59]. This statement is in line with O. Suleimenov's idea about the prehistory of Turkic runic writing: 'We can still afford to be cautiously positive in our statements, but, in essence, the assertion that this did not exist and should not have existed is unfounded! It is based not on firmly established facts, but on prejudiced tradition. No name in science can replace an argument. Sometimes the most vehement denials, based on visible emptiness, are intertwined with the greatest probabilities of error. As a writer and history enthusiast, I would not want Turkic writing, which could be important evidence of the antiquity of the Turkic language and culture, to be casually and without proof sacrificed to a false axiomatic thesis and interpreted as a coincidence not worthy of special consideration.'¹⁶

Despite criticism of G. Rakhim and G. Gubaidullin's History of Tatar Literature by some figures in Tatar science and literature (this criticism mainly boiled down to accusations of ignoring Marxist methodology), it began to be used as a basis for teaching Tatar literature in universities, teacher training colleges and technical colleges from the second half of the 1920s onwards.

The fate of the authors of the first multi-volume "History of Tatar Literature", who were the first to propose including the ancient Turkic period in the history of the literatures of the Turkic peoples (this approach is now accepted as the scientific basis by most Turkic scholars studying the literatures of various Turkic peoples), turned out to be tragic: in the 1930s, they fell victim to Stalin's repressions. Their

¹⁴ Suleimenov, Olzhas. 1975. *AZ i IA. The Book of a Well-Meaning Reader*. Zazushy, Alma-Ata, p. 201.

¹⁵ Ibid, p. 203–204.

¹⁶ Ibid, p. 207.

names were long forgotten, although the scientific concept they created prevailed during the Soviet period, as evidenced by the histories of national literatures written in various Turkic-speaking republics.

From the 1930s onwards, the study of national history in the Tatar ASSR was carried out within the framework of the autochthonous concept: research was limited to the territories of the Volga-Kama region, i.e. Volga-Kama Bulgaria, the Kazan Khanate, the Kazan Governorate and the Tatar ASSR.

In the post-war period, there was no scientific field of ‘Tatar history’ in the Tatar ASSR. Collective works published in the 1950s–1980s under the title History of the Tatar ASSR covered the history of the region, presenting stories about the material and spiritual culture of the ethnic group in the Volga-Kama region in the Middle Ages, the Modern Age and the Contemporary Age. In this regard, the ‘exclusion’ of certain periods of Tatar history, in particular the ancient Turkic period, is noteworthy. It is noteworthy that in the collective monographs “History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic”, after the section on the primitive communal system, written on the basis of archaeological excavations in the Volga-Kama region, there was immediately a section on the history of Volga Bulgaria. Thus, a whole layer of history associated with the ancient Turkic world was removed. It turned out that the study of history in the TASS and the scientific discoveries of Soviet scientists in Moscow, Leningrad and the union republics on the ancient Turkic period existed as if in parallel worlds, without intersecting.

The first attempts to change this situation began only in the 1950s: the literature department of the Institute of Language, Literature and History, headed by Doctor of Philology Mukhammet Gainullin,¹⁷ began work on a textbook-anthology entitled ‘Борынгы әдәбият тарихы’ (History of Ancient Literature). This work was published in 1963 (compiled by H. Mukhammetov, H. Khismatullin, Sh. Abilov, U. Belyaeva, S. Isanbaev). However, it only included materials on literature from the 13th to 18th centuries.

Around the same time, Doctor of Philology Khatip Usmanov¹⁸ compiled books in the Tatar language in the anthology genre: “Татар әдәбияты тарихы буенча материаллар” (Materials on the History of Tatar Literature, 1967), “Татар шигыре” (Tatar Verse, 1964), “Шигырь төзелеше” (Versification, 1967; 1975), “Борынгы төрки һөм татар әдәбиятының чыганаклары” (‘Sources of Ancient Turkic and Tatar Literature’, 1981), which present examples of poetic texts, including those from ancient and medieval pan-Turkic monuments.

¹⁷ Gainullin, Mukhammed Khairulloovich (1903–1985) — Soviet Tatarstan literary scholar, Doctor of Philology (1958), professor (1967), director of the Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (1944–1953, 1959–1961). Honoured Scientist of the Tatar ASSR (1963) and the RSFSR (1973).

¹⁸ Usmanov Khatib Usmanovich (1908–1992) — Soviet Tatarstan literary scholar, Doctor of Philology (1962), professor (1964). Honoured Scientist of the Tatar ASSR (1968).

However, even these attempts did not lead to a breakthrough in the humanities. Tatar Soviet historical science still did not recognise the common Turkic period in the history of the Tatars. The resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of 9 August 1944 “On the state of and measures to improve mass political and ideological work in the Tatar party organization,” which contained a point about errors in the coverage of the history of the Golden Horde and the epic “Идегей”, imposed a taboo on research of a ‘nationalist nature.’ In accordance with this resolution, the Institute of Language, Literature and History of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences, together with the Department of History and Philosophy of the USSR Academy of Sciences in Moscow, initiated a scientific session on the ethnogenesis of the Kazan Tatars on 25–26 April 1948. In it, the penetration of the Turkic element (Bulgars) into the Middle Volga region was linked to the population of the Khazar Kaganate.¹⁹ On the question of the ethnogenesis of the Kazan Tatars, it was concluded that ‘local tribes and Turkic-speaking peoples (Bulgars and others) had a decisive influence on their formation’²⁰.

In the first chapter, ‘The History of the Formation of the Tatar People,’ of the collective historical and ethnographic monograph ‘Tatars of the Middle Volga Region and of the Urals’ (1967), published by Nauka, the 1948 position was briefly stated: ‘The main ancestors of the Tatars of the Middle Volga Region and the Urals were numerous nomadic and semi-nomadic tribes, mostly Turkic-speaking, who from about the 4th century AD began to penetrate from the south-east and south into the forest-steppe part of the Urals to the upper reaches of the Oka River Oka, gradually assimilating the ancient aborigines. In the 9th century, in the central part of this territory, the new tribes formed a union, and later an early feudal state, Volga-Kama Bulgaria’ [16. P. 9].

In general, the autochthonous concept, which recommended studying the history of the ethnic group within the borders of the national republic, and the Bulgarian concept of the ethnogenesis of the Tatars until the end of the 1980s did not allow the ancient Turkic period to be included in general works on history. First of all, the tradition of considering the Tatars as part of the nomadic Turkic world was interrupted.

Thus, O. Suleimenov’s book “AZ i IA,” published in 1975, resonated with the sentiments of Tatar scholars who, due to the exclusion of research on ancient Turkic history from Tatar historiography, perceived it as a kind of breakthrough in the barriers erected by the official ideology and the scientific institutions under its control to the comprehensive study of the language, history, literature and culture of the ancient Turks.

¹⁹ *The Origin of the Kazan Tatars. Materials from the Department of History and Philosophy of the USSR Academy of Sciences, organised jointly with the Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences on 25–26 April 1946 in Moscow (based on the transcript)*. 1948. Kazan: Tatgosizdat. Scientific and Technical Literature Sector, p. 10.

²⁰ Ibid., p. 3–4.

It is significant that seven years after O. Suleimenov's publication caused a stir in official circles, in 1982 N. Fattakh²¹ completed his work “Тел тарихы” (History of Language), which argued that existing scientific approaches to the study of the genesis of language were controversial. It is known that the writer travelled to Moscow to seek support for his ideas from the capital's linguists, but found no understanding among them [17. P. 6–7].

In his book, N. Fattakh offers one of the options for deciphering the Phaistos Disc; he sets out his vision of the linguistic connections between Turkic and ancient Indo-European languages, etc. It is noteworthy that the book was only published in Russian in 1999 under the title “The Language of Gods and Pharaohs. Historical and Linguistic Studies.”

The liberalisation of science during the years of perestroika contributed to a revival of interest in national history. Tatarstan's desire to obtain the status of a union republic and the simultaneous work that began on creating a scientific and educational structure corresponding to this status played a positive role in this process. As a result, in 1991, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan was established, which became a new milestone in the history of the humanities in the republic. Two years before this momentous event, in 1989, the Faculty of Tatar Philology and History and the Department of History of the Tatar People were established at Kazan State University. In 1994, the Institute of Tatar Encyclopaedia was opened as part of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, and in 1996, the Sh. Marjani Institute of History was separated from the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History. This institutionalisation of the humanities had a beneficial effect on the development of research in the field of history, language, literature and culture of the Tatar people.

The first volume of the academic publication ‘History of the Tatars from Ancient Times’ (2002) [18], prepared by the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, presented the ancient and medieval history of the Turkic tribes as part of the history of Eurasia (the Xiongnu, the Huns, the Turkic khaganates, the Tatars, the Khazar Khaganate, Great Bulgaria, the Oghuz, Pechenegs, Kimaks, Kipchaks, Polovtsians, etc.); as a result, the history of the Tatar ethnic group came to be perceived as a history of Eurasian scale.

According to the scientific director of the volume, S.G. Klyashtorny,²² ‘the history of interaction and, in part, the merging of all groups of the ancient population over two to two and a half thousand years is the process during which ethnic consolidation took place and Turkic-speaking ethnic communities were formed. It was from among these closely related tribes that the modern Turkic peoples of Russia and neighbouring territories emerged in the 2nd millennium AD [18. P. 13.]’

²¹ **Fattakhov Nurikhan Sadrilmanovich** (1928–2004) — Tatar writer, translator, author of works on history and linguistics; historical novels.

²² **Klyashtorny Sergey Grigorievich** (1928–2014) — Russian Turkologist, specialist in the ancient and medieval history of the Turkic peoples.

Conclusion

People say, ‘It’s time to gather stones.’ Much of what was once expressed by our respected thinkers, often contrary to the dogmas that once existed, is now perceived as words that open horizons for new scientific research. This includes the study of ancient Turkic history and culture, which began in Tatar humanities in the late 19th and early 20th centuries. However, during the Soviet era, this field of scientific research was banned in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. In such conditions, O. Suleimenov’s book “AZ i IA” became a kind of revelation, motivation, and guide to action for Soviet and contemporary Tatar humanities scholars from the moment it was published.

Undoubtedly, Olzhas Suleimenov’s emotional statements, such as those concerning the determination of the date of the formation of writing among the Turkic peoples (‘But it can be said with certainty that all the problems (or rather, misfortunes) of Turkic palaeography are connected with this artificial date. It allows us to treat runes as a provincial, later, borrowed script that is of no fundamental interest to general palaeography’),²³ and 50 years ago, and today, give pause for thought. The thinker’s words about The Tale of Igor’s Campaign (‘It seems to me that we should at least tentatively try to accept the fact as it is and recognise that The Tale is a literary monument of at least two time periods — the 12th and 16th centuries. What in it has been preserved from the original and what has been added by the copyist? [“Zadonshchina,” which obediently follows the poetics of “The Tale,” might help]’)²⁴ resonate with discussions surrounding many monuments of Tatar literature.

It was only in the 1990s that a systematic rethinking of the historical destinies of the peoples of Russia began, a departure from the dogmatic attitudes of the Soviet era and the construction of new theories and methodologies. It is symbolic that the first scientific conference in Russia dedicated to the Golden Horde was organised and held in Kazan in 1992. This event was the first step in researching the history of the Tatars in the context of Turkic Eurasian history. A new stage in the implementation of this new approach was marked by the publication in 2002, thanks to the help and assistance of representatives of academic centres in the capital, of the first volume of the seven-volume “History of the Tatars from Ancient Times” — the book “Peoples of Steppe Eurasia in Antiquity.”

References

1. Kerimova, T. 2016. ‘The Congress that united the Turkic world (dedicated to the 90th anniversary of the First All-Union Turkological Congress)’. *Izvestiya of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Series of Social Sciences*, no. 3, pp. 20–34.

²³ Suleimenov Olzhas. 1975. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Zazushy, Alma-Ata. P. 204.

²⁴ Ibid, P. 21.

2. Gubaidullin, G.S. 1926. “The Development of Historical Literature among the Turkic-Tatar Peoples”. *The First All-Union Turkological Congress: Verbatim Report*. Baku, pp. 39–56. Quoted in: *Turkological Studies*. 2019. 2(3), pp. 100–117.
3. *The Life of Genghis Khan and Aksak Timur, with various historical passages, arranged alphabetically for students, compiled by Ibrahim Khalfin, a lecturer at the Imperial Kazan University*. 1822. Kazan: Imperial University Press. 82 p. Print. (In Russ.)
4. Buniyatov, Z.M. 1991. “From the Editor”. *Bakikhanov A. K. Gulistan-i Iram*. Baku: Elm, 1991. P. 4–7. Print. (In Russ.)
5. Bakikhanov, A.K. 1991. *Gulistan-i Iram*. Baku: Elm. 304 p. Print. (In Russ.)
6. Shcherbak, A.A. 1972. “V.V. Radlov and the Study of Runic Monuments. Turkological Collection. 1971”. Moscow: Nauka; Main Editorial Office of Oriental Literature, pp. 54–63. (In Russ.)
7. Hasangata’s Gabashi. 1897. *Turkic clans*. Kazan: Lito-Tipografiya I. N.N. Kharitonov. 20 p. Print. (In Tatar.)
8. Hasangata’s Gabashi. 1899. *A brief history of the Turkic clans*. Kazan: Lito-Tipografiya I. N.N. Kharitonov. 56 p. Print. (In Tatar.)
9. Gabashi, H.-G. 2009. *General History of the Turkic Peoples*. Kazan: Fen Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 248 p. Print. (In Russ.)
10. Alishev, S.H. 2006. *Tatar historians*. Kazan: Tatar book publishing house. 206 p. Print. (In Tatar.)
11. Validi, A-Z. 1992. *A Brief History of the Turkic Tatars*. Compiled by R. Amirkhan. Kazan: Tatar book publishing house. 181 p. Print. (In Tatar.)
12. Battal, G. 2023. *Selected Works*. Compiled by L.Sh. Garipova, L.R. Nadyrshina, A.N. Khasanova, and G.M. Khannanova. Vol. 2. Kazan: Institute of Language, Literature, and Art. 256 p. Print. (In Tatar.)
13. Gubaidullin, G. 1989. *When History Opens. Selected Works*. Kazan: Tatar book publishing house, pp. 65–195. Print. (In Tatar.)
14. Zagidullina, D.F. 2022. Preface. “*Rakhim G., Gaziz G. History of Tatar Literature. The Ancient Period*.” Compiled by L.Sh. Garipova, G.A. Khusnutdinova, A.M. Akhunov, and I.G. Gumerov. Kazan: Institute of Language, Literature, pp. 5–16. Print. (In Tatar.)
15. Rakhim, G. and G. Gaziz. 2022. *History of Tatar Literature. The Ancient Period*. Compiled by L.Sh. Garipova, G.A. Khusnutdinova, A.M. Akhunov, and I.G. Gumerov. Kazan: Institute of Language, Literature. 300 pp. Print. (In Tatar.)
16. *Tatars of the Middle Volga and Ural Regions*. 1967. Edited by N.I. Vorobyov and G.M. Rakhamatullin. Moscow: Nauka. 538 p. Print. (In Russ.)
17. Fattah, N. 1990. *Genealogy. Historical and Linguistic Research*. Kazan: Tatar book publishing house. 325 pp. Print. (In Tatar.)
18. Klyashtorny, S. 2002. Preface to the Volume. “*History of the Tatars from Ancient Times*”. 7 volumes. Vol. 1. The Peoples of Steppe Eurasia in Antiquity. Kazan: Rukhiyat, pp. 12–16. Print. (In Russ.)

Bio notes:

Ildus K. Zagidullin is a Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Centre for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation. Kazan, 20 Bauman St. ORCID: 0000-0003-0501-2177. E-mail: zagik63@mail.ru.

Dania F. Zagidullina is a Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation. Kazan, 20 Bauman St. ORCID: 0009-0000-1651-8347.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-840-852

EDN: FFJRKI

Research article / Научная статья

The Significance of O. Suleimenov's Book "AZ i IA" for Modern Comparative Studies

Venera R. Amineva^{1,2}✉, Marsel I. Ibragimov³, Kim M. Minnullin³¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Moscow, Russian Federation²A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation³G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

✉ amineva1000@list.ru

Abstract. This study examines O. Suleimenov's book "AZ i IA" (Me and Myself) in the context of key categories of comparative literary studies, which explore the dialogical relationships between different languages, literatures and cultures. The focus is on such fundamental concepts as the 'principle of complementarity' and the 'equality of literatures,' which make it possible to overcome the Eurocentrism of traditional comparative studies and establish the equality of all participants in interliterary interaction. The methodological basis of the study consists of hermeneutic text analysis, conceptual analysis of the main categories of comparative literary studies, and the historical-genetic method used to reconstruct the formation of scientific ideas. The novelty of the work lies in the fact that it establishes for the first time points of resonance between the ideas of the Kazakh thinker and the developments of Tatar scholars. The article proves that, despite the controversial nature of a number of etymologies, "AZ i IA" actualises the deep connections between Turkic and Slavic languages and cultures, acting as an intellectual alternative to dichotomous typologies and opening up new perspectives for interdisciplinary research. It has been established that the hermeneutics of The Tale of Igor's Campaign, proposed by O.O. Suleimenov, reveals the epistemological potential of the 'principle of complementarity' of meanings, which is in demand in the study of interliterary dialogues. In his speeches and articles, O. Suleimenov, without denying the influence of Russian literature on other literatures of the peoples of the USSR, emphasised their equality. This resonates with the idea of the equality of literatures, according to which they begin to project a joint creative-receptive meaning that reveals, on the one hand, the universals of verbal art, and on the other, the potential of their ethnocultural identity.

Key words: O. Suleimenov, AZ i IA, The Tale of Igor's Campaign, Turkic studies, comparative literature, dialogue, principle of complementarity, equality of literatures, bilingualism

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: Amineva V.R. — worked on the abstract, introduction and conclusion. Wrote the section 'The principle of complementarity'. Formatted the article. Ibragimov M.I. — worked on the introduction and conclusion. Wrote the section 'Parity of Literatures;' Minnullin K.M. — the concept of research.

Funding. The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation and the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan under project No. 25-28-20082, <https://rscf.ru/project/25-28-20082/>

For citation: Amineva, V.R., M.I. Ibragimov, and K.M. Minnulin. 2025. "The Significance of O. Suleimenov's Book 'AZ i IA' for Modern Comparative Studies." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 840–852. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-840-852>

Значение книги О. Сулейменова «Аз и Я» для современной компаративистики

В.Р. Аминева^{1,2}✉, М.И. Ибрагимов³, К.М. Миннуллин³

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

²Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Казань, Российская Федерация

³Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, Российская Федерация

✉ amineva1000@list.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению книги О. Сулейменова «Аз и Я» в контексте ключевых категорий сопоставительного литературоведения, исследующего диалогические отношения между различными языками, литературами и культурами. В центре внимания находятся такие опорные понятия, как «принцип дополнительности» и «рядоположенность литератур», которые позволяют преодолеть европоцентризм традиционной компаративистики и утвердить равноправие всех участников межлитературного взаимодействия. Методологическую основу исследования составляют герменевтический анализ текста, концептуальный анализ основных категорий сопоставительного литературоведения и историко-генетический метод, применяемый для реконструкции становления научных идей. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые устанавливаются точки резонанса между идеями казахского мыслителя и разработками татарских ученых. Доказано, что «Аз и Я», несмотря на дискуссионность ряда этимологий, актуализирует глубинные связи между тюркскими и славянскими языками и культурами, выступая интеллектуальной альтернативой дихотомным типологиям и открывая новые перспективы для междисциплинарных исследований. Установлено, что герменевтика «Слова о полку Игореве», предложенная О.О. Сулейменовым, раскрывает эпистемологический потенциал «принципа дополнительности» смыслов, который оказывается востребованным при изучении межлитературных диалогов. В своих выступлениях и статьях О. Сулейменов, не отрицая влияния русской литературы на другие литературы народов СССР, подчеркивал их равноправие. Это резонирует с идеей рядоположенности литератур, согласно которой они начинают проектировать совместный креативно-рецептивный смысл, выявляющий, с одной стороны, универсалии словесно-художественного искусства, а с другой — раскрывающий потенциал их этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: О. Сулейменов, «Аз и Я», «Слово о полку Игореве», тюркославистика, сопоставительное литературоведение, диалог, принцип дополнительности, рядоположенность литератур, билингвизм

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Аминева В.Р. — аннотация, введение, заключение, раздел «Принцип дополнительности»; Ибрагимов М.И. — введение, заключение, раздел «Рядоположенность литератур»; Миннуллин К.М. — концепция исследования.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 25-28-20082, <https://rscf.ru/project/25-28-20082/>

Для цитирования: Аминева В.Р., Ибрагимов М.И., Миннүллин К.М. Значение книги О. Сулейменова «Аз и Я» для современной компаративистики // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 840–852. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-840-852>

Introduction

O.O. Suleimenov's book "AZ i IA" has been the subject not only of ideological discussions, but also of scientific and artistic reflection. Nevertheless, according to U.M. Bakhtikireeva, a researcher of O.O. Suleimenov's scientific and creative work, only a small number of scholars have been able to characterise it objectively [1. P. 7]. Reflecting on the influence of O.O. Suleimenov's scientific works on the formation and development of the spirit of the times, U.M. Bakhtikireeva comes to the conclusion: 'Like the famous 'temperature gauge' of the era — "AZ i IA" — they play a huge role in creating the moral criteria of the era, in judging dying phenomena in science, in life itself, in the visible and invisible currents that shape the historical process' [1. P. 16].

The hermeneutics of "The Tale of Igor's Campaign," proposed in the book "AZ i IA", is in demand in the development of the methodology and principles of comparative study of national literatures and cultures. Comparative literary studies — is a new direction in comparative studies, the theoretical and methodological foundations of which were developed in the collective works of Kazan literary scholars under the guidance of Y.G. Safiullin. It is based on the study of dialogical relationships between different languages, literatures, and cultures. This field has developed its own system of terms: 'dialogue', 'identity', 'multiplicity of literatures', 'coexistence of literatures', 'principle of complementarity' of meanings, etc. [see: 2]. The idea of comparing literatures is based on a wide range of theories, concepts, and ideas focused on understanding literature from the perspective of multiplicity and difference. Bakhtin's idea of dialogue, the works of the Eurasianists, G.D. Gachev's research on national images of the world, contemporary philosophy (J. Derrida, M. Foucault, J. Deleuze, F. Guattari, etc.), which affirm the priority of multiplicity over unity, difference over identity, are just some of the scientific and philosophical concepts that are productive for comparing literatures. The idea of Turkic studies proposed by O.O. Suleimenov certainly fits into this series.

The purpose of this article is to examine O. Suleimenov's book "AZ i IA" in the context of the basic concepts of comparative literary studies, and to establish points of resonance between the book by the Kazakh thinker and the ideas of Tatar scholars.

The methodological basis of the study is a comparative approach in literary studies. The work uses a set of theoretical methods: hermeneutic analysis of texts; conceptual analysis of the main categories of comparative literary studies; historical-genetic method for reconstructing the origin and development of ideas.

The Principle of Complementarity

The methodological basis of O.O. Suleimenov's philological studies is one of the most important epistemological achievements of science and philosophy in the 20th century — the principle of complementarity, formulated by N. Bohr in quantum mechanics and then transferred to any scientific description. This principle stems from the idea that reality is broader than any theoretical concept and, in terms of its content, represents a complex of ideas that focus on the limits of the possibility of describing any phenomenon, on the absence of logical contradictions between opposing research strategies, and on the integrity and indivisibility of the object of cognition [see: 3].

The book "AZ i IA" substantiates a different view, distinct from authoritative scientific interpretations, not only of the language of "The Tale of Igor's Campaign," which contains a significant number of words and expressions borrowed from Turkic languages, but also of its ideological content, aesthetics, and poetics. The unresolved question in contemporary medieval studies of the extent to which the existing text of the work represents an authentic and coherent whole, as well as the possibility that it bears traces of numerous later changes: insertions, omissions, rearrangements, etc. — allow the author of the book "AZ i IA" to question the theories and concepts that developed in Soviet-era literary studies.

Thus, in works devoted to this monument of Old Russian literature, much attention is paid to the principles of depicting the main character of "The Tale..." and the epilogue that concludes the work, in which Igor is praised in different corners of Russia. D.S. Likhachev believes: 'The image of Igor Svyatoslavich emphasises that historical events are stronger than his character. His actions are determined more by the misconceptions of the era than by his personal qualities. Igor Svyatoslavich himself is neither bad nor good: rather good than bad, but his deeds are bad, and this is because he is dominated by the prejudices and misconceptions of the era. Thus, in "The Tale," the general and historical takes precedence over the individual and temporary. Igor Svyatoslavich is a son of his era. He is an 'average' prince of his time: brave, courageous, to a certain extent loving his homeland, but reckless and short-sighted, caring more about his own honour than the honour of his homeland' [4. P. 191].

Yu.M. Lotman argues that the main character of "The Tale of Igor's Campaign," Igor Svyatoslavich, is presented in a dual light: he evokes both admiration and condemnation, and points to the following: In "The Tale..." Igor appears both as an independent feudal lord, the head of a certain regional hierarchy, and as one of the Russian princes, a vassal of the Grand Prince of Kiev. In these cases, he is subject to different ethical norms, and his behaviour is assessed differently. As an independent feudal lord and knight, he seeks glory, and this, as we have seen, is not necessarily linked to success.' [5. p. 90]. According to the scholar, "The

Tale...” ends with a celebration in honour of the prince because the practical unreasonableness of military plans was not held against the knight; moreover, ‘the more unattainable, unrealistic from the point of view of common sense, the more separated from actual results — semiotic — the goal was, the greater the glory of the attempt to achieve it’ [5. P. 90].

B.M. Gasparov believes that the content of the monument is projected onto a mythological subtext that subordinates the logic of the real narrative: ‘The general plot outline of “The Tale” is a sequence of events typical of the mythological cycle of death/resurrection’ [6. P. 25]. The author of the monograph “The Poetics of The Tale of Igor’s Campaign” explains the universal jubilation that reigns at the end of The Tale, when countries and cities rejoice and singing spreads throughout the land, as follows: ‘The miraculous act of the hero’s resurrection is a symbol of universal salvation: not only does the hero of the myth return from captivity in the otherworldly kingdom, but with him the whole earth celebrates renewal and a return to life’ [6. P. 25].

O.O. Suleimenov emphasises that this jubilation not only does not correspond to the real meaning of the event described, not only contradicts the images of the destruction of the Russian army and the disasters that befall the Russian land, but also, in its artistic and aesthetic nature, differs from the rest of the text as a later insertion by a 16th-century copyist. Concluding the work with Igor’s return to his homeland and the nationwide joy at his rescue, the 16th-century copyist follows the established canon of military tales: ‘It seems that all The Tales of the finale are written in capital letters. Is it the anticipation of the end of difficult work that fills the last lines with jubilation? Or is it the opportunity for independent creativity that gives the copyist’s pen an emotional boost? But one thing is clear: the incredible clangorous note destroys the delicate, plastic structure of the poem. It is as absurd as a fanfare at the end of a concerto for string orchestra. Like ink and prizes for a marathon runner who came in last.

The author himself could not have made such a conclusion in Igor’s favour. He knows his ‘true value’.¹

Igor travels from captivity to Kiev, and not to Novgorod-Seversky, not because Kiev is still conceived by the author of the monument as the centre of the Russian land, if not real, then at least ideal [see: 4. P. 198], but because the copyist, guided by the information he gleaned from “The Tale...,” sends him to Kiev, where his father’s house is: ‘And after his escape, where will the prodigal son go? To Kiev, to his father’s golden table.’²

The episode under consideration demonstrates the fundamental inadequacy of any cultural code to which scholars appeal, or any system for describing an

¹ Suleimenov, O. 1975. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Almaty: Zhasushy. P. 130

² Ibid. P. 131

outstanding monument of Old Russian literature. And not only that. In general, any work of art as a unique focus and balance of opposing principles. The use of several descriptive systems, their complementarity, compensates for this incompleteness with stereoscopic vision and is capable of approaching an understanding of the integrity of the phenomena under study. The epistemological potential of this approach is most fully realised in comparative studies.

Let us explain how this happens. Each national literature is identical to itself, forms a unique integrity and constructs its identity as ‘foreign’ to others. The differences between ‘one’s own’ and ‘foreign’ are essential for understanding the national identity of national artistic systems in dialogue, the peculiarities of their functioning in the value field of world culture as unique spiritual and practical formations. It is precisely the differences between the two literatures that form the verbal-conceptual space of dialogue, initiating targeted processes of meaning generation — centripetal, directed inward and revealing the potential for the development of national identity, and centrifugal, directed outward and taking into account the diversity of artistic and aesthetic traditions and forming new models of their unification (‘interliterary syntheses’). They are generated by new meanings that determine the phenomenology, semantic structure, and functioning of the universals of verbal art.

The ‘encounter’ in the reader’s consciousness of two literatures, in which the relationship between form and content, part and whole, external and internal boundaries of the artistic image is constructed in fundamentally different ways, raises questions about their inherent stable semantic structures. In this case, it is precisely the difference, the uniqueness of national literary and artistic systems, similar to the difference between research strategies and their metalanguages, illustrated by the example of the studies of “The Tale...,” that is a condition for their complementarity, as well as for the expansion and enrichment of the reader’s sphere of artistic representations. Analysing this hermeneutic situation, Y.G. Safiullin comes to the conclusion: ‘The boundaries between the antinomies presented are blurred, their metaphorical nature increases. They are perceived as opposite variants of the description of a phenomenon that is more complex than it is presented in each of them separately...’ [7. P. 80].

The book “AZ i IA” characterised by a consistent combination of scientific reflection and poetic subjectivity, logic and mesmerising meaning-making, is in demand in the modern world as a relentless intellectual alternative to dichotomous typologies of cultures, the idea of a ‘clash of civilisations’ [see: 8] along cultural and religious fault lines. Behind it lies a sense of life that is oriented not towards the opposition and polarisation of value-semantic positions and worldviews (according to the ‘either-or’ model), but towards their complementarity and harmony (the principles of ‘and, ... and’, ‘as, ... so’).

O. Suleimenov characterises his concept as follows: ‘I was the first to claim that The Tale of Igor’s Campaign was written for a bilingual reader by a bilingual

author. Let's say, a Russian who also knew Turkic languages. This means that bilingualism existed in Rus at that time. I tried to prove this, relying on data from many ancient Russian sources.³ Fluency in two languages contributes to the perception of one culture in conflict and unity with another. The book reveals the principles of poetics and style corresponding to this type of artistic consciousness. They are based on a synthesising tendency that manifests itself at different levels of the structure of the artistic text of the monument: lexical, contextual-historical, problem-conceptual, figurative-thematic, motivational, etc.

Despite the controversial etymologies of words in "AZ i IA," which, as O. Suleimenov shows, have Turkic roots, they actualise the deep connections between Turkic and Slavic languages and cultures. Noteworthy, for example, are observations on the nickname of Prince Vsevolod — Buy-tur. O. Suleimenov considers the interpretation of this term as an ancient Slavic word, often found in Russian bylina and indicating the strength, bravery and courage of a warrior, to be an example of 'folk etymology'. In his opinion, this nomination is 'a find for Turkologists who dream of understanding the etymology of the word batyr (batur, bootur, bogatur, bogatyr). "The Tale" is the only monument where the protoform of this term, popular after the 13th century, is reflected. It is not yet found in 10th-century sources. It most likely originated in the Kipchak environment in the 11th–12th centuries (buit-ture — literally 'high lord'). It retains features of the language of the Volga Turks.⁴ The Turkic origin of many proper names, toponyms and other words, as the founder of Turkic studies seeks to prove, is evidence of close contacts and mutual influence between the two cultures.

Common roots are also evident in the mythological beliefs of the Slavs and Turks: the images of gods, heroes and cosmogonic plots have similar features. O. Suleimenov draws attention to the plot of metamorphoses — the transformation of heroes into animals (ermine, goose, falcon, wolf) — and, on the one hand, reconstructs their possible genesis, and on the other, draws parallels with similar plots in the Turkic epic. They reflect ancient mythological beliefs common to the Turkic and Slavic peoples, which testify to the existence of common symbols and archetypes. It is no coincidence that Vsevolod's warriors are compared to grey wolves running in the field, as the author of the book "AZ i IA" is convinced: 'In no monument after "The Tale..." is a Christian likened to a grey wolf. (This positive image dates back to pre-Christian cults. In Turkic and Mongolian folklore traditions, the wolf is an image of courage. Not many heroes are worthy of comparison with the wolf. The wolf is one of the most authoritative totems of the steppe cult. In some genealogical legends, the Turks and Mongols trace their origins back to the wolf. Remember also the ancient Russian cult of the wolf⁵.

³ Suleimenov, O. 'I Need a Situation of Struggle and Competition' 29 May 2025. <https://web.archive.org/web/20080903233625/http://www.ferghana.ru/article.php?id=4908>

⁴ Suleimenov, O. 1975. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Almaty: Zhasushy, p. 52.

⁵ Ibid., p. 109.

For O. Suleimenov, the key episode that serves as a kind of bridge between Slavic and Turkic mythologies is the dream of Svyatoslav of Kiev. Responding to the questions, ‘Why did Svyatoslav of Kiev have this particular dream? Is the symbolism of this dream coincidental?’ Suleimenov asserts: ‘Svyatoslav saw in his dream that he was being prepared for burial according to the Turkic Tengrian rite.’⁶ The intertwining of rituals and symbols originating from different sources testifies to the cultural and religious interaction between Slavs and Turks in the era of Ancient Rus. The bilingual author of “The Tale...,” as O. Suleimenov proves, finding himself at the intersection of Slavic and Turkic traditions, finds his unique place in the ‘zone of contact’ with them, overcoming the dramatic situation of alienation from them, distance and freedom. His work highlights moments of continuity, connection, presence ‘both there and here,’ captivation, empathy, and compassion.

Thus, the verbal world of the Old Russian monument unfolds in “AZ i IA” in endless collisions and transformations of various meanings, codes, images, themes, in the form of various kinds of semantic catastrophes and revelations. The synthesising tendency operating in the depths of the text of “The Tale...” corresponds to a special quality of poetic language: it manifests itself in the semantic depth and stylistic flexibility that opens up in “The Tale”, in the ability of the artistic image to endlessly intertwine and transform meaning.

The Equality of Literatures

One of the cornerstones of the comparative method was the idea of equality, as opposed to the hierarchisation of literatures (their ranking as leading and subordinate), whereby any literatures being compared are considered equal. This idea was largely conditioned by the established attitude in Soviet literary studies towards national literatures as ‘scholarly,’ developing thanks to the progressive influence of more developed literatures, primarily Russian. An unchanging attribute of most studies devoted to national literatures was the emphasis on the cultural role of Russian literature. With this approach, the dialogical understanding of interliterary interactions was essentially reduced, and national literatures lost their subjectivity (as equal participants in the dialogue).

Another noteworthy point is that the concept of ‘national literature’ as applied to Russian literature was, as a rule, used ‘only in studies with an international theme concerning the study of its uniqueness in the context of foreign literatures’ [9. p. 138]. ‘This’, writes Ya. Safiullin, ‘happened because Russian literature had a special status in our country. It dominated the state. Imitation of it in other literatures became the norm. Almost every national literature designated and declared its own Pushkin, Sholokhov, Mayakovsky, etc. And Russian literature itself was presented

⁶ Suleimenov, O. 1975. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Almaty: Zhasushy, p. 63.

only as a part — albeit the main, defining part — of the so-called Soviet literature, which was conceived as a new, supranational entity' [9. P. 138].

In his speeches and articles, O. Suleimenov, without denying the influence of Russian literature on other literatures of the peoples of the USSR, emphasised their equality in interliterary dialogue. In particular, objecting to poets who claimed that new forms of verse appeared in Kazakh poetry of the 1930s under the influence of V. Mayakovsky's poetry, O. Suleimenov writes: 'No language gives one poetry an advantage over another. We simply have not yet realised the rich possibilities of the Kazakh language. Abai, independently of Mayakovsky, at the end of the 19th century, gave examples of a 'staircase' composition of stanzas based on the quantitative inequality of syllables in a line, i.e. on irregular metre. He introduced several new types of strophes and principles of rhyme.'⁷

With regard to Russian cultural leadership, O. Suleimenov calls for objectivity, not shying away from bold assessments such as this: 'It has become almost the norm in some novels, when discussing the progressive consequences of Central Asia's annexation to Russia, to gloss over the negative side of this undertaking, known as colonisation... By praising Ermak, condemning Kuchum, composing odes to Skobelev and Perovsky, and ranting about the pleasant manners of Generals Kolpakovsky and Kaufman, we somehow begin to forget about the thousands of auls burned and trampled by the punitive forces. By demanding that those khans or kedeys ('beggars') who perished under Cossack sabres immediately understand all the progressive consequences of this campaign, some writers demonstrate a profound misunderstanding of historical processes.⁸

In his article "Nomads and Culture: The Kazakh Experiment," O. Suleimenov, rejecting the attitude of some domestic historians towards nomads as barbarians who could not have been creators of culture, writes that such scholars 'view their subject only through the prism of medieval chronicles, without even attempting to apply a different perspective.'⁹ In the same article, he explains his perspective on this issue in his book "AZ i IA" (Me and Myself), published three years earlier and harshly criticised: 'I said that only the dramatic moments in the history of peoples, wars, find their way into the chronicles. Peacetime is not historical; it is difficult to describe. Peace does not remain in memory. If we added up the years during which the Slavs and nomads lived side by side in peace, engaged in trade and cultural activities, we would have centuries. But these centuries are not recorded in the chronicles, while the slightest battles are noted. And these biased testimonies of monk chroniclers form the basis of the verdict I mentioned above.'¹⁰ 'Language,' the author of the article continues, 'is the richest reservoir of historical

⁷ Suleimenov O. 1990. *Essays. Journalism. Poems*. Alma-Ata: Zhalyн, p. 23.

⁸ Ibid., p. 31.

⁹ Ibid., p. 37.

¹⁰ Ibid., p. 39.

information that has escaped the arbitrariness of scribes. It is the most impartial source. It provides a complete picture of the interaction between cultures, which contradicts the ruthless sketch of historians.¹¹

O. Suleimenov's book "AZ i IA" provoked such a violent reaction from the official authorities primarily because it undermined the imperial discourse of domestic science. This was also the reason for its acceptance by the creative intelligentsia in the national republics, especially the Turkic-speaking ones. 'There are still national cultures fighting for their affirmation,' wrote Murat Auezov in 1976 in his article "Enlightened by the Breath of Eternity — The Tale", 'and there remains the problem of restoring the true kinship of the peoples of the world on the scale of a unified human history. As long as there are recurrences of speculative historical 'science', which turns the review of the path travelled by peoples into a source of chauvinism and nationalism, the book 'AZ i IA', whose very title embodies the idea of the unity of world culture, will serve as a clear call to arms against false patriotism and pseudoscience.'¹²

In an interview published in the Moscow Book Journal, M. Tlostana, responding to a question about the role of O. Suleimenov's book "AZ i IA" in preparing the Soviet people for Gorbachev's reforms, says that in non-Russian readers 'this book awakened a gene of disobedience, affirmation of human dignity, the right to remember their own history, culture, and language, not relegated to the backwaters of the world, but returned to their rightful place.'¹³ An authoritative scholar, defining the significance of O. Suleimenov's book, emphasises that 'its main target was Eurocentrism in its specific Russian-Soviet form, the genealogy of which Suleimenov traces from the tsarist court pseudo-historians, whose task was to construct a certain imperial myth and tailor history to it, to the Soviet disciples who sanctioned the 'truths' that seemed to have been created forever in the previous period, replacing only the ideological shell, but leaving unchanged the false philosophy of history and science that lay at the heart of this scheme and was already being actively questioned in the rest of the world within the framework of emerging new interdisciplinary trends — ethnic and cultural studies, postcolonial theory, etc.'¹⁴

The comparison of literatures was largely a reaction to the Eurocentrism of the comparative-historical method, whose epistemology is based on the experience of European literatures. 'The concepts and terms on which the comparative method is based,' writes Ya.G. Safiullin, 'are drawn mainly from the experience of European and related literatures, which are genetically linked and developed in largely similar

¹¹ Suleimenov, O. 1990. *Essays. Journalism. Poems.* Alma-Ata: Zhalyn, p. 39.

¹² Auezov, M.M. 1996. *Enlightened by the Breath of Eternity — by The Tale.* In: Together with Olzhas. Compiled by Safar Abdudo. Kazdesign, pp. 159–166. P. 166.

¹³ Tlostanova, M. 2012. His main target was anthropocentrism: interview. In: *Moscow Book Journal*. Moscow, 6 May 2025, <https://morebook.ru/tema/segodnja/item/1346433186554>

¹⁴ Ibid.

conditions. They correspond to the nature of these literatures and ensure the success of comparative studies conducted on their material. However, proponents of the comparative method extrapolate such concepts and terms to any comparisons that include a wide variety of literatures, including the so-called ‘Eastern’ ones. And this turns out to be an insufficiently fruitful scientific approach’ [10. P. 97].

Researchers have repeatedly drawn attention to the stylistic features of the book “AZ i IA,” noting that it is written ‘in the form of an unusual scientific discourse,’ that it ‘reinterprets the traditional tools of the humanities and overcomes the limitations of academic forms of knowledge’ [1. Pp. 7–8]. M. Auezov, reflecting on the genre features of O. Suleimenov’s book, wrote: ‘The genre of the book defies traditional definition. Its logical sequence and scientific reasoning can be held up as an example to many academic works, as can the broad outlook and professional competence of its creator. At the same time, it is undoubtedly a work of art, and in terms of its impact on the reader’s emotions, it is on a par with the best examples of ‘thinking poetry,’ a genre in which O. Suleimenov has long been recognised as a master.’¹⁵

The complementarity of rational and imaginative thinking is one of the pillars of the comparative method, which is based on the assumption that logocentrism hinders the understanding of the national identity of literature. ‘Identity,’ writes Ya.G. Safiullin, ‘is the self-realisation of literature. It is holistic and concrete. It can be ‘seen’, felt as ‘foreign’, understood, described. Standardised logic destroys identity’ [11. P. 195].

In this regard, words of O. Suleimenov in a short preface (‘From the Author’) to “AZ i IA” are noteworthy: ‘My natural bilingualism, knowledge of the cultural relations between Rus and Poland, enthusiasm for etymology and, perhaps, a feeling for words and images developed through exercises in versification helped me to read ‘The Tale’ [11. P. 397].

Bilingualism, which allowed O. Suleimenov to overcome the monological view of The Tale of Igor’s Campaign, largely determined the ‘pluritopic hermeneutics’ (M. Tlostanova) of the author of “AZ i IA,” which stands out against the background of the monotopic consciousness of Slavic scholars, who found themselves unable to access ‘the semantic layers of culture, language, religion, and cosmology, and all the distortions that Suleimenov writes about.’¹⁶ According to M. Tlostanova, the ‘translation of any non-Western forms of knowledge and expression, which spread in the West and was subsequently transferred to Russian soil, was based on the principle of unidirectionality — they were only studied, described and classified by the Western subject as objects deliberately deprived of

¹⁵ Auezov M.M. 1996. *Enlightened by the breath of eternity — by The Tale*. In: *Together with Olzhas*. Compiled by Safar Abdudo. Kazdesign, pp. 159—166. P. 159

¹⁶ Tlostanova M. 2012. His main target was anthropocentrism: interview. In: *Moscow Book Journal*. Moscow, 6 June 2025, <https://morebook.ru/tema/segodnya/item/1346433186554>

voice and activity.¹⁷ The position of a bilingual researcher, whose heuristic position was largely determined by the situation of cultural, linguistic and literary borderlands, allowed O. Suleimenov to see new meanings. This position correlates with the idea of dialogue, understood as an encounter between different literatures in the reader's perception. 'Knowledge of two or more languages,' writes Y.G. Saifiullin, 'deepens and enriches dialogue. The inclusion of readers in dialogue makes it practically endless...' [11. P. 192].

In O. Suleimenov's hermeneutic position, manifested in the preface: 'I abandoned the theme of 'Turkisms in 'The Tale'' — I realised that narrow specialisation is productive in mathematics, but not in humanities. 'The Tale' should not be read collectively by us (Slavists, Turkologists, historian, poet, etc.), but by a collective 'I'. The same characters, but united in one personality' [11. P. 397], expresses the idea of interdisciplinarity, which is one of the foundations of comparative literary studies.

Conclusion

O. Suleimenov's attitude towards national literatures and cultures as equal participants in interliterary dialogues resonates with the idea of the equality of literatures, according to which they begin to project a joint creative-receptive meaning, revealing, on the one hand, the universals of world existence manifested in space, nature, history and culture, and on the other hand, revealing the potential of their ethnocultural identity. These semantic flows, developing in divergent directions, contribute to the transformation of the cultural landscape, revealing the interconnection, interdependence and intertransition of the 'local' and the 'universal', the individual and the unified, the national and the universal.

The trend revealed in the book "AZ i IA," which brings the cultures of Eurasia closer together, also operates in the sphere of dialogue between different national literatures, showing how differences, contrasts and even confrontations give rise to new meanings that transcend them, tolerant in their content and functions. They leave far behind the barriers and boundaries that separate historical and cultural meanings, which, on the one hand, are generated by European culture and are elements of its holistic macro-context, and on the other hand, go back to Eastern codes. In the conceptual-semiotic space of cultural dialogue, these codes begin to function in a new way, correlating with different traditions and affirming universal human truths that transcend the division of the world into West and East.

References

1. Bakhtikireeva U. M. 2011. "But I didn't lie to people". To the 75th anniversary of Olzhas Omarovich Suleimenov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 3, pp. 5–17. (In Russ.)

¹⁷ Tlostanova M. 2012. His main target was anthropocentrism: interview. In: *Moscow Book Journal*. Moscow, 6 June 2025, <https://morebook.ru/tema/segodnya/item/1346433186554>

2. *Theory of literature: student's dictionary*. 2010. Ed. Ya.G. Safiullin; comp. Ya.G. Safiullin, V.R. Amineva, A.Z. Khabibullina etc. Kazan: Kazan university publ. 147 p. Print. (In Russ.)
3. Bor N. 1961. *Atomic physics and human studies*. Moscow: Publishing house of foreign literature publ. 151 p. Print. (In Russ.) EDN: PXZSZX
4. Likhachev D.S. 1971. *Poetics of Ancient Russian Literature*. Leningrad: Fiction publ. 414 p. Print. (In Russ.)
5. Lotman Yu.M. 1997. *About Russian Literature*. Saint Petersburg: Arts — Saint Petersburg publ. 848 p. Print. (In Russ.)
6. Gasparov B.M. 2000. *Poetics of "The Tale of Igor's Campaign"*. Moscow: "Agraf" publ. 608 p. Print. (In Russ.)
7. Safiullin Ya.G. (2010). *The Complementarity Principle. Theory of Literature: A Student's Dictionary*. Scientific editor Ya.G. Safiullin. Kazan: Kazan University publ., pp. 79–80. Print. (In Russ.)
8. Hantington S. 2006. *The Clash of Civilisations*. Translated by T. Velimeeva. Moscow: AST. 573 p. Print. (In Russ.)
9. Safiullin Ya.G. 2018. What National Literature Is? Invitation to Discussion. In: *Proceedings for the 70th anniversary of literary critic and folklore expert, PhD in philology, professor V.G. Rodionov "The Issues of Comparative Literary and Folklore Studies: Cheboksary"*, pp. 32–159. Print. (In Russ.) EDN: CQFIAI
10. Safiullin Ya.G. 2010. *Comparison of Literatures. Theory of Literature: a Student's Dictionary*. Scientific editor Ya.G. Safiullin. Kazan: Publishing house of Kazan University publ., pp. 97–98. Print. (In Russ.)
11. *From Romanticism to Literary Comparison*. Scientific editor M.I. Ibragimov; comp. by V.R. Amineva, E.F. Nagumanova, A.Z. Khabibullina. Kazan. 576 p. Print. (In Russ.)

Bio notes:

Venera R. Amineva is a Doctor of Philology, Prof., Professor of the Department of Russian Literature and Methods of its Teaching at Kazan Federal University; Lead Researcher of the Department of Literature of Russia's Ethnicities and the CIS Countries at the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Federation. 420008, Kazan, 18 Kremlyovskaya St; 121069, Moscow, 25a Povarskaya St. SPIN-code: 9339-4147. ORCID: 0000-0003-4016-2242. Scopus-Id: 56104054500. E-mail: amineva1000@list.ru

Marcel I. Ibraghimov is a PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Head of Laboratory of Comparative Tatar Studies of G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation. Kazan, 20 Baumana St. ORCID: 0000-0002-7805-3167. E-mail: mibraghimov1000@mail.ru

Kim M. Minnullin is a Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of Folk Art, G. Ibraghimov Institute of Language, Literature, and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation. Kazan, 20 Baumana St. ORCID: 0009-0004-7241-9449. E-mail: minnullin.kim@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-853-859

EDN: FKMZSQ

Essay / Эссе

My Olzhas in “Numbers...”

Uldanai M. Bakhtikireeva[✉]

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ uldanai@mail.ru

Article history: received 24.07.2025; accepted 24.09.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Bakhtikireeva, U.M. 2025. “My Olzhas in ‘Numbers...’” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 853–859. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-853-859>

Мой Олжас в «Цифрах...»

У.М. Бахтикриева[✉]

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ bakhtikireeva-um@rudn.ru

История статьи: поступила в редакцию 24.07.2025; принята к печати 24.09.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Bakhtikireeva U.M. My Olzhas in “Numbers...” // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 853–859. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-853-859>

Marina Tsvetaeva has “My Pushkin.” Olzhas Suleimenov has “My Chokan.” For me, “My Olzhas” remains an unfinished project. Every attempt to write a satisfactory essay about the scientific and creative universe of Olzhas Omarovich Suleimenov, or at least about a separate fragment of this cosmos, is, according to M.M. Auezov’s apt comparison, “equivalent to an attempt to fit a mountain stream into an aquarium.”¹ The first essay, “My Olzhas,” was written in 2002 in the magazine As-Alan. It is safe to say that the essay “My Olzhas” will be written throughout my life, and I do not foresee the happiness of satisfaction with it. This attempt at writing seems to me to be another static “text-photograph” rather than

¹ Auezov, M.M. 1996. “Inspired by the Breath of Eternity — With Words”. In: *Together with Olzhas*. RDW-Baumbach: Kazdesign, pp. 159–166. Print (In Russ.)

a “text-reality,” according to Y.M. Lotman.² Allusions to Olzhas’ universe of poetic science invariably transform into yet another of Uldanay’s omages, a genre that can confidently be described as dreary, sluggish, and pitiful.

Another reading of the concept “Numbers. Archaeology of Numbers: Sumer and the Origin of Arithmetic”³ with the aim of absorbing, breathing in, and understanding the wealth of knowledge produced, scattered even between the lines of the text, created “in the full conviction that language creators were artists.”⁴ I can read, but I cannot speak. How can I even compare myself to a craftsman? A shell clinging to the bottom of a huge, multi-deck white liner floats. And I still “float” in my texts. At the age of 16, having read The Book of the Well-Intentioned Reader — “AZ i IA”, stolen from the library during the Suslov auto-da-fé and the one on Volkhonka, what could I understand? — Practically nothing. Half a century ago, “AZ i IA” was like “the call of a bugle” (M.M. Auezov)⁵ in its very first edition, as well as a quarter of a century of “The Language of Writing” (1999), “Turks in Prehistory” (2002) and subsequent books cry out, and in response, the speechlessness of a spineless, single-celled bacterium...

Reflections on Olzhas proposal to humanity, “Numbers. The Archaeology of Numbers: Sumer and the Origin of Arithmetic” (hereinafter “Numbers...”) plunged me into a continuum of associations, the first of which leads to the metaphors of Olzhas Omarovich, who ‘... *bloodied his bare soul on the razor’s edge*,’⁶ goes ‘*in search of ancient signs*,’ encountering “*them on different roads*.⁷” “A man of sensual mind — Chalyabi.”⁸ Olzhas once again looks for a hat in a store where salespeople can only offer galoshes...

The transition of highly developed countries to the Sixth Technological Order is characterized by the advancement and resolution of technocratic and humanitarian problems, with the former clearly prevailing over the latter. The impact of the synergistic combination and strengthening of nano-bio-info-cognitive technologies on humans, their ontology, and their existence as a species is undeniable. In this context, complicated by ongoing global historical events, the new work by Olzhas Omarovich Suleimenov calls on those who hear to overcome

² Lotman Y.M. 1992. “The Phenomenon of Culture”. In: *Selected Articles in Three Volumes*. Vol. I Articles on Semiotics and Topology of Culture. Tallin: Alexandra, pp. 34–45. Print (In Russ.)

³ Suleimenov, O.O. 2024. “Numbers.” In: *BILGAMESH. International Almanac of Cultural and Social Studies*. No. 11. THE ARCHAEOLOGY OF NUMBERS. Almaty: Service Press, p. 32. Print (In Russ.)

⁴ Suleimenov, O.O. 1975. “AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader”. Alma-Ata: Zhazushi. Print (In Russ.) P. 304.

⁵ See this quote: Auezov, M.M. 1996. “Inspired by the Breath of Eternity — With Words”. In: *Together with Olzhas*. RDW-Baumbach: Kazdesign, pp. 159–166. Print (In Russ.)

⁶ Suleimenov, O.O. 1975. AZ i IA. *The Book of the Well-Intentioned Reader*. Alma-Ata: Zhazushi, p. 195. Print (In Russ.)

⁷ Ibid., p. 300–302

⁸ Ibid., p. 195

the ‘joyless servility’ within themselves⁹. To shake off the ‘shiri mankurt’¹⁰ of routine everyday life in order to overcome that very *homo erectus*, whose main occupation is the search for mammoths for food.

It is no coincidence that Chalyabi Olzhas writes about this *homo* in the collective unconscious in “Numbers ...”:

‘Homo erectus has not disappeared. It continues to exist today. Every ethnic group contains combinations of these two types of Homo. And Homo sapiens sometimes reverts to the state of Homo erectus. Their struggle continues. In peoples where erectus begins to predominate, culture dies out. Therefore, Homo sapiens and Homo erectus continue to fight for survival in every national culture.’¹¹

However, decades earlier, Olzhas Omarovich had already written about this:

‘... where the bream ends,
the pike begins,
where the male dog is scarce,
the bitch begins...’ (Suleimenov, poem “Grey Miss”)¹².

In me, a representative of modern humanity, ‘bream and pike’ coexist dialectically; the depletion of subjectivity is accompanied by ‘bitching’, which I try to justify with everyday routine and intellectual incompetence. So much effort and time is spent on the momentary and insignificant for the sake of the ‘mammoth’ that reflections on one’s calling and that very ‘direct connection with God’¹³ often seem like an inappropriate whim. But for Olzhas, a man of sensual intellect who produces and transmits knowledge, it is important to have a conversation partner who responds to the spirit of his intellectual struggle, or at least a *Homo Audiens* who consumes this knowledge and, if possible, transmits it further.

The painful process of changes in global logic and the foundations of relations in the world order, which has considerably shaken my previous picture of the world and often serves as an excuse for my own passivity, is perceived by the sage Olzhas Suleimenov, judging by his creative and scientific reflection, as natural. Cities and states, aqueducts and blooming gardens were built and destroyed, some peoples were forever classified as barbarians, some as savage and bloodthirsty, incapable of generating any knowledge... Your personal existence, your activity, your agency should not depend on any assessments if you are trying to find ‘the path to the

⁹ Suleimenov, O.O. 1975. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Alma-Ata: Zhazushi, p. 195. Print (In Russ.)

¹⁰ “Shiri” on the head of the mankurt, planet Earth — an allusion to the Kazakh legend from Ch.T. Aitmatov’s “The Day Lasts More Than a Hundred Years.”

¹¹ Suleimenov, O.O. 2024. “Numbers.” *BILGAMESH. International Almanac of Cultural and Social Studies*, no. 11. THE ARCHAEOLOGY OF NUMBERS. Almaty: Service Press, p. 26. Print (In Russ.)

¹² Translated from Russian by D.S. Emchenko.

¹³ Suleimenov. 1975. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Alma-Ata: Zhazushi, p. 195. Print (In Russ.)

essence’, which ‘lies through the court, the continuously sitting tribunal of thought’¹⁴ — this conceals one of the most important pieces of subtextual information that Olzhasov’s “digital” proposal to humanity conveys to me.

The signs denoting numbers are conditioned by thousands of years of human practice, the urgent need to name the patterns of the surrounding world for more effective use. Logical figures grew out of repeated practical experience and became axioms. V.I. Lenin also wrote about numbers in his posthumously published *Philosophical Notebooks*.¹⁵ Earlier, Moritz Cantor, in his book *Mathematische Beiträge zum Kulturleben der Völker*,¹⁶ devoted to numbers, wrote about the mathematical contribution to the cultural life of peoples.

Half a century later, based on this work, Professor Evgeny Leffler, in his small book “Numbers and Numerical Systems of Cultured Peoples,”¹⁷ taking into account the latest research and findings of his time, set himself the task of ‘showing that numbers and number systems are closely linked to the cultural state of a people, and that they often constitute one of the many links between different peoples and eras.’¹⁸ Professor E. Leffler sought to present numbers in the light of cultural history, not limiting himself to their external form and appearance, but above all, in connection with the principles of application of these numerical signs by different peoples, combining them into a numerical system.¹⁹ Thus, it can be argued that the scientist, combining previous experience and new achievements, made a significant contribution to the history of numbers.

More than a century later (113 years), Olzas Suleimenov focuses on numbers as a cultural and intellectual product of peoples. Reflecting on symbols (numbers) he once again gives humanity the opportunity to believe in itself as a living collective mind capable of understanding interdependence and intellectual viability. Not to destroy, but to create a collective mind for more prudent joint survival and the construction of human society.

In “Numbers ...,” Olzas Suleimenov not only offers his interpretations of symbols — signs covered with a multi-layered patina dating back thousands of years — he also produces new meanings, directing the attention of intelligent people to humanitarian problems, cultural, value, and ethical dimensions, and the need for a qualitative transformation of the humanitarian dimension in science, education, and society. And many of us, the so-called ‘scientists’, can only offer

¹⁴ Suleimenov, O.O. 1975. *AZ i IA. The Book of the Well-Intentioned Reader*. Alma-Ata: Zhazushi, p. 9. Print (In Russ.)

¹⁵ Lenin, V.I. 1947. *Philosophical Notebooks*. Moscow: State Publishing House of Political Literature, p 164. Print (In Russ.)

¹⁶ Cantor, M. 1863. *Mathematische Beiträge zum Kulturleben der Völker*. Halle: Druck und Verlag von H.W. Schmidt. Print (In German).

¹⁷ Leffler, E. 1913. 1913. *Numbers and Numerical Systems of Cultured Peoples*. Ekaterininskaya, No. 58. Odessa: Tekhnik Printing House, 102 p. Print. (In Russ.)

¹⁸ Ibid., p. 3

¹⁹ Ibid.

galoshes when asked for a hat. Alas, the possession of academic degrees and titles does not automatically create personalities of all their holders. And how piercingly, desperately lonely Olzhas Omarovich is from the lack of a worthy interlocutor, in whom, as M.M. Auezov noted, ‘an interlocutor of times past and future was formed, resurrecting in memory the image of the universal brain of historical situations of the Renaissance.’²⁰

Olzhas’ approach to the object and subject of understanding is above the inter-, multi-, and trans-disciplinary approaches that post-Soviet intellectuals have been actively discussing for the last three decades; his approach is above all approaches. For almost five decades, “AZ i IA.” has demonstrated a SUPER approach, calling for the abandonment of monodisciplinarity and the old model of generating, translating, and transferring knowledge in science and education. The essence of Olzhas’s logic is a call to overcome the narrow coordinates of individual branches of knowledge that do not fit into the new architecture of the transcultural world, its subject, and its epistemological foundations. Current social debates among humanities scholars should be directed towards the task of transforming the humanities and bringing them closer to the needs of modern man and the world, as Olzhas Suleimenov urges:

‘By their very nature, the social sciences must at least be understandable to society, otherwise they do not fulfill their purpose. The most profound and thorough research in disciplines that are also commonly referred to as worldview disciplines must be scientifically popular. Popularity, that is, the accessibility of the presentation, should become one of the main criteria for assessing the significance of a work in the humanities.’²¹

Hence his reflections on the urgent need to overcome the limitations of national, cultural, linguistic, and academic forms of knowledge, to rethink the traditional tools of philology and other humanities. We are faced with a brilliant personality whose scientific and creative activity is a high humanistic technology — High Hume.

The problematic field of cultural heritage and its preservation in another historical, turbulent era of global change cannot be narrowed, but only widened. This is precisely the understanding that Olzhas Suleimenov brings us to. The rapidly changing face of the Earth, as developed by *Homo sapiens*, is leading not only to the emergence of new objects, but also to the erasure of past intellectual experience — the heritage that lies buried in the depths of epochs and historical strata. Hence his gloomy reflections, although I, the Kazakhs, and humanity should be grateful to him for his hope for reason, for his reminder of the interdependence and interrelatedness of human society in all its manifestations:

²⁰ Auezov, M.M. 1996. Enlightened by the breath of eternity — with words. In: *Together with Olzhas*. RDW-Baumbach, Germany: Kazdesign, pp. 159–166. Print (In Russ.)

²¹ Suleimenov, O.O. 2004. *Collected Works in 7 volumes*. Vol. 4/1. Almaty: Atamyra, p. 14. Print (In Russ.)

“In the field of cultural heritage of humanity, the UNESCO World Heritage List is recognized as the measure of all that is significant. Including a monument in the list is not an easy task. The decision means recognition by the world community of the uniqueness of the included objects. According to data from 2014 (known to me), there were 1,007 sites on the World Heritage List. The leaders in terms of the number of World Heritage sites are Italy with 50, China with 47, Spain with 44, Germany with 39, France with 39, India (32), the United Kingdom (28), Russia (26), and the United States (22). In 2013, there were three sites on the World Heritage List representing the Republic of Kazakhstan: the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (added in 2003), the Tamgaly petroglyphs (included in 2004), and Saryarka — the steppe and lakes of northern Kazakhstan (included in 2008), which accounts for 0.4% of the total number of sites.”²²

In November 2013, at the UNESCO General Assembly in Paris, the Republic of Kazakhstan was elected to the 21 member countries of the World Heritage Committee as a result of a vote by 195 countries. This was a great success for the republic on the international stage. The first Permanent Mission of Kazakhstan to UNESCO, which operated from 2001 to 2013, played a special role in achieving this recognition.

In 2024, the International Center for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO in Almaty organized a conference on the topic of “Archaeology of Numbers,” which proposed the inclusion of numbers — not as material objects, but as the intellectual heritage of humanity — in the World Cultural Heritage List.

“Our time is called the digital age. More and more often, headlines feature terms such as ‘digital consciousness’ and ‘digital knowledge economy.’ The time has come for researchers to turn to the number itself — this universal system of signs invented by Homo sapiens in the earliest era – and to approach knowledge that could become a global discovery.”²³

It is time to remind ourselves once again about Sumer and the fact that *those who migrated from Sumer* were able to ‘invent their own writing system.’²⁴ Turkic nomads, overcome your centuries-old intellectual dependence and lack of independence, your ‘colonial’ way of thinking! Self-reflection and self-criticism are quite effective tools for harmonizing epistemological asymmetry in the question of who produces knowledge and who only transmits it, passively conveys it, consumes it. This is also discussed in Olzhas’ “Numbers...”

O. Suleimenov’s project also answers an indirect question posed by Ivan Yakovlevich Depman, a scientist of Estonian origin and author of the book “The

²² Suleimenov. 2024. “Numbers...”

²³ Suleimenov, O.O. 2024. “Numbers.” In: *BILGAMESH. International Almanac of Cultural and Social Studies*, no. 11. THE ARCHAEOLOGY OF NUMBERS. Almaty: Service Press, p. 32. Print. (In Russ.)

²⁴ Ibid., p. 10.

History of Arithmetic": "Once upon a time, a large prize was announced for writing the book 'How a Man Lived Without Numbers.' However, the prize was never awarded: apparently, no researcher-writer was able to depict the life of a person who had no concept of numbers.²⁵

O. Suleimenov's approach continues the task set by E. Leffler and expands the research route. A new technological leap, capable of destroying humans as a species, is accompanied by a phenomenal nano-bio-info-cognitive revolution. In these circumstances, we should focus our attention on the intellectual potential of humanity — Homo Sapiens, express our faith in its rationality and wisdom, and elevate NUMBERS to the rank of the greatest cognitive achievements, giving it the right to live and multiply on planet Earth.

Bio note:

Uldanai M. Bakhtikireeva is a Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, 10a Miklukho-Maklay St, 117198, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5088-7568; Scopus Author ID: 57188757248; Researcher Id: ABA-9665-2021; SPIN-code: 4562-5001. E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

Сведения об авторе:

Бахтикеева Улданай Максутовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. ORCID: 0000-0001-5088-7568; Scopus Author ID: 57188757248; Researcher Id: ABA-9665-2021; SPIN-код: 4562-5001. E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

²⁵ Depman, I. Y. 1965. History of Arithmetic. Moscow: Prosveshchenie. P. 15

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-860-868

EDN: FMUSBQ

Эссе / Essay

«Век прозренья»: молодая поэзия Олжаса Сулейменова

О.А. Валикова[✉]

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ valikova-o@rudn.ru

История статьи: поступила в редакцию 05.10.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Валикова О.А. «Век прозренья»: молодая поэзия Олжаса Сулейменова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 860–868. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-860-868>

“The Age of Insight”: Young Poetry by Olzhas Suleimenov

Olga A. Valikova[✉]

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ valikova-o@rudn.ru

Article history: received 05.10.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Valikova, O.A. 2025. “‘The Age of Insight’: Young Poetry by Olzhas Suleimenov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 860–868. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-860-868>

Поэзия Олжаса Сулейменова многообразна. Много-бытие ее определяется континуальным существованием в различных историко-культурных и философских измерениях. Она преодолевает фронтиры имманентных смыслов в стремлении автора создать поэтическую Вселенную, не ограниченную оппозицией «Восток — Запад». Таковы «пересекающиеся параллели» его творчества.

«С годами имя истинного художника вообще избавляется от титулатуры, а на Востоке даже от фамилий. Мы говорим просто: Абай, Хайям, Мухтар — без сложных фигуральных конструкций, поддерживающих имя на должной

высоте. Светильники еще нуждаются в подпорках. Светило уже обходится без них¹. Позволим себе и мы называть поэта — Олжас. Осознавая собственную роль в сложном историческом процессе, Олжас никогда не причислял себя к «светилам» — он, скорее, со спокойствием, свойственным высокой степени ответственности за свое Слово, принял на себя ту историко-культурно-цивилизационную миссию, которая легла на его плечи. «Гений? Чье имя мы произносим, когда думаем Возрождение? Винчи. Гений дает имя эпохе, настолько он — она, даже если она этого не доосознает»². Пройдут десятилетия, и современную эпоху культурной жизни Евразии назовут эпохой Олжаса.

Олжас — феномен мировой литературы; он *чаяби* — человек чувственного ума (так ОО назвал средневековых философов-поэтов в своей «Азия», 1975), намеренный вернуть званию Поэта звучание гордое и честное. «Наше поколение кристаллизуется. В народе происходит реакция чести. Униженным недоступна радость. <...> Если сохранишь своих поэтов гордыми, я скажу, что ты велик, мой народ, мой герой!»³.

В своем поэтическом метанarrативе Олжас — активно действующий субъект Речетворчества — и Слова как Поступка. Классическое литературоведение четко дифференцирует автора и лирического героя (вспомним здесь изыскания Л. Гинзбурга). Постнеклассическая рациональность с ее отрицанием истины как философской категории, полиинтерпретативностью и диссипативностью языковой системы провозглашает, что «автор мертв». Олжас — поэт, который самой природой своего гения отрицает оба эти постулата. Не вдаваясь в частности диегетической — недиегетической теории повествования, отметим, что автор и лирический герой в поэзии Олжаса — явление зачастую контаминированное. Поэт, таким образом, «говорит сам за себя»; и, что еще более примечательно, его тексты не терпят иносказательности («иносказания лживы, они убийственны» в «Глиняной книге» ОО). Несмотря на язык, обогащенный проницательными метафорами, этимологическими «скрещениями», парадоксами и лингвистическими коллизиями, поэзия Олжаса точна и чувственно-конкретна. «...Единственная крепость — это крепость слова. И именно потому, что в жизни слова действительно очень относительны, в поэзии слова должны быть абсолютны <...> Я далек от мысли, будто у О. Сулейменова все это прием и уловка. Будь так — не стоило бы говорить о нем. Но перед нами крупный поэт»⁴:

¹ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 15.

² Цветаева М.И. Поэт и время. URL: <https://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/poet-i-vremya.htm> (дата обращения: 25.10.25).

³ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 190.

⁴ Аннинский Л. Пройдя сквозь дебри. Олжас Сулейменов и его «Глиняная книга» // Сулейменов О. Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 2 : Поэмы. Алматы: Атамура, 2004. С. 338–339.

*Свободой головы морocha,
мы долго говорим о том,
что надо бы сказать короче
о самом главном и простом:
строчи, поэт, любым калибром,
сади слова любой обоймой,
стих может быть
и не верлибром,
поэзия б была
свободной⁵.*

В век, которому «много досталось эпитетов», век разрозненный и разорванный, Олжас задается вопросом:

*Где оно, неделимое
Ни стенами и не рвами?
Не краткое и не длинное?
Временем не взрываемое?
Где, на каком расстоянии
целое
состояние?⁶*

Целое состояние — цель его поиска; все ответы предзаданы вопросами, которые Олжас адресует себе и миру.

Земля для лирического героя не раздроблена на «крошево стран». Кочуя по «черно-белому свету» (какая точная параллель с кинематографической пленкой, последовательность кадров которой создает движение! Но и внутренний контраст эпитета, как видится, неслучаен: черный — цвет земли, плодородной и влажной — чернозем; белый — цвет степной глины, раскаленной и иссохшей под копытами лошадей), он наносит на карту «проливы, саванны и горы», обращаясь к целой планете:

*Кружись, айналайын, Земля моя!
Как никто,
я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои на себя принимаю,
я кочую, кружусь по дорогам
твоим...⁷*

«Айналайын — обращение к дорогому человеку; подстрочный перевод — «кружусь вокруг тебя», семантическое наполнение — «Принимаю твои

⁵ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 14.

⁶ Там же. Век прозренья. Алматы, 2024. 180 с. С. 8.

⁷ Там же. С. 18.

болезни»⁸ Планета Земля для героя единая, живая сущность; кочевые-кружение (отметим здесь, что кочевые для номада всегда *кружение*, потому что сама Великая Степь имеет форму шара, вращающегося под куполообразным небом) становится актом шаманского камлания, направленного на исцеление самого любимого существа. Это исцеление — не только физическое (Олжас верен своему внутреннему кодексу, в соответствии с которым Слово не расходится с Делом: он лидер движения «Невада — Семипалатинск», призванного остановить испытания на ядерных полигонах), но и морально-нравственное. Олжас живет во времена, когда «затолкали в карманы героев, детали событий громадных»; когда поэт становится *старьевицом*, извлекающим из груды гниющей огрызки фантазии; когда *тикает время мира в мотивчике чудака*. «Век сложили в архивы, упятали в сейфы: удобно». «Болезни» парцеляции общества, слепого таксономического «распределения» живых материй, забвения — поэт-баксы не страшится ничего, перенимая на себя не только горечь родной земли, но и историческую боль всего человечества. Он перемещается по вертикали миров — из глубины к высоте, и древо его, ось личностного мироздания — карагач.

*Смотри, на кургане, где ветер поет
где слышится волчий плач,
вцепившись корнями в сердце мое,
шатаясь, стоит карагач.*

Карагач — олицетворение самого Поэта (принцип психологического параллелизма Веселовского); симптоматично, что он стоит на *кургане* (символ ушедших эпох).

*В глубоких морщинах
коричневый ствол,
в низине — кора гладка,
там каждый листик водою полн,
здесь — бьются из-за глотка.
Ломают бури,
но он упрям —
маяк пустынных степей,
стоит, развернув навстречу ветрам
плечи черных ветвей⁹.*

Маяк степей — парадоксальный образ, вызывающий в сознании ассоциации с кораблями пустынь — *верблюдами*. В памяти разворачивается картина:

⁸ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 18.

⁹ Там же. С. 28.

*А за верблюдами
Лениво, немо
Собаки караванные бегут...
Куда ты, караван? В какой шабул?
В чье желтое лицо бура твой плюнет?
О, гнется тропка,
гнется, как шампур,
под тяжестью нагруженных верблюдов¹⁰.*

Поэт — донор (заметим, что *донорство* всегда *добровольно* и нацелено на спасение жизни порой незнакомого человека), кredo которого — «Возвысить степь, не унизяя горы».

*По азимуту кочевых родов,
по карте,
перечеркнутой
историей,
по серым венам
древних городов
Я протекал
последней
каплей донора¹¹.*

Разве перед нами — не воскрешение исторической памяти своего народа, ради которого Поэт готов исчерпать себя до *последней капли*? Великая жертвенность — отличительная черта лирического героя. Но — не единственная.

*Бываю рад — и все
бываю рады,
я убегу — и все за мной в кусты.
Когда в жару я вижу дно Урала,
мне кажется, что все моря пусты.*

Таковы мысли великого поэта-воина Махамбета, умирающего на берегу Урала от раны. Махамбет — значительная для Олжаса фигура; это его поэтический наставник и Учитель. Махамбет — ориентир для своего народа, безмерно любящий свою Родину. Но несмотря на то, что отношения между поэтом и его народом построены в данном случае по закону соответствия («Я рад — все рады»), одиночество лирического героя осозаемо:

*И потому, когда кочевье выманит
все мое племя, —
я один пашу...*

¹⁰ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 29.

¹¹ Там же. С. 21.

Удивителен образ поэта-егінші¹², возделывающего оставленный кочевым родом участок земли. Земледелец в мировосприятии номадов — отринутый от общества человек, бедняк, вынужденный жить «безлошадной жизнью». В отличие от кочующего племени, — динамичного и подвижного коллектива, егінші — своего рода константа на степной карте. Его удел (или предназначение?) — готовить почву к плодоношению, и в этом земледелец противопоставлен кочевнику как *один* против *многих*. Скорее даже перед нами два принципиально разных типа мировидения и мироощущения. Земля для номада неприкосновенна: ее нельзя возделывать, чтобы не повредить живую плоть мира. Это обусловлено природно-климатическими факторами; контекст бытования номадов опирался на концепцию панэкологизма. Земля должна была сохранять влагу для выпаса скота. Для земледельца с его культом земли все иначе: лишь *усилием боли* рождается новая жизнь. И поэт, оставленный собственным племенем, принимает на себя роль землепашца, чтобы явить эту жизнь миру. Сын своего народа, кочевник по крови, лирический герой — чаляби — уподобляется жатаку¹³, главные квалитативные признаки которого — бедность и отверженность. Разумеется, исторически Махамбет, выходец из аристократического рода, не был жатаком; но в данной экспликативной номинации мы находим такие потенциальные смыслы, как противопоставленность своего «я» Другому, вынужденное одиночество (условие для творчество, как отметил Б. Каирбеков) и непонятость.

*...Когда никто не смеет слова вымолвить,
мне рот завяжут,
— я стихи пишу.
Эх, если бы сказали мне:
«Прости людей, уже пора — простить,
мир будет счастлив от твоей улыбки!»
Тогда бы я старался не грустить.
Сказали бы смущенные мужчины:
«Моря полны водой, пока Урал
Не высохнет.
Пока ты жив — мы живы...»
Тогда бы я, клянусь, не умирал¹⁴.*

Ключевой мотив здесь — *надоба*. Нужность, жизненная необходимость народа в герое, которая оказывается — напрасной (модус сослагательности, т.е. ирреальности, синтаксической конструкции «Эх, если бы...» сигнализирует о том, что чаяния Поэта несбыточны). Махамбет, образ которого сливается с

¹² Земледелец; пахарь из обедневшего слоя населения.

¹³ Бедный земледелец, «бездешадный» человек, не имеющий собственного скота и вынужденный пахать землю.

¹⁴ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 37.

поэтическим «я» — альтер-эго самого Олжаса, который так же воспринимает себя поэтом-воином:

*Юра, кем бы я стал десять пыльных столетий назад?
...Кровь, пожарище. Ур-р!
Я б доспехами был разукрашен,
и в бою наливались бы желчью мои глаза.
Я бы шел впереди разношерстных
чингиских туменов,
я бы пел на развалинах дикие песни
свои,
я, клянусь, в том же век, уличенный
в высокой измене,
под кривыми мечами батыров
коснулся б земли¹⁵.*

Время здесь континуально: поэт ведет диалог с Человеком, покорившим космос и увидевшим звезды (олицетворение будущего), чтобы поведать о далеком прошлом, в котором существует его героическое «я». Даже измена его — высока! Высота — пожалуй, главное качество Олжаса. Вопреки плоскости степи, которая не любила высоких гор, торчащих деревьев, яснолицых, высоких людей, Поэт бросает, словно вызов: «Мы, Высокие, будем стоять!» Слово Поэта (который бывает Чоканом, Блоком, Тагором...) — это Слово Спасения. Неслучайно Олжас, обращаясь к богу пустынь, молвит:

*...доверь мне снова радость:
В песках, где воют на луну бараны,
В Москве, в горах, в саванне —
 Все равно,
Спасти кого-нибудь —
 доверь мне радость¹⁶.*

Олжас — поэт-воин, который вынужден держать свой путь в одиночестве:

*мать сбросила черную шаль,
мне в глаза поглядела:
«Иди, если можешь,
один,
пропади —
я завою.
Иди, потому что никто
не пойдет за тобою.*

¹⁵ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 85.

*Мужчин не осталось в народе —
глаза опустили,
им хочется жить,
уходи,
их сердца опустели»¹⁷.*

Среди великих поэтов прошлого Олжас ощущает себя собратом, не преемником:

*Мне Лермонтов
бросает бурку гордости,
но я ее, прости, не подниму.
Мне не нужна она,
твоя лохматая,
я в горы не уйду,
я принял бой
и ножны бросил оземь.*

*Взмах
за взмахами!
Ты с ханами рубился,
Я — с ордой....
Ты молча умирал —
орда ревела.
Орда шумит —
лечу в лицо врагу.
Ты — родич мой,
мы — сыновья Земли...¹⁸*

Олжас — равный среди равных. Он — не ученик, «стоящий на плечах атлантов»: он их собрат и родич. Вспомним, как поэт стоит над *братскими могилами* («Чем порадовать сердце?»). Поэтов, которых соединяет «времен связующая нить» — собратьев в культурно-цивилизационном процессе. Вопреки тому, что «за слово отнимают языки», лирический герой Олжаса остается верен своему предназначению.

*Я иду,
Мы идем
вам навстречу,
серые сволочи —
сквозь мгновенья ошибок,
отчаянных самопрезрений,
чтоб минуты молчания
стали временем
ваших прозрений¹⁹.*

¹⁷ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Там же. С. 139.

И даже в этих строках эксплицирован мотив надежды: однажды и серые сволочи, *пробужденные молчанием* истинной скорби, прозреют. Неслучайно «Веком прозренья» назван поэтический сборник стихов молодого поэта, принцип жизни которого — быть ответственным за сказанное им слово:

*Сейчас мы отвечаем за слова.
На нас глядят.
Любой — на авансцене.
Когда из нас исходят Авиценны,
у Азии кружится голова.
Она глядит неласково, до слез,
когда мы возникаем, как прозрение,
— своей судьбой,
Своими подозрениями
мы молча отвечаем на вопрос²⁰.*

Как верно заметил Е. Сидоров, Олжас — поэт, которому выпало счастье быть далеко услышанным. Его эстрада — расширяющаяся вселенная казаха второй половины XX века²¹.

Добавим: несмотря на то, что родное, глубоко самобытное в творчестве Олжаса — то, что мы называем архетипическим субстратом этноса, — мерцает в его произведениях сквозь «оболочку русского слова», он остается по-этом *планетарным*. «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом...» — вот лейтмотив олжасовской лирики. И сегодня, в век прозренья, настало время прислушаться к чаляби и преодолеть границы собственных пред-убеждений.

Лирический субъект поэзии Олжаса, как мы увидели, многофункционален. Но это тема отдельного размышления и отдельного разговора.

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-0945-9937; SPIN-код: 5375-2387, AuthorID: 935823. E-mail: valikova-o@rudn.ru

Bio note:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0945-9937; SPIN-code: 5375-2387, AuthorID: 935823. E-mail: valikova-o@rudn.ru

²⁰ Сулейменов О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 179.

²¹ Сүлейменов О. Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 2 : Поэмы. Алматы: Атамура, 2004. 344 с. С. 329.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-869-881

EDN: ERIIMM

Научная статья / Research article

Тюркизмы как лексические маркеры транскультурности в поэме О. Сулейменова «Глиняная книга»

З.К. Темиргазина¹, Р.О. Асельдерова²

¹Павлодарский педагогический университет им. Ә. Марғұлан, Павлодар, Казахстан

²Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Российская Федерация

temirgazina_zifa@pspu.kz

Аннотация. Исследованы тюркизмы как маркеры транскультурного мировоззрения Олжаса Сулейменова в поэме «Глиняная книга». В работе принято широкое понимание тюркизмов, включающее казахизмы. Выявлено, что посредством использования тюркских слов автор создает сомногословную поэтическую картину мира, в которой перекликаются культурные коды разных традиций, отражая идею интеграции локального и глобального культурного опыта. Синтез языковых, исторических и культурных элементов способствует формированию универсального художественного пространства поэмы. Транскультурное художественно-эстетическое мировоззрение поэта дает возможность использовать «явные» и «узнаваемые» тюркизмы как средства языковой игры, парадоксов, гротеска, построенных на контрасте с иноэтническим языковым окружением. Особую роль играют тюркизмы с сакральным значением, имена собственные. Транскультурный подход автора позволяет читателю осмыслить сложные культурные взаимодействия и увидеть общее в многообразии культурных феноменов.

Ключевые слова: транскультурность, языковая игра, лексические маркеры, Олжас Сулейменов, Глиняная книга

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Темиргазина З.К. — концепция исследования, написание аналитических глав и заключения; Асельдерова Р.О. — сбор материала, написание введения, оформление списка литературы. Все авторы ознакомлены с окончательным текстом статьи и одобрили его.

Для цитирования: Темиргазина З.К., Асельдерова Р.О. Тюркизмы как лексические маркеры транскультурности в поэме О. Сулейменова «Глиняная книга» // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 869–881. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-869-881>

The Turkisms as Lexical Indicators of Transculturality in Olzhas Suleimenov's Poem "The Clay Book"

Zifa K. Temirgazina¹✉, Rumaniyat O. Aselderova²✉

¹Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, *Pavlodar, Republic of Kazakhstan*

²Dagestan State Pedagogical University, *Makhachkala, Russian Federation*

✉ temirgazina_zifa@pspu.kz

Abstract. The study examines Turkisms as lexical markers of a transcultural worldview in Olzhas Suleimenov's poem "The Clay Book." The study employs a broad understanding of Turkisms, which also includes Kazakhisms. The analysis demonstrates that the use of Turkic lexical elements allows the author to construct a multilayered poetic worldview in which the cultural codes of various traditions resonate with one another, reflecting the integration of local and global cultural experiences. In this context, transculturality is manifested through the synthesis of linguistic, historical, and cultural elements, which contributes to the formation of a universal artistic space. The poet's transcultural artistic and aesthetic worldview enables the use of "explicit" and "recognizable" Turkisms as instruments of linguistic play, paradox, and grotesque, constructed in contrast with the languages of other ethnic traditions. A special role is played by Turkisms with sacred meanings, including proper names. The author's transcultural approach allows the reader to comprehend the complexity of cultural interactions and to perceive the commonalities within the diversity of cultural phenomena.

Key words: transculturality, language play, lexical markers, Olzhas Suleimenov, The Clay Book

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors' contribution: Temirgazina Z.K. — study concept, writing of the analytical chapters and conclusion; Aselderova R.O. — data collection, writing of the introduction, and preparation of the bibliography. All authors have read and approved the final text of the article.

For citation: Temirgazina, Z.K., and R.O. Aselderova. 2025. "The Turkisms as Lexical Indicators of Transculturality in Olzhas Suleimenov's Poem 'The Clay Book'." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 869–881. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-869-881>

Введение

Творчество Олжаса Сулейменова, одного из наиболее ярких представителей казахстанской и мировой литературы второй половины XX в., отмечено уникальным синтезом национального и универсального, обращением к истокам культуры и одновременно диалогом с современностью. В центре его поэтического мира — идея сопричастности различных традиций и цивилизаций, что делает его произведения значимыми как для казахской литературы, так и для широкой транскультурной перспективы.

Поэма «Глиняная книга» (1969) занимает особое место в творчестве поэта. Она посвящена проблемам исторической памяти, диалога культур и поиску идентичности человеческого «Я» в пространстве тысячелетий. В произведении

переплетаются мифологические, исторические и философские мотивы, а язык становится средством не только художественного выражения, но и культурной самоидентификации. Поэма состоит из нескольких частей, каждая из которых обладает собственной сюжетной и композиционной завершённостью. В силу ограниченности объёма нашего исследования мы анализируем главу «Глиняная книга», которая наиболее насыщена тюркизмами¹. Такой выбор позволяет не только конкретизировать материал анализа, но и более наглядно продемонстрировать, каким образом национальная лексика становится инструментом формирования транскультурного дискурса, его маркерами в поэзии Олжаса Сулейменова.

«Глиняная книга» на протяжении последних десятилетий неоднократно становилась предметом анализа исследователей, которые обращали внимание на различные её аспекты: от особенностей поэтики до жанровой специфики и историко-философских оснований. Так, А.Ж. Жаксылыков рассматривает произведение как пример парадоксального и иронического мышления, противостоящего догматизму и линейности социалистического реализма. Он подчеркивает, что «парадокс как форма мышления, это определенный знак свыше, он говорит человеку следующее — вот предел твоего языкового мышления, языковой, вербальной картины мира, которую ты можешь вообще начертать, это граница твоего восприятия, следовательно, – воображения. А мир простирается бесконечно шире и глубже по немыслимым проекциям за пределы твоего мышления и воображения» [1. С. 732].

С.Н. Машкова отмечает, что завершающая часть одноимённого сборника — поэма «Глиняная книга» — представляет собой «произведение сколь значительное, столь и сложное». По её мнению, текст выстроен как «изощрённая система нескольких текстов, основной из которых — имитация древней эпической поэмы» [2. С. 139]. Сюжет перенесён в VII век до н. э. и связан с нашествием скифского племени ишкузов во главе с ханом Ишпакой на территорию Ассирио-Вавилонии. Исследователь подчеркивает, что в поэме Сулейменова историческое и мифологическое переплетаются с национальным пластом языка. Характерно, что повествование выстраивается на основе архаических лексем, которые «создают атмосферу древнего эпоса, но в то же время несут в себе современную философскую проблематику» [2. С. 139]. В поэме поднимается вопрос верности родовой памяти, традиции и религиозной идентичности.

Основное место занимает конфликт между ханом Ишпакой и жрицей Шамхат, который становится не только любовной историей, но и метафорой культурного выбора: отречься от веры предков ради чуждой цивилизации или остаться хранителем традиции. Машкова обращает внимание на то, что обви-

¹ Сулейменов О.О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. 252 с.

нения вождей в адрес хана связаны именно с нарушением этнических и духовных запретов: «Преступление хана состоит в том, что, отдавая свое семя чужестранке, он тем самым способствует рождению будущих сильных врагов» [3. С. 140]. Хан Сары-Кене, погибая, завещал:

«...не отдавайте семени чужим,
не делайте врагов себе подобными».
Так завещал нам хан Сары-Кене.
Он мог бы жить в плену немало лет,
ему в шатер вводили царских дев,
чтоб, семя скифское заполучив,
мир покорить могли они, чужие².

Исследователи рассматривают особенности поэтики писателя, обращают внимание на использование стилистических фигур (антитезы, инверсии, оксюморона), выразительных средств (сравнения, метафоры), языковой игры, иронии, а также авторских новообразований, которые формируют неповторимый стиль Сулейменова [4]. Значительное внимание исследователи уделяют иронии, которая в поэзии Сулейменова нередко выступает как способ критического осмысления действительности. Так, например, в «Глиняной книге» иронично обыгрываются академический дискурс и фольклорные мотивы. М.Б. Амалбекова подчеркивает, что произведения поэта многослойны и требуют от читателя фоновых знаний, интуиции и «читательской зоркости», поскольку за привычными словами скрывается глубокий философский подтекст [3].

А.М. Марченко рассматривает произведение как специфическое художественное явление, в котором история превращается в поэтическое пространство. Критик подчеркивает, что Сулейменов «не пишет историческую хронику, стремясь воссоздать давно прошедшее во всей его истинности» [4]. Напротив, воссоздавая и «заселяя» пространство поэмы, автор не ограничивается задачей историографа. Его интересует не только прошлое само по себе, но и его живые связи с современностью. Марченко отмечает, что для Сулейменова важно «правильно задать вопрос», ведь «история... не привыкла начинать первой. Она ждет наших вопросов и не на всякий отвечает. Но нам всегда нужно то, что сейчас нужно» [4]. Именно поэтому акценты в поэме смешаются от детского вопроса «Как погибли города?» к зрелому размышлению «Почему они выжили?». Для поэта это принципиально: понять не только трагедию гибели, но и «запас человечности», благодаря которому в истории сохраняются «оазисы человечности, возникавшие как вызов плоской природе» [4].

² Сулейменов О.О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. С.113

Новый взгляд на поэтический текст Олжаса Сулейменова с точки зрения семиотики языка и культуры представлен в работе [5]. Авторы статьи используют адаптированный метод Ю.М. Лотмана, акцентируя внимание на гиперзнаках как аллюзиях, которые формируют многослойную символическую структуру произведения «Хромой кулан». Особое внимание уделено анализу семантического поля лексемы «кулан», выявлена трансформация от традиционного образа дикого животного до символа благородства и верности в поэтической картине мира Сулейменова. Исследователи отмечают: «Главным приемом передачи авторского замысла является сложная многоуровневая аллюзия, представляющая собой гиперзнак, верной интерпретации которого способствуют фоновые знания казахской истории, мифологии и фольклора» [5. С. 49].

Обсуждение

Как показал обзор научной литературы, исследователи сходятся во мнении, что «Глиняная книга» Олжаса Сулейменова — произведение сложное по жанровой структуре и глубоко насыщенное культурно-историческими смыслами. Однако наименее разработанной остается проблема функционирования тюркизмов в художественном тексте поэмы. Между тем именно эти элементы языка играют ключевую роль в создании поэтического мира Сулейменова: они связывают повествование с архаическим пластом культуры, маркируют национально-специфическую картину мира и одновременно становятся частью универсального философского дискурса. С помощью тюркизмов Сулейменов конструирует свой поликодовый «многосмысловой» поэтический мир — сочетает локальное и глобальное, этническое и общечеловеческое, историческую память и современную рефлексию, а тюркизмы при этом маркируют точки пересечения «иных» миров.

М.А. Дубовицкая характеризует функцию заимствованных лексических элементов в тексте как самоидентификацию и авторепрезентацию автором своего образа, что особенно актуально в мультикультурном дискурсе, так как понимание себя и желание облечь это в знаковую форму рождается при столкновении с „иным“ [6. С. 90]. Тюркизмы как элементы художественной стилистики выступают средствами этнической и культурной самоидентификации автора, знаками его этнокультурной принадлежности, а также формируют образный ряд произведения, выражая транскультурность авторского мировосприятия. Через них Сулейменов показывает, как локальные культурные коды способны вступать в диалог с универсальными образами человечества.

В исследовании сулейменовского поэтического текста мы опираемся на его же теоретические выкладки, в частности на его типологию заимствованных слов, выстроенную с профессиональным лингвистическим чутьем и удивительно тонким пониманием законов функционирования языка. В книге

«Тюрки в доистории» (2002) он называет три категории заимствованных слов: 1) явные заимствования, 2) узнаваемые, 3) невидимые. «К первым, — пишет Сулейменов, — отношу термины, не утратившие откровенно иноязычной формы... Под узнаваемыми следует понимать заимствования, успевшие обкататься в потоке живой славянской речи, но их генезис нетрудно восстановить средствами действующего этимологического метода. И, наконец, к самым древним заимствованиям отношу невидимые, которые настолько освоены за тысячетия активного использования, что от их первичной формы уцелели порой лишь остатки основ, скрытые многослойной корой славянских приставок, суффиксов, окончаний» [7. С. 8]. К тюркизмам мы также относим слова персидского, арабского происхождения, вошедшие в русский язык из тюркского языка как языка-посредника, например, *тиала* — слово персидского происхождения, вошедшее в русский язык из тюркского языка. Казахизмы мы определяем как частный случай тюркизмов, относящийся только к словам казахского языка, например *апай* („старшая сестра“, „учительница“), *ага* („старший брат“, „уважаемый человек“). Иначе говоря, слова, заимствованные из казахского языка, также являются тюркизмами, но не все тюркизмы являются казахскими словами. Например, слово *Туран* является тюркизмом (происходит из тюркских языков), но не является казахизмом.

Цель нашего исследования — выявление роли тюркизмов как маркеров транскультурного мировосприятия в поэме О. Сулейменова «Глиняная книга». Соответственно, объектом нашего интереса являются «явные» и «узнаваемые» тюркизмы, сохранившие, по выражению В.П. Синячкина, «печать чужости» [8. С. 85]. В силу этого они обладают более мощным синергетическим потенциалом в глазах автора, использующего тюркизмы в художественно-эстетических целях как знаки «иного», и в глазах читателя, чей взгляд должен «цепляться» за эти слова и осознавать их как знаки-маркеры «иного»: иного языка, иной культуры, иного мира, иного образа мыслей.

В художественной стилистике заимствованным словам, иноязычным вставкам традиционно отводится этнографическая функция воспроизведения быта, колорита и атмосферы другой культуры. Современные исследователи углубляют эту упрощенную трактовку и видят их роль в создании автором художественного пространства, отражающего его культурную и этническую идентичность. «Говоря другими словами, поэт, используя экзотизмы и иноязычные вкрапления, транслирует свой автообраз в попытке самоидентифицироваться в условиях „пограничья“, находясь внутри двух близких ему культур» [9. С. 36].

Начальный фрагмент поэмы «Глиняная книга» представляет собой характерный пример того, как Олжас Сулейменов использует национально-специфическую лексику для создания этноориентированного художественного пространства в тексте. Уже в первых строках появляются тюркизмы, акценти-

рующие этнокультурный характер повествования. Так, мир поэмы моделируется через описание повседневного быта персонажей: «*В песках заснеженных Муюн-кумов пас отару знатный чабан Ишпакай*»³. Здесь слова *отара* (‘стадо овец’) и *чабан* (‘пастух’) обозначают реалии традиционного уклада кочевой жизни, а топоним *Муюн-кумы* осуществляет локальную привязку хронотопа повествования к тюркским географическим реалиям. Не менее показательны этнографизмы бытового характера *тиала*, *хурджум*, *кумыс*, также появляющиеся на страницах поэмы. Лексема *тиала* указывает на традиционную посуду для чаепития, *хурджум* — на седельную сумку (каз. қоржын), *кумыс* (каз. құмыз) — на традиционный напиток тюрок из кобыльего молока. Их использование расширяет предметный мир текста и фиксирует в нём культурные реалии кочевого быта. Важно, что поэт нередко оставляет эти слова в оригинале, зачастую снабжая их примечаниями, что позволяет сохранить национальное звучание и в то же время сделать текст доступным для читателя. Их употребление не только воссоздаёт этнокультурную реальность, но и сразу задаёт национально окрашенный контекст повествования. Не менее значимо слово *саман* (“кирпич-сырец”), которое связывает повествование с казахскими традициями строительства: «*Шёл дальше и видел, как плохо саманик крыл крышу. Котэн забрался, столкнул с проклятьями кровельщика и, запустив руки в саман, выгладил крышу до блеска*»⁴. В эпилоге в русскоязычный нарратив органично встроена лексема *сарбазы* (‘воины, солдаты’): «*Его схватили с радостью сарбазы*» [1. С. 98]. Казахизм сохраняет этнографическую окраску и одновременно подчеркивает национальную специфику эпического повествования.

Особое значение имеют тюркизмы сакрального регистра. Так, в обращении к герою используется слово *аруах* («дух предков»), снабжённое авторским подстрочным комментарием. В казахской традиции *аруах* обозначает духа предков, сакральную силу, способную как покровительствовать, так и наказывать. В поэме это слово формирует пространство мифологического: диалог чабана с духом оказывается не бытовым, а предельно философским. В связке «аруах — мурза» (где *мурза* переводится как «господин») национально-специфическая лексика соединяет сакральное и социальное измерения, усиливая архаический характер повествования. В нарративе поэмы часто появляется бог неба Тенгри. Тюркизм именует сакральный персонаж — все знающего и всевидящего бога Неба: наблюдателя за событиями, комментатора происходящего, но удивительно сохраняющего при этом все черты человеческого характера и поведения: «*Будь ты проклят, — плонул Тенгри из-за облаков*»⁵. Такова реакция Тенгри на предательство и унижение хана Ишпака.

³ Сулейменов О.О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. С. 92

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 152.

Сулейменов использует тюркизмы для образно-метафорической уничижительной характеристики персонажа с помощью оппозиции «хан — ишак»: «Где твоя былая сила, гордый Ишпака? Эта баба превратила хана в ишака»⁶.

Важную роль играют тюркизмы-этнонимы. Главный герой говорит о своем происхождении, используя этноним: «сам я происхожжу из племени *Иши-огуз*». Упоминание огузов — одного из основных тюркских племенных союзов, сыгравших важнейшую роль в этногенезе народов Центральной Азии, — придаёт повествованию историческую глубину и создаёт эффект «эпической достоверности». Через тюркские этнонимы в поэму вводится архаический пласт культуры. Сулейменов помещает этноним в контекст академического интервью, тем самым вплетая национальный пласт в мировой исторический нарратив, в котором упоминается этруссские письмена и хроники ассирийского царя Ассарадона.

Особое значение в контексте поэмы приобретает этноним «иши-огуз» ('внутренние огузы') и его антонимическая пара «таши-огуз» ('внешние огузы'). Этнонимы обретают символическое звучание, построенное на оппозиции «внешнее — внутреннее»: «Но сказано, не бойся врагов внешних (*таши*), а бойся врагов внутренних (*иши*)»⁷. Наименования тюркских племен одновременно выполняют этнографическую и философскую функцию, обозначая и древние племенные деления, и универсальную проблему «внутренних врагов», которая оказывается актуальной во все эпохи. Таким образом, тюркские слова у Сулейменова становятся метафорами, способными объяснять и древние, и современные социальные конфликты. Наконец, в главе «Оракул» обращение «Ишикузы!» превращается в центральный философский мотив. Этноним, обозначающий древнее племя, становится символом человечества в целом: «Спит твое племя зеленое, греет бока, от души пожелаем ему солнечных снов»⁸. В этой метафоре спящий народ предстаёт образом всего человечества, которое «просыпается» только благодаря «ушибленным звездой» избранникам. Таким образом, слово перестаёт быть только этнографическим маркером и приобретает универсальный смысл, связывая национальное и мировое, частное и общее.

Значительную часть тюркизмов в повествовании составляют имена собственные. Имя главного героя — учёного *Ишпакай-ага* — подчеркивает связь с общетюркской традицией и протягивает нить повествования от современности вплоть до глубокой истории, к VII в. до нашей эры. Оно этимологизируется через огузский словарь: «Означает буквально — „след стерегущий“, так называли кочевники пса-тотема. И сегодня еще огузы величают породистых псов именами типа „Испакар“, „Испакай“ и т. п. вариантами»⁹. Эта

⁶ Сулейменов О.О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. С. 152

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 100.

⁹ Там же. С. 86.

интерпретация показывает, что имя персонажа несет в себе историческую и культурную память народа, сохраняя связи с мифологией и тотемистическими представлениями. В то же время автор подчеркивает, что имя *Ишпакай* не статично. Оно претерпевает исторические трансформации, переходя из одной этнической традиции в другую, обретая тем самым широкий культурный и лингвистический контекст: «*Мидяне заимствуют это сложное слово, превращают в абстрактный монолит и делают переносное значение главным.* „Спака” — так они называют уже любого пса. Далее оно распространяется в индо-ирано-европейских 86 языках, преобразуясь (в славянских, например) в „собака”, „шавка”, „сука”. Дифтонг *ав > у*¹⁰. Слово *ага* (каз. *ага* — „старший брат”, „уважаемый старший”), входящее в состав имени, выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно маркирует традиционное казахское уважительное обращение, с другой — связывает фигуру современного «врача истории» Ишпакай-ага с традиционным культурным кодом, где старший выступает носителем мудрости и памяти рода. В самой форме имени проявляется принцип сопряжения различных культурных пластов — исторического, мифологического и современного научного.

В эпизодах, связанных с «научной деятельностью» Ишпакая, мы видим языковую игру с советским академическим дискурсом. Так, аббревиатуры МНС (младший научный сотрудник) и СНС (старший научный сотрудник) соседствуют с тюркизмами *иши-огуз* и *таши-огуз*, формируя ироничное совмещение научного и этнического. Знаменательна сцена, когда английский профессор в письме к герою обращается: «*Дорогая мисс Ишпакай*», перепутав аббревиатуру *MNC* с обращением¹¹. Эта деталь выступает символом культурных недоразумений, культурного шока, возникающих при контакте различных традиций. Национальная лексика здесь становится не только частью научного дискурса, но и вступает в ироническое взаимодействие с другими культурными кодами, раскрывая транскультурное измерение текста. Именно об этой особенности постмодернистской художественной эстетики Сулейменова говорит А. Жаксылыков: «В семидесятых годах в казахской литературе ультрасовременный синтез архаики и модернистской иронии в форме системных парадоксов, заявленный в поэме О. Сулейменова „Глиняная книга“, оказался неожиданным, даже шокирующим» [1. С. 734]. «Шокирующий» пародийный оттенок усиливается в казахизмах, передающих имя и фамилию персонажа *Ант-урган Сүмдук-улы*. *Антұрган* переводится с казахского как ‘проклятый’, негативная коннотация усиливается первичной семантикой фамилии *сұмдық* ‘ужасный, страшный, мерзкий’¹². «Говорящие» имя и фамилия персонажа,

¹⁰ Сулейменов О.О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. С. 86–87.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Казахско-русский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/> (дата обращения: 04.09.2025).

представителя академической среды, молодого ученого, аспиранта, усиливают парадоксальность и гротескность корреляции с характером и поведением отрицательного героя.

Контраст между явным тюркизмом *ши-огузы* и словом *Никаноровка*, несущим очевидные признаки «русскости», иронически обыгрывается в гротескном академическом контексте: «*Появился новый аспирант из ши-огузов (село Никаноровка), и ему пришлось пробиваться в люди. И он не нашел ничего лучшего, как выступить против теории доктора Ишпакая*»¹³. Имя и фамилия аспиранта *Ант-урган Сумдук-улы*, научного оппонента Ишпакай-ага, в сочетании с тем же русским топонимом *Никаноровка* также создает гротеско-комический эффект из-за явно подчеркнутого этноязыкового контраста. Языковая игра с антропонимами продолжается и далее в письме аспиранта: «*Часть Первая мне напел 97-летний чабан Шах-Султан Саксаулы...*»¹⁴. Имя *Шах-Султан* — это комбинация персидского слова «шах» ('правитель')¹⁵ и тюркского/арабского титула «султан» ('титул правителя')¹⁶. Дословно такое сочетание переводится как «правитель-правитель» или «правитель, который является султаном», что иронически маркирует «высокое» социальное положение чабана. Фамилия *Саксаулы* — это языковая «подделка» под казахскую фамилию, в которой используется слово *саксаул* (от каз. *Сексе-үіл* 'растение'). Добавление к нему звука *-ы* уподобляет с фонетической точки зрения придуманную автором фамилию традиционной казахской фамилии со словом *ұлы* ('сын'). Автор использует казахизмы в языковой игре, выстраивая ее на гротескном или комическом обыгрывании традиций казахского имянаречения в русском тексте, что маркирует транскультурную стилистику поэмы Сулейменова. Тюркизм *Котэн* Сулейменов использует для номинации гротескного «всеумеющего» персонажа:

*Каждому племени нужен один человек,
ушибленный звездой. Заводите таких.
У шикузов был такой счастливец — Котэн.
У него можно было не спрашивать: «Куда идёшь?»,
он сам, невзирая на твоё несогласие, покажет
тебе дорогу, насильственно сделает счастливым¹⁷.*

«Насильственно делая несогласных счастливыми», Котэн помогает в битве врагам своего народа, учит палача рубить головы, а правителя — правильно

¹³ Сулейменов О.О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. 252 с. С. 92.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 519.

¹⁶ Казахско-русский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/> (дата обращения: 04.09.2025).

¹⁷ Сулейменов О.О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. С. 96.

воспевать подвиги и умения самого себя — Котэна «всеумеющего». Гротескность этого образа заключается в причудливом и трагикомическом сочетании желания осчастливить людей и нелепого гиперболического воплощения этого «благородного» намерения. Это не просто карикатура, а глубокий и многоугранный образ, который через смех и абсурдность заставляет задуматься о вечных вопросах чести, мечты и реальности. Имя героя, по замыслу Сулейменова, вскрывает его истинную гротескно-карикатурную сущность. Оно восходит к казахскому нарицательному существительному *көтөн* со значениями «1. задний проход; прямая кишкa; 2. зад; 3. разг. попa»¹⁸; см. также Древнетюркский словарь¹⁹. Расшифровка языковой игры автора в процессе онимизации имени персонажа снижает кажущуюся пафосность действий и «высокость» помыслов героя, раскрывает его истинное отношение к герою, поскольку автор фактически называет его «задницей». Тюркизм функционирует как важнейший элемент языковой игры автора, создающий гротескно-комический план русскоязычного повествования, сближающий образ Котэна с гротескными архетипами мировой литературы — Дон-Кихотом, Фальстафом. Тем самым тюркизм выступает средством погружения поэмы в мировой литературный дискурс, связывая ее с европейскими литературными традициями.

Тюркизмы в поэме Сулейменова выполняют сразу несколько функций. Во-первых, этнографическую функцию, формируя аутентичное изображение кочевой жизни. Во-вторых, имеют сакральное значение, связывая героев с духовной традицией и памятью предков. В-третьих, играют стилистическую роль, демонстрируя принцип «двух кодов»: слово остается чужим и одновременно включается в русскоязычный художественный дискурс. Наконец, они выполняют функцию трансляции философской идеи, так как национальная лексика оказывается не только знаком быта, но и носителем мировоззренческих смыслов.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что тюркизмы в поэме Олжаса Сулейменова «Глиняная книга» выполняют функцию не только именования этнографических деталей, но и, во-первых, знаков исторической и культурной памяти, включённых в широкий поэтический контекст, во-вторых, лексических маркеров транскультурности. Они органично вплетаются в русскоязычное повествование, взаимодействуют с советской научной терминологией, с европейскими культурными кодами и универсальными философскими категориями. Тонкое владение стилистическими ресурсами русского языка и

¹⁸ Казахско-русский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/> (дата обращения: 04.09.2025).

¹⁹ Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. С. 519.

знание истории и культуры тюрков позволяет Олжасу Омаровичу Сулейменову существенно расширить художественно-эстетический потенциал тюризмов, в частности, использовать их в русскоязычном полотне поэмы для языковой игры, создания парадоксов, гротеска, иронии и комического, построенных на столкновении разных в этническом отношении языковых средств и языковых традиций. Поэтика Сулейменова пронизана парадоксами как органичной частью недискурсивного, нелинейного мышления, которое свойственно «Глиняной книге». Таким образом, тюризмы выступают как многофункциональные, полисемиотические лексические маркеры транскультурного пространства поэмы.

Лексемы *иши-огуз*, *таши-огуз*, *аруах*, *мурза*, *сарбаз*, имена собственные *Ишпакай*, *Антурган Сумдукулы*, *Шах-Султан Саксаулы*, *Котэн* и многие другие становятся «точками пересечения» разных культурных традиций — тюркской, казахской, русской, европейской. Через них Сулейменов демонстрирует, что национальная лексика способна не замыкаться в границах локального, а выходить на уровень универсального смысла. Именно в этом проявляется транскультурное мировоззрение поэта: он соединяет в одном тексте разные языки, исторические эпохи и культурно-семиотические системы, создавая единое художественное пространство, где локальное, национальное и мировое существуют не в оппозиции, а во взаимодополнении.

Список литературы

1. Жаксылыков А.Ж. Ирония и парадокс в дискурсе О. Сулейменова // Материалы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура». Москва : Изд-во РУДН, 2016. С. 732–735.
2. Машкова С.Н. Жанровый полиморфизм «Глиняной книги» Олжаса Сулейменова : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Костанай : КГУ имени А. Байтурсынова, 2017. 230 с.
3. Амалбекова М.Б. О речетворчестве Олжаса Сулейменова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2015. № 3. С. 85–91.
4. Марченко А.М. Песнь песней или исторический детектив? // Вопросы литературы. 1970. № 9. С. 42–61. URL: <https://voplit.ru/article/pesn-pesnej-ili-istoricheskij-detektiv/> (дата обращения: 04.10.2025).
5. Дерунова Е.Н., Темиргазина З.К. Семиотическое прочтение стихотворения Олжаса Сулейменова «Хромой кулан» // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибелі — Язык и литература: теория и практика. 2024. Т. 3. № 2. С. 39–55. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55>
6. Дубовицкая М.А. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как способ самоидентификации и авторпрезентации (на примере романа Амина Ар-Рейхани «Книга Халида») // Литературоведение и лингвокультурология. 2019. № 17 (1). С. 89–96. <https://doi.org/10.24833/210-242-2019-1-17-89-96>
7. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории // АС АЛАН. Москва: Мир дому твоему, 2002. № 3 (8). С. 249–547.
8. Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюризмов в русском обыденном сознании // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 4. С. 85–95.

9. Темиргазина З.К. Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвальность и транскультурные практики. 2020. Т. 18. № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>

References

1. Zhaksylykov, A.Zh. 2016. “Irony and paradox in the discourse of O. Suleimenov.” In *Proceedings of the International Scientific Conference “Contemporary problems of Turkology: Language — Literature — Culture.”* Moscow, RUDN, pp. 732–735. Print. (In Russ.)
2. Mashkova, S.N. 2017. Genre polymorphism of “The Clay Book” by Olzhas Suleimenov: monograph. 2nd ed., revised. and additional. Kostanay: KSU named after A. Baitursynov. Print. (In Russ.).
3. Amalbekova, M.B. 2015. “On the Speech Creation of Olzhas Suleimenov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 3, pp. 85–91. Print. (In Russ.)
4. Marchenko, A.M. 1970. “Song of Songs or Historical Detective Story?” *Questions of Literature*, no. 9, pp. 42–61. (In Russ.) 4 Oct. 2025 <https://voplit.ru/article/pesn-pesnej-ili-istoricheskij-detektiv/>
5. Derunova, E.N., and Z.K. Temirgazina. 2024. “Semiotic reading of Olzhas Suleimenov’s poem ‘The Lame Kulan.’ *Til jäne ädebiet: teoriyası men täjiribesi — Language and literature: theory and practice*, vol. 3, no. 2, pp. 39–55. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55>
6. Dubovitskaya, M.A. 2019. “Foreign-language insertions in a fiction text as a means of self-identification and self-representation (based on Amin Ar-Rayhani’s novel ‘The Book of Khalid’).” *Literary criticism and linguacultural studies*, no. 17(1), pp. 89–96. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/210-242-2019-117-89-96>
7. Suleimenov, O.O. 2002. “Turks in prehistory.” In *AS ALAN*. Moscow: Peace to your home, no. 3(8), pp. 249–547. Print. (In Russ.).
8. Sinyachkin, V.P. 2011. “Historic and cultural turkism layer in the everyday Russian language perception.” *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series Theory of Language. Semiotics. Semantics*, no. 4, pp. 85–95. Print. (In Russ.).
9. Temirgazina, Z.K. 2021. “Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 1, pp. 29–43. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-129-43>

Сведения об авторах:

Темиргазина Зифа Кәкбәевна — доктор филологических наук, профессор, Павлодарский педагогический университет им. Э. Маргулан, Республика Казахстан, 143002, Павлодар, ул. Олжабая батыра, д. 60. ORCID: 0000-0003-3399-7364. E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz
Асельдерова Руманият Омаровна — кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет, Российская Федерация, Республика Дагестан, 367003, Махачкала, ул. Ярагского, д. 57. ORCID: 0000-0003-4261-6703. E-mail: rumomarovna@mail.ru

Bio notes:

Zifa K. Temirgazina is a Doctor of Philology, Professor, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, 60 Olzhabay Batyr St, Pavlodar, 143002, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-3399-7364. E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

Rumaniyat O. Aselderova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University, 57 Yaragsky St, Makhachkala, 367003, Russian Federation, Republic of Dagestan. ORCID: 0000-0003-4261-6703. E-mail: rumomarovna@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-882-900

EDN: ERWTBP

Research article / Научная статья

Nation-building and Writing System: *Mongol Bichig* in Linguistic Landscape of Ulaanbaatar

Erzhen V. Khilkhanova[✉]

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
 erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Abstract. This study examines the linguistic landscape of Ulaanbaatar, the capital of Mongolia, in relation to the country's current nation-building processes, which are closely intertwined with the introduction of the classical Mongolian writing system, *Mongol Bichig*, into official documentation and school education. The author relies on the method of photographing linguistic landscape units in the center of Ulaanbaatar and on surveys revealing public opinion on *Mongol Bichig* and people's linguistic competence in it. The research shows a natural time lag between the intentions of the government and Mongolian society and the actual presence of *Mongol Bichig* in the linguistic landscape and everyday linguistic practices. The issue of *Mongol Bichig* is considered within the broad historical and linguistic context showing past and present efforts to construct national identity, currently building it on the original writing system. The research shows a natural time lag between the intentions of the government and Mongolian society and the actual presence of *Mongol Bichig* in the linguistic landscape and everyday linguistic practices. So far, *Mongol Bichig* performs mostly symbolic function. Its symbolic representations in the linguistic landscape of Mongolian capital are driven not only by historical memory, ideas of national identity and patriotism, but also by the strategies of commodification of national identity in the form of marketing of authenticity and locality.

Key words: linguistic landscape, nation-building, classical (traditional) Mongolian script, Ulaanbaatar, state language policy, commodification of language

Article history: received 14.03.2025; accepted 10.10.2025

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Khilkhanova, E.V. 2025. "Nation-building and Writing System: *Mongol Bichig* in Linguistic Landscape of Ulaanbaatar." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 882–900. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-882-900>

Нацестроительство и письменность: *Монгол бичиг* в языковом ландшафте Улан-Батора

Э.В. Хилханова[✉]

Институт языкоznания Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
✉ erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Аннотация. Рассмотрен языковой ландшафт Улан-Батора, столицы Монголии, в связи с современными процессами нацестроительства в стране, которые тесно переплетены с внедрением классической монгольской письменности — *Монгол бичиг* — в официальную документацию и школьное образование. Автор опирается на метод фотографирования единиц языкового ландшафта в центре Улан-Батора и опросы, выявляющие общественное мнение о *Монгол бичиг* и языковой компетенции людей в нем. В исследовании использовано широкое определение языкового ландшафта, которое включает в себя все языки, присутствующие в публичном пространстве. Проблема классической монгольской письменности рассматривается в широком историческом и лингвистическом контексте, демонстрирующем прошлые и нынешние усилия по формированию национальной идентичности, которые в настоящее время основываются на оригинальной системе письма. Исследование показало естественный временной разрыв между этими намерениями, разделяемыми правительством и монгольским обществом, и фактическим присутствием традиционной монгольской графики в языковом ландшафте и в повседневных лингвистических практиках. Пока еще *Монгол бичиг* выполняет в основном символическую функцию. Его символические презентации в языковом ландшафте монгольской столицы обусловлены не только исторической памятью, идеями национальной идентичности и патриотизма, но и стратегиями коммодификации национальной идентичности в форме маркетинга аутентичности и локальности.

Ключевые слова: языковой ландшафт, нацестроительство, классическая (традиционная) монгольская письменность, Улан-Батор, государственная языковая политика, коммодификация языка

История статьи: поступила в редакцию 14.03.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Khilkhanova E.V. Nation-building and Writing System: *Mongol Bichig* in Linguistic Landscape of Ulaanbaatar // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 882–900. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-882-900>

Introduction

Theory and Research Methodology

Linguistic landscape studies (henceforth LLS) is a field experiencing a boom in modern sociolinguistics since the end of the 20th century. Despite being a relatively young field, LLS have already developed its own history, theory and methodology. Initially, the quantitative approach dominated, as evidenced by P. Backhaus's work on urban multilingualism in Tokyo [1].

However, pure quantitative analysis only provides a cross-sectional view of LLS at a given moment in time, identifying the dominance, weak representation or absence of any idioms in the linguistic landscape. Such quantitative parameters are

typically examined within the context of language policy research, a foundational component of LLS [2]. LLS provide a fruitful methodological perspective through which language policy can be analyzed as a “discursive and multilayered process” [3]. Quantitative research is necessary and important when we deal with a previously unexplored area (see also [4]). A further analytical step should be to identify social meanings, social indexicality, and diverse contexts that define and explain both the quantitative parameters and the features of visual representation of certain languages in linguistic landscape [4; 5; 6; 7].

Although the concept of a linguistic landscape (henceforth LL) was originally naturally connected with semiotics, the semiotic side of LL signs was not emphasized at the beginning. This can be seen in the well-known definition of LL given by Landry and Bourhis in 1997: “the language of public road signs, advertising billboards, street names, place names, commercial shop signs, and public signs on government buildings combines to form the linguistic landscape of a given territory, region or urban agglomeration” [8. P. 25].

In my research, however, I adhere to a broader definition of LL, considering it not only as a collection of static¹ linguistic signs, as in Landry and Bourhis’ study, but as a collection of all languages visible in public space. In this sense, a LL includes both static and moving signs, located on various kinds of goods and products found in the study area — manufactured goods, food products, etc. These artifacts contribute to the diverse repertoire of languages with which both permanent and temporary residents of the territory (including tourists) must engage. These linguistic signs, found on everyday goods and souvenirs, carry the meanings necessary for everyday orientation, while also signalling longer-term and strategic trends in language policy.

This approach aligns with current trends in LLS and, more broadly, in sociolinguistics and related disciplines. A broad understanding of LL as part of everyday life enables the identification of the agency, opinions and assessments of the various actors, both official and grassroots, who create and interpret LL signs. Modern LLS theory and methodology insists on perceiving LLs as a complex, historical, semiotically loaded material space in which language policy is implemented at both micro and macro levels [4; 5].

A broad definition of LLs includes soundscapes too. However, I had to exclude from my analysis this aspect of LL, along with the multimodal nature of landscapes, as it would require much more extensive research. This article considers only one

¹ The term ‘static’ refers to immobile LL signs, listed, *inter alia*, in Landry and Bourhis’ definition. Their static nature is opposed to dynamic, movable LL signs placed on various kinds of goods and products — see the broad definition of LL above. The term ‘static’, however, should not imply that these signs, once placed on a building façade by business owners, cannot change; on the contrary, their appearance, disappearance and transformations are all meaningful and henceforth are objects of LLS.

type of sign, the importance of which for the country under investigation, Mongolia, cannot be overestimated. More specifically, I will focus on the classical Mongolian script (in Mongolian: *Mongol Bichig*)² — and its representation in the visual LL of the country's capital Ulaanbaatar. Attention will also be paid to the contribution of different stakeholders — the state, institutions, and business owners — to the representation of these signs in Ulaanbaatar. Language attitudes and opinions of Mongolian citizens regarding Mongol Bichig are also analyzed.

Ulaanbaatar is a particularly fruitful context for such an examination as it is the capital of a country that has been virtually unexplored in terms of its LL; there are only a few studies on this topic [10; 11]. Ulaanbaatar is by far the most representative city in Mongolia for exploring the LL, both because of its metropolitan status and size, and because 1/3 of the country's total population lives in it.³ Mongolia and its capital are extremely interesting subjects for LL research, not only because they have been poorly studied, but also because the country is currently undergoing an intensive nation-building process, which is clearly reflected in the dynamics of its LL.

Mongolia has a complex history of state formation and linguistic development, which largely took place under the protectorate and with the help of the Soviet Union, and before that, the Russian Empire [12]. Its history as a sovereign state formally dates back to 1924, when the Mongolian People's Republic was proclaimed on the territory of Outer Mongolia — modern Mongolia — with the help of the Soviet Union. After the collapse of the Soviet Union, Mongolia has changed its foreign policy and today adheres to the “third neighbor” policy [13]. At the same time, the country tries to balance between Russia and China with whom Mongolia shares a common border; unlike the metaphorical “third neighbor”, these geographical neighbors are real (and powerful) and still retain their economic influence on Mongolia.

The paper is structured as follows: in the next section, data sources and research methods are explained; the section after that describes in short the historical and linguistic background of the country under investigation; the subsequent section is dedicated to linguistic landscape data in Ulaanbaatar and people's opinions and attitudes towards *Mongol Bichig*. In the concluding section, I summarise my findings, paying attention to the historical and symbolic values of *Mongol Bichig* and outlining possible outcomes of the contemporary Mongolian language policy.

² The classical (traditional) Mongolian script is a vertical writing written from top to bottom: It goes back to the Uyghur script and is now used as the main writing system by the Mongols of the autonomous region of Inner Mongolia (PRC), and also has limited use in Mongolia [9]. In this paper, the terms Mongolian script, classical (traditional) Mongolian script, Mongolian writing, *Mongol Bichig*, national script, Mongolian graphics are used as referring to the same object.

³ Ундэсний статистикийн хороо. Монгол улсын хүн амын too. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан (nso.mn). (accessed: 1.6.2023). (In Mong.)

Data and Methods

The following methods were used to analyse the linguistic space of Mongolia's capital city. To collect the 'static' material, LL units in the centre of Ulaanbaatar were photographed. The material was collected inside the segment outlined by two central streets of the city — Baga toiruu ('Small Circle') and Enchtaiwany ᠳөгөн чөлөө ('Peace Avenue') (Figure 1). The method of collecting empirical material in the city center is very common [see: 14; 15]; then these central streets become a kind of *pars pro toto* for the entire city or even the entire region [16]. In total, 576 units of static LL were used as material for analysis. As the unit of analysis was considered "a fragment of text within a spatially defined frame" [1. P. 66], referring to a specific establishment (shop, hairdresser, etc.).

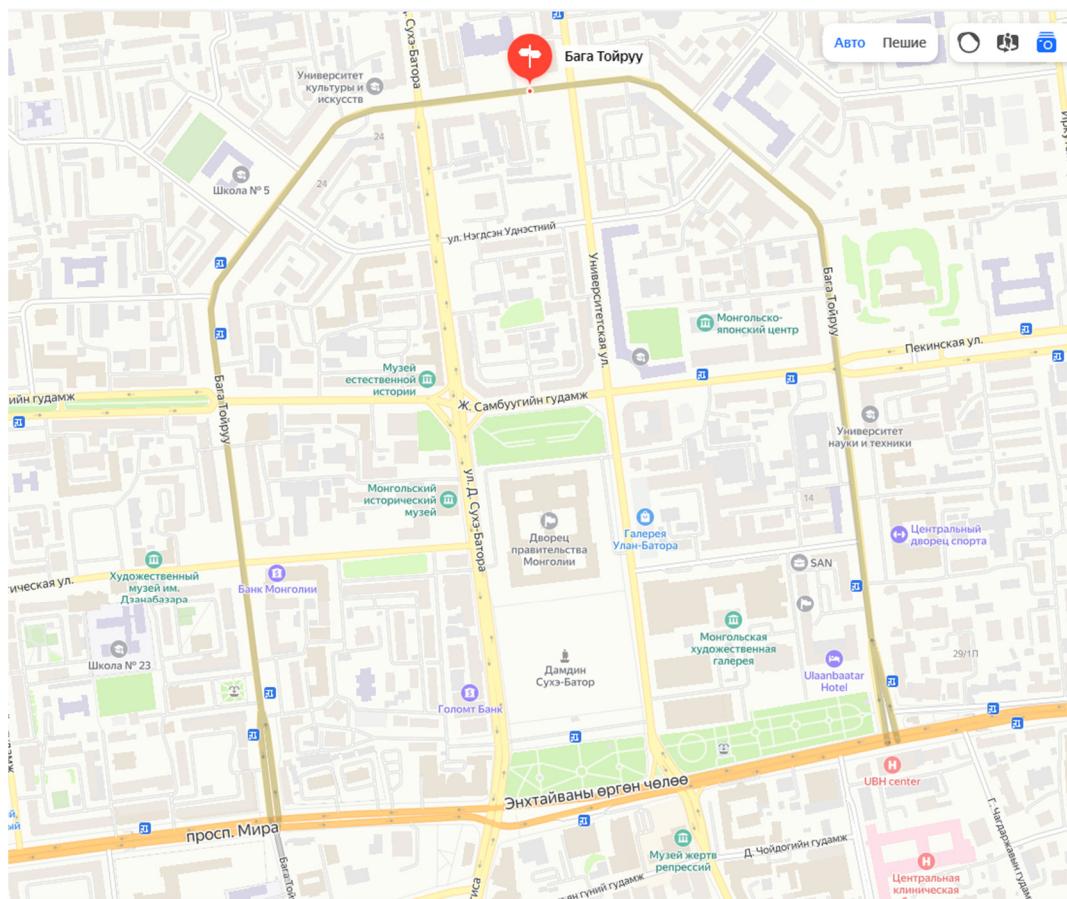

Figure 1. The investigated segment in the center of Ulaanbaatar

Source: Yandex Maps — transportation, navigation, and place search, 10 April 2025.
<https://map.yandex.ru>.

In addition to identifying the general trends of LL within the segment outlined in Figure 1, one of the variants of quantitative LLS methods was used, namely, *the method of total fixation of visual textual information*. Due to the method's complexity, the total photographic fixation was used for a limited space segment starting from the intersection of Baga Toiruu Street with Peace Avenue to its intersection with Universitetskaya Street, which is approximately 1.5 kilometers (more than half the length of Baga Toiruu Street) (see Figure 1). Using the quantitative method is necessary to identify the actual, statistically confirmed ratio of languages in LL, which forms the basis for subsequent interpretations. Finally, the collection of 'artifacts', that is, all languages visible in the public space (see the broad interpretation of LL in the Introduction) was carried out in different places of Ulaanbaatar, without linkage to the center. Field material was collected in April and August 2024.

Opinions and assessments of individuals involved in creating and interpreting LL were revealed through analysis of official documents and public opinion poll results. To obtain this and other information on Mongolia and its current and historical context, I also relied on academic publications.

3. Mongolia: Historical and Linguistic Background

As mentioned in the Introduction, Mongolia has come a long way to today's independence first from China, and later from the Soviet Union [see, for example: 17; 18]. The first Russian consulate was opened in 1861 in Urga, a settlement that would later become the capital of Mongolia, and in the 17th and 18th centuries was the nomadic residence of Mongolian Bogdo-Gegens, the traditional leaders of Buddhism in Mongolia and neighboring countries [19]. Urga was renamed to present-day Ulaanbaatar in 1924, when, with the support of the USSR, the Mongolian People's Republic (MPR) independent from China was proclaimed and its Constitution was adopted. Even later, till the collapse of the Soviet Union, Moscow sought to control Mongolia as a buffer state between the USSR and China. The Mongolian People's Republic was perceived as the 'sixteenth republic of the Soviet Union.' Before the collapse of the USSR, Mongolia ranked first in the world for the study and dissemination of the Russian language, except for the countries of the former Soviet Union [20].

After 1991, as a result of the massive outflow of Russian-speaking specialists and military personnel from Mongolia, as well as a result of the severance of trade and economic ties between the countries of the former socialist camp, the volume of Russian language learning and its prestige sharply decreased. The country's official authorities have also chosen to distance themselves from the Russian language due to the decline in its economic value. This, along with the widespread use of English as the language of international communication and the strengthening of

Mongolia's economic contacts with neighboring Asian countries — China, South Korea and Japan — let to displacement of Russian from educational, cultural and other spheres. Along with English, the languages of the aforementioned countries are coming to the fore [10]. However, Russian is still present in Mongolia: a whole network of Russian schools has been preserved, and many cultural events related to the Russian language are being held [21; 22]. Russian remains in demand among Mongolians as a language of international communication, scientific information and education. Many experts note that abolishing the visa regime between Russia and Mongolia in 2014 not only contributed to growth in cross-border trade, but also created an economic demand for Russian [22; 23].

All the twists and turns of Mongolian history have affected the language sphere not only in relation to the Russian language. The result of the Soviet Union's "soft power" policy towards Mongolia was the abandonment of the traditional Mongolian script on the grounds of its 'archaism' [24. P. 36]. In the Soviet Union, due to the ideologized national and language policy of the USSR, there was a tradition of calling it *the Old Mongolian script*. In 1941, the Cyrillic alphabet was introduced as the basis of Mongolian writing system. Scholars have different views on the significance of this change. Some associate the formation of the national Mongolian language with the transition to the Cyrillic alphabet and believe that it has proven its worth in practice. The educational success of the Mongolian people is particularly attributed to the use of the Cyrillic alphabet [25. P. 99]. There is also another opinion linking the introduction of the Cyrillic alphabet with the Sovietization/Russification of the MNR [24].

However, the change in the writing system had one undeniable negative consequence: it alienated ordinary people and scientists, particularly humanities scholars, from their vast historical spiritual culture and from Eastern philosophy, science, and literature written in classical Mongolian script. Not only was the temporal connection interrupted, but the territorial connection was too. Native speakers of Mongolian languages living in China (including the Shanahan Buryats) still use *Mongol Bichig*, whereas Buryats in Russia do not. This obviously hinders close communication and interaction between Mongolian-speaking peoples [25. P. 100; 26].

After the collapse of the USSR, Mongolia, which has broken away from the ideological influence of its "northern neighbor," began to make efforts to return the Mongolian graphics to official paperwork, to the secondary schools' curricula, etc. The "National Program of Mongolian Writing — I, II" was adopted, during which the Mongolian script was included in the curriculum of 6–9 grades in secondary schools; civil and educational documents are now published in both Cyrillic and Mongolian scripts; textbooks and books in Mongolian script are being translated and published. Nevertheless, the goals set by both programs were not fulfilled at a sufficient level. It could be said that the education of the Mongolian script is still

in its infancy; also, an environment for its widespread use still needs to be created [27. P. 113].

In February 2015, the Great State Khural of Mongolia adopted the Law “On the Mongolian Language,”⁴ where the state policy regarding the Mongolian script was further specified. It is planned to keep records of state and local government bodies in two scripts: Cyrillic and national script. Paragraphs 7 and 11 of this law became the basis for the adoption and implementation of the “National Program of Mongolian Writing — III,” the purpose of which is to fully prepare the transition to the use of two scripts from 2025.

The Program includes such items as, for example:

- The National Council of Civil Servants should include a chapter on knowledge of the Mongolian script in civil servant questionnaires, and ensure that civil servants are examined on their knowledge of the Mongolian script;
- Citizens and public organisations should receive training in the Mongolian script and promote the dissemination of the Mongolian script (in the electronic form as well), and should use the national script to label domestic products [Ibid. P. 115].

The year 2025 is an important milestone in the history of the writing system reform in Mongolia. On January 1, 2025, the law on the dual writing system came into force in the country. The current Cyrillic alphabet is from now on duplicated in the Mongolian script throughout the document flow. By this time, the preparation of state institutions for reform has been in full swing — printed forms and government letterheads with double font were approved. Half of the 200,000 civil servants have been trained. The Mongolian company *Bolorsoft* has launched the *Kimo* program, which automatically converts Cyrillic into Mongolian and vice versa⁵.

Thus, significant efforts are being made by both the government and individual business representatives to promote the original Mongolian script alongside Cyrillic.

Mongol Bichig in Linguistic Landscape of Ulaanbaatar and in Public Opinion

The starting point of my research is a quantitative analysis of the percentage of languages in the LL of Ulaanbaatar (Figure 2). The percentage was calculated using the method of total fixation of languages on a part of Baga Toiruu Street (see Section 2).

⁴ Монгол хэлний тухай [An Internet resource] // Монгол улсын хууль. 12.02.2015. Эрхзүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/10932> (accessed: 12 April, 2020). (In Mong.)

⁵ Mөнхжул, Б. A text converter from Cyrillic to Old Mongolian script has been developed // Mongolian National News Agency [An Internet resource]. 06.05.2022. URL: <https://www.montsame.mn/ru/read/296346> (accessed: 01.02.2025). (In Russ.)

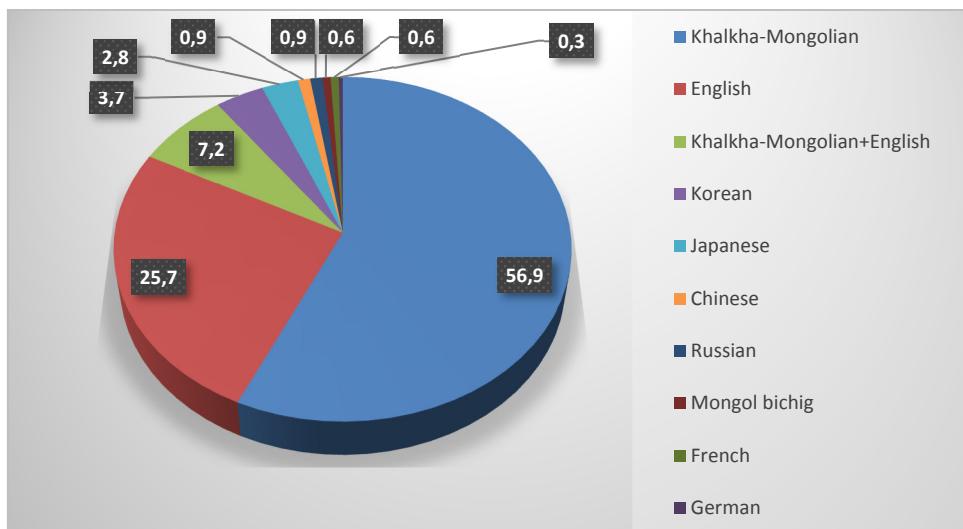

Figure 2. The share of languages in the linguistic landscape in the studied segment of Ulaanbaatar's center, %

Source: compiled by E.V. Khilkhanova.

As we can see in Figure 2, the object of our interest — *Mongol Bichig* is clearly underrepresented in the LL of Ulaanbaatar. In the studied segment, it follows the poorly represented Chinese and Russian languages. Chinese, unlike Russian, has

never been widely observed in LL of Ulaanbaatar. Russian today is gradually giving way to English, Korean, and Japanese both in the visual public space of Mongolian capital and in the hierarchy of languages in the minds of its inhabitants [10; 11]. The LL signs where *Mongol Bichig* was used were found only on official institutions (see, for example, Figures 3 and 4).

The top-down construction of the LL in terms of *Mongol Bichig*'s representation is particularly evident in Figure 4, where we see several signs from different institutions at once, and only one of them — The National Art Gallery of Mongolia — has *Mongol Bichig* on its signboard, since it is an official government institution.

Figure 3. Classical Mongolian writing on the signboard of the Prosecutor's general office of Mongolia

Source: photo by E.V. Khilkhanova, 2024.

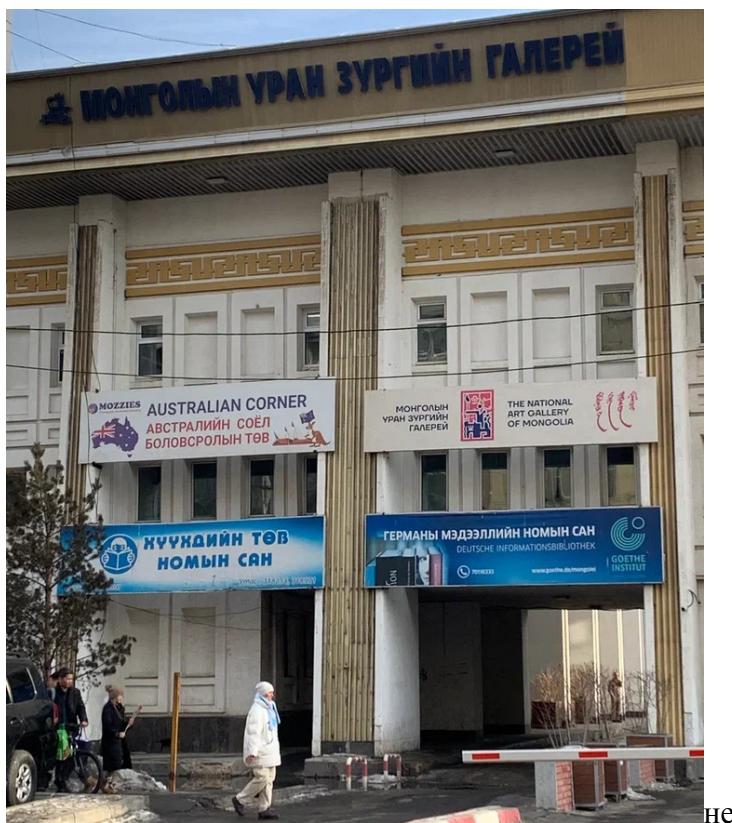

Figure 4. Classical Mongolian writing on the signboard of the National Art Gallery of Mongolia in comparison with other signboards

Source: photo by E.V. Khilkhanova, 2024.

As for the bottom-up construction of LL, I did not find the use of Mongolian writing in static LL signs created by unofficial actors in the studied urban segment. However, it would be completely wrong to claim that *Mongol Bichig* is present only on official signs. If we interpret LL in the broad sense of the term (see the Introduction), then the national writing is found on many types of souvenirs and food produced in Mongolia. This is also a consequence of the implementation of the ‘National Programme of Mongolian Writing — III’, which requires the use of national writing on domestic product labels. However, not all Mongolian-made products are labelled in *Mongol Bichig*. *Mongol Bichig* is usually present on those manufactured goods and food production that are considered traditional, authentic and often intended for touristic consumption. A significant role here plays the fact that *Mongol Bichig* itself looks very ornamental due to the ornate character of its symbols. So, *Mongol Bichig* contributes to ethnographic branding and makes Mongolian goods seem even more authentic: see, for instance, a leather panel — one of the popular types of Mongolian souvenirs (Figure 5).

Figure 5. The souvenir leather panel with an inscription in *Mongol Bichig* on it*

S o u r c e: https://img.alicdn.com/bao/uploaded/i4/371644636/O1CN01hk3E3v1k7KhNRuT3f_!!0-item_pic.jpg, 13 April 2025.

*) This image is not an advertisement.

The next two figures illustrate the use of *Mongol Bichig* on Mongolian food products, mostly belonging to premium segment largely focused on tourist consumption. So, *Mongol Bichig* is present on one type of premium Mongolian vodka called Aurug. According to the producers, this is the name of one of Genghis Khan's palaces that was taken for the brand. “Aurug” in Old Mongolian means ‘great’; another historical meaning of the word “aurug” is ‘an ancient warehouse, a palace where all the valuable trophies of the warriors of the 13th century were kept.’⁶ One of the notable design elements is a poem in traditional Mongolian, written as if on the bricks used to build Aurug (see Figure 6).

Figure 7 shows the use of *Mongol Bichig* in the packaging of a chocolate set from the famous chocolate brand Golden Gobi.

⁶ Mongolian Vodka Aurug // World Brand Design Society. 15.10.2019. URL: <https://worldbranddesign.com/mongolian-vodka-aurug/> (accessed: 02 March 2025). It should be noted that the word “aurug” is absent in the Big Academic Mongolian-Russian dictionary; perhaps because it is a dictionary of the modern Mongolian language (Big Academic Mongolian Russian Dictionary in four volumes. 2001. Ed. by Doctor of Philology, Professor G.C. Pyurbeev. Moscow: “Academia.” Print.).

Figure 6. The premium Mongolian vodka Aurug with an inscription in *Mongol Bichig* as one of the main design elements*

S o u r c e: <https://worldbranddesign.com/mongolian-vodka-aurug>, 13 April 2025.

*) This image is not an advertisement. Alcohol is harmful to your health.

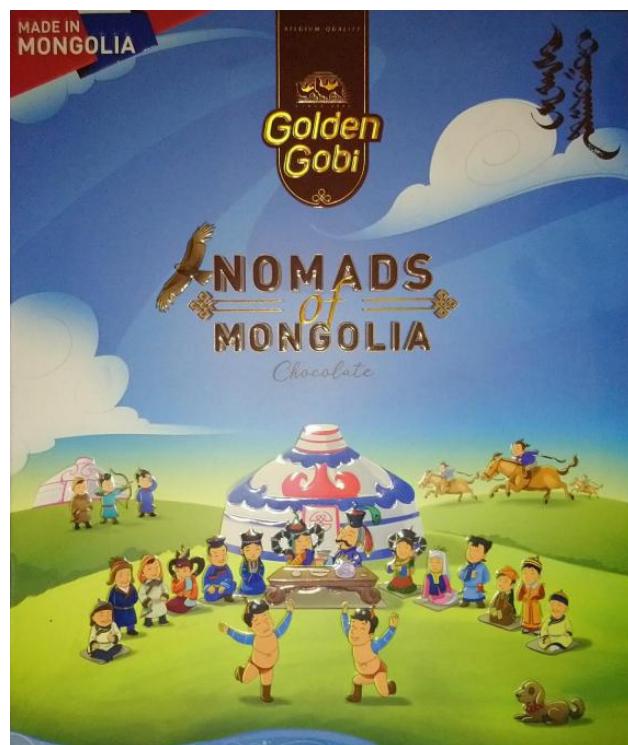

Figure 7. A Golden Gobi chocolate set ‘Nomads of Mongolia’ with an inscription in *Mongol Bichig* on it*

S o u r c e: photo by E.V. Khilkhanova, 2024.

*) This image is not an advertisement.

Thus, the presence of *Mongol bichig* in LL performs two main functions. Firstly, it is part of the state language policy, and writing names of official institutions in two languages (in Mongolian Cyrillic and in classical Mongolian script) follows the requirements of the Law on the languages of Mongolia and the relevant programs. *Mongol Bichig* is an important component of modern Mongolian nation-building. The symbolic significance of the introduction of its own writing system, which differs from both Russian and Chinese, is to unite the geographically divided Mongols, to assert a unique national identity and independence of the country. Secondly, *Mongol Bichig* in LL serves as an additional means of ethnographic branding creating authenticity, thereby guaranteeing “the cultural distinctiveness of a tourism product” [28].

Despite the significant symbolic weight of *Mongol Bichig*, we cannot yet speak about its massive presence in LL. What is the reason for that? Can the weak presence of the Mongolian script in LL be attributed to the poor linguistic competence in it of Mongolian people? Can we say that the top-down language policy and its manifestation in LL does not have mass support among citizens? Finally, what is the attitude of people towards the Mongolian script?

In search of answers to these questions, let us turn to public opinion polls conducted by the Mongolian Academy of Sciences [29]. The surveys mostly aimed to reveal people's skills in Mongolian writing, but also included questions about public opinion and attitudes towards the script. According to a 2007 sociological study, 8.4% of participants wanted to use the Mongolian script, 4.4% voted for the Latin alphabet and 72.6% wished to keep the Cyrillic alphabet as the official script. A more nuanced second survey found that 64.9% of respondents thought that official documentation should be in Cyrillic, 31% in Mongolian script and 3.7% in Latin script. There is some discrepancy between how people perceive a complete transition to the traditional (and at the same time relatively new) writing system, and its use in documentation only. In the second case, *Mongol Bichig*'s supporters are significantly more numerous. Although all the respondents had at least some reading skills in Mongol bichig, currently they are not yet ready to fully switch to it.

This lack of readiness is still evident not only among the general population, but also among government employees, i.e. those who are themselves responsible for maintaining documentation in both Mongolian and Cyrillic scripts. According to a large-scale 2021 survey in which around 150,000 civil servants participated, their knowledge of the Mongolian script was as follows: over 50 per cent were willing to use the Mongolian script alongside Cyrillic in official documents, while 46.4 per cent were not, citing their inadequate knowledge of the Mongolian script as the reason.

Finally, one of the recent studies from 2019 tested the reading and translation skills of 681 people belonging to five age groups. Special attention was paid to young generation: 178 students in several Mongolian universities and colleges took part in the survey (for sampling details, see [29]). The study revealed that writing and

reading skills in Mongolian script were different depending on the respondents' age. Students' reading skills were estimated as 76.4% and writing accuracy was 20.9%, while the same skills of adults were dissimilar depending on whether they were taught Mongolian script at the secondary school or not. The translation skills of the participants were quite low, so they could not perform the given task to translate from the current official Cyrillic script into the classical Mongolian script. Most of them have secondary school knowledge of Mongolian script and can only read it.

Nevertheless, when asked "Why are you learning the Mongolian script?", respondents cited a desire to preserve national heritage in general and the Mongolian national script in particular. However, this positive and patriotic attitude contradicts with the "lack of environment in which the Mongolian script is used" [Ibid.]. 100% of the participants responded that there is no environment to use the Mongolian script outside the classroom, and they do not use it at all in their everyday life.

These data correlate well with my observations on LL of Ulaanbaatar. Note that the survey participants themselves suggested that there is a need to create "the Mongolian script environment *in a visible way*" (my emphasis — E.K.) [Ibid.]. Thus, it can be concluded that Mongolia is still in the process of introducing the Mongolian script into official records management; in fact, this is also stated in the law on the languages of Mongolia. Some institutional developments are also evident: as we have seen, the Mongolian script is present in some online activities and product labeling. It has been introduced into the education system: from 2018, the Mongolian script has been taught in 10th, 11th, and 12th grades for 1 hour per week, and all citizens have at least some reading skills in it. However, the process of bringing the Mongolian script into the everyday life of Mongolian people is in its early stages. It should also be noted that Mongolian citizens support the government's initiatives and demonstrate a generally positive attitude towards the Mongolian script. The authenticity represented by the language guarantees the cultural distinctiveness of a tourism product [30] together with traditional motifs, symbols, and colors [31].

From all LL signs, the vertical Mongolian script is perhaps the most "loaded" with social meaning; it is not even an index, but rather a symbol. Its symbolic representations in the LL of Mongolian capital are driven primarily by non-utilitarian, irrational motives — historical memory, ideas of national identity and patriotism. At the same time, the Mongolian script is tied to the commodification of national identity, in the form of marketing of authenticity, which is a common trajectory of many languages today, when language becomes involved in the globalized new economy as a source of symbolic added value, and as a mode of management of global networks.

Conclusion

As previously mentioned, the twists and turns of Mongolian history have impacted the writing system, including the classical Mongolian script. The modern

period of the country's history is characterised by its attempts to construct its unique national identity, building it — as has been the case throughout world history — on the original writing system.

LLS are useful in this regard because LL shows the extent and nature of the representation of languages in public space. LL and landscapes in general are the place of convergence of long-term governmental strategies and everyday life, top-down and bottom-up constructions of identities and policies. LL is a place of material embodiment of people's speech behavior reflecting both their ideologically motivated and inertial, passive language choices.

My research has shown that classical Mongolian writing, alienated from the Mongolian people for many years, is struggling to return to everyday linguistic practices. Despite the government and Mongolian society generally being united in their desire to introduce the Mongolian script to document management and other areas, *Mongol Bichig* can still be found in Ulaanbaatar almost exclusively on the signboards of official institutions and some Mongolian-made products. Currently, these products are intended not only for domestic consumption, but largely for tourists. The original and beautiful character of *Mongol Bichig* serves as an index of authenticity and locality in this case.

In conclusion I can say that the contemporary struggle of Mongolian people with the writing system which is relatively new for many of them is a natural phenomenon. The transition of an entire country to another writing system cannot be quick and easy. Measures such as training people in *Mongol Bichig* have a delayed effect. The final conclusions about how successful the introduction of *Mongol Bichig* was can be made in some ten years at the earliest.

References

1. Backhaus, P. 2007. *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters. Print.
2. Hult, F.M. 2018. "Language policy and planning and linguistic landscapes." In *Oxford handbook of language policy and planning*, edited by J.W. Tollefson and M. Pérez-Milans. New York: Oxford University Press, pp. 333–351. Print.
3. Barakos, E., and J. Unger. 2016. *Discursive approaches to language policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. Print. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-53134-6>
4. Blommaert, J., and I. Maly. 2019. "Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0)." *Tilburg Papers in Culture Studies*. URL: [https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_\(ELLA_2.0\).](https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_(ELLA_2.0).)
5. Blommaert, J. 2013. *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/97818473190419>
6. Chernyavskaya, V.E. 2023. "They call the main entrance a porch": social meaning in semantics and metapragmatics." *Slovo.ru: baltic accent*, vol. 14, no. 1, pp. 72–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-5> EDN: CNSNOC
7. Chernyavskaya, V.E. 2023. "Typography as Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse." *ПРАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, vol. 36, no. 2, pp. 50–73. URL:

- http://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2023&issue=2&article_id=8715 https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73 EDN: OQFRMN
8. Landry, R., and R.Y. Bourhis. 1997. “Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study.” *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 1, no. 16, pp. 23–49. https://doi.org/10.1177/0261927X970161002
 9. Grunov, I.A. 2017. “Mongolian writing.” *Big Russian Encyclopedia*. Electronic version, 25 March 2024, https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2226967?ysclid=lvkxirt3b2544844170
 10. Khilkhanova, E.V., and V.V. Ivanov. 2023. “The commodification of languages and linguistic landscape of the capital of Mongolia.” *Sociolinguistics*, vol. 14, no. 2, pp. 129–153. (In Russ.) https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-14-129-153
 11. Khilkhanova, E.V. 2024. “The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what signs and people tell about.” *Mongolian Studies (Elista)*, vol. 3, no. 16, pp. 591–609. (In Russ.). https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-3-591-609 EDN: DCMTWZ
 12. Yukiyanus, A. 2021. “Integration and division of the “language”: language policy of the Mongolian peoples in the USSR and Mongolia in 1920–1940.” *Sociolinguistics*, vol. 5, no.1 [online], pp. 9–30. (In Russ.) https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-1-5-9-30 EDN: SMWDTP
 13. Zheleznyakov, A.S., D. Baasansuren, and I.L. Nedyak, “Modern Mongolia’s multi-focal policy through the prism of the Russian policy’s oriental vector.” *Polis. Political Studies*, 2013, no. 5, pp. 121–132. https://doi.org/10.1080/14790710608668386
 14. Cenoz, J., and D. Gorter. 2006. “Linguistic Landscape and Minority Languages.” *International Journal of Multilingualism*, vol. 1, no. 3, pp. 67–80. https://doi.org/10.1080/14790710608668386
 15. Blackwood, R., and S. Tufi. 2015. *The Linguistic Landscape of the Mediterranean: French and Italian Coastal Cities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. Print. https://doi.org/10.1057/978137314567
 16. Gorter, D. 2018. “Methods and techniques for linguistic landscape research: About definitions, core issues and technological innovations.” In: *Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource*, edited by M. Pütz and N. Mundt. Bristol: Multilingual Matter, pp. 38–57. Print. https://doi.org/10.21832/9781788922166-005
 17. Mikhalev, A.V. 2010. “The Ethno-Political Situation in Post-Socialist Mongolia.” *Proceedings of the Altai State University. Series: History, Political Science*, vol. 68/2, no. 4/2, pp. 160–165. (In Russ.) EDN: LSZADC
 18. Terentyev, V. 2015. “State policy of nation-building in Mongolia and the formation of ethnic self-consciousness of western Mongols.” *BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*, no. 2, pp. 11–20. (In Russ.) https://doi.org/10.18101/2306-753X-2015-2-11-20 EDN: VEBZPD
 19. Mongush, M. 2003. “Bogdo-gegen known and unknown.” *Oriental collection*, vol. 13, no. 2, pp. 118–123.
 20. Tomtogtokh, G. 2015. “Russian in the socio-cultural space of modern Mongolia.” *Linguistics and intercultural communication*, vol.18, no. 4, pp. 208–213. (In Russ.) EDN: UZCHFZ
 21. Erdenemaam, S. 2014. “About the status of the Russian language in Mongolia and interferential mistakes made by Mongolian students.” *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, vol. 4, no. 3, pp. 138–143. (In Russ.) https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.14 EDN: SFDVED
 22. Tsybenova Ch.S., G.A. Dyrkheeva, V.G. Zhalsanova, Ts. Sarantsatsral, and Ts. Tsogzolmaa. 2023. In: *The Russian language in Mongolia: the sphere of education* [Collective monograph], edited by G. A. Dyrheeva, Ts. Sarantsatsral. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, Print. (In Russ. and Mong.)
 23. Dyrkheeva, G.A., Ch.S. Tsybenova, S. Cerenchimed, and E. Dashdondog. 2021. “Russian in Mongolian education system: state, dynamics, problems.” *Sociolinguistics*, no. 1, [online], pp. 31–48. (In Russ.) https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48

24. Ariungua, N. 2022. “Mongolia and the policy of ‘soft power’: historical aspects.” In: “*Soft power*” policy in Russia-Mongolia relationship [collective monograph], edited by V.A. Rodionov, A. Nyamdoljin. Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, pp. 30–45. Print.
25. Dyrkheeva, G.A., and N. Gombodorzhiiyn. 2019. “Language Policy in Mongolia: Problem of Revival of the Old Mongolian Script (the Mongolian Script).” *Humanitarian Vector*, vol. 14, no. 3, pp. 98–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-3-98-104> EDN: ZTGIAZ
26. Khilkhanova, E.V., Ch. S. Tsybenova, and V.V. Ivanov. 2024. “Urban multilingualism in Russian regions: linguistic landscapes and attitudes towards languages (the cases of Kyzyl and Ulan-Ude).” *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 188–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.13> EDN: LSIFBB
27. Kolyagin, D. 2021. “Classical Mongolian Script: State Policy Revisited.” *Mongolian Studies*, vol. 1, no. 13, pp. 108–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2021-1-108-119> EDN: HZMVZA
28. Heller, M., A. Jaworski, and C. Thurlow. 2014. “Introduction: Sociolinguistics and tourism — Mobilities, markets, multilingualism.” *Journal of Sociolinguistics*, vol. 4, no. 18, pp. 425–458. <https://doi.org/10.1111/josl.12091>
29. Gerelmaa, G., and B. Bayartyua. 2020. “Sociolinguistic Research of National Mongolian Script Skills.” *Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*, no. 3, pp. 99–107.
30. Pietikäinen, S. 2010. “Sámi language mobility: Scales and discourses of multilingualism in a polycentric environment.” *International Journal of the Sociology of Language*, no. 202, pp. 79–101. <https://doi.org/10.1515/IJSL.2010.015>
31. Duchêne, A., and M. Heller. 2012. *Language in late capitalism. Pride and profit*. Routledge. Print.

Список литературы

1. Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. Print.
2. Hult F.M. Language policy and planning and linguistic landscapes. In *Oxford handbook of language policy and planning* / ed. by J.W. Tolleson and M. Pérez-Milans. New York : Oxford University Press, 2018. P. 333–351. Print.
3. Barakos E., Unger J. *Discursive approaches to language policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. Print. <https://doi.org/10.1057/978-1-37-53134-6>
4. Blommaert J., Maly I. Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0) // Tilburg Papers in Culture Studies, 2019. URL: [https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_\(ELLA_2.0\)](https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_(ELLA_2.0)).
5. Blommaert, J. Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2013. <https://doi.org/10.21832/9781783090419>
6. Чернявская В.Е. Парадный вход называют крыльцом»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 72—85. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-5> EDN: CNSNOC
7. Чернявская В.Е. Книгопечатание как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ПРАΞМА. Журнал визуальной семиотики, 2023. Т. 36, № 2. С. 50–73. URL: http://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2023&issue=2&article_id=8715 <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73> EDN: OQFRMN
8. Landry, R., Bourhis, R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 1. № 16. P. 23–49. <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>
9. Грунтов И.А. Монгольская письменность. Большая Российская энциклопедия. Электронная версия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2226967?ysclid=lvkxirt3b2544844170>.

10. Хилханова Е.В., Иванов В.В. Коммерциализация языков и языковой ландшафт столицы Монголии // Социолингвистика. 2023. Vol. 14. № 2. P. 129–153. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-14-129-153>
11. Хилханова Е.В. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чём говорят приметы и люди // Монголоведение (Элиста). 2024. Т. 3. № 16. С. 591–609. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-3-591-609> EDN: DCMTWZ
12. Юкиясу А. Интеграция и разделение «языка»: языковая политика монгольских народов в СССР и Монголии в 1920–1940-е годы // Социолингвистика. 2021. Т. 5. № 1. С. 9–30. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-1-5-9-30> EDN: SMWDTP
13. Zheleznyakov A.S., Baasansuren D., Nedyak I.L. Modern Mongolia's multi-fulcrum policy through the prism of the Russian policy's oriental vector // Polis. Political Studies. 2013. No. 5. P. 121–132. <https://doi.org/10.1080/14790710608668386>
14. Cenoz J., Gorter D. Linguistic Landscape and Minority Languages // International Journal of Multilingualism, 2006. Vol. 1. № 3. P. 67–80. <https://doi.org/10.1080/14790710608668386>
15. Blackwood R., Tufi S. The Linguistic Landscape of the Mediterranean: French and Italian Coastal Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. Print. <https://doi.org/10.1057/9781137314567>
16. Gorter D. Methods and techniques for linguistic landscape research: About definitions, core issues and technological innovations // Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource / M. Pütz, N. Mundt (eds). Bristol: Multilingual Matter. 2018. P. 38–57. Print. <https://doi.org/10.21832/9781788922166-005>
17. Михалёв А.В. Этнополитическая ситуация в постсоциалистической Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2010. Т. 68/2. № 4/2. С. 160–165. EDN: LSZADC
18. Терентьев В. Государственная политика нациестроительства в Монголии и формирование этнического самосознания западных монголов // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 2. С. 11–20. <https://doi.org/10.18101/2306-753X-2015-2-11-20> EDN: VEBZPD
19. Mongush M. “Bogdo-gegen known and unknown.” Oriental collection. 2003. Vol. 13. № 2. P. 118–123.
20. Томтогтох Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии // Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. Т. 18. № 4. С. 208–213. EDN: UZCHFZ
21. Эрдэнэмаам С. О статусе русского языка в Монголии и интерферентных ошибках монгольских студентов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. Т. 4. № 3. С. 138–143. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.14> EDN: SFDVED
22. Русский язык в Монголии: сфера образования [Коллективная монография] / Ч.С. Цыбенова, Г.А. Дырхеева, В.Г. Жалсанова, Ц. Саранцацрай, Ц. Цогзолмаа; ред. Г.А. Дыреева, Ц. Сарантацарал. Улан-Удэ: Бурятский научный центр (Сибирский филиал) РАН, 2023.
23. Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Церенхимед С., Дашидондог Э. Русский язык в монгольской системе образования: состояние, динамика, проблемы // Социолингвистика. 2021. Т. 5. № 1. С. 31–48. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48>
24. Ариунгуя Н. 2022. Монголия и политика «мягкой силы»: исторические аспекты // Политика «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях [коллективная монография] / В.А. Родионов, А. Нямдолжин (ред.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 1989. С. 30–45.
25. Дырхеева Г.А., Гомбодоржийн Н. Языковая политика в Монголии: проблема возрождения древнемонгольской письменности (монгольской письменности) // Гуманитарный вектор, 2019. Т. 14. № 3. С. 98–104. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-3-98-104> EDN: ZTGIAZ
26. Хилханова Е.В., Цыбенова Ч.В. С., Иванов В.В. Городское многоязычие в регионах России: лингвистические ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ) //

- Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 188–203. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.13>
EDN: LSIFBB
27. Колягийн Д. Классическая монгольская письменность: переосмысление государственной политики // Монголоведение. 2021. Т. 1. № 13. С. 108–119. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2021-1-108-119> EDN: HZMVZA
28. Heller M., Jaworski A., Thurlow C. Introduction: Sociolinguistics and tourism — Mobilities, markets, multilingualism // Journal of Sociolinguistics. 2014. Vol. 4. № 18. P. 425–458. <https://doi.org/10.1111/josl.12091>
29. Gerelmaa G., Bayartyua B. Sociolinguistic Research of National Mongolian Script Skills // Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture. 2020. № 3. P. 99–107.
30. Pietikäinen S. Sámi language mobility: Scales and discourses of multilingualism in a polycentric environment // International Journal of the Sociology of Language. 2010. № 202. P. 79–101. <https://doi.org/10.1515/IJSL.2010.015>
31. Duchêne A., Heller M. Language in late capitalism. Pride and profit. Routledge. 2012. Print.

Bio note:

Erzhen V. Khilkhanova is a Doctor of Philology, Assistant professor, leading researcher of Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9369-343X. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Сведения об авторе:

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра этноязыковых отношений, Институт языкоznания РАН, Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1. ORCID: 0000-0001-9369-343X. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-901-926

EDN: DTWNOZ

Научная статья / Research article

Терминологические ловушки для российских ученых-билингвов

Чимиза К. Ламажаа

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, Российская Федерация;
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
 lamazhaa@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено проблеме терминологических ловушек, в которые попадают российские ученые-билингвы, работающие в сфере лингвокультурологии и других гуманитарных дисциплин. Рассмотрена ситуация, когда исследователи, владеющие как минимум двумя языками — родным (язык своей этнической культуры) и русским (государственный и профессиональный язык науки), анализируют и описывают лингвокультурные феномены преимущественно на русском языке. В результате возникает риск подмены терминологии и искажения понимания концептов культуры, поскольку исходные категории описываются средствами другого языка, что приводит к отрицательной языковой интерференции и потере аутентичности изучаемого объекта. Подчеркивается, что данная проблема приобретает особую актуальность для российских регионов, где значительная часть научного сообщества представлена билингвами. Проанализированы причины возникновения терминологических ловушек, среди которых — сложившаяся практика научной коммуникации преимущественно на русском языке, ограниченная рефлексия по поводу языковых и когнитивных особенностей билингвизма, а также недостаток внимания к социокультурным факторам организации науки в регионах. Отмечено, что подобные процессы наблюдаются не только в устных обсуждениях, но и в научных публикациях, включая статьи, монографии и диссертации. Автором произведен обзор научной литературы по проблемам билингвизма, интерференции и особенностям российской науки. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к анализу ситуации. Рассмотрена историческая динамика языковой политики в СССР и России, а также изменение роли национальных языков в научной коммуникации. Особое внимание уделено специфике работы ученых-гуманистов в национальных научных центрах и трудностям, с которыми они сталкиваются при изучении и описании собственной культуры на профессиональном языке, отличном от родного. Проблема терминологических ловушек выходит за рамки одной научной дисциплины и требует междисциплинарного подхода, объединяющего лингвокультурологию, социолингвистику, когнитивную лингвистику, социологию и психологию. Сделан акцент на необходимости дальнейшего изучения когнитивных и социокультурных аспектов билингвизма в российской науке и призывает к более глубокой рефлексии по поводу языковых и терминологических рисков, возникающих у ученых-билингвов.

Ключевые слова: концепт культуры, лингвокультурология, билингвальность, билингв, ученый-билингв, российская наука, региональная наука, интерференция, терминология, экстралингвистический фактор

© Ламажаа Ч.К., 2025This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 30.06.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Ламажа Ч.К. Терминологические ловушки для российских ученых-билингвов // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 901–926. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-901-926>

Terminological Traps for Russian Bilingual Scientists

Chimiza K. Lamazhaa[✉]

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation;

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

✉ lamazhaa@gmail.com

Abstract. This study addresses the issue of terminological pitfalls encountered by Russian bilingual scholars working in the field of linguoculturology and other humanities disciplines. The author examines the situation in which researchers proficient in at least two languages — their native tongue (the language of their ethnic culture) and Russian (the state and professional language of science) — analyze and describe linguocultural phenomena primarily in Russian. As a result, there is a risk of terminological substitution and a distortion in the understanding of cultural concepts, since the original categories are described using the resources of another language. This leads to negative linguistic interference and a loss of authenticity in the object under study. The article emphasizes that this problem is particularly relevant in Russian regions, where a significant proportion of the scientific community consists of bilinguals. The author analyzes the causes of terminological pitfalls, including the established practice of scientific communication predominantly in Russian, limited reflection on the linguistic and cognitive characteristics of bilingualism, and insufficient attention to sociocultural factors in the organization of science in regional contexts. The author also notes that such processes are observed not only in oral discussions but also in scientific publications, including articles, monographs, and dissertations. The article provides a review of scholarly literature on the problems of bilingualism, interference, and the specifics of Russian science, highlighting the need for a comprehensive approach to analyzing the situation. The historical dynamics of language policy in the USSR and Russia are considered, as well as changes in the role of national languages in scientific communication. Special attention is paid to the specifics of working as a humanities scholar in national research centers and the difficulties encountered when studying and describing one's own culture in a professional language different from one's native tongue. The problem of terminological pitfalls extends beyond a single scientific discipline and requires an interdisciplinary approach integrating linguoculturology, sociolinguistics, cognitive linguistics, sociology, and psychology. The article stresses the necessity of further research into the cognitive and sociocultural aspects of bilingualism in Russian science and calls for deeper reflection on the linguistic and terminological risks faced by bilingual scholars.

Key words: cultural concept, linguoculturology, bilingualism; bilingual, bilingual scholar, Russian science, regional science, interference, terminology, extralinguistic factor

Article history: received 30.06.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU “Within the Priority 2030 program” (Agreement no. 43).

For citation: Lamazhaa, Ch.K. 2025. “Terminological Traps for Russian Bilingual Scientists.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 901–926. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-901-926>

Введение

С недавних пор одним из моих первых вопросов для филологов, работающих в национальных регионах России, которые занимаются лингвокультурологическими исследованиями, стал вопрос: «Как вы считаете, есть ли в ваших родных культурах концепты „долг“, „честь“, „благородство“?» В частности, такой «провокационный» вопрос я озвучила коллегам на семинаре в одном из региональных вузов страны весной 2025 г. Собеседники удивились и дружно закивали: разумеется, есть. И были обескуражены моей следующей фразой: «Сожалею, но точно нет». Поток возмущенных возражений был сразу же остановлен пояснением: «Когда мы говорим о концептах культуры, то мы их подразумеваем в терминах языка культуры. Произнесенные мною названия концептов „долг“, „честь“, „благородство“ — относятся к русской лингвокультуре, поскольку являются терминами русского языка. Но категории долга, чести и благородства, переданные соответствующими лексемами и уже в этом качестве понимаемые как концепты, можно рассматривать, конечно же, в любой культуре, в том числе и ваших». Коллеги со мной тут же согласились, вспоминая определения концепта как особой языковой единицы ментальности [1; 2 и др.].

В российском гуманитарном знании развилась одна важнейшая проблема, не решаемая и даже не рефлексируемая — искажение понимания концептов культуры, которые должны рассматриваться в терминологии языка культуры. Причем проблема эта комплексная.

В российской науке есть существенная часть ученых, которые являются билингвами — людьми, владеющими одновременно двумя языками и попутно использующими их в зависимости от условий речевого общения [3. С. 4]. Это представители многочисленных этносов, которых в России насчитывается более 190. В их арсенале есть как минимум один язык своей этнической культуры и другой язык — русский, государственный. А.А. Бурыкин, характеризуя российское двуязычие, считает его исключительно привилегией тех, для кого русский язык не является родным [4]. При этом в качестве языка профессиональной — научной — деятельности, безусловно, все ученые России (и не только России, но и существенной части постсоветского пространства) используют русский язык. Но, как мы знаем, порядок языков доминирования, степень владения языками у билингвов могут быть разными, в зависимости от функциональной мощности. Это обстоятельство может быть несущественным для естественных наук, для ряда социальных наук, но в

гуманитарных науках оно приводит к ловушкам, в которые попадают ученые-билингвы.

Они не просто занимаются научной исследовательской деятельностью на общепринятом языке науки страны — на русском языке, но при этом на нем же исследуют, обсуждают, пишут, а также часто и осмысливают культурные феномены, прежде всего родной язык, родную лингвокульттуру. А.А. Бурыкин рассматривает диверсификацию функций родного и русского языков [5. С. 34]. Если взять ученого-билингва, доминирующим языком¹ у которого является язык своей культуры (карачаево-балкарский, кабардино-черкесский, татарский, башкирский, якутский, тувинский и пр.) и который находится в своем культурном окружении, в регионе, где живет основная часть его этноса, то его схемы переключения с языка ежедневного общения на язык профессиональной деятельности, когда он обращается к тому, чтобы анализировать первый упоминаемый язык, но при этом описывает свою работу языковыми средствами второго «профессионального» языка, в общей сложности напоминают ленту (*петлю*) *Мебиуса*. Находясь в постоянном движении по ее траектории, ученый-билингв нередко попадает в терминологические, лексические ловушки, даже не осознавая их, когда он начинает трактовать изучаемую лингвокульттуру только языковыми средствами «профессионального» языка, фактически заменяя ее терминологию (то, что называется отрицательной языковой интерференцией), а значит, и теряя сам объект изучения.

Замена терминологии присутствует не только в устных обсуждениях, как в приведенном ранее примере, но и в научных публикациях: статьях, монографиях, диссертационных работах.

Можно ли сказать, что тем самым ученые-билингвы демонстрируют нарастающий русскоязычный монолингвизм, который наблюдается в региональных обществах [5–7], или речь может идти о дисциплинарных слабостях лингвокультурологии [8]? А может ответ находится в еще более сложной плоскости когнитивных особенностей билингвов?

Не претендую в рамках одной статьи на полное раскрытие всех аспектов, в настоящей статье я сформулирую саму проблему *терминологических ловушек*, в которые попадают российские ученые-билингвы, работающие в русле лингвокультурологического направления, однако далеко не всегда позиционирующие себя лингвокультурологами. При этом очевидно, что начинать анализ следует с социокультурных факторов образования этой ситуации.

Соответственно разберем несколько задач: во-первых, выполним небольшой обзор научной литературы в данном исследовательском поле, показывая необходимость комплексного анализа; во-вторых, я рассмотрю общие особен-

¹ Я не буду утверждать о родном языке, как вышеупоминаемый А.А. Бурыкин, поскольку в исследованиях билингвальности корректнее использовать другие термины, напр., доминирующий язык и пр.

ности работы ученых в условиях российской науки; в-третьих, обсудим тему этнического состава ученых-гуманитариев в региональных научных центрах; и наконец, в-четвертых, разберем сами терминологические ловушки.

Несмотря на то что в центре нашего внимания работы лингвокультурологии (к которой относятся исследования концептов культур), тем не менее проблема, как уже было сказано, не относится к полю только одной научной дисциплины. Поэтому источниковой базой исследования выступают научные труды в области лингвокультурологии, но при этом нам необходимо учитывать и использовать результаты работ в смежных областях: социолингвистике, когнитивной лингвистике, социологии, философии науки, истории науки, психологии. Помимо этого я опираюсь на многолетние авторские наблюдения за организационными особенностями работы российской науки.

Подчеркнем, что наш главный интерес связан не с проблемой чистоты отдельно взятой научной дисциплины, а с проблемой, которая ярче всего проявилась в лингвокультурологии, однако имеет более широкий характер и отражается на всей гуманитарной области знаний.

Обзор литературы

Научные исследования, в которых рассматриваются вышеупомянутые аспекты проблемы и которые являются важными для данного исследования, можно разделить на несколько групп.

Одна группа работ в целом связана с общей темой билингвальности, полилингвизма. При этом следует понимать, что это очень обширный круг исследований на стыке с педагогикой, вопросами образования, социолингвистикой, когнитивной лингвистикой и психологией. Чаще всего в поле исследовательских интересов коллег попадают вопросы преимущества билингвизма детей для когнитивных процессов, проблемы обучения билингвов, когнитивные особенности билингвальности. В этом случае для меня интересны прежде всего социолингвистические работы, в которых обсуждается инонационально-русское двуязычие в советском обществе [9; 3; 10; и др.²], в российском [11; 4; 12; 13–15; и др.³].

Феномен билингвальной творческой личности в условиях российского двуязычия отдельно был проанализирован У.М. Бахтикеевой [16], в связи с

² В том числе диссертацию: Губогло М.Н. Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР : дис. ... д-ра ист. н. Москва, 1984.

³ В том числе диссертации: Литвиненко Е. Ю. Современный билингвизм: проблемы институционализации: дис. ... канд. соц. н. Ростов-на-Дону, 1997; Дианова Л.П. Русский язык в речевой культуре билингвов : дис. ... канд. филол. н. Москва, 2011; Истомина О.Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы. Тенденции (региональный аспект) : дис. ... д-ра филос. н. Улан-Удэ, 2013; Щеглова И.В. Национально-русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингвов: характеристики, типы, тенденции: дис. ... д-ра филол. н. Астрахань, 2019.

чем ее результаты очень интересны для понимания работы ученых, также творческих личностей.

На этом же обширном поле нам надо учитывать исследования билингвизма и интерференции, в том числе отрицательных проявлений [17; 18 и др.].

Вторая группа работ содержит информацию в целом об особенностях организации российской науки, в том числе той ее части, которая определяется как региональная, точнее наука в национальных регионах страны. Как я уже констатировала⁴, этот аспект институционального состояния науки страны мало исследован, тем не менее отдельные публикации можно найти⁵. В том числе я также рассматривала асимметричное строение российской науки, разбирая особенности работы региональных научных центров и их коллектиvos⁶.

Третья группа работ, которая, безусловно, и оказалась в центре нашего внимания — лингвокультурологические, культурологические, филологические исследования, в том числе посвященные языкам и культурам народов России. Отчасти публикации рассматриваются мною как материал для анализа, как источники исследования (и соответственно будут упоминаться в определенном разделе обсуждения результатов). Тем не менее теоретические исследования особенностей самой научной дисциплины лингвокультурологии важны для соотнесения прикладных исследований и теоретических построений [19–21].

Таким образом, данное исследование опирается на достаточно широкий круг научных дискуссий сразу в нескольких полях. Несмотря на их наличие, тем не менее проблемы работы российских ученых-билингвов в области гуманитарных наук, точнее в области изучения культуры через язык, поднимаются впервые.

Особенности билингвизма советской — российской науки

Одна из важнейших организационных характеристик науки СССР — национально-русское двуязычие — сформировалась, как пишет Л. Грэхэм, еще к 1960-м гг. [22. С. 197].

⁴ Lamazhaa Ch. Russian Regional Science in an Asymmetric System // The Russia Program. URL: https://therussiaprogram.org/regional_science (дата обращения: 28.05.2025).

⁵ См.: Тимофеева А.В. Территориальная организация российской науки: факторы, особенности, тенденции: дис. ... канд. геогр. н. Ростов-на-Дону, 2003; Леонов А.К. Региональные особенности современной российской науки как социального института: дис. ... канд. соц. наук. Благовещенск, 2015. Также важно учитывать мнения ученых, высказываемые в СМИ, напр.: Наука распределения. Почему в России разваливается институт региональной науки и с чем связан отток ученых из регионов в крупные города? // OTP. URL: https://therussiaprogram.org/regional_science (дата обращения: 28.05.2025).

⁶ Lamazhaa Ch. Russian Regional Science in an Asymmetric System // The Russia Program. URL: https://therussiaprogram.org/regional_science (sccessed: 28.05.2025).

Как характеризовала соотношение языков в стране У.М. Бахтиреева, «русский язык перестал совпадать только с русской языковой культурой как в „геополитическом“, так и „культурно-духовном пространстве“» [16. С. 12; в источнике фраза была выделена жирным шрифтом. — Авт.).

Очевидно, что со временем очередность языков поменялась на русско-национальное двуязычие, а затем тема билингвизма пошла двумя разными путями — «внутренним» и «внешним».

Как это произошло?

Учитывая то, что советская наука в целом отличалась необычайно большой ролью центрального правительства, унаследованной, в свою очередь, от царского предшественника [22. С 197], формированию двуязычия способствовал общий социальный фон как результат государственной политики образования. Огромному мультикультурному государству требовался язык межнационального общения и естественным образом им стал русский язык [9. С. 118–134]. Посредством русского языка народы страны, как писали социолингвисты Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко, могли в том числе знакомиться с культурой, литературой и наукой друг друга [Там же. С. 119]. Со второй половины 1950-х гг., упоминают авторы, народности «сами убедились в том, что дальнейшее успешное и всестороннее развитие возможно лишь посредством русского языка, поскольку получение ими среднего общего и специального, а также высшего образования связано со знанием русского языка. В то же время для овладения высшими достижениями современной науки, техники, культуры, литературы и искусства они должны в совершенстве владеть русским языком, на котором существует литература по всем областям знания» [Там же. С. 121]. Еще в 1970-х гг. академик Л.В. Щерба писал: «... грамматики разных национальных языков в пределах Союза [ССР] должны прежде всего сбросить с себя иго русской грамматики. ... Каждый язык должно рассматривать как нечто вполне самодовлеющее, и лишь затем в целях методических, для облегчения взаимного обучения можно проводить сравнение двух языковых систем» [50. С. 318].

В 1970 г., по подсчетам этнографа М.Н. Губогло, русским языком свободно владело три четверти всего населения СССР, а в 1979 г. — уже четыре пятых, в том числе среди нерусского населения соответственно — почти половина и без малого две трети⁷. При этом позиции национальных языков не подвергались существенным изменениям в тот период: в 1959 г. язык своего этноса признали своим родным языком 94,3 % всего населения страны, в 1970 г. — 93,9 %, в 1979 г. — 93,1 %⁸.

⁷ Губогло М.Н. Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР : дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1984. С. 5.

⁸ Там же. С. 5–6.

Тем самым советское общество достаточно быстро стало двуязычным [9, С. 218–219], хотя в ряде районов также развивалось и многоязычие. Советские социолингвисты подчеркивали, что в свете классификации типов двуязычия наиболее распространенными в стране были контактные типы (в условиях совместной повседневной жизни народов) и их разновидности [Там же. С. 221–222]. Важнейшим типом двуязычия у интеллигенции национальных территорий они называют одностороннее двуязычие, когда люди наряду со своим родным языком владеют в той или иной степени совершенства и русским языком. Односторонность обусловливается тем фактом, что русскоязычное население, даже проживавшее в национальных регионах, очень мало осваивало языком других этносов [Там же. С. 225]. Если двухстороннее двуязычие и было распространено, то в определенных условиях (смешанное проживание родственных по языку и культуре этносов).

В постсоветской России языковая политика не была единой, однако, как пишет В.В. Баранова, общий вектор движения прослеживается от поддержки федерализма и предоставления прав соответствующим регионам и языкам в 1990-е гг. в сторону нарастания централизации власти и унификации языковой политики начиная с середины 2000-х гг. [23. С. 31].

В науке происходили такие же процессы, сопровождавшиеся и особенностями развития отдельных научных дисциплин.

В первую очередь наука о народах — советская этнография — во многом обязана американской традиции культурной антропологии, в частности работам Ф. Боаса, для которых главным методом сбора материала была запись текстов на родном языке информантов [24]. Для этнографов овладение языком изучаемого этноса становилось важнейшим средством для того, чтобы «познать саму народность» [25. С. 85], поскольку «без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени, и особенно психические стороны ее» останутся для него скрытыми [26. С. VIII]. Эта установка нашла отражение, например, в серии книг «Народы мира», которая издавалась Институтом этнографии Академии наук СССР в период с 1954 по 1966 г.

Но с 1950-х гг. ситуация стала меняться в двух направлениях. Во-первых, советская этнография, как и вся наука, начала пополняться учеными из числа этносов советского государства, в среде которых стала появляться культурная, научная интеллигенция, получившая образование в центрах науки СССР и также начавшая работать в образовательных и научных центрах в своих республиках, краях. Они в том числе исследовали культуру и язык своего этноса, публикуя результаты своей работы на русском и родном языке. Тем самым они и образовали в отечественной науке «внутреннее» направление билингвизма.

Во-вторых, рост числа ученых из самих регионов сделал возможным сдвиг центров исследования культур в сами регионы. К сожалению, исследований языка науки в национальных регионах как СССР, так и России

(статистики публикаций, динамики, сводных данных) мне не удалось найти. Но очевидно одно — перемещение исследований этнических культур и языков в сами республики привело к интересным последствиям, которые в целом образовали социокультурный и организационный фон для работы ученых.

Установки классической этнографии на обязательное овладение языком этноса стали со временем «истончаться». Рост числа билингвов в самом обществе, возможности получения информации не только от населения, но и от коллег — ученых, владеющих языком этноса, появление многочисленных переводных работ, а также определенные ослабления в подготовке специалистов разных гуманитарных специальностей — все это привело к необязательности правила полевой советской, а затем и российской науки учить другие языки.

Эта острые проблема обсуждалась недавно на страницах журнала «Антropolогический форум» с участием сразу целого ряда специалистов [27]. По словам, Е.В. Головко, «мало кто из них (этнографов. — К.Л.) пытался хотя бы на практическом уровне освоить язык изучаемого народа. Получение этнографических сведений от информантов на русском языке считалось абсолютно нормальным. Логика была простая: зачем учить язык, если все информанты отлично говорят на русском?» [Там же. С. 27]. Причину он видит в том, что разграничение двух специальностей по изучению языков и культур шло по разным ведомствам.

Если же главные специалисты по изучению этнических культур так относились к языкам культур, то что говорить об установках для представителей новых научных дисциплин, в том числе культурологии.

Дело доходит до крайностей. Несколько лет назад в рукописи статьи молодой russkoyazychnoy uchenoy, претендующей на вклад в области культурологии, я встретила категорическое утверждение: «Чтобы культура данного этноса была изучена, ее тексты должны быть переведены на русский язык». И речь шла не об актуальности перевода определенных текстов. Автор прямо заявлял, что культура этноса не может быть изучена, если его тексты остаются только на его языке, и поэтому некто (носители, другие ученые?) должен был сделать все, чтобы такие вот «ученые» могли их изучать...

Русскоязычные ученые в своем большинстве не только не овладевают хотя бы одним из языков народов России в повседневной жизни, они этого не делают и в профессиональном плане. И на это их не ориентирует ни общая языковая политика в обществе, ни профессиональная подготовка, ни научная политика страны.

На сегодня в нормативных актах России нет прямого и обязательного требования публикации результатов научных исследований исключительно на каком-либо языке, например, только на государственном — русском языке. Однако в ряде документов содержатся косвенные положения и рекомендации, которые отражают языковую политику в сфере науки и образования. В Феде-

ральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» говорилось о необходимости интеграции в мировое научное сообщество, распространении научных знаний, развитии науки в интересах общества и государства⁹. Эти принципы сохранялись во всех последующих редакциях данного закона. Они подразумевают необходимость публикации прежде всего на иностранных языках (английском). В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 № 273-ФЗ) норма не столь расплывчата: образовательная деятельность осуществляется на русском языке, но для научной деятельности в вузах может использоваться также иностранный язык в рамках международных программ (статья 14)¹⁰. В письмах и рекомендациях Минобрнауки РФ, Российской академии наук и Высшей аттестационной комиссии также нет норм, касающихся языков народов РФ. Например, требований публикаций только на русском языке нет, но часть публикаций должна быть включена в российские рецензируемые издания, большинство из которых выходят на русском языке. Также поощряются публикации в международных рецензируемых журналах на английском языке.

Соответственно, очевидно, что российская наука в главных целях стала ориентироваться на билингвизм, но не «внутренний» российский, а на «внешний» — российский-международный, когда главными считаются русский и английский язык [28]. Причем на этом поле обсуждаются уже проблемы сохранения русского языка науки в условиях доминирования английского языка в мировой науке. Как утверждает психолингвист Н.В. Уфимцева, «мы столкнулись с тем, что даже известные ученые-физики не понимают, что переход научного образования на английский чреват катастрофой для отечественной науки (не будем уже говорить о том, что это попахивает колонизацией)»¹¹. Дискутируются вопросы типа «Есть ли шанс у русского языка в науке?»¹².

В сложившейся ситуации уже практически не слышно голосов «внутренних» билингвов — тех исследователей, для которых важны исследования языков и культур этносов самой России. И не только исследования, но и публикации научных исследований на этих языках как часть работы по сохранению языков и культур.

⁹ Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁰ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.06.2025).

¹¹ Нечипоренко Ю. Внутренняя эмиграция отечественной науки // Свободная пресса. 2019, 22 февраля. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/225547/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹² Публикации на разных языках в индексах цитирования, или Есть ли шанс у русского языка в науке? // Университетская книга. 2018. URL: <https://www.unkniga.ru/kultura/8295-publi-katsii-na-raznyh-yazykah-v-indeksah-tsitirvaniya-est-li-shans.html> (дата обращения: 11.06.2025).

Ученые-гуманитарии российских регионов: количество и условия работы

Как уже было сказано, научная интеллигенция из числа национальных кадров стала в целом появляться в середине XX в. (хотя, например, в Татарстане ученые европейского образца работали уже со второй половины XIX в.). Первые защиты кандидатских диссертаций в гуманитарных дисциплинах состоялись 1950–1960-х гг., после чего состав «внутренней» научной интеллигенции в региональных научных организациях стал увеличиваться.

Сколько на сегодня интересующих нас ученых-билингвов? Точно ответить на этот вопрос практически невозможно, поскольку для подобных подсчетов требуется получить и обработать сразу массу данных. Если пересчитать количество региональных центров (подразделений академии наук, отраслевых институтов, региональных университетов) можно, то с подсчетом количества ученых в них сложнее, в том числе выделяя из них исследователей языков и культур по ряду гуманитарных дисциплин. И наконец, пожалуй, совсем неподъемная задача — уточнить их этническую принадлежность, учитывая, что это сведения, находящиеся во внутреннем ведении кадровых служб организаций. Попытки выяснить их по открытых данным, например, по фамилиям в профилях организаций в РИНЦ, могут дать очень искаженную картину, поскольку далеко не всегда фамилия укажет на этническую принадлежность, особенно, например, у якутских исследователей в силу русификации их полных имен. Поэтому мы можем ориентироваться только на приблизительные оценки, которые я попросила сделать наших коллег в региональных научных центрах, причем по разным учреждениям.

Например, по мнению коллеги из Калмыцкого государственного университета, специалисты калмыцкого языка и калмыцкой культуры в данном вузе все — этнические калмыки (100 %). То же самое (100 %) с тувинскими филологами и культурологами (которые занимаются тувинской этнической культурой) в Тувинском государственном университете. Такую же цифру мне назвали коллеги в Кабардино-Балкарском государственном университете. В Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан таких специалистов, по оценкам работающих в нем коллег, примерно 90 %.

Также необходимо добавить, что в 2021 г. я делала официальные запросы в ряд научных организаций в разных регионах страны. Ответы получила только от двух. Руководство Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, например, дало ответ относительно этнического состава сотрудников, согласно которому из 26 научных сотрудников института 20 человек обозначили себя хакасами. Тогда же ответ я получила от руководства

Калмыцкого научного центра РАН: из 55 научных сотрудников 46 человек — калмыки. При этом кадры не соотносили этническую принадлежность сотрудника с его исследовательским полем.

Эти общие показатели говорят нам в любом случае о том, что культуру, а особенно языки этносов России изучают в абсолютном большинстве учёные — сами представители этих же этносов. Можем с известной долей условностью указать на цифру 90 % учёных-билингвов в региональных научных центрах, работающих над изучением и сохранением родных языков и лингвокультур.

Условия профессионального билингвизма для учёных складываются из общей языковой политики в регионе, а также из языковых аспектов научной политики.

Почти в каждой национальной республике есть свой закон о языках, где провозглашаются языковые суверенитеты, гарантии развития языка коренного населения наряду с русским языком. Например, в Республике Саха (Якутия) Закон «О языках» (от 16 октября 1992 г. № 1170-ХII) провозглашает языковой суверенитет народов, гарантирует развитие якутского и русского языков, а также обязует к уважению культурного и языкового разнообразия. Он применяется ко всей сфере, включая научную деятельность и публикации в области культуры (и науки), обеспечивая право издавать труды на родном языке¹³. В Республике Татарстан Закон РТ от 8 июля 1992 г. № 1560-ХII определяет равноправие татарского и русского языков как государственных. В нем статья 21 напрямую касается науки и утверждает свободный выбор языка научных работ¹⁴. В Кабардино-Балкарии Закон КБР от 16 января 1995 г. № 1-РЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» гарантирует равноправное развитие и двуязычие: русского, кабардинского и балкарского языков¹⁵. Другой закон региона об образовании (24 апреля 2014 г. № 23-РЗ) регулирует преподавание на кабардинском/балкарском языках, включая создание учебников — предполагает возможность и научных публикаций на этих языках¹⁶. В Республике Хакасия Закон от 20 октября 1992 г. № 11-З (о языках)

¹³ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁴ Статья 21. Языки в сфере науки / Закон РТ от 8 июля 1992 г. № 1560-ХII «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/8102506/b5dae26bebfc2908c0e8dd3b8a66868fe/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁵ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 16 января 1995 г. № 1-РЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» (принят Советом Республики Парламента Кабардино-Балкарской Республики 28 декабря 1994 г.) (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/30500301/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁶ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 24 апреля 2014 г. № 23-РЗ «Об образовании» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/30523724/> (дата обращения: 11.06.2025).

определяет русский и хакасский как государственные языки, а также гарантирует равноправие других языков народов РФ¹⁷. Также местный закон об образовании в Хакасии (5 июля 2013 г. № 60-ЗРХ) допускает образовательную деятельность на русском и хакасском языках и регулирует использование родного языка, включая разработку учебников¹⁸. В тексте Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия (от 5 апреля 1994 г.) прямо не написано про языки науки, но, как и в других регионах, государственный статус калмыцкого языка предполагает его использование и в научной сфере, особенно при наличии требований к учебной литературе¹⁹. Закон «О языках в Республике Тыва» (31 декабря 2003 г. № 462 BX-I, с изм.) закрепляет государственный статус русского и тувинского языка; гарантирует населению поддержку родных языков и право расширения функций тувинского языка в науке²⁰.

Таким образом, языковая политика в регионах России декларирует общую поддержку как государственного русского языка, так и языка коренного этноса. Тем самым билингвам гарантируются права для родного языка, который они изучают. Но гарантии эти распространяются только на сам факт его существования, на возможности изучения, а не на его статус как профессионального языка и даже не как языка образования [29].

Среди прочего потребность публикации результатов своих исследований на родном языке реализуется очень по-разному, в зависимости от возможностей местных властей (региональных заказов, финансовой поддержки) и желания самих авторов. Несмотря на разницу подходов в регионах, общий итог мизерный. Причем настолько, что даже невозможно отследить, найти статистику²¹. Нет общероссийских статистических данных по языковому распределению.

¹⁷ Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11 «О языках народов Республики Хакасия» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/20615069/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁸ Закон Республики Хакасия от 5 июля 2013 г. № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/20546843/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁹ Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_kalmik/chapter/f934319e1320fba1c7c05f76fc27be82/ (дата обращения: 11.06.2025).

²⁰ Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 г. № 462 BX-I «О языках в Республике Тыва» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28701589/> (дата обращения: 11.06.2025).

²¹ Статистические данные можно посмотреть только по тенденциям книгоиздания и периодики. Как пишут Е.М. Сухорукова, С.А. Карайченцева, К.М. Сухоруков, в постсоветское время количество названий оригинальных, а не переводных книг на национальных языках России выросло на 20–30 %, а в крупнейших субъектах РФ — даже вдвое. Но суммарный тираж этих книг сократился ещё в начале XXI в. в пять и более раз и падение тиражей не прекращается [30. С. 122]. При этом, по мнению А.А. Бурыкина, книгоиздание на родных языках свелось в основном к изданию детской литературы [5]. О таком же уязвимом положении периодической печати на языках народов страны пишет М.А. Горячева [31]. В целом, по словам В.В. Бараповой, книгоиздание на миноритарных языках рассматривается как убыточное [23. С. 65].

лению научных публикаций (по университетам и научным организациям регионов России), в том числе в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru) и интегрированном в нее Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Языки коренных народов (тувинский, калмыцкий, хакасский, якутский и т. д.) едва задействованы в научных публикациях, и такие материалы обычно публикуются в малотиражных, региональных журналах или сборниках, нередко не индексируемых РИНЦ.

С 2019 г. на базе лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания Российской академии наук был создан интернет-сайт «Малые языки России»²², на котором также среди прочей информации авторы пытались рассматривать вопрос о научных публикациях на конкретных языках. Но и они не приводят никакой статистики, ограничиваясь лишь общими описаниями.

Так, на ресурсе в отношении публикаций на адыгейском языке отмечено, что в научной литературе используется ограниченно, в основном в сфере гуманитарных наук. При этом «определить точное их количество не представляется возможным, поскольку издаются они не только на деньги из бюджета, но и на деньги различных фондов, спонсоров, личные деньги авторов»²³.

«Использование тувинского языка при написании научных трудов тувиноведами практикуется все реже. Поэтому научной литературы на тувинском языке сейчас практически нет. При этом на конференциях регионального республиканского уровня тувинский язык используется докладчиками довольно часто», указано в отношении тувинского языка на сайте²⁴.

В отношении других языков также описания общие:

- «в сфере науки функционируют: русский язык — во всех областях знания; татарский язык — в науках гуманитарного цикла — лингвистика (прежде всего), педагогика, литературоведение, культурология. Издано много словарей — терминологических (по разным отраслям знания), орфографических, двуязычных и др.»²⁵;

- «на якутском языке издано много словарей — терминологических (по разным отраслям знания), орфографических, двуязычных и др.»²⁶

В НЭБ-РИНЦ можно фильтровать материалы по типу — статья в журнале, диссертация и пр., но нет фильтра по языку публикации, в т. ч. для языков

²² Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. Главная страница // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iiling-ran.ru/> (дата обращения: 11.06.2025).

²³ Адыгейский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iiling-ran.ru/lang/adygeyskiy-yazyk> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁴ Тувинский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iiling-ran.ru/lang/tuvinskiy-yazyk> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁵ Татарский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iiling-ran.ru/lang/tatarskiy-yazyk> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁶ Якутский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iiling-ran.ru/lang/yakutskiy> (дата обращения: 11.06.2025).

народов России. Тем не менее при экспорте метаданных издатели в РИНЦ отмечают язык публикации. Поэтому я отдельно запросила в РИНЦ статистику публикаций за 2000–2025 г. и получила ее.

Интересно посмотреть на динамику публикаций по отдельным языкам этносов России на фоне показателей публикаций на русском языке (таблица). Чтобы не перегружать таблицу, я ограничилась показателями каждые пять лет; последний год указан 2024-й, поскольку далеко не все публикации загружены в базу за 2025 г.

**Количество публикаций на русском и некоторых языках этносов России
в РИНЦ в 2000, 2005, 2010, 2015, 2020 и 2024 гг. /
Number of publications in Russian and some ethnic languages of Russia
in the RSCI in 2000, 2005, 2010, 2015, 2020 and 2024**

Язык / Language	Год публикации / Year of Publication					
	2000	2005	2010	2015	2020	2024
Русский / Russian	175.457	590.372	732.762	1.268.089	1.356.858	1.432.806
Калмыцкий / Kalmyk	1	5	8	16	9	2
Удмуртский / Udmurt	18	10	5	15	28	21
Татарский / Tatar	6	27	29	185	405	595
Якутский / Yakut	11	11	15	11	157	124
Осетинский / Ossetian	4	7	23	7	—*	2
Мордовский / Mordvin	9	8	23	15	10	33
Хакасский / Khakassian	1	1	1	1	3	—**
Кабардино-черкесский / Kabardino-Circassian	1	—	1	5	17	18
Чувашский / Chuvash	4	7	17	70	20	49
Карачаево-балкарский / Karachay-Balkar	—	—	—	4	10	8
Башкирский / Bashkir	46	91	165	385	487	643
Тувинский / Tuval	—	—	2	—	4	3

*) 15 публикаций — в 2019 г.

**) 7 публикаций — в 2023 г.

И с т о ч н и к: составлено Ч.К. Ламажаа на основе статистических данных по количеству публикаций базы данных Российского индекса научного цитирования, полученных в ответ на запрос автора от 15.06.2025 г.

S o u r c e: compiled by Ch.K. Lamajaa. It is based on statistical data on the number of publications in the Russian Science Citation Index database, received in response to the author's request dated 15.06.2025

Как мы видим, количество публикаций на русском языке растет в геометрической прогрессии: с 175,5 тыс. в 2000 г. до 1,4 млн — в 2024 г. На этом фоне показатели по отдельным языкам народов России выглядят совершенно мизерно. Есть некоторый абсолютный рост публикаций на башкирском и

татарском языках: соответственно 46 и 6 в 2020 г., 643 и 595 — в 2024 г., однако, как мы понимаем, это все равно очень и очень скромные цифры.

Так, можно сказать, что языки этносов России остались в поле изучения практически только носителей этих языков, причем в очень ограниченном виде, как объект академического интереса, причем сама профессиональная работа ведется практически на русском языке.

Проблемы российской лингвокультурологии

Вся эта ситуация и условия, описанные выше, стали прямо отражаться на изучении лингвокультур народов России, которые с рубежа 1960–1970-х гг. стали центром внимания российской лингвокультурологии, развившейся на идеи изучения культуры через язык [21. С. 27; 32. С. 8]. При этом суть научной дисциплины определяется как «определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [21. С. 8], как «целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков...» [20. С. 4]. При всех различиях определения дисциплины главным остается тот факт, что во главе угла исследователей находится язык. И концепт специалистами однозначно понимается в первую очередь как языковой термин — термин конкретного языка, выражающий определенную культурную информацию [19].

Однако в российской науке, в которой, как уже было показано, языки и культуры российских этносов оказались в центре внимания только ученых-билингвов из числа представителей самих этносов, сложилась парадоксальная ситуация. *Факультативность образования на родных языках, ограниченные сферы их использования (в том числе необязательность в профессиональной, научной сфере), фактическое уменьшение их социальной значимости (несмотря на все декларации региональных властей)*, привели к тому, что языки вместе с этническими культурами стали размываться и как объекты профессионального изучения. Ученые, находясь в условиях ежедневной ленты Мебиуса с переключением с языка общения, языка изучения на профессиональный язык, впадают в терминологические ловушки. И в итоге трактуют (анализируют, обдумывают, описывают) собственную культуру средствами другого языка.

Рассмотрим примеры²⁷. В них можно увидеть разные степени терминологических ловушек: потерю, размывания объекта исследования, а также трактовок концепта.

²⁷ При всем уважении к авторам и к их трудам, важным для каждой культуры, примеры приводятся в произвольном порядке, т. е. найдены и выбраны случайно из списков публикаций в РИНЦ.

В одном диссертационном исследовании соискателя степени кандидата филологических наук анализировался башкирский народный эпос «Урал-Батыр». В том числе рассматриваются такие «базовые концепты эпоса», как «Душа, Сердце, Кровь, базовые оппозиции культуры и языка, такие как Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Человек и Природа и т. д.»²⁸. Автор пишет: «Особо актуальными для мифологического сознания башкир являются такие базовые концепты архетипического характера, как время и пространство, жизнь и смерть, добро и зло, душа, сердце, кровь»²⁹, и тут же выделяет башкирский концепт *якышылык* ‘добро’, которое «коррелирует с такими чертами национального характера башкир, как *батырлык, ирлек* “мужественность”, жертвование своей жизнью ради жизни на Земле, совершение блага во имя народа, честь, честность, скромность, долг, сыновья почтительность, гуманность»³⁰. Тем самым исследователь концептами называет и универсалии, категории культуры, и сами концепты, нивелируя специфику последних, ставя этнокультурные категории культуры равнозначными универсальным, тем, что есть в других культурах. Этот же подход перенесен в монографию автора [33].

Также нередко рассматривается концепт «Родина» (именно в русской терминологии) в той или иной культуре, например монгольской [34].

Еще в одной публикации разбирается концепт «Бога» в традиционной культуре осетин [35]. Как пишет сам автор и как известно, традиционная религиозная система осетин представляет собой синтез древнеаланского язычества, скифо-сарматских верований и христианских влияний; в ней верховный бог называется *Хуыцау*. Не останавливаясь на нюансах, разбираемых в работе, в том числе не будучи специалистом в этих вопросах, обращу внимание на смешение терминологии на протяжении всей работы. Автор, углубляясь в вопросы лексикографии, этимологии лексем, периодически подчеркивает, что речь идет об «осетинском концепте Бога». То есть этноспецифический концепт, имеющий за собой богатую историю, все время методологически уравнивается с русским концептом Бога, имя которого имеет и свою этимологию, а история значения пронизывает всю историю и культуру русского этноса.

Очевидно, что авторы подобных работ упускают из виду очень важную методологическую проблему, которая при должном внимании может сделать исследование по-настоящему богатым, поскольку, «владея типовым способом осмыслиения действительности речевыми средствами первичной языковой культуры, при изучении второго языка личность овладевает типовым способом осмыслиения действительности, выработавшимся в сознании другого народа, что позволяет ей познать особенности смысловой схемы типовых

²⁸ См.: Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. С. 6.

²⁹ Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. С. 9.

³⁰ Там же.

высказываний на приобретенном языке и сравнивать их» [16. С. 30]. Но для того, чтобы обернуть свою билингвальность в плюс, необходима научная дисциплина и осознанная методологическая честность. В противном случае билингвальность вкупе с формальным подходом к основаниям исследований концептуальных оснований культур оборачивается потерями, заменами.

Ряд подобных работ можно расценивать лишь как методологически мало проработанные или ориентированные на градацию концептов. Однако следует подчеркнуть, что в последние годы идет явно вал подобных публикаций, в том числе таких, в которых авторы даже не рефлексируют над применением термина «концепт». Более того, такая тенденция захлестывает и русскоязычную часть науки в постсоветских странах³¹. Сами русскоязычные авторы рассматривают русские термины как концепты зарубежных культур³², зарубежные учащиеся российских научных центров следуют их примеру, разбирая концепты своей культуры языковыми средствами русского языка [36 и др.]. Дело дошло до того, что концепты стали трактоваться как универсалии культур³³, как общечеловеческие концепты [37], в том числе как концепты российской цивилизации для традиционной культуры ее народов³⁴.

Соответственно, вместо углубленного изучения концептов культур этносов России, которые по языковому признаку могут относиться к самым раз-

³¹ Дербишева З.К. Этноментальная специфика концептуализации // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У.М. Бахтикеева и др. Москва : РУДН, 2016. С. 440–444.

³² Адонина И.В. Концепт успех в современной американской речевой культуре : дис. ... канд. филол. н. Хабаровск, 2005; Чубисова О.В., Товбаз А.А. Концепт «кудача» в русской и китайской культурах // Общественные науки. 2012. № 1. С. 56–65; Белякова А.А. Восприятие концепта «путешествие» в динамике его становления в англоязычной культуре : дис. ... канд. филол. н. М., 2004; Марушкина Н.С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур : дис. ... канд. культ. Иваново, 2014 и др.

³³ См., например: Исина Г.И. Универсальные концепты в контексте национальных культур // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 8. С. 145–147; Гудзовская В.В. Особенности презентации концепта «женщина» в разноязычных культурах // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сборник статей по материалам LXXVII студенческой международной научно-практической конференции, Новосибирск, 20 мая 2019 года. Т. 5 (77). Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2019. С. 50–55; Дьяченко А.С. Изучение концепта «патриотизм» в различных культурах, как средство патриотического воспитания студентов-лингвистов // Вестник университета. 2012. № 18. С. 246–249; Лысенко Н.К. Концепт «чай» в различных национальных культурах мира: Казахстан, Россия, Великобритания // Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества / отв. ред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. С. 161–169; и мн. др.

³⁴ Панищев А.Л. Концепты Российской цивилизации в традиционной культуре её народов // Новый ориентир регионального развития — встраивание в Еразийскую экономическую перспективу : материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 08–09 февраля 2024 года. Ставрополь : Институт дружбы народов Кавказа, 2024. С. 222–227.

ным культурным мирам, в российской науке стали распространены³⁵ сопоставительные исследования русской лингвокультуры с лингвокультурами народов России. И хотя в этом, разумеется, нет ничего предосудительного, тем более что такие исследования поддерживаются государственными программами, нередко они довольно поверхностны, поскольку не учитывают существенную разницу архаических основ культур Евразии [32. С. 8–12].

Меня же среди всего прочего волнует тот факт, что на волне всеобщего интереса к концептам, концептологическим исследованиям языков и культур, причем в таком искаженном понимании концептов, ученые-билингвы сами нивелируют свои культуры, тем самым участвуя уже со своей стороны в общих языковых процессах снижения значимости языков и культур России. Также изучение лингвокультур языковыми средствами русского языка (а именно в этом направлении и стала практически стихийно развиваться отечественная лингвокультурология, подпитываемая трудами филологов) приводит к тому, что вне поля внимания науки остаются такие культурные явления, которые не имеют названия в русском языке или теряют свой концептуальный смысл в переводе. Так, например, мы показали, что в результате прямого перевода тувинского термина-обращения *башикы* на русский термин ‘учитель’ наука (түвиноведение) много десятилетий не замечала интереснейшей традиции [39]. Речь идет о традиции обращения к наставнику (в самом широком смысле слова), признания его авторитета и подчинения ему, этимология термина которого (*башикы*) указывает на многовековую связь с китайско-буддийскими истоками и которая выходит далеко за рамки только общения ученика и учителя.

Можно ли считать сложившуюся ситуацию только результатом языковых процессов в стране и проблемного развития научной дисциплины?

Здесь необходимо вспомнить о том, что акцент на субъективность ученых, их языковую и культурную идентичность не может обойтись без учета исследований многоязычия и его влияния на когнитивные функции [40–43]. Многоязычие, билингвизм обычно расцениваются очень высоко [44; 45 и др.]. И к тому же сама постановка вопроса о когнитивных способностях моих коллег практически не поднимается в науке, поскольку речь идет об ученых, работающих в регионах и в силу традиционности сообществ часто с получением научной степени занимающих высокое социальное положение, авторитет и прочие привилегии. Это практически табуированная тема.

Однако упомянуть о двух смежных направлениях исследований, которые позволяют осознать сложность проблемы безотносительно оценки когнитивных способностей личностей.

³⁵ Разумеется, справедливости ради необходимо также сказать и о том, что перекос и поверхностность анализа демонстрируют далеко не все авторы — российские ученые. Более вдумчивые авторы, исследователи остаются на позициях, сформулированных С.А. Аскольдовым (С.А. Алексеевым) [38], Д.С. Лихачевым [1].

Во-первых, в зарубежной психологии есть исследования того, как социальный контекст использования языков влияет на когнитивную гибкость билингвов. Например, Дж. Гуллифер и Д. Титоне предлагают инновационный показатель — языковую энтропию (*language entropy*), который количественно оценивает баланс использования языков в разных социальных контекстах (дом, работа, общение) [46]. Авторы отмечают разные уровни энтропии (высокий, низкий), которые непосредственно влияют на качество билингвизма. О том, что познавательная деятельность билингвов носит более сложный характер, чем у моноязычной личности, а также от зависимости билингва от социокультурных факторов, пишут и российские авторы [47]. Для нашего случая было бы интересно исследование социального фона работы билингвов в профессиональной сфере, а также условий формирования отрицательного билингвизма, при котором знание второго языка отрицательно сказывается на владении родным языком [48. С. 87].

Во-вторых, как уже было сказано, сама суть проблемы заключается в достаточно исследованном в науке феномене языковой интерференции. При этом важно, что работы основоположников данного направления и их последователей [17; 49; 50 и др.] также подчеркивают важность экстралингвистических факторов (психологического и социального). Правда, в основном авторы рассматривают проблему переноса норм родного языка на иностранный (второй). Очевидно, что в нашем случае мы видим нерефлексируемый обратный процесс — отрицательную интерференцию. Именно она демонстрируется исследованиями типа концепта «Родина» в монгольской культуре или изучением концепта «дом» в кочевых культурах.

Тем самым подчеркну, что российская лингвокультурология приобрела целое направление проблемного развития, обусловленное как языковой политикой, так и тем, как стали восприниматься нерусские языки и культуры страны.

Заключение

Итак, на сегодня в российской науке о языках и исследованиях культур сквозь призму языков сложилась парадоксальная ситуация, когда работа ученых осложнена целым клубком проблем: языковой политикой в стране и регионах, особой формой российского билингвизма, когда значение родных языков падает, в том числе в профессиональной сфере для изучающих их ученых.

Поэтому ученые-инсайдеры (внутренние ученые, представители самих этносов) не могут претендовать на то, чтобы быть выразителями и исследователями своей культуры, они скорее являются посредниками, проводниками между ней и иноязычной наукой.

Стремясь работать на втором языке для себя, но первом государственном и профессиональном — русском — языке, ученые-билингвы, представители

многих этносов страны, начинают массово трактовать свою лингвокультуру терминами профессионального языка. И при этом, относясь дежурно к методологическим основаниям исследования, нередко теряют свой объект исследования.

Кроме того, я далека от мысли, что языки и лингвокультуры этносов страны столь глубоко изучены, чтобы можно было пренебрегать мнением крупного специалиста в области общего и русского языкознания, основоположника лингвистической методики преподавания языков Л.В. Щербы.

Утери объектов исследования — уникальных концептов этнических культур, монолингвальность концептологических исследований прямо противоречат тем задачам, которые провозглашаются самими же «лингвокультурологами» — фиксировать, изучать и сохранять языки и культуры народов России.

Список литературы

1. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
2. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва : Языки славянской культуры, 2007. 246 с. ISBN: 5-9551-0205-1 EDN: SUQHZX
3. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты : лингвистическая проблематика. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972. 80 с.
4. *Бурыкин А.А.* Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие (язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте) // Новое в изучении и преподавании русского языка / отв. ред. В. Г. Костомаров. Т. 5. Москва : Изд-во Московского университета, 2004. 528 с. С. 109–122.
5. *Бурыкин А.А.* Языки коренных народов Севера: 40 лет вызовов и ответов. Проблемы сохранения языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: современный взгляд // Этнокультурное пространство Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития : материалы межрегиональной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 29 марта 2019 г. / отв. ред. А.Г. Киселев и др. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. 137 с. С. 30–53. EDN: PNMTGU
6. *Михальченко В.Ю.* Тенденции развития языковой ситуации в Российской Федерации // Закономерности социокультурного развития языков в полиглазнических странах мира: Россия-Вьетнам / отв. ред. А.Н. Биткеева и др. Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2020. 704 с. С. 73–88.
7. *Биткеева А.Н.* Принципы языковой политики в Российской Федерации // Закономерности социокультурного развития языков в полиглазнических странах мира: Россия-Вьетнам / ред. А.Н. Биткеева и др. Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2020. 704 с. С. 95–109. EDN: NSTSQO
8. *Павлова А.В.* Лингвокультурология в России: «за» и «против» // Przeglad Wschodnioeuropejski. 2015. Vol. 6. No. 2. С. 201–221. EDN: NNPVRT
9. *Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф.* Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. Москва : Просвещение, 1968. 312 с.
10. *Галстян А.П.* Некоторые аспекты армяно-русского двуязычия (по материалам этносоциологического обследования населения Еревана) // Этнографическое обозрение. 1987. № 6. С. 81–91.
11. *Майоров А.П.* Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве. Уфа : б. и., 1997. 137 с.

12. Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия : материалы Межд. научно-практической конф. 27–28 мая 2009 г. / отв. ред. М.А. Магомедов. Махачкала : б. и., 2009. 520 с.
13. Путь в язык : одноязычие и двуязычие : сборник статей / отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. Москва : Языки славянских культур, 2011. 320 с.
14. Актуальные проблемы билингвизма и диалог культур (в аспекте взаимодействия русского языка с языками Центральной Азии) : материалы межд науч. конф., приуроченной к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Кыргызской Республики, д-ра филол. наук, проф. А.О. Орусбаева / отв. ред. О.Л. Сумарокова. Бишкек : Изд-во КРСУ, 2022. 282 с.
15. Рогозная Н.Н. Языковые контакты: билингвизм, интерязык, интерференция. 2-е изд. Москва : Флинта, 2022. 200 с. ISBN: 978-5-98269-274-0 EDN: FGDWTA
16. Бахтикеева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. 259 с. ISBN: 9965-513-82-1 EDN: QUTUFT
17. Weinreich U. *Languages in Contact*. The Hague : Mouton, 1968. 152 p.
18. Валеева Н.Г. Билингвизм и интерференция при опосредованной коммуникации // Полилингвальность и транскультурные практики. 2008. № 5. С. 17–23. EDN: VNYXIF
19. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press. 1996.xii, 500 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198700029.001.0001>
20. Воробьев В.В. *Лингвокультурология*. Москва : РУДН, 2006. 330 с.
21. Маслова В.А. *Лингвокультурология* : учеб. пособие. Москва : Издательский центр «Академия», 2001. 208 с. ISBN 5-7695-0745-4 EDN: UKCOEJ
22. Грэхэм Л.Р. *Очерки истории российской и советской науки*. Москва : Янус-К, 1998. 321 с.
23. Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 238 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2580-7> ISBN 978-5-7598-2580-7 EDN: VZEKYX
24. Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68. EDN: RTQBSN
25. Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как фольклорист // Памяти Л. Я. Штернберга: 1861–1927 : сборник статей / ред. изд. С. Ф. Ольденбург и А. Н. Самойлович. Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. 176 с. С. 85–96.
26. Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом. Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1908. Т. 1. 232 с.
27. Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 12–189. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189>
28. Shpit E. I., McCarthy P. M. Addressing discourse differences in the writing of Russian engineering students and international researchers // *Language Teaching Research*. 2022. Vol. 29. No. 5. P. 1889–1922. <https://doi.org/10.1177/13621688221109809> EDN: PKUNIM
29. Башнева С. К., Кремшокалова М. Ч., Шонтукова И. В. Русский язык в этнорегиональной полилингвальной среде // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210). С. 122–126. EDN: YHQCEB
30. Сухорукова Е.М., Карайченцева С.А., Сухоруков К.М. Книгоиздание на языках народов России: проблемы и перспективы (на основе статистики за 2019–2023 гг.) // Научные и технические библиотеки. 2024. № 8. С. 118–131. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-8-118-131> EDN: LMSGIV
31. Горячева М.А. Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970–2021) // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 45–70. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-45-70> EDN: DHMHVO
32. Ламажсаа Ч.К. Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1> EDN: ECYELK

33. Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр» : когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. Уфа : Вагант, 2010. 352 с.
34. Белокурова С.М., Мушникова Е.А. Концепт «Родина» в монгольской лингвокультуре: ретроспективный анализ // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6. С. 462–464. EDN: GWQXFZ
35. Салбиеев Т.К. Концепт «Бога» в традиционной культуре осетин // Вестник Института цивилизации. 2014. № 8. С. 113–142. EDN: TWSMSF
36. Ма Л., Ло С. Концепт «Домашний гусь» в китайской культуре // Вопросы гуманитарных наук. 2018. № 3 (96). С. 135–138. EDN: XTBXVB
37. Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 280 с.
38. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. Москва : Academia, 1997. 320 с. С. 267–279.
39. Ламажаа Ч.К., Каиржанова А.Т. Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения // Новые исследования Тувы. 2025. № 1. С. 5–25. <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1> EDN: SGVNRX
40. Paradis M. The Neurofunctional components of the bilingual cognitive system // Cognitive Aspects of Bilingualism / I. Kecske, L. Albertazzi (eds.). Springer : Dordrecht, 2007. P. 3–28. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3_1
41. Cognitive Aspects of Bilingualism / I. Kecske, L. Albertazzi (eds.). Springer, 2007. 368 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3>
42. Cantone K.F. Code-switching in Bilingual Children (Studies in Theoretical Psycholinguistics). Springer, 2007. 291 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5784-7>
43. Bobb Sc., Hoshino N. Fusing languages in the bilingual cognitive architecture // Bilingualism: Language and Cognition. 2016. Vol. 19. No. 5. P. 879–880. <https://doi.org/10.1017/S136672891600109>
44. Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Савельева О.А., Вахницкая О.В. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этно-культурную идентичность // Вестник Московского университета. 2019. Серия 14. Психология. № 1. С. 174–194. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.174> EDN: YYWKEH
45. Малышева Н.С. Влияние многоязычия на когнитивные процессы // Трансфер понятий и культурный трансфер: практики перевода в межкультурной коммуникации / отв. ред. Т.А. Шарыпина, М.К. Меньшикова. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. 535 с. С. 518–523. EDN: EHBMUD
46. Gullifer J.W., Titone D. Characterizing the Social Diversity of Bilingualism Using Language Entropy // Bilingualism: Language and Cognition. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 283–294. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000026>
47. Башиева С.К. Формирование билингвальной личности как сложный когнитивный процесс // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 150–156. EDN: OWMYQP
48. Коновалова Н.И., Мурадян Д.Г. Проблемы изучения речевой деятельности билингвов в свете современной языковой ситуации // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 80–88. EDN: PUWYKX
49. Haugen E.I. The Norwegian language in America; a study in bilingual behavior. Indiana U. P., 1969. 699 p.
50. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1974. С. 313–318.

References

1. Likhachev, D.S. 1993. “The conceptual sphere of the Russian language.” *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*. Vol. 52, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.).

2. Stepanov, Yu.S. 2007. *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 246 p. (In Russ.). ISBN 5-9551-0205-1 EDN: SUQHZX
3. Rozenzweig, V.Y. 1972. *Language contacts: Linguistic problems*. Leningrad: Nauka Publ. Leningrad Branch. 80 p. (In Russ.).
4. Burykin, A.A. 2004. Mentality, linguistic behavior and national-Russian bilingualism (the minority language as a “secret language” in the domestic socio-cultural context). In: *New in the study and teaching of the Russian language* / Edited by V.G. Kostomarov. Vol. 5. Moscow: Moscow University Press. pp. 109–122. (In Russ.).
5. Burykin, A.A. 2019. Languages of the indigenous peoples of the North: 40 years of challenges and answers. Problems of preserving the languages of the small-numbered peoples of the North, Siberia and the Russian Far East: A modern look. In: *The ethnocultural space of Ugra: project implementation experience and development prospects*: proceedings of the interregional scientific and practical conference, Khanty-Mansiysk, March 29, 2019 / Edited by A. G. Kiselyov et al. Khanty-Mansiysk, OOO “Printing World of Khanty-Mansiysk”. 137 p., pp. 30–53. (In Russ.). EDN: PNMTGU
6. Mikhachenko, V.Y. 2020. Trends in the development of the linguistic situation in the Russian Federation. In: *Patterns of socio-cultural development of languages in multiethnic countries of the world: Russia-Vietnam* / ed. by A.N. Bitkeeva et al. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, pp. 73–88. (In Russ.).
7. Bitkeeva, A.N. 2020. Principles of language policy in the Russian Federation. In: *Patterns of socio-cultural development of languages in multiethnic countries of the world: Russia-Vietnam* / ed. by A.N. Bitkeeva et al. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, pp. 95–109. (In Russ.). EDN: NSTSQO
8. Pavlova, A.V. 2015. Linguoculturology in Russia: pro and contra. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, vol. 6, no. 2, pp. 201–221. (In Russ.). EDN: NNPVRT
9. Desheriev, Yu.D., and I.F. Protchenko. 1968. *The development of the languages of the peoples of the USSR in the Soviet era*. Moscow: Prosvetshchenie, 312 p. (In Russ.).
10. Galstyan, A.P. 1987. Some aspects of Armenian-Russian bilingualism (based on the materials of the ethnosociological survey of the population of Yerevan). *Ethnographic Review*, no. 6, pp. 81–91. (In Russ.).
11. Mayorov, A.P. 1997. *Social aspects of language interaction in the bilingual communicative space*. Ufa, s. n. (In Russ.).
12. *Theoretical and methodological problems of national-Russian bilingualism*: proceedings of the International Scientific and Practical Conference. May 27–28, 2009. 2009 / Edited by M.A. Magomedov. Makhachkala, s. n. (In Russ.).
13. *The path to language: Monolingualism and bilingualism*. 2011: a collection of articles / Edited by S.N. Tseitlin, and Eliseeva M.B. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 320 p. (In Russ.).
14. *Current problems of bilingualism and dialogue of cultures (in the aspect of interaction of the Russian language with the languages of Central Asia)*. 2022: Materials of the international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of the Honored Scientist of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology, Professor A.O. Orusbaev / Edited by O.L. Sumarokov. Bishkek: KRSU Publishing House, 282 p. (In Russ.).
15. Rogoznaya, N.N. 2022. *Language contacts: bilingualism, inter-language, interference*. 2nd ed. Moscow, Flint. 200 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-98269-274-0 EDN: FGDWTA
16. Bakhtikireeva, U.M. 2009. *Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkic origin)*. Astana: Publishing house “CBO and MI,” 259 p. (In Russ.). ISBN 9965-513-82-1 EDN: QUTUFT
17. Weinreich, U. 1968. *Languages in Contact*. The Hague: Mouton. 152 p.
18. Valeeva, N.G. 2008. Bilingualism and interference in mediated communication. *Polilinguality and transcultural practices*, no. 5, pp. 17–23. EDN: VNYXIF

19. Wierzbicka, A. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press. xii, 500 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198700029.001.0001>
20. Vorobyov, V.V. 2006. *Linguoculturology*. Moscow: RUDN University. 330 p. (In Russ.).
21. Maslova, V.A. 2001. *Linguoculturology*: textbook. the manual. Moscow: Publishing center “Academy.” 208 p. (In Russ.). ISBN: 5-7695-0745-4 EDN: UKCOEJ
22. Graham, L.R. 1998. *Essays on the history of Russian and Soviet science*. Moscow: Janus-K. 321 p. (In Russ.).
23. Baranova, V.V. 2023. *Language policy without politicians: linguistic activism and minority languages in Russia*. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics. 238 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2580-7> ISBN: 978-5-7598-2580-7 EDN: VZEKYX
24. Arzyutov, D.V., and S.A. Kan. 2013. The concept of the field and field work in early Soviet ethnography. *Ethnographic review*, no. 6, pp. 45–68. (In Russ.). EDN: RTQBSN
25. Bogoraz, V.G. 1930. L. Ya. Sternberg as a folklorist. In: *In memory of L. Ya. Sternberg: 1861–1927*: collection of articles / ed. by S.F. Oldenburg and A.N. Samoylovich. Leningrad: Akademiia nauk USSR Publ., pp. 85–96. (In Russ.).
26. Sternberg, L.Ya. 1908. *Materials on the study of the Gilyat language and folklore, collected and processed by L.Ya. Sternberg*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, vol. 1, 232 p. (In Russ.).
27. Linguistic Anthropology. 2023. *Antropologicheskij forum*, no. 58, pp. 12–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189>
28. Shpit, E.I., and P.M. McCarthy, 2022. Addressing discourse differences in the writing of Russian engineering students and international researchers. *Language Teaching Research*, vol. 29 (5), pp. 1889–1922. <https://doi.org/10.1177/13621688221109809> EDN: PKUNIM
29. Bashieva, S.K., M.Ch. Kremshokalova, and I.V. Shontukova. 2017. The Russian language in an ethnoregional multilingual environment. *Higher education in Russia*, no. 3, pp. 122–126. EDN: YHQCEB
30. Sukhorukova, E.M., S.A. Karaychentseva, and K.M. Sukhorukov, 2024. Book publishing in the languages of the peoples of Russia: The problems and perspectives on the basis of 2019–2023 statistics. *Scientific and Technical Libraries*, no. 8, pp. 118–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-8-118-131> EDN: LMSGIV
31. Goryacheva, M.A. 2022. Dynamics of periodicals in Russian and the republican state languages of the peoples of the Russian Federation (1970–2021). *Sociolinguistics*, no. 4 (12), pp. 45–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-45-70> EDN: DHMHBO
32. Lamazhaa, Ch.K. 2023. Concepts of Culture: Form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1> EDN: ECYELK
33. Bukharova, G.H. 2010. *Bashkir folk epic “Ural-Batyr.” cognitive-discursive and conceptual analysis*. Ufa: Vagant. 352 p. (In Russ.).
34. Belokurova, S.M., and E.A. Mushnikova. 2017. The concept of “Rodina” in Mongolian linguoculture: a retrospective analysis. *The world of science, culture, and education*, no. 6, pp. 462–464. (In Russ.) EDN: GWQXFZ
35. Salbiev, T.K. 2014. The concept of “Boga” in the traditional culture of Ossetians. *Bulletin of the Institute of Civilization*, no. 8, pp. 113–142. (In Russ.) EDN: TWSMSF
36. Ma, L., and S. Lo. 2018. “The concept of “Domashnyi gus”” in Chinese culture.” *Questions of the Humanities*, no. 3(96), pp. 135–138. (In Russ.) EDN: XTBXVB
37. Koshelev, A.D. 2015. *Cognitive analysis of universal concepts*. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia. 280 p. (In Russ.).
38. Askoldov, S.A. 1997. Concept and word. In: *Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text*: an anthology / Edited by V.P. Neroznak. Moscow: Academia. 320 p., pp. 267–279. (In Russ.).
39. Lamazhaa, Ch.K., and A.T. Kairzhanova. 2025. Bashky: addressing, mentoring, and social relations. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1> EDN: SGVNRX

40. Paradis, M. 2007. The Neurofunctional components of the bilingual cognitive system. In: *Cognitive Aspects of Bilingualism*. Edited by I. Kecske and L. Albertazzi. Springer, Dordrecht, pp. 3–28. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3_1
41. Kecske, I., and L. Albertazzi. 2007. *Cognitive Aspects of Bilingualism*. Springer, 368 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3>
42. Cantone, K.F. 2007. *Code-switching in Bilingual Children (Studies in Theoretical Psycholinguistics)*. Springer. 291 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5784-7>
43. Bobb, Sc., and N. Hoshino. 2016. Fusing languages in the bilingual cognitive architecture. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 19(5), pp. 879–880. <https://doi.org/10.1017/S1366728916000109>
44. Zinchenko, Yu.P., L.A. Shaigerova, A.G. Dolgikh, O.A. Savelyeva, and O.V. Vakhnitskaya, 2019. Methodological problems of studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethno-cultural identity. *Bulletin of the Moscow University*, Episode 14. Psychology, no. 1, pp. 174–194. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.174> EDN: YYWKEH
45. Malysheva, N.S. 2024. The influence of multilingualism on cognitive processes. In: *Transfer of concepts and cultural transfer: translation practices in intercultural communication* / Edited by T.A. Sharypin, M.K. Menshikov. Nizhny Novgorod, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. 535 p., pp. 518–523. (In Russ.). EDN: EHBMD
46. Gullifer, J.W., and D. Titone. 2020. Characterizing the Social Diversity of Bilingualism Using Language Entropy. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 23(2), pp. 283–294. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000026>
47. Bashieva, S.K. 2014. The formation of a bilingual personality as a complex cognitive process. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, no. 16, pp. 150–156. (In Russ.). EDN: OWMYQP
48. Konovalova, N.I., and D.G. Muradyan. 2010. Problems of studying the speech activity of bilinguals in the light of the modern linguistic situation. *Linguoculturology*, no. 4, pp. 80–88. (In Russ.). EDN: PUWYKX
49. Haugen, E.I. 1969. *The Norwegian language in America; a study in bilingual behavior*. Indiana U.P., 699 p.
50. Shcherba, L.V. 1974. On the issue of bilingualism. In: Shcherba L.V. *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka Publishing House, Leningrad Branch, pp. 313–318. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета, Российская Федерация, г. Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, д. 173; главный научный сотрудник Института тюркологии и алтайистики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. ORCID: 0000-0003-1813-3605. E-mail: lamazhaa@gmail.com

Bio note:

Chimiza Kuder-oolovna Lamazhaa is a Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University, 173 Chernyshevsky St, Nalchik, 360004, Russian Federation; Chief Researcher, Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University, 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-1813-3605. E-mail: lamazhaa@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-927-941

EDN: DUEWBO

Научная статья / Research article

Принципы декомпозиции языковой системы, определение оппозиции ее элементов и их интеграция в построении лингвистических и вычислительных концепций

Я. Кобылко[✉]

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

kobylko-ya@rudn.ru

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть декомпозицию языка и возможности применения метода оппозиции языковых элементов, естественно сводящихся для формирования общей системы. Представлены классические теоретические принципы оппозиции с точки зрения философии, логики и лингвистики. Вслед за этим лингвистическая оппозиция рассматривается в контексте реальной действительности, формирующей сложные взаимоотношения между сопоставляемыми компонентами языковой системы, а не с точки зрения формальной логики, которая ограничивала бы оппозиционные возможности языковой системы и языка в целом. На этом фоне определяется вектор ещё несформированной системы некоторых понятий и их разграничения, особенно в лингвистике (например, дихотомия, бинаризм, дуализм и др.). Для реализации цели, в первую очередь, была рассмотрена декомпозиция как процесс расчленения модели на компоненты, общим решением которого в отношении к языку является абстрагирование, направленное на обратный к расчленению процесс — осмысленное исследователем сведение языковых элементов, обеспечивающее при этом понимание их естественных диффузий, полноты и точности структуры адаптивной и саморегулируемой системы языка. На этом фоне, несмотря на неокончательное в философии и науке решение спора между элементаризмом и холизмом, автором была предпринята попытка рассмотрения этих двух понятий в отношении к языку как системе и языку как бытовому средству общения. На языковом материале вводится метод оппозиции компонентов языка, который позволяет выявить не только очевидные внешние отличия сопоставляемых частей, но также те качественные свойства, которые совместно формируют общий объём системы, а тем самым объединяют сопоставляемую пару, структурируя систему. В качестве языкового материала в статье рассматриваются оппозиционные отношения между частными элементами в области фонологии, грамматики и лексикологии русского языка; описываются речевые и языковые процессы, происходящие вне и в речевой деятельности на примере латинского языка в разные периоды его существования. Результаты статьи дают наглядный теоретический и языковой материал для реализации основной цели системной лингвистики как науки – осознания языка как системы. Такой подход может послужить для создания алгоритмов, необходимых для сведения современных систем внешне независимых дисциплин, что весьма актуально для реализации целей и решения задач в области компьютерной лингвистики.

Ключевые слова: декомпозиция, композиция, оппозиция, элементаризм, холизм, система, язык, компьютерная лингвистика

История статьи: поступила в редакцию 28.05.2025; принятa к печати 10.10.2025.

© Кобылко Я., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кобылко Я. Принципы декомпозиции языковой системы, определение оп-позиции ее элементов и их интеграция в построении лингвистических и вычислительных концепций // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 927–941. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-927-941>

Principles of Decomposition of the Language System, Definition of the Opposition of Its Elements and Their Integration in the Construction of Linguistic and Computational Concepts

Yaroslav Kobylko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 kobylko-ya@rudn.ru

Abstract. The purpose of the study is to consider the decomposition of language and the possibility of using the method of oppositions of linguistic elements, which naturally converge to form a common system. The study presents the classical theoretical principles of opposition from the point of view of philosophy, logic and linguistics. Following this, linguistic opposition is considered in the context of reality, which forms complex relationships between the compared elements of the language system, and not from the point of view of formal logic, which would limit the oppositional possibilities of the language system and language as a whole. Against this background, the vector of the still unformulated system of some concepts and their differentiation is determined, especially in linguistics (for example, dichotomy, dualism, bondage, etc.). To achieve this goal, first of all, decomposition was considered as a process of dividing a model into elements, the general solution of which, in relation to language, is abstraction, aimed at the reverse process to dismemberment — the reduction of parts meaningful to the researcher, while providing an understanding of their diffusion, completeness and accuracy of the model structure. Against this background, despite the inconclusive solution in philosophy and science to the dispute between elementarianism and holism, the article attempts to consider these two concepts in relation to language as a system and language as a domestic means of communication. Secondly, the method of opposition of subsystems and elements of the language is introduced on the linguistic material, which makes it possible to identify not only the obvious external differences between the compared parts, but also those qualitative properties that form the overall volume of the system, and thereby unite the matched pair, structuring the system. As a linguistic material, the article examines oppositional relations between particular elements in the field of phonology, grammar and lexicology of the Russian language; describes speech and linguistic processes that took place outside and in speech activity using the example of the Latin language in different periods of its existence. The results of the article provide illustrative theoretical and linguistic material for the realization of the main goal of systemic linguistics as a science — the awareness of language as a system. This approach can serve to create algorithms necessary for bringing together systems of externally independent disciplines, which is very important for achieving goals and solving problems in the field of computational linguistics.

Key words: decomposition, composition, opposition, elementarianism, holism, system, language, computational linguistics

Article history: received 28.05.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kobylko, Ya. 2025. “Principles of Decomposition of the Language System, Definition of the Opposition of its Elements and their Integration in the Construction of Linguistic and Computational Concepts.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 927–941. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-927-941>

Введение

Вычислительное мышление определяется выявлением проблемы или неосознаваемой системы, определением её частей, их группированием с учётом многогранных связей между ними и созданием алгоритмов. Определяющим для познания сложного объекта, выявления модели и её структуры является разделение целого на части — декомпозиция. Такое решение позволяет оценить реалистичность общего объёма (проекта, проблемы, системы), определить цели и задачи его анализа, выявить функции и диффузные взаимоотношения компонентов, определить подсистемы и оценить достижения. Благодаря процессу расчленения исследуемую систему можно рассматривать как сложную, а тем самым состоящую из отдельных взаимосвязанных подсистем, содержащих частные элементы. Такие системы могут функционировать в виде материальных объектов, явлений, понятий, процессов и др.

Общим решением декомпозиции, особенно в области языка, является обратная к ней операция абстрагирования, направленная на дальнейшее сведение множества частных элементов подсистем с исходной естественной системой. Таким образом, основным свойством декомпозиции является не только расчленение саморегулируемой системы, а также то, что она позволяет выявить естественные диффузные отношения между элементами, обеспечивает полноту и точность модели, её понимание и служит средством для познания другой модели, входящей в общую систему или в другую систему. Такой подход может помочь в создании алгоритмов, необходимых для наложения систем внешне независимых дисциплин. Основатель системной лингвистики Г.П. Мельников в своём труде «Системология и языковые аспекты кибернетики» применил подход сведения сопоставляемых областей: «Во-первых конструирования и эксплуатации кибернетических электронных автоматов для проведения экспериментов в ядерной физике; во-вторых, в области исследования грамматического строя разнообразных естественных языков... что со временем сомкнулось с работами в области информатики и теории научно-технического перевода» [1. С. 15]. Несмотря на то, что автор напрямую не связывает изучаемый материал с проблемами искусственного интеллекта, многие подходы весьма актуальны в этом направлении.

Выделенные из общей системы элементы требуют структуризации, а тем самым выявления современных, зачастую неоднозначных связей, определяющих совокупность этих элементов в рамках подсистемы или общего объёма. Одним из подходов может послужить определение оппозиционных отношений между элементами системы, которые, несмотря на то, что по внешней форме или некоторым внутренним свойствам в разной степени противопоставлены друг к другу, сближаются и совместно формируют общий объём.

Преимущества декомпозиции и метода оппозиции, как и вычислительного мышления в целом, неоспоримы, однако принципы их реализации до сих языковая система

пор рождают споры. Это может быть связано в том числе с тем, что общепринятых единых методик структуризации систем не существует, во многом результат может зависеть от изучаемой дисциплины, конкретного уровня её подсистемы, совокупности в разной степени сопоставляемых элементов [2. С. 19]. Обеспокоенность вызывает то, что акцент на вычислительном мышлении может сужать обсуждение этических, социальных, экологических и тому подобных проблем, возникающих впоследствии создаваемой теории или технологии [3. С. 120; 4]. Это особенно актуально, когда речь идёт о применении таких подходов в отношении к лингвистике, которая в научнovedческой традиции причисляется к гуманитарным наукам. Вычислительный метод в отношении к лингвистике, безусловно, требует рассмотрения в контексте реальной действительности функционирования языков, формирующей диффузные взаимоотношения между сопоставляемыми компонентами их систем.

Обсуждение

Полученный средством декомпозиции (расчленение системы) и редукции (сведение сложного к более простому) материал позволяет осознанно объединить множество сопоставляемых компонентов в подсистему, в вычислении которой были задействованы все элементы множества общей системы — выйти на уровень композиции (рис. 1). Такой подход, безусловно, является фундаментальным навыком для познания любой системы и аргументирует важность вычислительного подхода не только в отношении к дисциплинам точных наук.

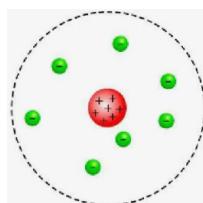

Рис. 1. Планетарная модель атома Э. Резерфорда (1911)

Красное — ядро, зелёные — электроны, прерывистая линия — общий объём атома

Источник: Резерфорд Э. Рассеяние α - и β -частиц веществом и структура атома: Философский журнал. Серия 6, т. 21, 1911.

Figure 1. E. Rutherford's planetary model of the atom (1911)

Nucleus in red, electrons in green, the broken line is the total volume of the atom.

Source: Rutherford, E. "The Scattering of α and β Particles by Matter and the Structure of the Atom." Philosophical Magazine. Series 6, vol. 21. May 1911.

Вышеуказанная модель атома может послужить для описания системы, например, флексивно-синтетического языка: красное — элементы грамматики, зелёные — элементы фонетики, лексикологии, семантики, прерывистая линия — речевая деятельность литературного языка.

Редукционизм, особенно в области лингвистики, может быть онтологически холистским (приоритет целого по отношению к его частям), или элементаристским (приоритет отдельных частей целого). Согласно принципу холизма, восходящего к «Метафизике» Аристотеля, целое может быть больше, чем простая сумма его частей [5]. Примером может послужить отсутствие периферийного уровня в языковой системе, например, факультативность уровня графики не исключает существования языка в целом. Также это подтверждает существование систем разных языков с неоднородным наличием некоторых факультативных элементов (звуков, букв, морфем, слов и т.д.) для сопоставляемых языков. Свойства и поведение системы не могут быть полностью поняты через отдельные компоненты и протекающие в них процессы без учёта взаимосвязей между ними.

В свою очередь, согласно элементаризму целое можно объяснить из свойств его частей. В общем применении такой алгоритмический подход позволяет рассмотреть масштабную проблему решением ряда частных проблем меньшей сложности и задач, суммарно не превосходящих по сложности изначальную проблему или задачу. В итоге с помощью сведения частных решений или элементов можно сформировать основное решение более масштабной проблемы, задачи или системы.

В философии и науке спор между холизмом и элементаризмом, по-видимому, окончательно неразрешим [6. С. 27]. В области языка возможна гипотеза о том, что психология человека склоняется к аргументам в пользу целостности — восприятия языка его носителем (не специалистом). Формальная логика апеллирует к элементаристскому построению концептуальной системы — рассмотрению языка с точки зрения науки (системной лингвистики), не исключая, тем не менее, целостный подход к речевой деятельности с учётом как языковой системы, так и психологических, эмоциональных, социальных и других потребностей носителей языка, формирующих эту систему.

Одной из характеристик человеческого разума и тем самым универсальным средством рационального описания мира является эпистемологическая (гносеологическая) структуралистская концепция оппозиций, в рамках которой рассматриваются противоположные элементы, в разной степени и сложности взаимосвязанные друг с другом, сводящиеся для создания и существующие в рамках естественно заданного общего объёма. Одновременное противопоставление нескольких, обычно двух, понятий в рамках какого-то общего объёма можно считать неотъемлемым качеством человеческого мышления, на которое влияют естественно возникающие на протяжении эволюции мира явления и объекты: *живой — мёртвый, душа — тело, добро — зло, верх — низ, светло — темно, небо — земля, флора — фауна, мужчина — женщина, твёрдость — мягкость, горячий — холодный, субъект — объект, гласные — согласные* и др., а тем самым их сведением и изучением в рамках научных

дисциплин: частное — научное, философский монизм и дуализм, органическая и неорганическая химия, естественные и гуманитарные науки (опровергаемая оппозиция), философско-мировоззренческий сциентизм — антисциентизм и др.

На обыденном уровне оппозиция — это одновременное рассмотрение, чаще всего, двух противоположных понятий, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое — отрицает. Не столь разграниченные оппозиционные отношения могут являться неотъемлемым качеством, например, мышления, противопоставляемого различным формам интуиции. Мышление развёрнуто во времени, структурировано, даёт более точный результат, а интуиция неосознаваема и является автоматическим процессом — это два разных типа мышления, которые функционируют самостоятельно, но тем не менее могут дополнять друг друга, и в таком случае граница общего объёма размыта (рис. 2).

Рис. 2. Оппозиционные отношения между двумя элементами с неопределенными границами общего объема
Источник: составлено Я. Кобылко.

Figure 2. Oppositional relations between two elements with indefinite boundaries of the total volume
Source: compiled by Ya. Kobylko.

Метод оппозиции в силу ограниченности его возможностей не пользуется всеобщим признанием: реальная языковая действительность иногда оказывается шире тех общих значений, в рамках которых предписывается рассматривать сложные грамматические категории, явления грамматической полисемии, омонимии и т.д. Тем не менее осознаваемость такого подхода является ключевым фактором для развития мыслительных процессов, направленных на постановку проблем, структуризацию, реализацию их решения, описание в эффективной форме.

Корни представления об оппозициях уходят в формальную логику Аристотеля и в диалектику Платона и основываются на расчленении понятий с целью постижения идеальной сущности вещей. Аристотель в сравнительный анализ ввёл два альтернативных варианта, например: *монархия — тирания*, *аристократия — олигархия*. В философском наследии Платона оппозиция

основана на комплементарности — взаимодополняемости противопоставленных элементов, например, язык и речь, лексикология и семантика, буква и звук. Эти подходы дали начало более осмысленному, платоновскому дихотомическому методу, который представляет собой разделение предметного объема (чёрный круг в рис. 3) как правило, на две взаимоисключающие части (выделены цветом), полностью исчерпывающие объем (рис. 3).

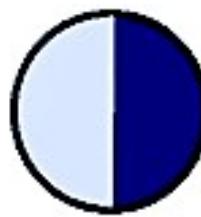

Рис. 3. Оппозиционные отношения взаимоисключающих частей (выделены цветом), полностью исчерпывающие объем (чёрный круг)

Источник: составлено Я. Кобылко.

Figure 3. Oppositional relations of mutually exclusive parts (highlighted in color) fully exhaustive volume (black circle)

Source: compiled by the author, Ya. Kobylko.

В таком случае оппозиция проста и конкретна — это последовательное деление на две части, более связанные с общим объемом, чем между собой. Примерно с такой начальной структурой понятие оппозиции приходит в одно из направлений языкоznания — структурализм как тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает свое значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции. Выросшее из структурной лингвистики XX в. направление структурализма превознесло научную революцию в гуманитаристике, реорганизовывая её с помощью лингвистических методов.

Термин дихотомия в осмысленном, по отношению к лингвистическим, не только к формальным, но и к абстрактным категориям впервые применил Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» [7]. Напомним, что в данной работе он вводит понятие дихотомии и определяет её в качестве противопоставления языка и речи, означающего и означаемого, синхронии и диахронии, синтагмы и парадигмы.

Что касается дихотомии (в понимании логики), например, речи и языка в рамках предметного объема — речевой деятельности, то такой подход, с языковедческой точки зрения, может встретиться с недопониманием в случае, если рассматривать язык в целом с позиции в том числе нелитературного языка — периферии языковой системы (концепция холизма. — Я.К.). Поскольку с изменением речи меняется система языка и, следовательно, он тоже приобретает языковую систему

тает некоторые её признаки, такую же текучесть, пусть не с такой скоростью, как у речи. В таких условиях в какой-то степени нарушается дихотомия речи и языка. Следовательно, если дихотомия не вечна, не устойчива, значит, можно рассуждать, что в таком случае её просто нет. Дихотомия не допускала бы собственных внутренних изменений в живом языке: одно противопоставлено другому, следовательно, отделено друг от друга. Части не взаимосвязаны, значит, меняться под влиянием друг друга не будут.

Так, например, Г.П. Мельников использовал конкретизированный термин *строгая дихотомия*: «Методы изучения языковых подсистем с помощью бинарных, дихотомических моделей лишь тогда действительно эффективны, когда они, во-первых, фактически, в логико-математическом смысле, а не по некоторым частным внешним признакам, являются дихотомическими и, во-вторых, когда объект изучения, в соответствии с его функцией в языковой системе, должен быть и поэтому является дихотомическим» [8. С. 256].

Вместе с тем каждая часть — язык и речь, изолируясь, разрушает общий объём — речевую деятельность, которая исчезает вместе с речью. В итоге, в процессе дивергенции на базе одной из частей (системы языка) начинает выстраиваться уже новая система — новый язык, например образование романских языков, генетически восходящих к общему предку — латыни. Либо в искусственном виде сохраняется только одна из частей, например, система латинского языка, не функционирующая в живой речи сегодняшнего времени, а тем самым уже не формирующая общего объёма (рис. 4). Такое возможно только в том случае, когда уже сформировавшаяся ранее за счёт речи языковая система сохраняется изолированно вне речевой деятельности. Латинский язык не участвует в языковых контактах за исключением узких коллективов, которые, скорее всего, используют латынь в виде терминов, подстроенных под систему языка (чаще всего грамматический уровень), которым владеют носители коллектива.

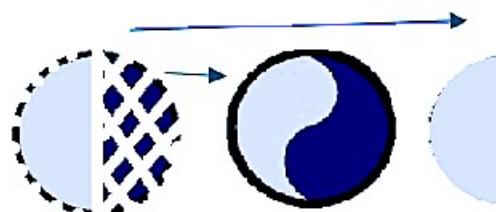

Рис. 4. Разрушение общего объема и одной из частей с последующей композицией новой системы или изоляцией одной части
Источник: составлено Я. Кобылко.

Figure 4. The destruction of the total volume and one of the parts, followed by the composition of a new system or the isolation of one part

Source: compiled by Ya. Kobylko.

Подобным «искусственным» образом латинский язык функционировал в области литургии у западных славян (примером также может послужить ста-рославянский язык, но, скорее всего, не церковнославянский, который уже допускал изменения в общем объеме). Латынь как язык для специальных целей не принимала участия в формирований единого общего объема западнославянских языков, а функционировала в славянском обществе лишь как абстрактное оформление схожих по грамматическому строю систем. Такое наложение более подвижных подсистем двух языков (фонетика, графика, лексикология) на типологически схожие скелеты (грамматика) возможно в зависимости от грамматического типа языков — чем грамматический тип языков формальнее (флективный, агглютинативный), тем вероятность такого наложения больше, чем у языков, например, корневого типа.

Флективный грамматический строй индоевропейских языков обеспечивает намекание на элементы последующих звеньев речевого потока [9. С. 103–107]. Такой процесс построения предложения является интуитивным дляносителей флективных языков и обеспечивает в обоих языках наложение грамматических значений (но не внешней формы морфемы — она, как правило, будет отличаться) одного языка на структуру слова другого языка, с последующим построением правильного предложения. В предложении с большой насыщенностью грамматических значений абстрактные категории (определение места, движения, множественности, рода, одушевленности) будут выражаться формально-грамматическими категориями, закрепленными за служебными морфемами (в меньшей степени корневыми). Л.В. Щерба такую закономерность доказал на базе алгоритма в искусственной фразе «Глóкая кúздра штéко будланúла бóкра и курдáчит бокрёнка» — оформлением искусственных корней идеально выстроенным флективно-синтетическим строем. Фраза построена из нормативных в русском языке аффиксов (внешняя звуковая или буквенная форма — подвижна в сопоставляемых языках) и их грамматических значений (внутренняя форма — более статична во флективных языках), согласующихся с последовательными грамматическими значениями [10].

Одновременное разделение и сближение двух частей в рамках одного объема можно соотнести, скорее всего, не к живому языку — языковой деятельности, а к литературной его разновидности. Например: в рамках классической латыни, что особенно важно, литературному (категорически не включая нелитературных языковых разновидностей) варианту, достигшему наибольшей выразительности и синтаксической стройности; например, прозаические сочинения Цицерона и Цезаря, поэтические произведения Вергилия, Горация, Овидия и др.

Подобное можно соотнести с существованием живого языка, когда идеальная языковая система отражается в идеальной речи. Однако здесь нет места нелитературным разновидностям, которые формировали бы обе части.

В лексикологии такая тенденция присуща выстроенным терминосистемам и их значениям. В таком случае термин является устойчивым, международным с выстроенной дефиницией и не подвергается влиянию внешних факторов. Чаще всего, такие устойчивые термины относятся к древним точным наукам, описание и осмысление которых происходило на греческом или латинском языке.

Именно теория бинарных оппозиций Ф. де Соссюра стала наиболее распространённой, хотя, как можно полагать, из-за термина «дихотомия», в современной лингвистике не всегда соотносима с разносторонними оппозициями не просто пары языковых компонентов, а их внешними и внутренними качествами, объединяемыми диффузионными отношениями. Тем не менее Ф. де Соссюр стремится показать, с одной стороны, самостоятельность элементов, а с другой — взаимосвязанность, тем самым можно утверждать, что у Ф. де Соссюра речь идёт не о дихотомии; проявляется гносеологическая (критико-познавательная) дихотомия, что уже с точки зрения формальной логики и современных знаний о предмете дихотомией в узком смысле не будет (рис. 5).

Рис. 5. Самостоятельность и взаимосвязанность частей, обеспечивающих общий объём
Источник: составлено Я. Кобылко.

Figure 5. Independence and interconnectedness
of the parts providing the total volume
Source: compiled by Ya. Kobylko.

В лингвистическом изучении концепция оппозиции широко развивалась и связывалась с выявлением набора дифференторов, применяющегося к изучению фонологической системы — такой подход во многом был связан с трудами Р.О. Якобсона, М. Халле, Г.М. Фанта, Е.К. Черри и получил название дихотомического (вслед за Ф. де Соссюром). Позднее Н.С. Трубецкой внедряет термин «бинарная оппозиция» и в такой форме теория (концепция, метод) входила в основу исследовательской базы Пражской лингвистической школы.

Свойством бинарных оппозиций является их асимметричность, связанная с отношениями между объектами оппозиций. Внёсший принципиальный вклад в развитие оппозиционных отношений Н.С. Трубецкой в области фono-

логии подразделяет три асимметричных типа, которые, в частности, являются универсальными, в том числе для нефонологических оппозиций (порядок перечисления изменён, по принципу наглядности и универсальной частичности — *прим. Я.К.*):

1) привативные (бинарные) оппозиции: «один член которых характеризуется наличием («маркированный» — сильный. — *прим. Я.К.*), а другой — отсутствием признака («немаркированный» — слабый. — *прим. Я.К.*), например, «звонкий — незвонкий», «назализованный — неназализованный», «лабиализованный — нелабиализонанный» и т.д.» [11. С. 73]

В таком случае маркированный член оппозиции (сильный) более ограничен в употреблении, чем немаркированный член оппозиции (слабый): глагол СВ и глагол НСВ; pluralia и singularia tantum; феминитив и маскулинитив и др.;

2) эквиполентными (равнозначными) оппозиции: «оппозиции, оба члена которых логически равноправны, то есть не являются ни двумя ступенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. Таковы, например, немецкие р — t, f — k и т.д. Эквиполентные оппозиции — самые частые оппозиции в любом языке» [11. С. 73]. В русском языке, например, грамматические категории; антонимия; гласные и согласные звуки и др.;

3) сравнительно редки в языке градуальные (ступенчатые) оппозиции: «...оппозиции, члены которых характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака; например, оппозиция между двумя различными степенями раствора у гласных (ср. нем. и — о, ё — ö, i — е) или между различными степенями высоты тона» [11. С. 79]. В русском языке, например, разный раствор гласных [а], [у], [и]; синонимия; падежное определение места: винительный падеж (куда?) и предложный падеж (где?) и др.

В более универсальном виде, с перспективы сравнения тождественностей или нетождественностей сравниваемых объектов оппозиции можно рассматривать как одномерные — основой для сравнения будут общие, присущие только сравниваемым объектам черты (в рамках общего объема), например твёрдость — мягкость конкретного согласного, и многомерные — основой для сравнения является совокупность общих признаков, не ограниченных только членами данной оппозиции, а распространяющихся и на другие члены системы (выходит за рамки общего объема), например твёрдость или мягкость всех согласных.

Многие категории лишь тогда выделяются в языке, когда они реализуются в определённом типе формальных противопоставлений — оппозициях. Их можно классифицировать по двум признакам — количественному (би-, три-, тетранарные и т.д.) и качественному.

Основными принципами классификации бинарных оппозиций является соотношение двух дифференторов, например, каждая фонема (общий объем. — *Я.К.*) определяется набором различных признаков двух дифференторов (напри-

мер, звонкость — глухость). Такие парные оппозиции будут привативными либо диаметрально противоположными (концепция элементаризма. — Я.К.).

В результате многочисленные оппозиции были сведены к бинарным, и, таким образом, были сформированы пары дифференциальных признаков для сегментных фонем: *вокальность* — *невокальность*; *консонантность* — *неконсонантность*; *длительность* — *недлительность* (*прерывность* — *непрерывность*); *абruptивность* — *неабruptивность*; *яркость* — *тусклость*; *звонкость* — *глухость*; *компактность* — *диффузность*; *низкая тональность* — *высокая тональность*; *бемольная тональность* — *простая тональность*; *диезная тональность* — *простая тональность*; *назальность* — *неназальность*; *напряжённость* — *ненапряжённость*.

Кроме того, бинарная теория при своих характеристиках опирается на достижения современной акустической фонетики. Колебательные движения, составляющие в совокупности звук речи, обладают не только частотой, но и амплитудой. Анализ звука по составляющим его частотам и соотносительным с ними амплитудам можно представить графически в виде спектрограммы. В связи с этим установленные оппозиции можно проверять с помощью «видимой» речи.

Таким образом, бинарная теория позволяет свести многочисленные оппозиции дифференциальных признаков к двучленным или исключить возможную пару, а тем самым группировать и структурировать языковые элементы. Например, в области фонологии: разграничение фонологии и фонетики, определение фонемы как совокупности различительных признаков и их структурирование, разработка типологии фонологических оппозиций. Также в области грамматики: формирование системы грамматических оппозиций, использование методов структурного анализа в изучении морфологии и синтаксиса, — всё это помогло решить вопросы типологии языков и проблемы языковых союзов.

И те и другие подходы без сомнения повлияли на выдвижение принципов структурного описания языка, в частности определение языка как системы средств выражения, как функциональной системы, обладающей целевой направленностью.

Н.С. Трубецкой в своём классическом труде «Основы фонологии» предпринял попытку систематизации оппозиций, в том числе и бинарных, применив метод оппозиции к фонологической системе языка [10]. Учёный уходит от строгости диахромии и устанавливает, что оппозиция возможна лишь тогда, когда между ее частями имеются не только различия и взаимосвязи (как у Ф. де Соссюра. — Я.К.), но и взаимоотношения между разными признаками частей, которые становятся общими, а тем самым в рамках общего объёма одна часть моделирует другую часть в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы (рис. 6).

Рис. 6. Оппозиция двух сопоставленных взаимодействующих частей, моделирующих друг друга, и общий объём
Источник: составлено Я. Кобылко.

Figure 6. The opposition of two juxtaposed interacting parts modeling themselves and the total volume
Source: compiled by Ya. Kobylko.

Такой подход наиболее близок при рассмотрении языка с точки зрения системной лингвистики, а именно языка как адаптивной и саморегулируемой системы, которая обладает детерминантой, выступающей как системообразующее свойство — языковая система подчиняется и выполняет определённые функции в надсистемах, которые связаны с процессами жизнедеятельности человека и общества. По словам Г.П. Мельникова: «Та абстракция, в которой содержится и из которой вытекает вся полнота конкретного» [8. С. 359].

Подтверждение вышесказанного можно наблюдать в эволюции древних языков до современного их состояния: эволюция, например, языков индоевропейской семьи в некоторых случаях показала, насколько современные языки, по происхождению восходящие от одного предка, разошлись в своих системах и даже их ядрах — грамматиках.

Например, ушедший от флексивно-синтетической латыни дальше, чем любой другой романский язык, а именно современный французский язык — литературный флексивно-аналитический с элементами агглютинации — в разговорном виде еще более аналитический. В таком случае грамматические категории французского языка выражаются в основном служебными словами и порядком слов.

Заключение

Декомпозиция в области языка даёт возможность расчленения естественно регулирующегося объёма на частные элементы, общим решением которого является дальнейшее, осознанное исследователем, их сведение в подсистемы и общую систему. Декомпозиция как процесс, разделяющий сложный объект (систему) на части, позволяет выявить его частные компоненты, модель и структуру.

В свою очередь, определение оппозиций между компонентами системы позволяет выявить не только внешние отличия между ними, но и связи, языковая система

определить их функции и группировать в подсистемы. Таким образом, декомпозиция с применением метода оппозиции обеспечивает понимание полноты и точности системы и служит средством для сравнения и познания других систем. Оппозиция является частью сравнения, которое, в свою очередь, служит основой научных, особенно лингвистических методов.

Представленные в статье вычислительные подходы являются универсальными, а тем самым применимыми не только для дисциплин точных наук, а как было доказано, и для лингвистики, которая сегодня причисляется к гуманитарным наукам. Продвижение таких разработок может послужить созданию алгоритмов и моделей для сведения систем внешне независимых дисциплин, что весьма актуально для реализации целей и решения задач в области компьютерной лингвистики.

Список литературы

1. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / под ред. Ю.Г. Косарева. Москва : Сов. радио, 1978. 368 с.
2. Фёдоров И.Г. Принципы декомпозиции модели процесса // Прикладная информатик. Т. 11. № 5. С. 19–30.
3. Tedre M., Denning P.J. The Long Quest for Computational Thinking // Proceedings of the 16th Koli Calling Conference on Computing Education Research, November 24-27, 2016, Koli, Finland. P. 120–129.
4. Aho A.V. Ubiquity symposium: Computation and computational thinking // Ubiquity. Vol. 2011, January, 2011.
5. Аристотель. Сочинения : в 4 томах. Москва, 1976. Т. 1 : «Метафизика», Книга 8, Глава шестая. С. 231.
6. Касавин И.Т. Понятие таксона: холизм и элементаризм // Вопросы философии. 11 Nov. 2024. Р. 27–37. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-11-27-37> EDN: JNIXDF
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; прим. / пер. с франц. С.В. Чистяковой ; под общ. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
8. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г.П. Мельников ; отв. ред. Л.Г. Зубкова. Москва : Наука, 2003. 395 с.: ил. ISBN: 5-02-006356-8 EDN: QQMRET
9. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. Москва, 1963.
10. Кобылко Я. Речевая деятельность как дихотомия языка и речи: анализ фразы Л.В. Щербы «Глокая куздра...» // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). Душанбе: РТСУ. 2024. Т. 85 № 3 (85). С. 158–168. EDN: DLTATU
11. Трубецкой Н.С. Классификация оппозиций // Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Ходоровича. Москва : Аспект Пресс, 2000. С. 72–88
12. Бахтикеева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> EDN: JACOCE

References

1. Melnikov, G.P. 1978. *Systemology and linguistic aspects of cybernetics*, edited by Yu.G. Kosareva. Moscow: Sov. radio publ. Print. (In Russ.)

2. Fedorov, I.G. 2016. “Principles of decomposition of the process model.” *Applied informatics*, vol. 11, no. 5 (65), pp. 19–30.
3. Tedre, M., and P.J. Denning. 2016. “The Long Quest for Computational Thinking.” *Proceedings of the 16th Koli Calling Conference on Computing Education Research*, November 24–27, 2016, Koli, Finland: pp. 120–129.
4. Aho, A.V. 2011. “Ubiquity symposium: Computation and computational thinking.” *Ubiquity*, vol. 2011, no. January,
5. Aristotle. 1976. “Metaphysics.” In *Works in four volumes*, vol. 1, Book 8, Chapter Six. Moscow. P. 231.
6. Kasavin, I.T. 2024. “The concept of a taxon: holism and elementarianism.” *Questions of philosophy*, no. 11, pp. 27–37. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-11-27-37> EDN: JNIXDF
7. Saussure, F. de. 1999. *Course of General Linguistics*, edited by Sh. Bally and A. Sechet. Trans. from French by A. Sukhotin. De Mauro T. Biographical and Critical Notes on F. de Saussure; Notes. Trans. from French by S.V. Chistyakova. Under the general editorship of M.E. Ruth. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural. University, 1999. 432 p.
8. Melnikov, G.P. 2003. *Systematic typology of languages: Principles, methods, models*, edited by L.G. Zubkova. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.) ISBN 5-02-006356-8 EDN: QQMRET
9. Baudouin de Courtenay, I.A. 1963. *Selected works on general linguistics*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Kobylko, Ya. 2024. Speech activity as a dichotomy of language and speech: an analysis of L.V. Shcherba’s phrase “Glokaya kuzdra...” Dushanbe: RTSU publ. Print. (In Russ.) EDN: DLTTAU
11. Trubetskoy N.S. 2000. *Classification of oppositions. Fundamentals of phonology*. Translated from German by A.A. Kholodovich. Moscow: Aspekt Press publ. Print. (In Russ.)
12. Bakhtikireeva, U.M., and O.I. Valentinova. 2022. “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics.” *Russian Journal of Linguistics*, vol. 1, no. 26, pp. 224–244. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> EDN: JACOCE

Сведения об авторе:

Кобылко Ярослав — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 2, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российской Федерации, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-0868-4772; SPIN-код: 4045-8552. E-mail: kobylko-ya@rudn.ru.

Bio note:

Yaroslav Kobylko is a Candidate of Philology, Associate Professor, Russian Language Department No. 2, Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0868-4772; SPIN-code: 4045-8552. E-mail: kobylko-ya@rudn.ru.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-942-956

EDN: DUQFJV

Научная статья / Research article

Театральный байопик: поэт Машраб в спектакле «Полеты Машраба» Марка Вайля

B.C. Косенко^{ID}

Российский институт театрального искусства ГИТИС, Москва, Российская Федерация

visha-k@mail.ru

Аннотация. Легендарный среднеазиатский поэт Боборахим Машраб, живший на рубеже XVII–XVIII вв., вдохновляет русских художников, писателей и театральных деятелей, начиная с конца XIX в., времени завоевания Российской империей Туркестанского края. В статье рассмотрен театральный спектакль «Полеты Машраба», поставленный в 2006 г. режиссером Марком Вайлем в ташкентском театре «Ильхом», — в ракурсе театрального байопика — художественной биографии исторического лица. Сделан акцент на карнавальной поэтике спектакля (в концепции М.М. Бахтина): эсхрологии, травестировании, шутовстве. Поэтика спектакля разобрана в сравнении с повествовательным источником — «Жизнеописанием Дивана-и-Машраба» Н.С. Лыкошина, открывшего широкой русскоязычной публике личность Машраба в начале XX в. Уделено внимание музыкальному оформлению спектакля и личности композитора Моцарта, ставшего персонажем театрального представления.

Ключевые слова: современный театр, Машраб, Марк Вайль, Нил Лыкошин, Моцарт, карнавал, байопик, спектакль «Полеты Машраба»

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Косенко В.С. Театральный байопик: поэт Машраб в спектакле «Полеты Машраба» Марка Вайля // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 942–956. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-942-956>

The Poet Mashrab in the Play “Flights of Mashrab” by Mark Weil

Viktoriya S. Kosenko[✉]

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russian Federation
✉ visha-k@mail.ru

Abstract. The legendary Central Asian poet Boborakhim Mashrab, who lived at the turn of the 17th-18th centuries, has inspired Russian artists, writers, and theater performers since the late 19th century, the time of the Russian Empire's conquest of the Turkestan region. In the study the theatrical performance “Flights of Mashrab,” staged in 2006 by director Mark Weil in the Tashkent theater “Ilkhom”, is observed in the perspective of theatrical biopic as an artistic biography of a historical person. Emphasis is placed on the carnival poetics of the performance (in M.M. Bakhtin's concept): eschrology, travesty and buffoonery. The poetics of the performance is analyzed in comparison with the narrative source “Life of Divan-i-Mashrab” by N.S. Lykoshin, who revealed Mashrab's personality to the Russian-speaking public in the early 20th century. Attention is paid to the musical design of the performance and the personality of the composer Mozart, who became a character of the theatrical performance.

Key words: modern theatre, Mashrab, Mark Weil, Nil Lykoshin, Mozart, carnival, biopic, play “Mashrab’s Flights”

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kosenko, V.S. 2025. “The Poet Mashrab in the Play ‘Flights of Mashrab’ by Mark Weil.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 942–956. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-942-956>

Введение

Цель исследования — рассмотреть приемы создания театрального байопика о поэте Машрабе.

Задачи: обозначить причины обращения русского писателя Н.С. Лыкошина к личности суфийского поэта Машраба; охарактеризовать личность Машраба и образ его жизни; акцентировать связь между эстетическими и философскими интенциями театра Марка Вайля и героем его спектакля; рассмотреть сценические приемы театрализации, выстраивающие биографию поэта Машраба.

Объектом статьи выступает историческая личность Машраба и образ Машраба в художественном воплощении; предметом — театральные приемы в создании образа Машраба.

В методологии представленного анализа задействованы работы М.М. Бахтина и В.Я. Проппа (о смеховой культуре), С.Н. Зенкина (об интродиегетической образности), Л.Я. Гинзбург (о структуре литературного героя). Материалом послужили книга Н.С. Лыкошина о Машрабе и видеозапись спектакля «Полеты Машраба»¹.

¹ Полеты Машраба. 2006 / Театр «Ильхом»; реж. Марк Вайль. URL: https://vk.com/video-3460822_161452942 (дата обращения: 15.02.2025).

Результаты и обсуждение

Байопик — художественная биография исторической личности. Сначала термин был ограничен только кинотекстом, в последнее время байопиком называют и литературное, и театральное произведение. (Почему не привычная биография? Термины «изнашиваются», на смену приходят новые, конкретизирующие понятие.) Байопик — не хроника жизни, а ее осмысление создателями байопика, поэтому доля вымысла очевидна, тем более если между жизнью героя байопика и временем создания художественного текста (в нашем случае спектакля) дистанция более чем в триста лет.

Нил Лыкошин

Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1922) — профессиональный военный, дослужился до генерал-майора. Получив образование во 2-й Санкт-Петербургской гимназии и Павловском военном училище, военную карьеру сделал в Туркестанском крае, где параллельно стал востоковедом. Писал статьи и книги о разных сферах бытовой и хозяйственной жизни Туркестана, записывал этнографические наблюдения, например, об обычаях «талаб», «джура», о дервишах, их радениях, собирая легенды и предания — всего в его писательской и исследовательской деятельности насчитывается более 800 публикаций. Владел множеством языков: персидским, казахским, узбекским, таджикским, туркменским². Одна из ценнейших книг — жизнеописание поэта Машраба — с его комментариями и предисловием³. Еще он проявил себя как ярый борец с выступлениями танцоров бачей, видя в них, как и вся прившая в край российская администрация, «содомский грех» (см.: [1]) — итогом наблюдений и решений Лыкошина стала статья «Долой бачей» (включена в его книгу «Положили в Туркестане: Очерки быта туземного населения», 1916). Лыкошин был тонким знатоком этики поведения среднеазиатских коренных жителей: для того чтобы наезжавшие в край новые российские чиновники не попадали впросак, он написал книгу «Хороший тон на Востоке» [2]. Часто публиковался под псевдонимами *Миришаб* (милиционер), *Халис* (честный), *Имербет*.

² Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. : биобиблиографический словарь. Москва : Восточная литература, 2005. С. 145–147.

³ В подзаголовочных данных книги значится, что это перевод Лыкошина. Однако это не совсем так, Лыкошин в предисловии пишет, что в его распоряжении были ташкентские издания сочинений Машраба 1896 и 1899 гг., а также сочинение «Мабда-и-нур» (нравоучительные рассказы в стихотворной форме) и устно собранные по его просьбе сведения о жизни Машраба. Так что «перевод» — номинация условная. Лыкошин перевел стихи Машраба, а прочие повествовательные фрагменты книги, основанные на «фактах», — авторства господина Лыкошина. Не все стихи, переведенные Лыкошиным, принадлежат перу Машраба (этот область истории литературы пока выступает как «темное место»).

Книга о Машрабе имеет необычную структуру: в нее входит биография поэта, написанная на основе легендарных слухов и собранных от местного населения сведений. Хронологические фрагменты перемещения поэта чередуются с переводами стихов Машраба. Чаще всего разделительным словом, отделяющим стихи от повествовательных эпизодов, выступает слово «короче» (скорее всего, в начале XX века у этого слова не было той стилистической коннотации, которую оно приобрело ныне). Например: «Короче, Ша-Машраб⁴ имел обыкновение свои дела показывать в непривлекательном виде...»⁵; «Короче, Машраб весь народ привел в восторженное состояние...»⁶.

Взяться за написание книги о Машрабе, по словам Лыкошина, его побудили слова востоковеда Н.И. Веселовского, о чем он и сообщает в предисловии, цитируя ученого:

«Дивана⁷ Машраб, остряк и циник, очень популярен в Средней Азии. Есть сборники его изречений и поучений самого скабрезного содержания. Личность эта, по нашему мнению, заслуживает глубокого внимания и серьезного изучения, как пример былого свободомыслия в решении разных религиозных вопросов и как продукт умственной жизни народа доузбекского завоевания. Дивана постоянно вел споры с туземными богословами и всегда одерживал над ними верх»⁸. Это «воззвание» Н.И. Веселовского было опубликовано в книге «Восточные заметки», изданной в Петрограде в 1895 г. (именно так называет город Лыкошин — вероятно, потому что она издается в 1915 г.).

Книга Лыкошина оставила глубокий след в русской литературе (см. роман П.Я. Зальцмана «Средняя Азия в Средние века, или Средние века в Средней Азии») и живописи XX в., а также в современном искусстве, о чем сообщим ниже.

Машраб

Машраб — среднеазиатский поэт, выбравший формой существования путь, или странствие. Пятнадцатилетним юношей он покидает свою мать (отец умер раньше) и бродит от стоянки к стоянке суфийских братств. Подолгу живет в учениках то у одного святого, то у другого. Всех смущает своей логикой, выражющейся в вопросах, на которые никто не мог дать ответа.

⁴ Приставка «Ша» равнозначна титулу «Шах», то есть король Машраб современниками воспринимался как король дервишей (или каландаров).

⁵ Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканд : Изд-во Самаркандского областного статистического комитета, 1915. С. 34.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ В нашем контексте присутствуют омонимы: здесь *дивана* — сумасшедший. Книга, ставшая предметом нашей аналитики, называется «Дивана-и-Машраб», где слово *дивана* означает собрание стихов.

⁸ Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканд : Изд-во Самаркандского областного статистического комитета, 1915. С. 4.

«Учитель сказал: „О мой сын! Во имя Бога милостивого, милосердного скажи — алиф“. Ша-Машраб сказал: „алиф“. Учитель сказал: „Скажи би“ . Ша-Машраб спросил у учителя: „Что значит алиф и что означает би, учитель?“ Тогда учитель рассердился и сказал: „О невежда, мальчишка! Кто ты, чтобы понять то, что ты спрашиваешь?“ Ша-Машраб сказал: „Если вы не можете объяснить мне смысл алифа — спросите сами у меня“. Учитель сказал: „Что же за смысл алифа?“ Ша-Машраб сказал: „Значение алифа — ‘единый’, поэтому я не произнесу би, проходить дальше алифа — грех“. Учитель, услышав эти слова, был поражен⁹. (Из примечания Лыкошина: «Разговор Ша-Машраба с учителем носит на себе характер того крайнего, чисто формального отношения мусульман к идее единобожия, которое они продвигают во всех случаях жизни, более всего опасаясь даже нечаянно погрешить против этого основного доктринального догмата Ислама, чтобы не сделаться неверным, „кафиром“»¹⁰.)

Машраба при жизни сопровождают хула и хвала одновременно: перемещаясь из одного города в другой, он на ходу сочиняет и декламирует стихи, собирая за собой толпы народа. Простые люди обожали Машраба; муллы, над которыми он смеялся, проклинали. По сути, из типажей, известных русской истории и культуре, Машраб более всего соответствует юродивому. Слава о Машрабе столь велика, что, когда Лыкошин взялся писать о нем книгу, он был поражен его известностью: годы жизни Машраба — 1640(1657)–1711, а Лыкошин пишет в начале XX в.: он «известен положительно каждому туркестанскому туземцу, независимо от общественного его положения или научной подготовки: большинство туземцев частью или полностью читало его произведения, а неграмотные слышали декламацию его стихов. <...> Часто даже хорошо знакомый с произведениями Машраба ученый туземец постарается скрыть это знакомство, отречется, что читал этого автора, как особенно скромные барышни подчас стесняются сознаться, что читали новеллы Боккаччо или сочинения Ги де Мопассана»¹¹.

Аналог юродивого в среднеазиатских наречиях — *диванá* (правописание этого слова варьируется: *девонá*), странный человек, маргинал, *другой*.

Спустя века после своей земной жизни Машраб становится мифологической фигурой, а потому и ангажированной, в частности в русскоязычном пространстве, как до революции, так и после. Советское издание поэзии Машраба сопровождают слова: «Литературное наследие Машраба характеризуется глубоким социальным содержанием, народностью, антиклерикальной направленностью. <...> Например, во многих стихах весьма пренебрежительно

⁹ Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканд : Изд-во Самаркандского областного статистического комитета, 1915. С. 16–17.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 2.

говорится о рае, аде, загробном мире, Мекке и выражается готовность поменять их „на одну бутыль вина“ или продать „за одну монету“» [3. С. 6].

Именем Машраба был назван сатирический журнал, выходивший в Самарканде с 1924 г. в виде приложения к газете «Зеравшан», в числе его основателей — художник Лев Бурэ [4. С. 216]. «Образ Машраба был включен Бурэ в заголовок журнала наряду с названием, выполненным арабским шрифтом, и разнообразной революционной символикой. <...> В первых 32 номерах журнала подзаголовок изображает Машраба в шапочке дервиша и бедном, открытом на груди халате. Он опускает свой посох на головы представителей ликовидированных революцией паразитических классов. Начиная с 33 номера, виньетка подзаголовка изменилась. Тот же Машраб протягивает руку освобожденной женщине Востока, а реакционеры в страхе разбегаются» [5. С. 233], а в одном из номеров журнала (40-м) «изображены сотрудники редакции во главе с самим Машрабом, вылавливающим неводом из реки жизни врагов нового строя» [5. С. 233], — пишет исследовательница С. Круковская.

Машраб был любимым персонажем художника Усто Мумина (об этом художнике наша предыдущая статья [6]). Так, в 1948 г. он отчитывается перед коллегами: «Сейчас я готовлю материал к созданию сюиты о жизни и делах Ша-Машраба, одного из интереснейших людей XVIII в. — поэта и борца с реакционным духовенством того времени. Хочу сделать серию работ яичной темперой» [4. С. 270].

Один из первых суфийских учителей Машраба, напутствуя юношу, предрек ему такую судьбу: «Много знаний ты приобретешь от святого, постигнешь в совершенстве тайны суфизма, но потом, задумав посетить Балх, ты покинешь своего наставника. Побываешь ты в Бухаре, затем придешь в Балх и здесь от руки Махмуда погибнешь мученической смертью — будешь повешен, как Мансур Халладж, в местности Арпамуш. Испытывая восторженную любовь к Богу, радостный, счастливый, ты удостоишься славы мученика. В таких словах предсказал Дамулла Базар Ахунд своему ученику всю его жизнь, когда отпускал его в Кашгар к Афак-Ходже»¹².

Все, изложенное учителем, сбылось: именно в этой парадигме воссоздано жизнеописание Машраба.

Марк Вайль

Мифологическим сюжетам и мифологическим образам свойственно уходить из бытования, им на смену приходят другие сюжеты и образы. «То, что не описано, как бы и не существует; визуальность, которая не зафиксирована

¹² Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканд : Изд-во Самаркандского областного статистического комитета, 1915. С. 7.

в каком-либо рефлексивном описании, не может претендовать на культурную значимость и на какую-либо роль в жизни искусства» [8. С. 218]. Можно сказать, что Машрабу повезло, или же его талант оценен по достоинству — на века. В 2006 г. на сцене театра «Ильхом» был поставлен спектакль «Полеты Машраба» — театральный байопик о реально существовавшем поэте.

Сначала несколько впечатлений о театре и его режиссере — словами тех, кто знал театр и Марка Вайля.

Театральный критик Нина Агишева: «В далеком 1976 году двадцатичетырехлетний театровед создал, как бы сейчас сказали, „негос“ — негосударственный театр. Его называли „Ильхом“ — „Вдохновение“. <...> „Это был единственный негосударственный театр в Центральной Азии и вообще первый частный театр в СССР“. <...> Пусть прозвучит его (Марка Вайля. — В.К.) голос: „Мы не были политическим театром, в наших спектаклях не было никаких призывов, протестов... Делали мы почти безрассудные вещи, репетируя пьесы, не рассмотренные цензурой. По законам советского времени нам грозила уголовная статья. Коллеги старшего поколения с ужасом посещали наши спектакли. Мы же попросту не понимали, в чем причина этого страха. Это и указывало на наше отличие, родившихся в относительно теплое ‘хрущевское время’...“» [8. С. 31–33].

Театральный критик Камариддин Артуа: «„Ильхом“... уникальная театральная площадка, дом, где пересекаются времена и стили, театральные направления, школы, способы игры» [19. С. 191].

Театровед Ильдар Мухтаров выделяет одну из главных концепций театра — взаимодействие истории и современности, христианства и ислама, культурный диалог между Западом и Востоком, сочетание европейского театра и стихии народного балагана Востока. «Это своеобразно, подчас неожиданно, проявилось в постановках „восточной серии“ театра. Тревожно-романтический „Белый белый черный аист“ был первым спектаклем этого крупного творческого проекта Вайля. Поставленные вслед за облетевшим многие страны „Аистом“ спектакли „Подражания Корану“, „Машраб“, „Радения с гранатом“ продолжили „восточную тему“» [10. С. 182–183].

Режиссер и театральный критик Владимир Оренов: «Пожалуй, Марк — гений места, гений Ташкента. Он настолько поднял профессиональный ташкентский театр в представлении окружающего мира, настолько предъявил его миру, что просто диву даешься! <...> ...Лучшие спектакли театра, например, шварцевский „Дракон“ или „Счастливые нищие“ по Гоцци — это такой гимн театру, такой апофеоз театра, это такая свобода! Он был самым свободным человеком в театральном Узбекистане. Он был легок и свободен, как настоящий мастер. Воля у него была, у этого мягкого, улыбчивого человека, — непреклонная. Совершенно непреклонная. Он знал, чего он хотел и шел к этому. И остановить его было невозможно. Только так, как его остановили» [11. С. 15–16].

Марк Вайль был убит в 2007 году — в ночи, на пороге своего дома, поджидавшими его головорезами. До сих пор неизвестно за что. Смерть Вайля стала мифологизированной, как и герои его спектаклей. И одна из причин такой мифологизации — параллель с судьбой Машраба, которого казнили те, кому не нравилась вольность его мысли, свобода его поведения. Произошла трагическая и почти фантастическая ситуация: театральные персонажи (художник/поэт и его убийцы) перешагнули из «рамы» (или рампы) его «картины» (спектакля) в реальность, чтобы пролить кровь не бутафорскую, а настоящую. Именно такой образ, перемещенный из реальности в обрамленное изображение (или же вышедший оттуда в реальность), назван С.Н. Зенкиным *интрапредигетическим*. Этот образ «является прямым объектом рассказа, он не просто упоминается, описывается или демонстрируется… но взаимодействует с другими персонажами, причем исходной точкой этого взаимодействия непременно является его рассматривание» [12. С. 15].

Полеты Машраба

Исследовательница Н.Е. Титкова, анализируя эстетику Серебряного века, отмечает присущую ему «концепцию жизнетворчества, или жизнестроительства» [13. С. 295]. Деятели искусства этого периода, как «талантливые актеры», «использовали в общении с публикой костюмы и маски. При этом в своих творениях они не только отражали реальные жизненные коллизии, но и проигрывали вымышленные сюжеты в реальности» [13. С. 297]. Это наблюдение нам важно не упоминанием масок и костюмов, органичных для театра как вида искусства, а «жизнетворчеством», которое строится на реальных и вымышленных элементах. Для жизнестроительства, или байопика, реально существовавшей личности, отдаленной от современности веками, личности мифологизированной, обращение к вымыслу очевидно и правомерно; точка зрения интерпретатора фактов выстраивается, порой неосознанно, в соответствии с рецепцией того времени, когда ведется это «строительство».

Классик отечественного литературоведения Л.Я. Гинзбург выработала стратегию в подходе к литературному герою, его анализу [14]. Эта стратегия применима и к театральному воплощению, так как изначально, в той или иной форме, сценирование всегда отталкивается от верbalного текста.

«Персонаж исчезает, уступает место другим, с тем чтобы через несколько страниц опять появиться и прибавить еще одно звено к наращиваемому единству. Повторяющиеся, более или менее устойчивые признаки образуют свойства персонажа. Он предстает как однокачественный или многокачественный, с качествами односторонними или разносторонними», — пишет Л.Я. Гинзбург [14. С. 89]. Вольно или невольно, но это теоретическое наблюдение непосредственно воплощено в спектакле «Полеты Машраба». «Персонаж исчезает, уступает место другим»: именно таково воплощение Машраба

на сцене — он многолик, его играют шесть актеров из десяти, задействованных в спектакле, сменяя друг друга, — по правилам карнавала, зафиксированным М.М. Бахтиным, «карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей» [15. С. 12]. Машраб (или «Машрабы») одновременно и актор и зритель — в зависимости от времени, эпохи, географии его воплощения. Так Машраб превращается в символическую фигуру поэта — на все времена. (К. Артуа подробно останавливается на образе Машраба, сотворенном в ходе спектакля каждым из шести актеров, см.: [9].) На сцене Машраб выступает в органичном для его биографии контексте — рубеж XVII–XVIII вв. (точнее, контексте, который видится таковым с точки зрения современных интерпретаторов): базары, мазары, масхарабозы¹³, асиячи¹⁴, мечети и проч. — набор ориенталистского «букета». И в неорганичном — для исторического фактажа, но концептуальном для создателей спектакля, его гуманистической идеи: контакты между Машрабом и Моцартом, между Машрабом и современным Ташкентом.

«По мере того как персонаж становится многомерным, составляющие его элементы оказываются разнонаправленными и потому особенно нуждающиеся в доминантах, в преобладании неких свойств, страсти, идеи, организующих единство героя» [14. С. 89] — точно так, по теории Л.Я. Гинзбург, к финалу спектакля рождается доминанта Машраба как поэта-символа, художника-символа, всегда живущего вопреки, по своим внутренним законам. Возможно, наделенный гениальностью, любой художник находится в ведении иной, не земной канцелярии и потому подчиняется иным, неземным законам. Сценический образ Машраба создается не суммой «Машрабов», а системой с присущей ей доминантой, сформированной «фокусом авторской точки зрения» [14. С. 90].

Фактаж биографии Машраба в спектакле полностью соответствует книге Н.С. Лыкошина (на удивление в выходных данных спектакля «Полеты Машраба» эта книга не фигурирует), вплоть до фраз, произносимых персонажами. Однако один и тот же материал звучит по-разному: в книге Лыкошина ощущается трагическая интенция, обреченность Машраба: постоянное упоминание о слезах Машраба, о его страдании, самоизвольном мученичестве; в книге Лыкошина сделан акцент на дервишеском существовании Машраба: «Я, Машраб, стремлюсь в путь и желаю быть дервишем»¹⁵. «Взяв под мышку плащ дервиша (джайда), я вышел на Твой путь»¹⁶ («Твой» — божественный).

В противоположность книге Лыкошина поэтика спектакля Вайля соответствует бахтинской теории смеховой культуры [16]: на сцене разыгрывается

¹³ **Масхарабозы** — скоморохи.

¹⁴ **Асиячи** — острословы.

¹⁵ *Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканда : Изд-во Самаркандинского областного статистического комитета, 1915. С. 7.*

¹⁶ Там же. С. 23.

буффонада, с характерными для нее гротеском, травестированием, культом «топографического низа». Не случайно одним из ключевых слов в спектакле выступает *аурат*. Лыкошин комментирует это понятие так: «Аурат — часть туловища от пупка до колена, которую мусульмане обязаны всегда закрывать»¹⁷. Много сцен спектакля сосредоточено вокруг внешнего облика Машраба — он нагой (что вписывается в теорию Бахтина: в карнавальной культуре все «наоборот» — в отношении к общепринятым нормам). Мать Машраба сетует, обращаясь к сыну: «„Свет моих очей! Сын мой, желая тебе добра, я делаю тебе одежду, почему же ты ее не надеваешь?“ Ша-Машраб отвечал: „О матушка! Когда ты произвела меня на свет, была у меня одежда или нет?“ Мать сказала: „Не было“»¹⁸. Каждый раз Машраб отдавал свою одежду сирым и убогим.

Лыкошин не переводит ряд «неприличных» фрагментов из жизнеописания Машраба по этическим причинам (по его словам), однако описывает их обобщенно и с намеками в примечаниях. В театральном представлении эти «неприличные», то есть карнавализованные, сцены разыгрываются с использованием эвфемизмов: конвенциональный термин *аурат* становится контекстуальным эвфемизмом, обозначающим фаллос, что вписывается в бахтинскую концепцию карнавала, где акценты ставятся на скрытых в обычное, не-карнавальное время «отверстиях, на выпуклостях, на всяких ответвлении и отростках: разинутый рот, детородный орган, груди, фалл, толстый живот, нос. Тело раскрывает свою сущность, как растущее и выходящее за свои пределы начало, только в таких актах, как совокупление, беременность, роды, агония, еда, питье, испражнение»¹⁹.

Мотив испражнений — ключевой и в книге Лыкошина, и в театральном представлении. В отличие от повествовательного текста на сцене он сопряжен со смеховой культурой, усиленной музыкальным сопровождением, — и это далеко не органичная для Востока музыка. Это Моцарт! Маскарабозы в одной из сцен, имитируя рев ослов, робко, потом крещендо исполняют ораторию на мотив моцартовского «Турецкого марша». Почему же Моцарт? А.Г. Аствацатуров назвал Моцарта «карнавальным королем в царстве „фекального“ юмора и сексуальности»²⁰. Великий композитор был шутником, в личной переписке прибегал к «карнавальным» словечкам: например, он «передает привет „от

¹⁷ Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканд : Изд-во Самаркандского областного статистического комитета, 1915. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 24.

¹⁹ Лысенко Л. Профессиональным взглядом // Газета «Московский художник». 1977. 7 июля. С. 30.

²⁰ Вольфганг Амадей Моцарт. Полное собрание писем / пер. на рус. яз. И.С. Алексеевой, А.В. Бояркиной, С.А. Кокошкиной, В.М. Кислова. Москва : Международные отношения, 2006. С. 497.

Дона Поноса задним числом“ <...> дает остроумные, хотя и преувеличенные отрицательные характеристики некоторым людям, скрывая истинные имена за „говорящими“ прозвищами с „фекальной“ тематикой: „герцогиня Толстой-жопель, графиня Обоссунья, княгиня Говновонь...“²¹. Скульптору Н.И. Нисс-Гольдман принадлежат слова: «...во всяком подлинном художественном произведении — даже каприз художника несет в себе тайну его индивидуального видения. „Ему можно!“ — думаем мы» [15], которыми объяснимы и шутовство Моцарта, и «непристойные» сцены в «Полетах Машраба».

В сцене казни Машраба, когда он готовится отправиться в свой последний «полет» (на минуте 1.43.22 видеозаписи спектакля), появляется кукла Моцарта со словами «Эй, Машраб, привет тебе из Вены! А что это ты висишь, как чучело на заборе?» — «Чтоб развеселить тебя». — «Эй, Машраб, а скажи мне свое предсказание?» — «О, ты родишься на сорок лет позже меня. А умрешь на сорок лет раньше меня, и никто не увидит твоей могилы». Точно так же когда-то святой суфий предсказал Машрабу его судьбу, теперь Машраб выступает в роли святого, предсказывая судьбу Моцарту. (К слову, куклы как элемент народного балагана активно использованы в спектакле «Полеты Машраба», но этот театральный кейс мы рассмотрим в отдельной статье; также надо упомянуть о травестировании в спектакле: все женские роли исполняют мужчины или куклы, даже беременную мать Машраба изображает мужчина, а говорящий в ее чреве плодображен куклой.)

Сравним один фрагмент из жизнеописания Машраба, как он представлен в повествовательном тексте и сценическом.

Лыкошин: «Между тем Машраб отошел в сторону, испражнился в чашку, принес ее к своим спутникам и, поставив перед ними, предложил им есть. Спутники, увидев это, сказали: „Если для того, чтобы сделаться святым, необходимо есть твое испражнение, то мы отказываемся от такой святости. Отпусти нас, мы пойдем назад к Хазрету“». Между спутниками нашелся, однако, один молодой человек, который, обращаясь к Машрабу, сказал: „О господин! Если вы позволите, я готов поесть“.

„Да пошлет тебе Бог изобилие, сын мой“, — сказал Машраб, — „Зажмурь глаза и возьми один глоток“. Молодой человек, зажмурившись, взял один глоток, но Машраб приказал ему открыть глаза, и когда он открыл глаза, то увидел в своих руках кусок сахара, который и положил в рот. Когда он проглотил его, сахар оказался сладче меда, и в ту же минуту молодой человек сделался божким человеком и достиг высшей степени святости...“²². История и предания сохранили много сведений о чудесах, творимых Машрабом, этот случай — одно из чудес.

²¹ Вольфганг Амадей Моцарт. Полное собрание писем / пер. на рус. яз. И.С. Алексеевой, А.В. Бояркиной, С.А. Кокошкиной, В.М. Кислова. Москва : Международные отношения, 2006. С. 15.

²² Там же. С. 13.

В спектакле спутник Машраба, идя с ним по пустыне, жалуется на голод. Повернувшись в зрительный зал спиной, согнувшись и выставив на обозрение свои ягодицы, Машраб имитирует акт дефекации — на сцену падают два камня. Его голодный спутник, преодолевая брезгливость, все же берет один из «камней» в руки, принюхивается и, наконец, пробует. С восторженным удивлением на лице произносит: «Халва-а-а!».

Карнавальная культура непредставима без шутов, М.М. Бахтин пишет о них: «...это не просто чудаки или глупые люди (в бытовом смысле), но это и не комические актеры» [15. С. 13]. В книге Лыкошина нет смеха, его шут, он же юродивый, не совершает ничего, чтобы родился смех, тем не менее все считают Машраба шутом, даже с долей безысходности — его мать. На вопрос святого ишана «Как имя вашего сына?», она отвечает: «Рахимбаба-юродивый, который достиг 15-летнего возраста, а одежды не надевает. Стыдясь его неприличия, мы не можем выходить на улицу. Коли вы сделаете ему увещание и наставление, может быть, он придет в себя и будет ходить, закрывши „аураг“»²³.

Жесты обнажения, ритуальное сквернословие (эсхрология) [16. С. 194] — черты смеховой культуры и по словам В.Я. Проппа [16]. Приведем еще пример: Лыкошин сообщает, что, прибыв в Ташкент, Машраб попал на празднество (той), он пришел загодя и начал рассаживать гостей по чину и статусу. Рассадил «правильно», но при этом никого не зная. На недоумение гостей, мол, откуда он всех знает, Машраб ответил стихами: «Не знаю я, кто в этом городе шейх, кто мулла, / И это кто, и этот кто, и тот кто»²⁴.

На староузбекском языке эта фраза звучит двусмысленно (Лыкошин приводит ее в примечании): гости решили, что каландар оскорбил всех непристойным словом, «сравнив их со своим penis»²⁵, — пишет Лыкошин. Старейшины успокоили гостей, упомянув двусмыслицу, якобы оскорблений нет, однако Лыкошин, разобрав в примечании исходный текст, говорит, что в нем действительно содержится ругательство, и «юродивый имел в виду оскорбить гостей, чтобы уронить себя в их мнении, что было в его обычее»²⁶. В театральном варианте этого фрагмента на сцене звучит именно обсценная лексика, во-первых, по законам карнавальной эстетики, во-вторых, характеризуя личность Машраба, снимающего ханжеские запреты и избегающего, таким образом, поклонения перед его персоной, которую при жизни считали святой. «Такое отношение Ша-Машраба к оказываемым ему почестям — один из видов его юродства»²⁷, — комментирует Лыкошин.

²³ Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканд : Изд-во Самаркандского областного статистического комитета, 1915.

²⁴ Там же. С. 156.

²⁵ Там же. С. 156.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

В книге беспристрастно сообщается, что Машраб путешествует на лошадке, сделанной из палки²⁸. Эта информация в сценическом воплощении становится комической и шутовской деталью. Машраб на сцене окружен масхабозами, в диалоге с ними рождается смех; в книге Лыкошина такого окружения нет.

Заключение

Итак, мы рассмотрели приемы создания байопика — биографии реальной личности, поэта Машраба, — его «сюжетного пространства», или образа жизни, воссозданного театральными средствами. Эти приемы, выявленные М.М. Бахтиным, сформировали теорию карнавальной смеховой культуры: сквернословие, шутовство, культ «топографического низа» (аурат), travestирование. Философия карнавальной культуры у Бахтина связана с сезонным ритуальным обновлением — в нашем случае (как и во множестве литературных и других художественных текстов) карнавализация принимает экзистенциальную форму, поверх сезонов, становясь парадигмой внесезонного обновления жизни. Описана историко-литературная и культурная роль востоковеда Н.С. Лыкошина, открывшего Машраба читающей русскоязычной публике. Прочерчена связь между образом Машраба и его театральным создателем, режиссером Марком Вайлем, связь как метафизическая, так и вполне реальная.

Список литературы

1. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Бачи в русской культурной рецепции // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 38–49. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49> EDN: STBLIK
2. Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке. Москва : Астрель; АСТ, 2005. ISBN: 5-17-029925-7 EDN: QPAWMJ
3. Абдугафуров А. Баракхим Машраб // Машраб / сост. А. Абдугафуров; ред. Б. Пармузин. Ташкент : Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1980. С. 3–6.
4. Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2023. EDN: VIJDSW
5. Круковская С.М. Леон Бурэ — художник-гражданин // Звезда Востока. 1967. № 10. С. 231–240.
6. Косенко В.С. Образ художника в повести «Напоминание» Энны Алленник // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342> EDN: QDJHNT
7. Иоффе Д. К вопросу о текстуальности презентации художественной акции московского концептуализма. (от «отца» Кабакова к «пасынку» Пепперштейну) // «Невыразимо выражимое»: экфрасис и проблемы презентации визуального в художественном тексте : сборник статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. С. 210–230.

²⁸ Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и прим. Н.С. Лыкошина. Самарканд : Изд-во Самаркандского областного статистического комитета, 1915. С. 34.

8. Агисеева Н. Три товарища: Алексей Казанцев, Борис Озеров, Марк Вайль // Петербургский театральный журнал. 2021. № 104. С. 22–35.
9. Артоис К. (Артыков К.) Марк Вайль. Последние театральные страницы // Дружба народов. 2019. № 8. С. 190–200.
10. Мухтаров И.А. Живое наследие в метафорах сцены. Узбекский театр: пространство поисков // Дружба народов. 2019. № 8. С. 180–189.
11. Неизвестный известный Марк Вайль / авт.-сост. М. Сорский. Израиль : Beit Nelli Media, 2022.
12. Зенкин С.Н. *Imago in fabula: Интродиегетический образ в литературе и кино*. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. ISBN: 978-5-4448-1930-2 EDN: CJRKNN
13. Титкова Н.Е. Театрализация как форма жизнетворчества в русской литературе Серебряного века // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 295–297. EDN: OKAOAL
14. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Ленинград : Советский писатель, 1979.
15. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. EDN: VQMUNR
16. Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмейхе) // В.Я. Пропп. Фольклор и действительность: Избранные статьи. Москва : Наука, 1976. С. 174–204.

References

1. Shafranskaya, E.F., Garipova, G.T. 2022. “Bachi in Russian cultural reception.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 1, pp. 38–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49> EDN: STBLIK
2. Lykoshin, N.S. 2005. *A good tone in the East*. Moscow: Astrel; AST publ. (In Russ.) EDN: QPAWMJ
3. Abdugafurov, A. 1980. Bararakhim Mashrab. In: *Mashrab*, compiled by A. Abdugafurov; edited by B. Parmuzin. Tashkent: Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan, pp. 3–6. Publ. (In Russ.)
4. Shafranskaya, E.F. 2023. *Usto Mumin: transformations*. Moscow: Garage Museum of Modern Art publ., 304 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9905612-2-9 EDN: VIJDSW
5. Krukovskaya, S.M. 1967. “Leon Bure — citizen artist.” *Star of the East*, no. 10, pp. 231–240. (In Russ.)
6. Kosenko, V.S. 2025. “The image of the artist in the story “Reminder” by Enna Alennik.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 22, no. 2. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342> EDN: QDJHNT
7. Joffe, D. 2013. On the issue of the textuality of the representation of the artistic action of Moscow conceptualism. (from Kabakov’s “father” to Pepperstein’s “stepson”). In: “*Inexpressibly expressible*”: *ecphrasis and problems of visual representation in an artistic text: A collection of articles*, complied and edited by D.V. Tokarev. Moscow: New Literary Review publ., pp. 210–230. Publ. (In Russ.)
8. Agisheva, N. 2021. “Three comrades: Alexey Kazantsev, Boris Ozerov, Mark Weil.” *St. Petersburg Theater Magazine*, no. 104, pp. 22–35. (In Russ.)
9. Artois, K. (Artykov, K.). 2019. “Mark Weil. The last theatrical pages.” *Friendship of peoples*, no. 8, pp. 190–200. (In Russ.)
10. Mukhtarov, I.A. 2019. “The living heritage in the metaphors of the stage. Uzbek theater: a space of search.” *Friendship of peoples*, no. 8, pp. 180–189. (In Russ.)
11. Unknown famous Mark Weil. 2022, compiled by M. Sorsky. Israel: Beit Nelli Media, Publ. (In Russ.)
12. Zenkin, S.N. 2023. *Imago in fabula: An intradiegetic image in literature and cinema*. Moscow: New Literary Review publ., Publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-4448-1930-2 EDN: CJRKNN

13. Titkova, N.E. 2011. “Theatricalization as a form of life-creation in Russian literature of the Silver Age.” *The world of science, culture, and education*, no. 5(30), pp. 295–297. (In Russ.) EDN: OKAOAL
14. Ginzburg, L.Ya. 1979. *About the literary hero*. Leningrad: Soviet writer publ., (In Russ.)
15. Bakhtin, M.M. 1990. *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Hudozhestvennaja literature publ. (In Russ.) EDN: VQMUNR
16. Propp, V.Ya. 1976. Ritual laughter in folklore (About the tale of Nesmeyan). In: V.Ya. Propp. *Folklore and Reality: Selected articles*. Moscow: Nauka publ., pp. 174–204. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Косенко Виктория Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сценической речи, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Российская Федерация, 125009, г. Москва, Малый Кисловский пер., д. 6. ORCID: 0009-0006-5533-8748. E-mail: visha-k@mail.ru

Bio note:

Victoriya S. Kosenko is a PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Stage Speech of Russian Institute of Theater Arts (GITIS), 6 Malyi Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-5533-8748. E-mail: visha-k@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-957-971

EDN: DXKKDY

Научная статья / Research article

Ханский дворец в Бахчисарае — культурный артефакт и архитектурный экфрасис на материале текстов Пушкина, Бунина, Параджанова

Ш.Р. Кешфидинов^{ID}

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ keshfidinov-shevket@rambler.ru

Аннотация. В исследовании посредством биографического, историко-литературного, сопоставительного и герменевтического методов изучены тексты, которые формируют художественный образ Бахчисарайского Ханского дворца в русской литературе на протяжении почти двух столетий. Дворец крымских ханов в Бахчисарае, известный также как Хан-Сарай, — это уникальное сооружение, являющееся единственным в мире образцом дворцовой архитектуры в крымскотатарском стиле. В России он признан объектом культурного наследия федерального значения. Если в реальности Дворец был возведен по приказу крымских ханов Гиреев, то отцом его образа в русской литературе можно назвать А.С. Пушкина, созданный им архитектурный экфрасис послужит своеобразным катализатором, который вызовет к жизни ряд образов Ханского дворца в русской литературе. Многие авторы связывали Дворец, Бахчисарай и Пушкина, но в статье сделан акцент на текстах И.А. Бунина и С.И. Параджанова. Материал исследования: поэма «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, рассказ «Крым» Бунина и новелла-сценарий неосуществленного фильма «Дремлющий дворец» Параджанова. Цель исследования — рассмотреть образ Ханского дворца как культурный артефакт мирового значения через призму архитектурного экфрасиса. В такой эстетической парадигме перечисленные тексты и сам образ Ханского дворца ранее не рассматривались. В ходе исследования на основе работ отечественных литератороведов, таких как Б.В. Томашевский, И.З. Сурат, С.Г. Бочаров, М.П. Бильк, Е.В. Яценко, Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова, выявлены закономерности и принципы, определяющие логику формирования художественного облика архитектурного ансамбля в Бахчисарае, а также проведены параллели между этими процессами. Кроме того, установлены жанровые модели, возникающие под влиянием авторского стиля мышления. Результаты исследования могут использоваться при разработке лекций и семинаров, где внимание обучающихся будет сосредоточено на феномене этнокультурного компонента в русской литературе. Это позволит более полно раскрыть внутренние закономерности литературного процесса XX в.

Ключевые слова: эстетическая парадигма, художественный образ, крымский текст, новелла-сценарий, жанровая модель

История статьи: поступила в редакцию 5.09.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кешфидинов Ш.Р. Ханский дворец в Бахчисарае — культурный артефакт и архитектурный экфрасис на материале текстов Пушкина, Бунина, Параджанова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 957–971. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-957-971>

The Khan's Palace in Bakhchisarai — a Cultural Artifact and Architectural Ekphrasis Based on the Texts of Pushkin, Bunin, Parajanov

Shevket R. Keshfidinov^{ID}

Moscow City University, Moscow, Russian Federation
✉ keshfidinov-shevket@rambler.ru

Abstract. The study uses biographical, historical-literary, comparative and hermeneutical methods to examine some texts that form the artistic image of the Bakhchisarai Khanate in Russian literature for almost two centuries. The Palace of the Crimean Khans in Bakhchisarai, also known as Khan-Sarai, is a unique structure that is the only example of palace architecture in the Crimean Tatar style in the world. In Russia, it is recognized as an object of cultural heritage of federal significance. If in reality the Palace was built by order of the Crimean khans Gireyev, then the father of its image in Russian literature can be called A.S. Pushkin, the architectural ekphrasis created by him will serve as a kind of catalyst that will bring to life a number of images of the Khan's palace in Russian literature. Many authors connected the Palace, Bakhchisarai and Pushkin, but the article emphasizes the texts of I.A. Bunin and S.I. Paradzhnov. Research material: the poem "The Fountain of Bakhchisarai" by Pushkin, the story "Crimea" by Bunin and the novel-script of the unrealized film "The Sleeping Palace" by Paradzhnov. The purpose of the article is to examine the image of the Khan Palace as a cultural artifact of world importance through the prism of architectural ekphrasis. In such an aesthetic paradigm, the listed texts and the image of the Khan Palace itself were not previously considered. In the course of research on the basis of the works of Russian literary critics, such as B.V. Tomashevsky, I.Z. Surat, S.G. Bocharov, M.P. Bilyk, E.V. Yatsenko, E.F. Shafranskaya, G.T. Garipova, identified patterns and principles determining the logic of formation of the artistic appearance of the architectural ensemble in Bakhchisarai, as well as parallels between these processes. In addition, genre models emerging under the influence of the author's thinking style are established. The results of the research can be used in the development of lectures and seminars, where the attention of students will be focused on the phenomenon of the ethnocultural component in Russian literature. This will allow to more fully reveal the internal regularities of the literary process of the 20th century.

Key words: aesthetic paradigm, artistic image, Crimean text, novella-script, genre model

Article history: received 05.09.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Keshfidinov, Sh.R. 2025. "The Khan's Palace in Bakhchisarai — a Cultural Artifact and Architectural Ekphrasis Based on the Texts of Pushkin, Bunin, Parajanov." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 957–971. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-957-971>

Введение

Бахчисарай¹ — город, в местоположении и устройстве которого «таится какая-то чарующая идея, какой-то дух неги, покоя и блаженства»², переводится с крымскотатарского языка как «Дворец в садах».

¹ Горячко М.Д., Османов Э.Э., Павлинов П.С. [и др.] Бахчисарай // Большая российская энциклопедия. 2023. № 11. URL: <https://bigenc.ru/c/bakhchisarai-f69d19> (дата обращения: 23.02.2025).

² Кондаки В.Х. В память столетия Крыма. Москва : Тип. В.В. Чичерина, 1883. С. 30.

Главным культурным артефактом Бахчисарай считается Ханский дворец (Дворец крымских ханов). Он, созданный как земная копия райского сада, в период расцвета вместе с садово-парковой зоной занимал двенадцать гектаров (сейчас эта площадь уменьшилась до четырех). Дворец почти триста лет служил «центром политической, духовной и культурной жизни государства крымских татар» [1. С. 62] и продолжает вызывать интерес у современных историков и литераторов.

Вместе с многочисленными двориками, наполненными зеленью, цветами и фонтанами, архитектура Дворца серьезно пострадает во время русско-турецких войн в 1738 и 1771 гг., оттого представить былое великолепие Ханского дворца (в доперестроечном, дореставрационном периоде) довольно трудно. По большому счету, известные нам художники, путешественники, мемуаристы застанут время его заката. Среди тех работ, где воспет Дворец крымских ханов, выделяются литография «Сад Бахчисарайского дворца» П.П. Свиньина (1787–1839), акварели «Ханский дворец в Бахчисарае» и «Летняя беседка в Бахчисарайском дворце» Н.Г. Чернецова (1805–1879), литография «Бахчисарай. Ханский дворец» Карло Боссолли (1815–1884), живописная картина «Ночь в саду Бахчисарайского дворца» Г.П. Кондратенко (1854–1924). Каждый из названных художников наделяет своеобразным метафорическим смыслом архитектурный ансамбль в Бахчисарае, выделяя константы его этнопоэтики, но используемые изобразительные приемы порой больше рассказывают о них самих, чем об объекте, ими изображаемом.

Если говорить о письменных свидетельствах, то британская путешественница Элизабет Кравен (1750–1828) оставила такое описание:

«Ханский дворец представляет собой нагромождение жилищ... Дворец окрашен и вызолочен довольно странным образом, но приятно для глаз. Своды входных дверей полукруглы. На них большими буквами вьется надпись, которая является главным декором. Мне рассказали, что дворцовые здания частично были разрушены, но губернатор их отстроил и украсил, готовясь к приезду императрицы <...> Что мне особенно понравилось, так это комнаты в нижнем этаже дворца: пол в них выложен мраморными плитами, в центре фонтаны, из которых постоянно бьет струя воды <...> Я нигде не видела такого сочетания позолоты, серебра и разных красок, как здесь» [2. С. 91–93].

Действительно, при беглом взгляде на Ханский дворец, с его горизонтальным ритмом построек, который подчеркивают устремленные в небо минареты, нелегко понять, что в этом ансамбле главное, а что носит вспомогательный элемент. Отсюда ощущение «нагромождения жилищ». К сожалению, не сохранился других примеров, с которыми можно проводить сравнение. Предполагается, что в этой архитектуре отсутствует жесткое подчинение одного элемента другому. Это заставляет думать о том, что власть, находящаяся во

Дворце, не стремится к показной упорядоченности и готова обратить внимание не только на себя, но и на окружающий мир.

Сочетая биографический, историко-литературный, сопоставительный и герменевтический методы, рассмотрим некоторые тексты, участвующие в создании художественного образа Бахчисарайского Ханского дворца в русской литературе на протяжении почти двухсот лет. Материалом исследования выступает поэма «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, рассказ «Крым» Бунина и новелла-сценарий невоплощенного фильма «Дремлющий дворец» Параджанова.

Обсуждение

От первоначального вида Ханского дворца сохранились Большая и Малая Ханские мечети, дом муфтия, ханское кладбище с двумя мавзолеями-дюрбе, Зал Дивана (предназначался для заседаний государственного совета), жилые помещения для ханов, гостей, прислуги, охраны, Гаремный корпус, две надвратные и одна обзорная башни, кухонный двор, конюшенный корпус, шесть внутренних двориков, четырнадцать фонтанов разного времени.

Впоследствии важнейшая составляющая внешнего облика Ханского дворца — «сладкозвучные» фонтаны обернутся особой мифологемой, благодаря которой начнется становление корпуса «крымскотатарского текста» русской литературы [3. С. 52]. Предание об одном из них вдохновило Пушкина на написание поэмы «Бахчисарайский фонтан». Позднее поэт вновь возвращается к этой теме:

«Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы»³.

Правда, поначалу ни сам Бахчисарай, ни Дворец крымских ханов не произведут на Пушкина благоприятного впечатления.

«В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полуевропейские переделки некоторых комнат»⁴.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Ленинград : АН СССР, 1947. Т. 2. Ч. 1. С. 343.

⁴ Там же. Т. 13. С. 252.

Тем не менее «на основе традиционной для романтиков философии двоемира в художественном мире пушкинской лирики был создан тот Бахчисарай, который по своему воздействию на читательское мировосприятие оказался гораздо сильнее реального» [4. С. 27].

Поэма «Бахчисарайский фонтан» построена на «противоположении мира христиански-европейского и мусульманского» [5. С. 18]. Читатель знакомится с «грозным» ханом Гиреем, его «робкими» женами, за которыми неустанно наблюдает преданный евнух, кому «воля хана единственный закон». Один персонаж сменяется другим, чтобы через несколько страниц вновь появиться на сцене и добавить новый штрих к общей картине. Появление наложницы Заремы, «звезды любви, красы гарема», автор предваряет вставкой — «татарской песней». Зарема, по-настоящему влюбленная в Гирея, пребывает в печали, она чувствует, что тот предпочитает ей другую, и эта другая — польская княжна Мария. Так перед читателем раскрывается сюжетная канва поэмы и ее основной конфликт.

Загадочная смерть Марии — это начало новых войн, причина разбитого ханского сердца и повод для возведения «мрачного памятника», который вскоре назовут фонтаном слез.

Вторая часть поэмы является читателю рассказчика.

*«Покинув север наконец,
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарай
В забвеньи дремлющий дворец.
<...>
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось...»⁵.*

Дворец в поэме — отдельный персонаж. Его строптивый характер проявляется через метонимию: «Дворец Бахчисарай / скрывает юную княжну»; «Дворец утих», «Дворец угрюмый опустел». Он не просто упоминается, описывается или демонстрируется. Взгляд, который Пушкин выбирает для описания Ханского дворца, — «поэтический, без высказанного ранее скепсиса, но и без исторической достоверности» [6]. Во второй части поэмы Дворец, переживший своих хозяев, наделен автором немногими приметами: «безмолвные переходы», «пустые залы», «ветхие решетки», но еще:

*«Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградные лозы,
И злато блещет на стенах»⁶.*

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Ленинград : АН СССР, 1947. Т. 4: Поэмы 1817–1824. С. 169, 170.

⁶ Там же. Т. 4: Поэмы 1817–1824. С. 169.

Суть такого взгляда и есть прием поэтики художественного текста, именуемый экфрасисом. В поэме «Бахчисарайский фонтан» мы имеем дело с *прямым атрибутированным архитектурным экфрасисом* (по классификации Е.В. Яценко [7. С. 51]).

Речь идет не о буквальном, пошаговом перечислении особенностей экsterьера и интерьера. Экфрасис, чтобы стать экфрасисом, т. е. дополнить метафоричность текста особой энергией, «должен пройти через воображение автора» [8. С. 722], такой путь не обязательно сделает экфрасис «более точным, но более глубоким – несомненно» [9. С. 42]. Вот почему записи И.М. Муравьева-Апостола о Ханском дворце, которые помогут Пушкину при работе над поэмой, на наш взгляд, есть дельная этнографическая зарисовка, а случай «Бахчисарайского фонтана» — описание, которое, вступив в мимолетные отношения с реальностью, породило искусство.

«Бахчисарайский фонтан» — «самая интимная из пушкинских поэм» — в творческой биографии автора сыграет важную роль. Исследователи подчеркивают: «В поэме открываются темы, которые станут сквозными у Пушкина», в частности, «интерес к мусульманскому миру с его устоями и культурой — вскоре породит пушкинские „Подражания Корану“ (1824)» [10. С. 35]. Впредь и отношения с городом Бахчисарай выстраиваются у Пушкина в ином ключе. «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием?»⁷ — спрашивает он у А.А. Дельвига в письме.

Взаимовлияние города, его главного культурного артефакта и Пушкина продолжится и после смерти поэта. Бытует легенда, будто поэма «Бахчисарайский фонтан» и ее автор спасли Бахчисарай от переименования после поголовного выселения крымских татар из Крыма в 1944 г.⁸ Так, иллюзия, сотворенная Пушкиным, по законам искусства возобладает над несправедливой реальностью, и реальность будет вынуждена подстроиться под нее. Ко всему прочему созданный Пушкиным архитектурный экфрасис послужит своеобразным катализатором, который вызовет к жизни ряд образов Ханского дворца в русской литературе. Автором одного из них станет Иван Алексеевич Бунин.

Бунин

В прозе и лирике Бунина крымская земля, крымские горы, море, люди занимают особое место. По подсчетам исследователей, в «крымский цикл» Бунина входят «24 рассказа, 71 стихотворение, 3 очерка, книга воспоминаний, роман, 3 перевода, автобиографическая заметка, дневники» [11. С. 393]. Мате-

⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Ленинград : АН СССР, 1947. Т. 13. С. 252.

⁸ См: Сайт о крымских татарах. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q-7Yubqeejc>

риала так много, что это позволяет называть Бунина «одним из самых „крымских“ писателей-классиков» русской литературы [12. С. 92].

В июле 1896 г. двадцатишестилетний Бунин во второй раз оказывается в Крыму и, в отличие от первой короткой поездки (всего их насчитывают четырнадцать), успевает познакомиться с полуостровом ближе. Бунин побывает в Бахчисарае, пещерном городе Чуфут-Кале, Севастополе, Байдарах, Кике-нейзее, Ялте, Гурзуфе — в последнем «все для него было пронизано сиянием пушкинских стихов» [13. С. 40].

Каждая поездка пополняется новыми «крымскими» текстами. Среди стихов: «Кипарисы» («Пустынная яйла дымится»), «В окошко из темной каюты», «Учан-Су», «Тут покоится хан», «К прибрежью моря длинная аллея...», «Все море — как жемчужное зерцало», «Зеленый цвет морской воды», «Земной, чужой душе закат!» и др. Кроме стихов, Бунин также создает несколько рассказов, сюжетно связанных с Крымом, среди них: «Темир-Аксак-хан» (1921), «В ночном море» (1923), «Алупка» (1949). Детальную принадлежность бунинских текстов к крымской теме поможет определить исследование М.П. Бильк [11. С. 387–405].

Из книги «Жизнь Бунина» известно, что в поездке 1896 г. писатель «вспоминал „Бахчисарайский фонтан“ Пушкина, ханские времена с их любовными драмами» [14. С. 158]. Позже выясняется, что впечатления отразились не только в дневниках, но и в прозе. Среди текстов этих лет — рассказ «Крым», републикацию которого подготовили и издали в 2022 г. в журнале «Новое литературное обозрение». Герои рассказа посещают Ханский дворец в Бахчисарае, мертвый город Чуфут-Кале и клянутся друг другу в любви, отчасти говоря на крымскотатарском языке.

«— Ля Иллях иль Алла... Это значит — нет Бога, кроме Бога <...> Тебе хорошо со мной, радость моя?
— Так хорошо, так хорошо! Ля Иллях... Нет никого, кроме тебя!
— И не будет?
— Нет, нет, никогда!»⁹.

Влюбленные, обсуждая несходство в звучании слова «сарай» на русском и крымскотатарском языках, застают Дворец крымских ханов в запустении. Эта картина находит отражение в творчестве разных поэтов (не только у Пушкина), среди них Адам Мицкевич:

*«Безлюден пышный дом, где грозный жил Гирей.
Трон славы, храм любви — дворы, ступени, входы,
Что подметали лбом паши в былые годы, —
Теперь гнездилище лишь саранчи да змей.*

⁹ Бунин И.А. Посмертные произведения (републикация четырнадцати рассказов на основе текстологического исследования) // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 256.

<...>

*Не молкнет лишь фонтан в печальном запустенье —
Фонтан гаремных жен, свидетель лучших лет,
Он тихо слезы льет, оплакивая тленье»¹⁰ (пер. В. Левика).*

Былое величие Ханского дворца будоражит воображение героя рассказа «Крым», заставляет представлять, как здесь когда-то нежились многочисленные жены крымского правителя, что, в свою очередь, пробуждает ревность его избранницы.

Если у Пушкина описание Дворца дискретно, то у Бунина, наоборот, цельно. Дав описание, автор рассказа «Крым» больше к нему не возвращается. Кроме того, его описание в большей степени касается не самого изображения предмета искусства, а того, как изображаемый предмет воздействует на героя, что можно охарактеризовать как «психологический экфрасис» [7. С. 51].

«За окнами пустого, тихого дворца светлая зелень шелковиц. Водоем без воды. — Тут купались султанские жены. Это меня волнует. Вот по этому мраморному полу ходили маленькими босыми, белыми ногами... — Не смей думать о них! — Не буду, не буду. Да, они, верно, босиком и не ходили. В деревянных сандалиях, я думаю. Хотя это тоже не плохо. — Как тебе не стыдно говорить мне это! — Да я же шучу. Лучше посмотри — вот он, знаменитый „фонтан слез“»¹¹.

Любовь, вожделение, ревность — страсти, понятные каждому человеку, пронизывают историю Ханского дворца, будь то период его расцвета, упадка или «сна».

Архитектурный экфрасис рассказа «Крым» сведен к минимуму, но трудно представить, чтобы этот текст мог возникнуть без особой атмосферы, присущей именно Ханскому дворцу в Бахчисарае.

Бунин верил, что в каждом человеке заложен мощный потенциал эмоциональной памяти, унаследованный от предков. Если принять идею о том, что пространства и культурные артефакты также обладают памятью, то вполне логично предположить, что дремлющий дворец не забыл своей былой славы и просто ждет часа (а может быть, причины), чтобы пробудиться. Во всяком случае, в своем описании места обитания крымских ханов Бунин несколькими штрихами так рисует Дворец в Бахчисарае, что, следуя за Пушкиным, еще сильнее укрепляет его место среди знаковых архитектурных образов русской литературы. Этот образ также будет развивать в своем творчестве режиссер, художник, литератор Сергей Иосифович Параджанов.

¹⁰ Мицкевич А. Сонеты / изд. подгот. С.С. Ланда ; отв. ред. К. Гурский, Б.Ф. Егоров. Ленинград : Наука, 1976. С. 84.

¹¹ Бунин И.А. Посмертные произведения (републикация четырнадцати рассказов на основе текстологического исследования) // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 256.

Параджанов

Уже предпринимаются попытки рассматривать произведения Параджанова-художника и Параджанова-режиссера в единой парадигме [15], однако отчего-то в эту концепцию не включают его прозаическое и сценарное наследие, хотя оно не менее значимо для понимания его творческой личности.

В рамках нашей темы мы обратимся к киносценарию «Дремлющий дворец», не воплощенному на экране, но опубликованному в книге «Исповедь: Киносценарии. Письма». В этой книге сделана «первая попытка издать творческое наследие Сергея Параджанова, кинорежиссера, чье имя стоит в одном ряду с такими художниками, как Пазолини, Антониони, Тарковский»¹².

«Дремлющий дворец» предваряется точно таким же эпиграфом из Саади, который использует Пушкин в поэме «Бахчисарайский фонтан», откуда Параджанов также заимствует название, тем самым открыто заявляя истоки своего вдохновения. Связь между текстами выражается не только в развитии Параджановым пушкинских тем, но и в использовании знакомого читателю поэмы «Бахчисарайский фонтан» места — Ханского дворца. В интерпретации Параджанова линии Заремы, Марии, даже евнуха приобретают дополнительные витки, к тому же Параджанов вводит в старые декорации нового героя — самого Пушкина.

Исследователи считают, что в «Дремлющем дворце» «мы имеем дело с жанровой памятью отчасти притчи, а в еще большей мере романтической поэмой», правда, тут же признают, что сложная поэтика текста «не исчерпывается наличием выявленного жанрового симбиоза и требует дополнительного анализа» [16. С. 103].

По нашему мнению, не меньшее внимание, чем определение жанровой принадлежности текста, необходимо уделить форме его изложения. «Дремлющий дворец» представляется нам авторским прозаическим коллажем в духе постмодернизма. Из-за резких переходов внутри одной сюжетной линии трудно уловить, от какого лица ведется повествование. В тексте присутствует внутренний ритм, который, хотя и не рифмуется, создает поэтическое звучание: «Женщины-татарки в черных паранджах стояли, как изваяния, на скалах Чуфут-Кале»¹³, что не является обязательным для сценария.

Даже при известной нелюбви Параджанова к классически подготовленным сценариям, текст «Дремлющий дворец» — скорее, эскиз, в котором отсутствуют диалоги и четкая структура каждого эпизода. Однако в нем присутствуют детали-символы, посредством которых автор, по-видимому, намеревался создать художественную драматургию каждой сцены: «кольчуга, шлем,

¹² Параджанов С. Исповедь: Киносценарии, Письма. Санкт-Петербург : Азбука, 2001. С. 6.

¹³ Там же. С. 169.

налокотники Селим-Гирея в растворе керосина»¹⁴ или «белые лошади, запряженные в золотую карету императрицы, тянулись к зрелым плодам крымского граната... Лошади срывали гранаты... жевали... Красный сок граната вытекал из белой лошадиной пасти»¹⁵. Есть похожая сцена в знаменитом фильме Параджанова «Цвет граната» (1968). Правда, там действуют не лошади, а монахи, жадно пьющие сок граната, «это метафора, в которой образ граната прочитывается как образ высшего знания, а монахи — это правопреемники отеческой традиции» [17. С. 191]. Несмотря на внешнее сходство, смысловое наполнение сцены в «Дремлющем дворце» не имеет отношения к правопреемственности. Сцену можно трактовать как метафору поглощения слабого сильным, как столкновение носителей одной культуры с носителями другой, или же, если подняться на более высокий уровень абстракции, — как естественную смену эпох, подобную смене времен года.

На первой странице задаются рамки хронотопа: Крым XVIII–XX столетий. В соответствии с авторским замыслом место действия перемещается то в современность, то в эпоху правления грозных крымских ханов. В отличие от пушкинского текста мы не встречаем здесь обобщенный образ Гиреев. Вместо этого перед нами предстает конкретный правитель — Селим-Гирей, живший в период с 1631 по 1704 г. Сопоставляя даты его жизни с событиями, описанными в произведении, мы понимаем, что историческая достоверность, как и этнографические точности, не была для Параджанова главным приоритетом.

Автор повествует о том времени, когда Ханский дворец уже стал музеем. Небольшая историческая справка: в 1917 г. в Ханском дворце был организован «Музей татарской культуры», директором которого назначается художник и этнограф У.А. Боданинский (1877–1938). Деятельность Боданинского совпала с так называемым «крымскотатарским ренессансом», который был уничтожен чередой политических репрессий и убийств. С 1955 г. Ханский дворец называется Бахчисарайским историко-археологическим музеем, а с 1979 г. — историко-архитектурным музеем.

В дождливый день среди туристической толпы, приехавшей смотреть «шедевр мусульманского Ренессанса», появляется Александр Сергеевич Пушкин. Он никем не замечен, лишь позже, после проявки, фотограф обнаружит на общей фотографии его присутствие, нарушившее цельность композиции, тогда фотогильотина срежет «случайно попавшего в кадр человека в цилиндре, со стеком»¹⁶. Зачем в современном Бахчисарае появляется Пушкин? Конкретного ответа в тексте нет, но есть фрагмент: «Мужская рука с перстнем

¹⁴ Параджанов С. Исповедь: Киносценарии, Письма. Санкт-Петербург : Азбука, 2001. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Там же. С. 171.

на большом пальце положила на мраморную раковину розовую и красную розы...»¹⁷. Традиция, которую до настоящей поры соблюдают в Ханском дворце.

В описании дня сегодняшнего отчетливо прослеживается, какие изменения происходят здесь со временем: теперь «во дворце влюбленного хана зажигались электрические лампочки», а «из ханской мечети электрик натягивал провода и что-то кричал в горы»¹⁸. Дворец, как и во времена визита Пушкина, Бунина, находится в упадке: «В гареме хранительницы музея ставили ведра на ковры... С потолка капала вода... Вода капала в покоях императрицы, в мечети, в реставрационной мастерской. Вода капала и в Фонтан слез...»¹⁹.

Прежними остаются только розы. У Пушкина они «рдеют», у Параджанова осыпаются: «Осыпались желтые розы-матки на клумбах дворца», «и только роза-матка шуршала осыпающимися лепестками»²⁰. Так рождается один из самых ароматных «паттернов» крымскотатарского текста русской литературы — роза [18. С. 16].

В фильме «Тени забытых предков» (1964), следуя за своим творческим гением, Параджанов придумывает «обряд ярма». «И гуцулы, которые снимались в моем фильме, исполнили его столь же серьезно и красиво, как все свои исконные обряды»²¹. Так же он поступает и с «Дремлющим дворцом» — привносит в текст обряд, который не характерен для культуры крымских татар, — «шахсей-вахсей».

Повтор-рефрен «Утро, похожее на сумерки» наводит на мысль, что Параджанов изначально догадывается: его сценарий не пройдет, и намеренно делает текст более литературным. В.Б. Шкловский, отмечая интересную пестроть текста, пишет Параджанову в 1969 г.: «Чередование хроники и пушкинской темы, сочетания разных стилей непременно сразу приведут к серьезным возражениям», но главная причина непроходимости будет в ином: «Тема Крыма — единственная закрытая для нас национальная тема, потому что в Крыму нет крымских татар»²². Непосвященный читатель может спросить: куда же они исчезли? В 1944 г. каждый крымский татарин, проживающий на полуострове, был обвинен в предательстве родины и наказан выселением в Среднюю Азию, Республику Марий Эл, на Урал, «это решение сталинского режима поставило крымскотатарский народ на грань вымирания и стало самым травматическим событием в их истории» [19]. Тем, кто доберется до мест ссылки, будет запрещено вспоминать родные море, горы, селения. Немногие

¹⁷ Параджанов С. Исповедь: Киносценарии, Письма. Санкт-Петербург : Азбука, 2001. С. 179.

¹⁸ Там же. С. 179.

¹⁹ Там же. С. 168.

²⁰ Там же. С. 168. С. 171.

²¹ Параджанов С. Вечное движение // Искусство кино. 1966. № 12. С. 63.

²² Параджанов С. Исповедь: Киносценарии, Письма. Санкт-Петербург : Азбука, 2001. С. 168. С. 163–164.

выжившие крымскотатарские писатели будут вынуждены «депортацию» называть «эвакуацией», избегать «прямых заявлений о трагической судьбе своего народа и даже самого этнонима „крымские татары“» [20. С. 56].

Мог ли Параджанов, человек, чуждый политике, не знать об этом? Едва ли. В статье «Вечное движение» он вспоминает, как в качестве ассистента режиссера для поиска фактуры его направили в Крым. Это был 1947 г., то есть после выселения крымских татар прошло только три года, сложно было не заметить опустевший Крым.

Не очень убеждает и мнение, что «Параджанов, как режиссер, нуждался в пространстве для фантазии, в дистанции с действительностью, его материал лежал далеко за границами реальности. Условная историчность, проявившая себя позже в его зрелых фильмах, давала ему это пространство» [21. С. 184]. Эту «условную историчность» можно было попробовать искать в иных, не связанных с крымской историей, плоскостях, но Параджанов поступает по-своему. Почему он выбирает столь опасную, заведомо непроходимую тему? А.А. Тарковский отзыается о Параджанове так: «В СССР не запугать человека невозможно. Но Параджанова все же не запугали. Он, пожалуй, единственный в своей стране олицетворял афоризм: „Хочешь быть свободным — будь им“»²³. Возможно, с этим связана решимость Параджанова противостоять идеологии, даже если он заранее знал, что государственный прессинг не победить.

Заключение

Архитектура — это способ выразить в трехмерном пространстве основные идеи, свойственные народу, которому она принадлежит. Это особенно заметно людям искусства, чьи поэтические, прозаические и художественные интерпретации часто заставляют задуматься о фундаментальных основах мироздания. Возможно, именно поэтому исследователи с пристальным вниманием изучают творческие методы, используемые художниками при описании произведений изобразительного и неизобразительного искусства. Одним из таких приемов считается экфрасис.

В настоящей статье рассмотрена история становления образа Бахчисарайского Ханского дворца в русской литературе через призму архитектурного экфрасиса.

Если в реальности Дворец был возведен по приказу крымских ханов Гиреев, то отцом его образа в русской литературе можно назвать А.С. Пушкина. Он первый, кто разглядит в нем не только декорацию с исторической фактой, а нечто большее, что подхватят многие идущие вслед ему писатели и в различных ракурсах отразят в своих произведениях.

Ханский дворец подвергнется неоднократным реставрационным и перестроичным изменениям, которые, к сожалению, не всегда проводятся с должной

²³ Параджанов С. Гранат любви. Москва : Зебра Е, Галактика, 2020. С. 172.

профессиональной подготовкой и должным уважением к исторически значимому архитектурному памятнику. Однако прочерчивать параллель с кораблем Тесея преждевременно, не в последнюю очередь благодаря литературным и художественным памятникам, воспевшим главный культурный артефакт Бахчисарай, единственный оставшийся в мире пример дворцовой архитектуры крымских татар.

С октября 2015 г. Ханский дворец причислен к объектам культурного наследия федерального значения.

В контексте архитектурного экфрасиса неизбежно возникает образ главного зодчего — времени. В его руках сосредоточены силы разрушения, созиания, восстановления. Он распоряжается памятью, которая способна судить неправедных, снимать наветы, забывать о давно минувшем и воскрешать тех, кто был забыт. Выбрав для анализа тексты Пушкина, Бунина, Параджанова, мы видим, что главный эпитет Дворца крымских ханов — «дремлющий». Не умерший, не разрушенный, не забытый — дремлющий. Этот эпитет подчеркивает, что, несмотря на кажущуюся безмятежность сна, пробуждение неминуемо.

Список литературы

1. Османов Э.Э. Бахчисарай в середине XVIII — начале XXI в. Москва : НИИ ИЭП, 2019. 321 с.
2. Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII — первой четверти XIX столетия). Днепропетровск : Нова Ідеологія, 2013. 349 с.
3. Кешфидинов Ш.Р. Крымскотатарский мир в романах новейшего времени (на материале произведений Людмилы Улицкой (Признана Министром РФ «иностранным агентом»), Тимура Пулатова, Рената Беккина) // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 40–54. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-40-54> EDN: WLYVJV
4. Иванова Н.П. Мотивы сна и увидания в Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX—XX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 25–37. EDN: DJCCOO
5. Томашевский Б.В. Пушкин. Т. 2. Москва : Худож. лит., 1990. 380 с.
6. Стеклова И.А. Семантика архитектурных образов А.С. Пушкина // Интернет-вестник ВолГАСУ. Сер.: Политематическая. 2011. Вып. 3 (17). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17896781_95779549.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
7. Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты...» Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57. EDN: OPKXPR
8. Шафранская Э.Ф. Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Экфрасис в роли транскультурного маркера // Полилингвальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 720–738. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-720-738> EDN: EFARXM
9. Данилевский Р. Г.Э. Лессинг: крах экфрасиса? // «Невыразимо выражимое»: экфрасис и проблемы презентации визуального в художественном тексте : сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. С. 35–43.
10. Сурат И.З., Бочаров С.Г. Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 240 с.
11. Бильк М.П. «...В этом сказочном Крыму»: Крым в творческом наследии И. Бунина // In Nōminum Spatio (В пространстве имен) : коллективная монография. Горловка : Донецкий государственный педагогический университет, 2024. С. 387–405.

12. Алексина И.В. Крымский текст в творчестве И.А. Бунина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 3 (104). С. 92–95. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-104-3-92-95> EDN: CTNUZD
13. Жемчужный И.С. «Крымский мир» И.А. Бунина // Культура и текст. 2005. № 9. С. 39–48. EDN: PAMYDZ
14. Муромцева В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. Москва : Вагриус, 2007. 512 с.
15. Лукашова А.Г. Творчество Сергея Параджанова как явление постмодернизма // Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. № 33. С. 148–154. EDN: KWTFPD
16. Ситков Б.С. Жанровая природа сценария С. Параджанова «Дремлющий дворец» // Молодая филология. 2016: (по материалам исследований молодых ученых) : межвузовский сб. науч. Трудов : в 2 частях. Ч. 2. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2016. С. 97–104. EDN: WLAMEP
17. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. «Мир — это гранат»: межкультурная символика райского плода // Журнал фронтовых исследований. 2024. Т. 9. № 2 (34). С. 188–204. <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.568> EDN: XKWWRB
18. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Локальные тексты в русской литературе : учеб. пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2022. 109 с.
19. Кешфидинов Ш.Р. Коммеморация: Эрвин Умеров о травматическом событии в истории крымских татар // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2024. № 8 (64). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-64/literaturovedenie-i-yazykoznanie/kommemoratsiya-ervin-umerov-o-travmaticheskem-sobytiyu-v-istorii-krymskikh-tatar.html> (дата обращения: 24.02.2025). EDN: IYYEMP
20. Кешфидинов Ш.Р. Эмиль Амит на фоне XX века: Литературный портрет. Саратов : Амрит, 2023б. 112 с. ISBN 978-5-00207-416-7 EDN: TQEZVD
21. Журавлева В.И. Особенности киноязыка Сергея Параджанова в ранний период творчества // Вестник Российской-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3 (39). С. 180–188. https://doi.org/10.48200/1829-0450_2021_3_180 EDN: JTWR LZ

References

1. Osmanov, E.E. 2019. *Bakhchisarai in the mid-18th — early 21st centuries*. Moscow: RI HEL, 321 p. Print. (In Russ.).
2. Kalashnikov, V.M. 2013. *The British view of Crimea (chronicles, memoirs, diaries of the 17th – first quarter of the 19th centuries)*. Dnepropetrovsk: Nova Ideologiya publ., 349 p. (In Russ.).
3. Keshfidinov, Sh. R. 2023. “The Crimean Tatar world in modern novels (based on the works of Lyudmila Ulitskaya, Timur Pulatov, Renat Bekkin).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 1, pp. 40–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-40-54> EDN: WLYVJV
4. Ivanova, N.P. 2019. “Motifs of Sleep and Withering in the Bakhchisarai Text of Russian Poets of the 19th-20th Centuries.” *Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, vol. 5(71), no. 2, pp. 25–37. (In Russ.) EDN: DJCCOO
5. Tomashevskii, B.V. 1990. Pushkin. Vol. II. Moscow: Khudozh. lit., 380 p. publ. (In Russ.)
6. Steklova, I.A. 2011. “Semantics of architectural images of A.S. Pushkin.” *Internet Bulletin of VolgGASU. Series: Polythematic*, no. 3, 25 Feb. 2025, https://elibrary.ru/download/elibrary_17896781_95779549.pdf (In Russ.)
7. Yatsenko, E.V. 2011. “‘Love Painting, Poets...’ Ekphrasis as an Artistic and Ideological Model.” *Questions of Philosophy*, no. 11, pp. 47–57. (In Russ.) EDN: OPKXPR
8. Shafranskaya, E.F., G.T. Garipova, and Sh.R. Keshfidinov. 2024. “Ekphrasis as a transcultural marker.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 21, no. 4, pp. 720–738. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-720-738> EDN: EFARXM

9. Danilevskij, R. 2013. “G.E. Lessing: the collapse of ecphrasis?” In “*Inexpressibly expressive*”: *ecphrasis and problems of visual representation in a literary text, collection of articles, edited by D.V. Tokareva*. Moscow: New Literary Review publ., pp. 35–43. (In Russ.)
10. Surat, I.Z., and S.G. Bocharov. 2002. Pushkin: A Brief Essay on His Life and Work. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury publ. 240 p. (In Russ.)
11. Bilyk, M.P. 2024. “... in this fabulous Crimea”: Crimea in the creative heritage of I. Bunin. In *Nōminum Spatio (In the namespace)*: Collective monograph. Gorlovka: Donetsk State Pedagogical University publ., pp. 387–405. (In Russ.).
12. Alekhina, I.V. 2024. “Crimean text in the works of I.A. Bunin.” *Scientific notes of the Orel State University*, no. 3, pp. 92–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-104-3-92-95> EDN: CTNUZD
13. Zhemchuzhnyi, I.S. 2005. “‘The Crimean World’ by I.A. Bunin.” *Culture and Text*, no. 9, pp. 39–48. (In Russ.). EDN: PAMYDZ
14. Muromtseva, V.N. 2007. *Life of Bunin. Conversations with Memory*. Moscow: Vagrius publ. 512 p. (In Russ.).
15. Lukashova, A.G. 2007. “The work of Sergei Parajanov as a phenomenon of postmodernism.” *Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, vol. 12, no. 33, pp. 148–154. (In Russ.). EDN: KWTFPD
16. Sitkov, B.S. 2016. “Genre nature of S. Parajanov’s script ‘The Sleeping Palace’.” *Molodaya filologiya — 2016: (based on research by young scientists)*: interuniversity collection of scientific papers: in 2 parts. Part 2. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University publ., pp. 97–104. (In Russ.). EDN: WLAMEP
17. Shafranskaya, E.F., G.T. Garipova, and Sh.R. Keshfidinov. 2024. “‘The World is a Pomegranate’: Intercultural Symbolism of the Fruit of Paradise. *Journal of Frontier Studies*, vol. 9, no. 2(34), pp. 188–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.568> EDN: XKWWRB
18. Shafranskaya, E.F., and G.T. Garipova. 2022. Local Texts in Russian Literature: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait publ. 109 p. (In Russ.).
19. Keshfidinov, Sh.R. 2024. “Commemoration: Ervin Umerov on a traumatic event in the history of the Crimean Tatars.” *Nauka v megapolis [Science in a Megapolis]*, no. 8(64). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-64/literaturovedenie-i-yazykoznanie/kommemoratsiya-ervin-umerov-o-travmaticheskem-sobytiyu-v-istorii-krymskikh-tatar.html> (date of access: 24.02.2025). (In Russ.). EDN: IYYEMP
20. Keshfidinov, Sh.R. 2023. *Emil Amit against the background of the 20th century: Literary portrait*. Saratov: Amirit publ. 112 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-00207-416-7 EDN: TQEZVD
21. Zhuravleva, V.I. 2021. “Features of Sergei Parajanov’s Cinematic Language in the Early Period of His Work.” *Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences*, no. 3(39), pp. 180–188. (In Russ.). https://doi.org/10.48200/1829-0450_2021_3_180 EDN: JTWR LZ

Сведения об авторе:

Кешфидинов Шевкет Рустемович — аспирант, Московский городской педагогический университет, Российской Федерации, г. Москва, 129226, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1. ORCID: 0000-0003-3293-3393. E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

Bio note:

Shevket R. Keshfidinov is a Postgraduate Student, Moscow City University, 4, bldg. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny pr., Moscow, 129226, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3293-3393. E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-972-980

EDN: DYQPFD

Научная статья / Research article

Гипонимические трансформации в переводе якутского эпоса олонхо на английский язык

А.А. Находкина^{ID}

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российской Федерации
 aan-2010@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено рассмотрению гипонимии (конкретизации) как разновидности лексико-семантических трансформаций в переводе якутского героического эпоса олонхо на английский язык. Объектом исследования послужило олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского и его перевод на английский язык. Предмет исследования — гипонимические трансформации в переводе этого же текста. Цель исследования — рассмотреть использование гипонимии (конкретизации) в переводе якутского эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского на английский язык. При проведении исследования применялись такие методы, как сопоставительный анализ, а также метод семантической интерпретации словарных дефиниций. Проведен анализ перевода олонхо с точки зрения применения гипонимии (конкретизации). Выявлены разные виды гипонимической трансформации (конкретизации), определены причины ее использования в переводе. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке частной теории перевода якутского языка, непосредственно при переводе олонхо, а также в качестве дополнительного материала по курсу преподавания теории и практики перевода.

Ключевые слова: перевод, гипонимическая трансформация, конкретизация, якутский эпос, олонхо, Нюргун Боотур Стремительный, Ойунский, английский язык

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Находкина А.А. Гипонимические трансформации в переводе якутского эпоса олонхо на английский язык // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 972–980. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-972-980>

Hyponymic Transformations in the Translation of the Yakut Epic Olonkho into English

Alina A. Nakhodkina[✉]

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
✉ aan-2010@yandex.ru

Abstract. The research objective is to consider hyponymy (specification) as a type of lexical-semantic transformation in the translation of the Yakut heroic epic Olonkho into English. The object of the study was the olonkho “Дъулурыйар Ньургун Бootур” by Platon A. Oyunsky and its English translation “Nurgun Botur the Swift.” The main research methods are the comparative method and the method of semantic interpretation of dictionary definitions. As a result, an analysis of the use of hyponymy (specification) in translation of olonkho was carried out. Different types of hyponymic transformation are identified, and the reasons for its use in translation are determined. The results of this study can be used in the development of a theory of translation of the Yakut language, directly in the translation of olonkho, and also as additional material for the course of teaching the theory and practice of translation.

Key words: translation, hyponymic transformation, specification, Yakut epic, Olonkho, Nurgun Botur the Swift, Oyunsky, English language

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Nakhodkina, A.A. 2025. “Hyponymic Transformations in the Translation of the Yakut Epic Olonkho into English.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 972–980. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-972-980>

Введение

В процессе перевода часто оказывается невозможным использовать прямое словарное соответствие слов и выражений. В подобных случаях прибегают к трансформационному переводу, который заключается в преобразовании внутренней формы слова или словосочетания или же полной ее замене для адекватной передачи содержания высказывания. Достижение адекватности в переводе связано с умением грамотно идентифицировать переводческую проблему и осуществлять необходимые переводческие трансформации.

Переводческие трансформации представляют собой особый вид перефразирования — межъязыковое, которое имеет существенные отличия от трансформаций в рамках одного языка. На сегодняшний день единой классификации типов переводческих трансформаций в современной лингвистической науке не существует. Также следует отметить, что создание единой классификации осложнено тем фактом, что разные лингвисты выделяют разное количество приемов переводческих трансформаций.

Среди различных переводческих трансформаций и их классификаций многие ученые выделяют гипонимическую трансформацию (конкретизацию).

И, несмотря на расхождения во взглядах относительно того, к какому из видов трансформаций относится данный прием и как его назвать, его суть у разных авторов аналогична. Гипонимической трансформацией, или конкретизацией, называется замена слова или словосочетания языка оригинала с более широким референциальным значением словом или словосочетанием языка перевода с более узким значением [1. С. 212]. Гипонимия, или конкретизация (по Бархударову), может быть языковой и контекстуальной (речевой). Языковая гипонимия возникает в случае расхождения в строе двух языков, отсутствия в языке перевода лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, что и передаваемая единица. Термин «гипонимия» или «гипонимическая трансформация» принадлежит видному отечественному лингвисту А.Д. Швейцеру, который выделяет данную лексико-семантическую трансформацию как «трансформацию, осуществляющуюся на референциальном уровне» [2. С. 215].

Обсуждение

Якутский эпос олонхо

Согласно общепринятыму определению, олонхо – якутский героический эпос, который состоит из многих сказаний, близких в сюжетном и стилистическом отношениях; объём их различен — 10–15, а иногда и более тысяч стихотворных строк, в которых присутствуют ритмическая проза и прозаические вставки. Исполняется олонхо народными сказителями-олонхосутами, среди которых наиболее известны Т.В. Захаров-Чээбий, Н.А. Абрамов-Кынат, Д.М. Говоров и др.¹ В основе сюжетов — борьба богатырей – защитников человечества со злыми однорукими и одноногими чудовищами «абаасы». Для олонхо характерны гротескные фантастические образы и гиперболы в сочетании с реалистическими описаниями быта.

В.Л. Серошевский в работе «Якуты» называл олонхо и «сказкой», и «песней», и «былиной»: «...язык сказок, песен, былин, украшенный аллитерациями, вставками, повторениями, очень труден для перевода, и пока существует только один образцовый, подстрочный, всюду сохраняющий своеобразный отблеск якутской речи, худяковский перевод якутских былин» [3. С. 588]. В 1936 г. академик А.Н. Самойлович писал: «Героический эпос якутов, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, сохранился в еще более художественно богатом и своеобразном состоянии, чем у киргизов Средней Азии их пользующейся заслуженной известностью героической поэмой „Манас“ или у тюрков Алтая с их героическими сказками» [4. С. 20].

Олонхо, по мнению лингвистов и фольклористов, — прежде всего искусство слова, живописание словом. Именно языковое оснащение олонхо отмеча-

¹ Электронный справочный ресурс Encyclopediastuden. С. 365. URL: <http://www.encyclopediastuden.ru/texts/278.htm>

лось всеми наблюдателями, знатоками и мастерами слова [5. С. 25]. Так, например, П.А. Ойунский писал: «Для любого народа самой первой ступенькой в его развитии и росте являются народные песни, его эпосы... Якутское олонхо обширно, глубоко, язык его высокохудожественен. Якутское олонхо — эпос древний, чрезвычайно богатый и сильный, вобравший в себя многовековые мысли, жизнь и эпосы многих народов... Самое ценное в олонхо — это сила его языка, его образность, красочность...» [6. С.107]. Олонхо — это вершина и синтез устной поэзии якутского народа, «в своем развитии оно сплавило и синтезировало в себе все жанровое многообразие якутского фольклора, впитало образное богатство и краски народного языка» [7. С. 34]. Художественный перевод произведений фольклорного эпического жанра — задача трудновыполнимая. Социальный автор эпоса не был ограничен ни временем, ни уровнем своего таланта. Между тем поэт-переводчик может рассчитывать лишь на собственные творческие возможности, а продолжительность его работы несопоставима с периодом возникновения и дальнейшего совершенствования оригинала. Таким образом, осуществление полноценного художественного перевода эпоса невозможно без учета поэтом-переводчиком опыта своих предшественников вне развивающейся литературной традиции.

Гипонимические трансформации в переводе эпоса олонхо

Перевод якутского героического эпоса олонхо «Нюргун Бootур Стремительный» Платона Алексеевича Ойунского на английский был осуществлен с якутского языка группой преподавателей, студентов кафедры перевода ИЗФиР (ФИЯ) СВФУ, с опорой на якутско-русские словари Э.К. Пекарского, П.А. Слепцова, Т.И. Петровой, а также с помощью консультаций со старшим поколением носителей языка, экспертами в области якутского языка. В процессе перевода выявлены наиболее частотные лексико-семантические трансформации: причинно-следственные замены, которые использовались при передаче фразеологических единиц; гиперонимия (генерализация), которая применялась при передаче наименований различных видов животных, растений, птиц; гипонимия (конкретизация), употреблявшаяся в основном при передаче субстантивированных форм глаголов, прилагательных.

Большая часть рассмотренных примеров гипонимической трансформации (конкретизации) относится к контекстуальной, что наиболее часто встречается при переводе художественных произведений (передача образности, избегание повторений и т. д.). Языковая компенсация была использована для решения проблем, связанных с различием в строении якутского и английского языков. Прием использовался при передаче безэквивалентной лексики, а также в случаях недостаточной ясности словарных определений.

Примеры контекстуальной гипонимии

(1) *Якут.* Обобун кытта биир *омухахха* Омухахтаннахпына сөп буолсу...²

Букв. Если с ребенком моим В одну яму лягу Только тогда спокойна буду...

Англ. Only if I am buried In the same grave with my child Only then I will find my peace...

Букв. Только если похоронишь меня В одной могиле с ребенком моим Только тогда я спокойна буду...

Якутскому слову «омухах» («яма» или «погреб»³) в английском языке соответствуют существительные hole, pit, barathrum («яма»); magazine, cellar, vault («погреб»). В переводе на английский язык переводчик заменил слово «омухах» словом grave («могила»), так как из контекста очевидно, что здесь имеется в виду могила, а не любое отверстие в земле, как, например, hole (при использовании которого может также возникнуть неверная ассоциация с норой⁴) или pit, barathrum, которые также имеют значение «бездна», «ад»⁵ или cellar, vault, которые больше ассоциируются с помещением с потолком и стенами, где хранят продукты, вино и т.п.⁶

(2) *Якут.* Унугунан дугуммут Ураанхай бэттэрин Умса ууруоум...⁷

Букв. Земли касающихся остирем Лучших из рода уранхай Уложу ничком

Англ. Those who touch The ground with their spearheads, The finest among the Urankhai, Will be crushed by me...

Букв. Наконечниками копий касающиеся земли, Лучшие из рода уранхай Будут сокрушены мной

Слово «үүнүк» переводится с якутского языка как «острие»⁸, словарным соответствием которого в английском языке является словосочетание pointed end. Однако данное словосочетание имеет слишком широкое референциальное значение и может означать острый конец любого предмета (иглы, оружия и т.п.), поэтому его следует сузить, уточнить. Так как слово «үүнүк» чаще всего относится к остирю оружия и в контексте речь идет о богатырях, очевидно,

² Ойунский П.А. Дъулурыйар Ньургун Бootur. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. С. 192.

³ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. Ленинград : АН СССР, 1927. Т1–Т3. С. 1838.

⁴ Электронный справочный ресурс Answers.com / Nasdaq Capital Market. URL: <http://answers.com> (дата обращения: 12.07.2025).

⁵ Electronic dictionary Multitran / A. Pominov. URL: <http://multitran.ru>

⁶ Электронный толковый словарь английского языка Oxford Online / Oxford University Press. URL: <http://askoxford.com>

⁷ Ойунский П.А. Дъулурыйар Ньургун Бootur. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. С. 210.

⁸ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. Ленинград : АН СССР, 1927. Т1–Т3. С. 3085.

что описываемое острье — часть какого-либо оружия. Выбор переводчиком слова *spearhead*, которое означает «острие копья», обусловлен тем, что одним из наиболее распространенных видов якутского оружия являлось копье.

(3) Якут. Холоруктуу турар Хомухуннаах ньууругар...⁹

| Букв. На волшебной лицевой стороне, Где крутятся смерчи...

| Англ. On its magical surface Where the vortices form...

| Букв. На зачарованной поверхности ее, Где появляются смерчи...

Якутское существительное «ньуур» имеет следующие словарные значения: «лицо человека», «лицо», «облик», «лицевая сторона предмета»¹⁰. Словарными соответствиями определений данного существительного на английском языке будут *face*, *front side*, *image*. Из приведенных соответствий по контексту (речь идет о лицевой стороне заколдованной горы) больше всего подходит *front side*. В английском языке понятие *front side* обладает широким значением и требует применения гипонимии. Здесь из всех представленных словарных значений более всего контекстуально соответствует слово «surface», так как под словом «ньуур» подразумевается «лицевая сторона» горы, т.е. ее «поверхность»:

(4) Якут. Илиибэр туутуута суюх, Иннибэр уктуута суюх...¹¹

| Букв. В руках не держу вещей, Спереди не повесил ничего...

| Англ. I have nothing in my hands, My quiver and sheath are empty...

| Букв. В руках моих нет ничего, Мои ножны, колчан — пусты.

В словаре нет определения существительного «уктуу», однако очевидно, что это субстантивированная форма глагола «ук», который означает «влагать», «засовывать», «всовать», «класть», «купаковывать»¹², в форме существительного данное слово означает: «...вещь, которую кто-либо куда-либо положил/засунул/взял». Исходя из контекстуального окружения, переводчик использовал гипонимию и заменил фразу «иннибэр уктуута суюх» («спереди не повесил ничего») на «my quiver and sheath are empty» («мои ножны, колчан — пусты»). Выбор таких лексических единиц, как «колчан» и «ножны», обусловлен контекстом — герой отправляется на переговоры с врагом, утверждая, что «спереди ничего не положил»; поскольку якуты носили колчан и оружие на бедре, можно утверждать, что здесь имеется в виду безоружность героя.

⁹ Ойунский П.А. Дылуруйар Ньургун Боотур. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. С. 160.

¹⁰ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. Ленинград : АН СССР, 1927. Т1–Т3. С. 2135.

¹¹ Ойунский П.А. Дылуруйар Ньургун Боотур. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. С. 211.

¹² Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. Ленинград : АН СССР, 1927. Т1–Т3. С. 2988.

Примеры языковой гипонимии

(5) Якут. Халлаан хара сааппана Хаһыырбытынан барда...¹³

| Букв. Черный западный ветер Начал реветь...

| Англ. The black western wind Started roaring loudly...

| Букв. Черный западный ветер Начал громко реветь.

Основное значение звукоподражательного глагола «хаһыырар» — издавать громкий рычащий звук¹⁴. В английском языке существуют схожие по значению звукоподражательные глаголы такие, как, например, to roar (рыкать, реветь), to growl (рычать). Другие звукоподражательные глаголы, которые ассоциируются со звуком ветра, например, to howl (выть), to whistle (свистеть), больше связаны с высоким звуком. Однако «хаһыырар» не несет в себе подобного значения. Таким образом, из всех эквивалентов наиболее уместно использовать глагол to roar (реветь).

(6) Якут. Буор сиргэ түспүт богдону Аһыйбыта буолан Аймаммытын көр эрэ...¹⁵

| Букв. Об упавшем в грязь, никчемном Глядите-ка как беспокоится...

| Англ. Look at you, How worried you are, About that nonentity covered with dirt...

| Букв. Взгляните-ка на нее, Как беспокоится О ничтожестве, извалявшемся в грязи...

Прилагательное «бодо» означает «низкорослый» (short), «пустой» (empty, hollow), «незаметный» (imperceptible) [8. С. 482]. На первый взгляд, из представленных соответствий более всех подходит слово imperceptible. Однако в данном случае более целесообразно вместо субстантивации английского прилагательного imperceptible использовать существительное с более негативной эмоциональной окраской nonentity («ничтожество»).

(7) Якут. Сүүһүн хаана Сүлүһүн курдук Сүүрэлии түстэ...¹⁶

| Букв. Кровь по лбу его, Словно яд Бежала...

| Англ. The blood trickled down his forehead Like a poison...

| Букв. Кровь по лбу его, Словно яд Стекала...

Слово «сүүрэлиир» переводится с якутского как «бежать», «перебегать», «спешить», «мчаться»¹⁷. В переводе слово было заменено эквивалентом более

¹³ Ойунский П.А. Дъулурыйар Ньургун Боотур. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. С. 137.

¹⁴ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. Ленинград : АН СССР, 1927. Т1–Т3. С. 3392.

¹⁵ Ойунский П.А. Дъулурыйар Ньургун Боотур. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. С. 193.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. Ленинград : АН СССР, 1927. Т1–Т3. С. 2404.

узкого значения *trickle* («стекать»). Несмотря на то, что глагол *trickle* имеет значение более медленного действия, чем глагол *run* («бежать»), использование первого эквивалента исключает возможность некорректной интерпретации выражения *run down* («замедляться», «сокращаться»)¹⁸.

(8) Якут. Дъураа хара ат¹⁹.

| Букв. Черный конь с полосой.

| Англ. Black horse with a dorsal stripe.

| Букв. Черный конь с белой полосой на лбу.

Слово «дъураа» с якутского языка переводится как «полоска», «борозда», «желобок», «длинная трещина»²⁰. Отсюда следует, что выражение «дъураа хара ат» означает «черная лошадь с полоской», однако расположение и цвет полосы неизвестны. Для обозначения отметины на лбу лошади якуты использовали такие слова, как «уурааннык» и «туоахта». Однако все приведенные словарные обозначения слова «дъураа» указывают на то, что полоса была длинной, в отличие от отметин на лбу, также необходимо учесть тот факт, что борозда, желобок и трещина не могут быть короткими. Таким образом, семантика слова «дъураа» позволяет предположить, что подобная полоса находится на спине лошади, поскольку на боку лошади обычно бывают пятна. Исходя из этого, переводчик применил гипонимическую трансформацию и на английский язык фраза «дъураа хара ат» была переведена как *black horse with a dorsal stripe* (*dorsal stripe* — «белая полоса на хребте лошади»²¹).

Заключение

Необходимо отметить, что несовпадения в строе двух языков представляют большие трудности для перевода. Эти трудности колеблются в довольно широком диапазоне: от отдельных непереводимых элементов до всего исходного текста. Решение таких проблем достигается умением правильно производить различные переводческие трансформации, которые в процессе перевода используются переводчиком для достижения эквивалентности, т.е. максимального сближения перевода с текстом оригинала.

Одной из наиболее частотных лексико-семантических замен при переводе якутского героического эпоса олонхо на английский язык является гипонимическая трансформация (конкретизация). Данный прием осуществляется в случаях разницы в смысловом объеме слова, который связан со своеобра-

¹⁸ Электронный толковый словарь английского языка Oxford Online. Oxford University Press. URL: <http://askoxford.com> (дата обращения: 12.07.2025).

¹⁹ Ойунский П.А. Дъулурыйар Ньургун Боотур. Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2003. С. 198.

²⁰ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 10. Ленинград : АН СССР, 1927. Т1–Т3. С. 864.

²¹ Электронный толковый словарь английского языка Oxford Online. Oxford University Press. URL: <http://askoxford.com> (дата обращения: 12.07.2025).

зием лексико-семантической системы языка. При переводе на английский язык были гипонимированы обширные по значению якутские глаголы, масти коней, существительные. При значительном системном расхождении языков данная трансформация позволяет добиться большей образности, компенсации аллитерации без искажения смысла высказывания. Гипонимическая трансформация позволяет осуществить эквивалентный перевод субстантивированных якутских глаголов и прилагательных, точное словарное определение которых порой отсутствует, поскольку в некоторых случаях их появление окказионально.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Москва : Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. Москва : Воениздат, 1973. 280 с.
3. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. Санкт-Петербург, 1896. Т. 1. 721 с.
4. Самойлович А.Н. Якутская старинная литература // Якутский фольклор. Москва, 1947. С. 20–21.
5. Ларионова А.С. Вербальное и музыкальное в якутском дыэрэтии ырыа. Новосибирск : Наука, 2004. 324 с. ISBN 5-02-032338-1 EDN: PUJOTR
6. Ойунский П.А. Избранное. Якутск, 1962. Т. 7. 107 с.
7. Илларионов В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. Новосибирск : Наука, 2006. 191 с. ISBN 5-02-030475-1 EDN: QSUCBH

References

1. Barhudarov, L.S. 1975. *Language and translation*. Moscow: International relations publ. Print. (In Russ.)
2. Schweitzer, A.D. 1973. *Translation and linguistics*. Moscow: Voenizdat publ. Print. (In Russ.)
3. Seroshevsky, V.L. 1896. *Yakuts. Experience of ethnographic research*. St. Petersburg. Vol. 1. 721 p. Print. (In Russ.)
4. Samoilovich, A.N. 1947. *Yakut ancient literature. Yakut folklore*. A.A. Popova. Moscow. Print. (In Russ.)
5. Larionova, A.S. 2004. *Verbal and musical in the Yakut dyeretii ырыа*. Novosibirsk. Print. (In Russ.) ISBN 5-02-032338-1 EDN: PUJOTR
6. Oyunsky, P.A. 1962. *Selected*. Yakutsk. Vol. 7. Print. (In Russ.)
7. Illarionov, V.V. 2006. *Yakut storytelling and problems of revival of olonkho*. Novosibirsk. Print. (In Russ.) ISBN 5-02-030475-1 EDN: QSUCBH

Сведения об авторе:

Находкина Алина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и перевода Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. ORCID: 0000-0003-1522-2792. Web of Science Researcher ID: AAP-1654-2020. SCOPUS ID: 56436792600; SPIN-код: 6249-4554. E-mail: aan-2010@yandex.ru

Bio note:

Alina A. Nakhodkina is a Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of the English Language and Translation, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation, 677000, Yakutsk, 58 St Belinsky. ORCID: 0000-0003-1522-2792. Web of Science Researcher ID: AAP-1654-2020. SCOPUS ID: 56436792600; SPIN-code: 6249-4554. E-mail: aan-2010@yandex.ru